This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Многоуважаемому Алексею Андреевичу Бялыницкому-Бирулѣ от автора

ПО ОСТРОВАМЪ

ИНДО-АВСТРАЛІЙСКАГО АРХИПЕЛАГА.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ И НАБЛЮДЕНІЯ НАТУРАЛИСТА.

Часть I. На островѣ Явѣ.

К. Н. Давыдова.

Оттискъ изъ Извѣстій Императорской Академіи Наукъ. Т. XXI, № 4 (Ноябрь 1904).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1905.

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ. 1904. НОЯБРЬ. Т. XXI, № 4.

(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. 1904. Novembre. T. XXI, № 4.)

По островамъ Индо-Австралійскаго Архипелага. Впечатлѣнія и наблюденія натуралиста.

(Отчетъ Физико-математическому отдѣленію Императорской Академіи Наукъ).

К. Н. Давыдова.

(Доложено въ засѣданіи Физико-математическаго отдѣленія 22-го сентября 1904 г.).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ администрація Бейтенцоргскаго Ботаническаго Института ('S Lands Plantentuin) на о. Явѣ обратилась къ выдающимся европейскимъ ученымъ, ботаникамъ и зоологамъ, съ оффиціальнымъ приглашеніемъ организовать правильныя сношенія біологовъ съ Бейтенцоргскимъ Институтомъ. Русская Академія Наукъ горячо откликнулась на это приглашеніе и ходатайствовало объ ассигнованіи необходимыхъ средствъ для командированія на Яву русскихъ натуралистовъ біологовъ.

Ходатайство Академіи было уважено и съ Высочайшаго соизволенія была учреждена стипендія въ 2000 рублей для командированія на Яву каждые два года одного изъ зоологовъ и ботаниковъ по очереди.

Первымъ изъ получившихъ означенную стипендію былъ проф. ботаники Кіевскаго Университета С. Навашинъ. Вслѣдъ за нимъ ѣздилъ на Яву приватъ доцентъ С.-Петербургскаго Университета Д. Д. Педашенко и, наконецъ, въ 1902 г. Академія Наукъ командировала въ Бейтенцоргъ меня.

Я провелъ въ тропикахъ около десяти мѣсяцевъ и, вернувшись изъ путешествія, немедленно представилъ Академіи Наукъ предварительный отчетъ о результатахъ своей командировки [1]). Само собою разумѣется отчетъ этотъ былъ крайне сжатъ. Въ настоящее же время я уже имѣю возможность представить болѣе подробный отчетъ въ видѣ ряда статей, помѣщенныхъ мною въ органахъ Академіи и въ иностранныхъ научныхъ жур-

1) К. Н. Давыдовъ. Предварительный отчетъ о поѣздкѣ на Яву и другіе острова Малайскаго Архипелага. Изв. И. Академіи Наукъ. 1903 г. т. XVIII № 1.

налахъ, въ которыхъ, по мѣрѣ обработки собраннаго матеріала, излагаются результаты моихъ изслѣдованій.

Этотъ способъ отчетности я считаю наиболѣе раціональнымъ при сношеніяхъ съ чисто ученымъ учрежденіемъ и если въ настоящее время я выпускаю въ свѣтъ настоящую статью, озаглавленную мною отчетомъ, то этимъ только отдаю дань установившемуся обычаю.

Впрочемъ предлагаемую статью и нельзя назвать въ буквальномъ смыслѣ отчетомъ; для этого она мало оффиціальна и слишкомъ обширна. Нельзя не сознаться въ томъ, что полученные результаты не соотвѣтствуютъ размѣрамъ этого отчета, если бы онъ являлся исключительно таковымъ.

Но все дѣло въ томъ, что это не такъ. Я смотрю на предлагаемую статью иначе, значительно расширяя ея задачи. Вотъ моя точка зрѣнія.

Можно смѣло надѣяться, что отнынѣ поѣздки русскихъ натуралистовъ на Яву примутъ вполнѣ правильный характеръ.

Благодаря Высочайше учрежденной стипендіи, нѣкоторые ботаники и зоологи будутъ имѣть возможность посѣтить съ научными цѣлями одинъ изъ интереснѣйшихъ уголковъ земного шара, гдѣ представляется полная возможность всякому продуктивно поработать и многому поучиться.

Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что среди натуралистовъ, которымъ придется воспользоваться означенной стипендіей, найдутся лица, которыя не ограничатся работою на одной только Явѣ, а захотятъ предпринять еще болѣе интересныя, но зато и болѣе трудныя поѣздки въ глухіе, отдаленные и рѣдко посѣщаемые европейцами уголки Нидерландской Индіи, которыми послѣдняя такъ богата. Расширеніе арены дѣятельности будетъ естественнымъ результатомъ расширенія поставленныхъ задачъ. Думаю, что полученіе правильнаго представленія о тропической природѣ будетъ одною изъ такихъ задачъ, а это повлечетъ за собою необходимость не ограничиться одной Явой, а ѣхать въ другія мѣста Малайскаго Архипелага.

Такъ случилось со мною, и по своему собственному опыту я знаю, какъ въ подобныхъ обстоятельствахъ важно заранѣе намѣтить себѣ мѣсто и цѣль поѣздки, а главное — составить себѣ правильное представленіе объ ея условіяхъ.

Если еще дѣло касается одного Бейтенцорга, то безпокоиться здѣсь не о чемъ. У насъ на русскомъ языкѣ имѣются прекрасныя описанія этой части Явы и даже условій научной работы здѣсь. Недавно вышедшая въ свѣтъ книга В. А. Караваева[1]) является тому примѣромъ, равно какъ довольно многочисленныя указанія разбросаны въ статьяхъ Коротнева, Краснова, Бакунина и др.

---

1) В. Караваевъ. Поѣздка на о. Яву. Впечатлѣнія натуралиста. Кіевъ 1900 г.

Другое дѣло, если вопросъ коснется условій путешествія по глухимъ уголкамъ Малайскаго Архипелага, о которыхъ зачастую и у самихъ голландскихъ администраторовъ на Явѣ не получишь необходимыхъ свѣдѣній. О нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно подобрать, правда, кое какія литературныя данныя, но во первыхъ, свѣдѣнія эти очень отрывочны, часто односторонни, а во вторыхъ, имѣющіяся въ литературѣ данныя мало помогутъ для предварительной орьентировки натуралиста.

Для него нужны практическіе совѣты натуралиста же, а для русскаго натуралиста очень немаловажны и чисто матеріальные расчеты, касающіеся финансовой части. Правильное представленіе о стоимости поѣздки играетъ огромную роль въ подобномъ предпріятіи.

Немаловажное значеніе играетъ вопросъ о научномъ снаряженіи — о томъ, что съ собою нужно взять и, наоборотъ, чего брать не слѣдуетъ, ибо малѣйшее упущеніе въ этомъ отношеніи можетъ сыграть большую роль — многаго необходимаго на мѣстѣ не достать, а отсутствіе его часто влечетъ за собою неудачу, крайне досадный подчасъ промахъ, который уже не поправишь.

Но едва ли не самое большое значеніе играетъ для натуралиста правильное понятіе объ условіяхъ работы въ той или другой мѣстности: вопросъ о добываніи матеріала, о возможности найти — хотя бы лодку, помощниковъ, наконецъ, на что, на какой матеріалъ для научнаго изслѣдованія можетъ разсчитывать натуралистъ, каковы, наконецъ, условія жизни въ мѣстности, которую онъ себѣ намѣтилъ, — все это вопросы, отъ правильнаго освѣщенія которыхъ зачастую зависитъ, если не всецѣло, то въ очень значительной степени, весь успѣхъ предпріятія. Словъ нѣтъ, на Малайскомъ Архипелагѣ есть не мало мѣстъ, гдѣ натуралистъ найдетъ своего рода зоологическое эльдорадо, но пребываніе въ этихъ мѣстахъ будетъ связано съ рядомъ такихъ авантюръ, что спокойная научная работа отступитъ на второй планъ и натуралистъ volens nolens окажется въ нежелательной для серьезнаго работника роли одного изъ героевъ Майнъ Рида. Многія мѣстности западнаго побережья Новой Гвинеи могутъ быть тому примѣромъ. Наоборотъ, во многихъ мѣстахъ, столь же глухихъ, столь же мало изученныхъ, куда также рѣдко ступаетъ нога европейца, натуралистъ имѣетъ полное основаніе надѣяться и хорошо, продуктивно поработать, и пріятно поэкскурсировать, и пожить съ пользою для выработки правильнаго взгляда на тропическій міръ.

Послѣдняя задача, на мой взглядъ, является основной задачей, которую долженъ ставить себѣ натуралистъ, отправляющійся въ тропики. Хорошо поработать вѣдь можно и въ Европѣ и поработать, пожалуй, даже болѣе продуктивно, чѣмъ въ тропикахъ. Наоборотъ, никакія описанія не дадутъ

яснаго представленія о жизни тропиковъ; важность непосредственнаго ознакомленія съ тропическимъ міромъ для біолога врядъ ли подлежитъ сомнѣнію, а ознакомиться съ нимъ, можно только, поживъ жизнью этого міра. Возможно же это только тамъ, гдѣ еще не опошлена тропическая природа вліяніемъ европейской культуры, которая такъ удручающе дѣйствуетъ, напримѣръ на Явѣ на любителя природы.

Пребываніе въ Бейтенцоргѣ дастъ возможность съ удобствомъ, по европейски пожить и хорошо поработать, но для настоящаго ознакомленія съ тропической природой, нужно сознаться, мѣсто это неудачное. Ява не только не дастъ вѣрнаго представленія о тропическомъ мірѣ, но дастъ во многихъ отношеніяхъ представленіе завѣдомо ложное. Настоящій натуралистъ-біологъ не въ состояніи ограничиться Бейтенцоргомъ — онъ непремѣнно будетъ рваться въ болѣе глухіе углы Архипелага.

Такъ было со мною, и я на самомъ себѣ знаю, какъ важно въ подобныхъ случаяхъ ознакомиться заранѣе съ условіями предстоящей поѣздки. Я совершилъ довольно большое путешествіе по островамъ Индо-Австралійскаго Архипелага и считаю своимъ нравственнымъ долгомъ подѣлиться вынесеннымъ опытомъ съ остальными біологами, въ увѣренности, что, если кто нибудь захочетъ посѣтить мѣста, посѣщенныя мною, то не безъ пользы прочитаетъ мой разсказъ.

На многихъ онъ произведетъ, быть можетъ, нѣсколько странное впечатлѣніе, благодаря обилію мелочей, но эти то самыя мелочи самъ я и считаю наиболѣе цѣнной частью своей статьи. Давая совѣты, нужно со всѣми подобными мелочами очень и очень считаться, такъ какъ отъ мелочей часто зависитъ крупное.

Впрочемъ мелочи отъ крупнаго не трудно отдѣлить и каждый читающій сдѣлаетъ это самъ.

Я главное вниманіе свое сосредоточилъ на описаніи своего пребыванія на Амбоинѣ и архипелагѣ Ару. Путешествію по Аруанскимъ островамъ, мало изслѣдованнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, посвящена почти треть всей статьи въ виду того, что, за время пребыванія въ этой части Папуасіи, мнѣ удалось сдѣлать не мало этнографическихъ и біологическихъ наблюденій, которыя не представляли бы ни какого интереса на Явѣ, но могутъ, быть можетъ, оказаться нелишними для этнографа и географа.

Довольно детально описалъ я условія жизни и работы на Амбоинѣ, потому что этотъ островъ по моему мнѣнію является однимъ изъ наилучшихъ пунктовъ для работы на морѣ, равно какъ Бейтенцоргъ — для наблюденій надъ наземными животными.

Я счелъ нелишнимъ удѣлить нѣсколько первыхъ главъ описанію своего пребыванія въ западной Явѣ именно по этой причинѣ, но считаю нуж-

нымъ предупредить читателя, что эта часть статьи согласована съ описаніемъ условій жизни въ Бейтенцоргѣ В. А. Караваева. Я выпускаю все то, на чемъ этотъ авторъ останавливается достаточно детально, и подробно описываю то, что имъ только намѣчено или совсѣмъ опущено.

Но все же, повторяю, главное вниманіе я обращаю на ту часть работы, которая касается моего пребыванія на Амбоинѣ и Аруанскомъ архипелагѣ. Заранѣе знаю, какъ много въ моемъ описаніи недочетовъ, но вѣдь и въ самомъ путешествіи по этимъ странамъ трудно безъ недочетовъ, и крупныхъ недочетовъ обойтись человѣку съ небольшими средствами, съ недостаточной общей подготовкой и мало знакомому съ условіями жизни въ этихъ почти не извѣстныхъ европейцамъ трущобахъ.

Я считалъ и до сихъ поръ продолжаю считать свою поѣздку въ буквальномъ смыслѣ слова «научной рекогносцировкой» — она показала мнѣ, что вполнѣ возможно натуралисту, болѣе чѣмъ скромно снаряженному продуктивно работать въ самыхъ отдаленныхъ отъ культурнаго міра уголкахъ, мѣстахъ, которыя игнорируются біологами изъ неосновательной боязни невозможности отправляться туда безъ большихъ средствъ и помпы. А между тѣмъ въ этихъ мѣстахъ, еще почти не затронутыхъ изслѣдователемъ, накопленъ колоссальный матеріалъ, который настоятельно ждетъ разработки. Тропическій міръ — я твердо вѣрю въ это — еще дастъ много неожиданностей во всѣхъ областяхъ естествознанія, освѣтитъ многіе темные вопросы, поставитъ на очередь новые.

До сихъ поръ большинство біологовъ, работавшихъ въ тропикахъ, были систематики. Морфологи боятся отправляться туда — господствуетъ убѣжденіе въ непреодолимыхъ трудностяхъ работать вдали отъ культурныхъ центровъ безъ лабораторіи, безъ тѣхъ удобствъ, къ которымъ теперь такъ привыкли морфологи, работая на существующихъ европейскихъ станціяхъ. Блестящая дѣятельность натуралистовъ, разрабатывавшихъ въ Неаполѣ самые сложные морфологическіе вопросы до существованія тамъ станціи, столь богатые результатами поѣздки А. О. Ковалевскаго въ Алжиръ, на Красное море тридцать лѣтъ тому назадъ — все это забыто и не принимается во вниманіе.

Теперь гонятся за комфортомъ, ищутъ удобствъ и въ сущности натуралистъ дѣлается рабомъ тѣхъ обстоятельствъ, на которыя прежде не обращали вниманія. Каковы условія для работы — вотъ первый вопросъ, который ставитъ теперь натуралистъ, намѣтившій себѣ ту или другую задачу. Важно не это, важно то, что можно найти въ намѣченномъ пунктѣ. Если же онъ удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ, то сносныя условія для работы создать всегда можно съумѣть — это уже вопросъ второстепенный,

хотя, конечно, не маловажный. Неудастся работать въ одномъ пунктѣ, удастся въ другомъ, бояться этого нечего.

Моя поѣздка была рѣшена въ ноябрѣ 1901 года, и съ этого времени до февраля я усиленно къ ней готовился. Главнымъ образомъ эта подготовка выразилась въ теоретическомъ изученіи малайскаго языка. Я заранѣе зналъ, что даже на культурной Явѣ безъ умѣнія объясняться по малайски очень трудно работать. Въ противоположность англичанамъ, которые вводятъ среди индусовъ свой языкъ, голландцы не заботятся о томъ, чтобы населеніе ихъ колоній говорило по голландски, быть можетъ, отчасти для того, чтобы туземцы не могли войти въ сношенія съ европейцами. Вотъ почему всѣ голландцы, живущіе въ Инсулиндѣ, говорятъ по малайски, и этотъ языкъ является своего рода lingua franca на Архипелагѣ.

Еще на Явѣ можно, зная европейскія языки, какъ нибудь обойтись; многіе голландцы говорятъ по нѣмецки и англійски (французскій языкъ менѣе распространенъ здѣсь, хотя большинство чиновниковъ, служащихъ въ Индіи, и ученый персоналъ Бейтенцоргскаго Института, если не говоритъ, то объясняется по французски). Зато въ другихъ частяхъ Нидерландской Индіи безъ знанія малайскаго языка обойтись прямо нельзя.

Языкъ этотъ очень не труденъ. Изучивши основательно грамматику Seidel'я и напрактиковавшись въ переводахъ, я, пріѣхавъ на Яву, уже понималъ разговорный языкъ, а ко времени моей поѣздки на Амбоину уже довольно порядочно говорилъ по малайски—постоянная практика сдѣлала свое дѣло.

Впослѣдствіи я не разъ благодарилъ судьбу за это — путешествіе и работа на Ару и другихъ мѣстахъ были возможны только при условіи знакомства съ малайскимъ языкомъ. Безъ знанія языка отправляться куда либо въ отдаленное путешествіе съ Явы почти безполезная затѣя, отъ которой наивно ждать серьозныхъ результатовъ.

Не мало времени заняло у меня предварительное общее ознакомленіе съ фауной Индо-Австралійскаго Архипелага и съ литературными данными по тѣмъ вопросамъ, съ которыми мнѣ необходимо пришлось бы столкнуться во время путешествія.

Отправляясь въ тропики, я уже заранѣе намѣтилъ себѣ въ общихъ чертахъ, конечно, программу своей поѣздки и поставилъ себѣ рядъ задачъ.

Я предполагалъ заняться на Явѣ, во время пребыванія въ Бейтенцоргѣ, мало изслѣдованной группой *Pedipalpi* — собрать матеріалъ по анатоміи, гистологіи и эмбріологіи *Thelyphonus*, а также изслѣдовать на мѣстѣ in vitro органы выдѣленія и фагоцитарную систему у различныхъ Arachnoidea и въ особенности Insecta.

Подобныя сравнительно - зоо-физіологическія изслѣдованія возможны только надъ живымъ матеріаломъ, и я имѣлъ право разсчитывать осуществить свою задачу, принимая во вниманіе богатство тропической фауны крупными представителями обоихъ классовъ. Наоборотъ, эмбріологическій матеріалъ, какъ извѣстно, добывается не такъ легко — здѣсь играетъ не малую роль случай, въ особенности разъ дѣло идетъ объ изслѣдованіи онтогеніи такой группы, какъ жгутоногія, яйца которыхъ на Явѣ добываются съ большимъ трудомъ.

Я заранѣе рѣшилъ пробыть въ Бейтенцоргѣ ровно столько времени, сколько этого потребуетъ выполненіе намѣченныхъ мною задачъ, а затѣмъ ѣхать дальше на Востокъ — на Амбоину и другіе острова Архипелага съ цѣлью поработать на морѣ. Тропическія моря такъ мало изслѣдованы, что можно á priori сказать, что болѣе или менѣе продолжительная работа въ томъ или другомъ уголкѣ Индійскаго океана не можетъ не дать чего нибудь интереснаго въ томъ или другомъ отношеніи.

Имѣя въ виду ѣхать къ морю, я не задавался какими нибудь строго опредѣленными задачами. Въ этихъ случаяхъ обыкновенно изслѣдователемъ руководитъ случайно встрѣтившійся матеріалъ, — а въ богатствѣ и разнообразіи интереснаго матеріала я не имѣлъ причинъ сомнѣваться.

Фауна тропическихъ морей такъ богата, такъ разнообразна, что съ самыми примитивными орудіями лова можно смѣло надѣяться прекрасно поработать въ морфологическомъ направленіи и даже попутно собрать много интереснаго въ смыслѣ фаунистическаго матеріала.

Моей мечтой было посѣтить какой нибудь островъ съ дикой дѣвственной природой. Большая часть близкихъ сосѣдей Явы—острововъ Суматры и Борнео удовлетворятъ въ этомъ отношеніи самымъ строгимъ требованіямъ, но для меня эти острова были мало удобны, несмотря на близость къ Явѣ. Они черезчуръ массивны, и пришлось бы, забираясь далеко вглубь страны, черезчуръ отдалиться отъ морского берега, мнѣ же важно было выбрать дѣвственную природу въ непосредственной близости отъ моря. Такимъ требованіямъ вполнѣ удовлетворяютъ острова Папуасіи — Ару, Мизоль, Вайгіу, Салавати, побережье Новой Гвинеи и т. д. Впослѣдствіи я остановился на архипелагѣ Ару, лежащемъ въ непосредственной близости къ Новой Гвинеѣ и представляющемъ во всѣхъ отношеніяхъ обѣтованную страну для натуралиста, гдѣ серьозную научную работу можно соединить съ интересными фаунистическими экскурсіями.

Будучи большимъ любителемъ живой природы и экскурсантомъ въ душѣ, я считалъ своего рода преступленіемъ пробыть почти годъ въ тропикахъ и не пожить жизнью дѣвственнаго лѣса. Вотъ почему наряду съ морфологическимъ матеріаломъ я пожалуй съ неменьшимъ рвеніемъ

здѣсь въ аруанскихъ лѣсахъ собиралъ матеріалъ біологическій и фаунистическій.

Мнѣ удалось собрать значительныя этнографическія, а главнымъ образомъ, конечно, зоологическія коллекціи, часть которыхъ уже отдана мною въ Зоологическій Музей Академіи Наукъ, отъ котораго я получилъ часть снаряженія, и уже обработана спеціалистами, другая часть еще находится у меня, или роздана, какъ научный матеріалъ, въ частныя руки, кабинеты и музеи.

Немедленно по возвращеніи я принялся за обработку морфологическаго матеріала.

Въ настоящее время мною опубликованы уже результаты обработки части собраннаго матеріала въ рядѣ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ органахъ нашей Академіи Наукъ, И. С.П.Б. Общества Естествоиспытателей, и нѣкоторыхъ иностранныхъ журналахъ (Biolog. Centralblatt, Zoologischer Anzeiger).

Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь свою глубокую признательность Физико математическому отдѣленію Академіи Наукъ, давшему мнѣ возможность поработать и многому поучиться въ тропикахъ, а также сказать большое спасибо глубокоуважаемому Владимиру Владимировичу Заленскому за тѣ цѣнные совѣты и указанія, которыми я постоянно пользуюсь при своихъ научныхъ работахъ, а также моему товарищу С. И. Метальникову, всегда готовому помочь мнѣ и словомъ и дѣломъ.

Здѣсь же спѣшу высказать чувство глубокой благодарности Комитету Добровольнаго Флота за то участіе, которое онъ принялъ въ моей поѣздкѣ, любезно предоставивъ мнѣ право воспользоваться значительной скидкой во время переѣзда на его пароходахъ отъ Одессы до Сингапура и обратно.

Глава I.

Сингапуръ и Батавія.

Я выѣхалъ изъ Петербурга въ началѣ марта 1902 г., сѣлъ въ Одессѣ на отходящій на Дальній Востокъ пароходъ Добровольнаго Флота «Екатеринославль» и менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ однообразнаго, скучнаго пути былъ уже въ Сингапурѣ. Изъ Сингапура «Екатеринославль» шелъ на сѣверъ въ Японію и далѣе во Владивостокъ и мнѣ предстояло пересѣсть на одинъ изъ иностранныхъ пароходовъ, совершающихъ рейсы между Сингапуромъ и Батавіей. Ожидать парохода пришлось всего два, три дня, которые я съ удовольствіемъ провелъ въ обществѣ небольшой русской колоніи — г. Щербачева, агента Добровольнаго Флота и его служащихъ. Я съ

особою признательностью вспоминаю этого милаго человѣка, который такъ много помогъ мнѣ во время пребыванія въ Сингапурѣ.

Дорожа каждой копѣйкой, я очень охотно воспользовался предложеніемъ г. Щербачева устроиться не въ отелѣ, что связано съ довольно значительными расходами, а въ такъ называемомъ «Sailors Hôme'ѣ». «Sailors Hôme», т. е. «офицерскій домъ» — прекрасное учрежденіе, устроенное англійской администраціей. Это—убѣжище для случайно попадающихъ въ Сингапуръ офицеровъ и нижнихъ чиновъ всѣхъ націй. Здѣсь имѣются два отдѣленія; въ одномъ изъ нихъ, предназначенномъ для помѣщенія интеллигенціи, за полтора доллара (мѣстный долларъ немного меньше русскаго рубля по курсу) въ сутки даютъ отдѣльную комнату и вполнѣ достаточный столъ.

Скажу два слова о Сингапурѣ. Сингапуръ одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ на Востокѣ. Это крупнѣйшій торговый центръ уже по одному своему географическому положенію. Островокъ Сингапуръ расположенъ у южной оконечности полуострова Малакки (отъ которой отдѣленъ очень узкимъ проливомъ), въ непосредственной близости съ островами Нидерландской Индіи. Это узловой пунктъ всѣхъ торговыхъ дорогъ изъ Европы въ Японію, Китай, русскій Дальній Востокъ, Сіамъ, Филиппины и обратно.

Городъ Сингапуръ лежитъ на южной оконечности острова и въ административномъ отношеніи представляетъ собою центръ англійскаго Straits Settlement, т. е. владѣній, расположенныхъ въ предѣлахъ Малаккскаго полуострова.

Городъ раздѣленъ на три части и состоитъ изъ кварталовъ китайскаго, малайскаго и европейскаго. Въ общемъ же весь городъ носитъ чисто китайскій характеръ. Китайскій элементъ населенія значительно преобладаетъ надъ малайскимъ. Что же касается европейцевъ, то по сравненію съ китайскимъ населеніемъ число ихъ здѣсь и подавно крайне ограничено. Кромѣ коммерсантовъ всѣхъ національностей, англійской администраціи, представителей европейской дипломатіи и случайныхъ туристовъ, здѣсь можно встрѣтить лишь искателей приключеній всякаго рода и любителей легкой наживы.

Въ самомъ городѣ осматривать почти нечего. Естественноисторическій Музей, занимающій вмѣстѣ съ библіотекой прекрасное громадное зданіе, представляетъ на мой взглядъ интересъ очень незначительный. Содержится онъ плохо и сравнительно весьма не богатъ. Цейлонскій музей въ Коломбо производитъ гораздо лучшее впечатлѣніе.

Ботаническій Садъ, который такъ прославленъ всѣми русскими путеводителями, тоже производитъ впечатлѣніе лишь на человѣка, впервые увидавшаго тропическія растенія внѣ оранжерейной обстановки. Имъ восхищаются всегда лишь пассажиры, совершившіе рейсъ между Одессой и

Дальнимъ Востокомъ. Послѣ недѣльныхъ скучныхъ переходовъ по океану сингапурскій садъ дѣйствительно можетъ показаться очень эффектнымъ — но не болѣе. Его конечно нельзя и сравнивать съ Ботаническимъ Садомъ въ Бейтенцоргѣ. Однимъ изъ курьозовъ сада является выставленная у входа доска съ надписью, приглашающею посѣтителей не ломать деревьевъ и вообще вести себя благопристойно. Надпись эта сдѣлана только на русскомъ языкѣ. Тутъ же въ саду находится маленькій звѣринецъ, о которомъ даже не стоило бы и упоминать. Для любителей живыхъ животныхъ несравненно болѣе интересно на мой взглядъ посѣщеніе магазиновъ продавцевъ птицъ, находящихся въ самомъ городѣ. Временами богатство птицъ здѣсь прямо удивительное; тутъ же можно найти и купить, вообще довольно дешево, и интересныхъ млекопитающихъ, часто прирученныхъ.

Окрестности города мало интересны. Весь островъ прорѣзанъ густой сѣтью превосходныхъ дорогъ, дѣлающихъ честь англійской колоніальной администраціи; сообщеніе поддерживается, или на лошадяхъ, или на дженрикшахъ («рикша»). Поѣздки въ кареткахъ, запряженныхъ хорошими лошадьми, несравненно удобнѣе внѣ предѣловъ города — возницы говорятъ и по малайски и по англійски. Дженрикши же (китайцы изъ Южнаго Китая) не говорятъ ни на одномъ изъ этихъ языковъ, производятъ на свѣжаго человѣка впечатлѣніе полнѣйшихъ идіотовъ, а кромѣ того довѣряться имъ по общимъ отзывамъ внѣ предѣловъ городской черты, въ особенности же по вечерамъ, человѣку неопытному не слѣдуетъ.

Я успѣлъ совершить нѣсколько небольшихъ экскурсій по острову. Впослѣдствіи на обратномъ пути въ Россію я снова заѣзжалъ въ Сингапуръ и воспользовавшись недѣлей, бывшей въ моемъ распоряженіи, уже довольно близко познакомился съ островомъ. Здѣсь я хочу сказать нѣсколько словъ о впечатлѣніи, которое я вынесъ изъ своихъ экскурсій за все время своего пребыванія въ Сингапурѣ. Изъ нихъ одна изъ наиболѣе любопытныхъ — прогулка по болотистой равнинѣ, простирающейся вдоль южнаго побережья острова. Протекающая здѣсь въ ближайшихъ окрестностяхъ города илистая рѣчка-ручей изобилуетъ крайне интересными животными. Такъ, я во множествѣ нашелъ здѣсь знаменитыхъ *Anabas scandens* и много различныхъ изящныхъ рыбокъ макроподъ. Я везъ нѣсколько десятковъ этихъ рыбъ въ Россію, но при переѣздѣ черезъ Черное море всѣ онѣ погибли единственно по моей небрежности. Изъ Сингапура же захватилъ я на обратномъ пути въ Россію и интересныхъ *брызгуновъ* (Toxotes), и тоже неудачно. Эти поразительныя рыбки, давшія уже зоологамъ матеріалъ для интересныхъ біологическихъ наблюденій, встрѣчаются въ большомъ количествѣ неподалеку отъ города въ устьѣ одной изъ рѣчекъ. Живутъ онѣ въ солоноватой водѣ и достать ихъ не представляетъ большого

труда, но рыбки требуютъ спеціальнаго ухода, необыкновенно прихотливы (въ особенности къ измѣненіямъ температуры воды) и погибаютъ во время пути при малѣйшей оплошности.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сингапура (верстахъ 7—8) въ центрѣ острова находится довольно обширное пространство лѣса, который почему то носитъ названіе «дѣвственнаго». Это извѣстная Bukit-Timah, которой такъ восхищаются всѣ туристы и даже многіе натуралисты.

Что касается меня, то по моему мнѣнію эта пресловутая *«Букитима»* — хорошее мѣсто для пикника или прогулки, не болѣе. Лѣсъ прорѣзанъ прекрасными дорогами. Его пустынность поражаетъ во время экскурсіи. Почти полное отсутствіе птицъ и связанная съ этимъ мертвая тишина, совершенно не вяжется съ ходячимъ представленіемъ о тропическихъ лѣсахъ.

Изъ пресмыкающихъ на глаза лишь изрѣдка попадаются здѣсь ящерицы, насѣкомыхъ тоже какъ то не видно.

Ѣздилъ я и на Малакскій полуостровъ—въ мѣстечко Джохоръ. Джохоръ отдѣленъ отъ о. Сингапура узкимъ проливомъ, имѣющимъ видъ большой рѣки. Сообщеніе между островомъ и материкомъ поддерживается на лодкахъ. Раза два въ недѣлю ходитъ изъ города Сингапура въ Джохоръ спеціальный маленькій пароходъ. Я ѣздилъ отъ Сингапура до берега пролива на лошадяхъ; черезъ весь островъ ведетъ прекрасное шоссе, окаймленное по обѣимъ сторонамъ растительностью. Во время моего пребыванія въ Сингапурѣ строилась желѣзная дорога, которая въ настоящее время несомнѣнно уже начала функціонировать.

Самъ Джохоръ — резиденція полунезависимаго малайскаго султана — представляетъ мало интереснаго. По разсказамъ въ окрестностяхъ (верстахъ въ 10—15 внутрь страны) много тигровъ, которые, говорятъ, изрѣдка, переплывая проливъ, появляются даже въ самыхъ окрестностяхъ Сингапура.

Вообще я не много экскурсировалъ на островѣ. Мѣстность всюду столь окультурена, что экскурсіи для меня лично не приносили не малѣйшаго удовольствія. Большій интересъ представляли для меня поѣздки по морю съ планктонной сѣткой (драгировать въ Сингапурѣ мнѣ не удалось). Самый рейдъ въ Сингапурѣ настолько загрязненъ, что врядъ ли можно ожидать чего нибудь отъ планктонированія здѣсь, поэтому я ѣздилъ довольно далеко за предѣлы рейда вдоль береговъ, пользуясь для своихъ экскурсій китайскими лодками. За очень недорогую плату всегда можно найти здѣсь хорошую лодку съ гребцомъ, лодку вполнѣ пригодную даже для сравнительно серьезныхъ драгировокъ.

Планктонъ, а равно и нектонъ не богаты крупными формами. Въ апрѣлѣ преобладающій элементъ здѣсь составляли мелкіе Copepoda, Sagitta, Pteropoda, личинки брюхоногихъ молюсковъ, масса гидроидныхъ медузъ, очень мало пелагическихъ Tunicata (исключительно сальны). Главную массу планктона составляютъ растительные формы, а также низшіе животные организмы — Radiolaria, Tintinnoidea, Dinoflagellata, etc.). При болѣе далекихъ экскурсіяхъ въ лодкѣ нужно имѣть въ виду, что посѣщеніе нѣкоторыхъ мелкихъ островковъ, расположенныхъ по сосѣдству съ Сингапуромъ, строго запрещено англійской администраціей (на нѣкоторыхъ островахъ помѣщаются секретныя укрѣпленія), и поэтому нужно быть вообще очень осторожнымъ при высадкахъ на сосѣдніе острова. Лучше всего совершенно не высаживаться на какой бы то ни было изъ окрестныхъ островковъ, или переговорить предварительно объ этомъ вопросѣ съ консуломъ. Запрещается также фотографировать безъ спеціальнаго разрѣшенія властей въ чертѣ города и на рейдѣ.

Между Сингапуромъ и Явой, въ частности Батавіей, куда лежалъ мой дальнѣйшій путь, совершаютъ рейсы пароходы нѣсколькихъ обществъ. Наиболѣе правильное сообщеніе поддерживаетъ голландское королевское пароходное общество «Koninklijke Paketvaart Maatschappij» (Royal Steam Paquet Company), пароходы котораго регулярно разъ въ недѣлю приходятъ и отходятъ изъ Сингапура въ Батавію. Разъ въ двѣ или въ три недѣли идетъ изъ Сингапура на Яву пароходъ французской компаніи «Messageries Maritimes» и разъ въ мѣсяцъ по пути изъ Сингапура въ германскую Новую Гвинею и Бисмарковъ Архипелахъ заходитъ въ Батавію пароходъ «Norddeutscher Lloyd'a». Наконецъ довольно часто отходятъ изъ Сингапура на Яву (въ порта Батавію, Самарангъ, Шерибонъ и Сурабайю) суда одной китайской компаніи, плавающія подъ англійскимъ флагомъ. Самое удобное изъ всѣхъ перечисленныхъ обществъ — это голландское Paketvaart Maatschappij. За проѣздъ до Батавіи, занимающій двое сутокъ, оно беретъ: 78 гульденовъ за билетъ I класса, 42,5 гульдена за билетъ второго класса, 16 гульд. за билетъ третьяго и 9,8 гульд. за четвертый классъ.

Нужно замѣтить, что въ Нидерландской Индіи интеллигенція ѣздитъ исключительно въ первомъ и рѣдко во второмъ классѣ. Только эти два класса принаровлены для потребностей взыскательной публики, даже можно сказать только первый классъ, ибо во второмъ классѣ ѣдетъ по большей части неевропейскій элементъ — зажиточные китайцы, арабы купцы, — элементъ, на который пароходная администрація имѣетъ большую склонность смотрѣть какъ на грузъ и дѣлаетъ все возможное, чтобы сдѣлать различіе между I и II классами до нельзя ощутимымъ. Я еще вернусь къ этому вопросу позднѣе, когда буду описывать мое путешествіе на одномъ изъ

пароходовъ Paketvaart'a изъ Сурабайи въ Амбоину. Дѣлаю одно замѣчаніе. Натуралисты, путешествующіе по Нидерландской Индіи съ научными цѣлями, при переѣздахъ на пароходахъ K. Paketvaart Maatschappij пользуются нѣкоторой скидкой (15% стоимости билета I или II класса). Для этого необходимо согласіе Главнаго Агента Компаніи, живущаго въ Батавіи. Натуралисты, собирающіе коллекціи для продажи (агенты торговыхъ естественноисторическихъ фирмъ, коллекціонеры частныхъ музеевъ, препараторы и т. д.), указанною льготою не пользуются и контроль въ данномъ случаѣ всецѣло лежитъ на Главномъ Агентѣ (Hoof Agent).

Для натуралистовъ, командированныхъ научными учрежденіями, всѣ эти формальности дѣло пустое. Бюро Бейтенцоргскаго Института само отъ отъ своего имени сносится съ Главнымъ Агентствомъ Общества въ Батавіи и натуралистъ получаетъ особый открытый листъ, по предъявленіи котораго каждый командиръ парохода дѣлаетъ соотвѣтственную скидку. Я лично заранѣе изъ Россіи написалъ Dr. Treub'у письмо о своемъ намѣреніи отправиться въ Бейтенцоргъ, и по пріѣздѣ въ Сингапуръ меня уже ожидало въ русскомъ консульствѣ письменное разрѣшеніе агента Paketvaart'a на обычную скидку.

Впрочемъ на этотъ разъ въ Сингапурѣ мнѣ не пришлось воспользоваться указанною льготой. Прозѣвавъ случайно пароходъ Paketvaart'a я долженъ былъ ѣхать на одномъ изъ пароходовъ китайской компаніи, отправлявшемся изъ Сингапура въ Сурабайю и по пути останавливающемся въ Батавіи. За билетъ второго класса съ меня взяли 25 долларовъ, цѣна за переѣздъ въ первомъ классѣ — 50 долларовъ.

Усиленно не рекомендую никому безъ особенной крайности ѣхать на пароходахъ китайской компаніи. Грязь ихъ едва поддается описанію. Въ каютахъ, даже перваго класса (освѣщаемыхъ керосиномъ или просто свѣчами) прямо немыслимо спать: грязь — чисто китайская, приэтомъ духота, клопы, тараканы гигантскихъ размѣровъ и вдобавокъ мало внушающая довѣрія прислуга.

Администрація парохода — капитанъ и его помощники — англичане; весь остальной составъ служащихъ — китайцы и малайцы. Столъ очень скуденъ.

Я безъ всякаго сожалѣнія покидалъ Сингапуръ, гдѣ мнѣ пришлось начать свое знакомство съ тропической природой. Она меня глубоко разочаровала здѣсь. Я ожидалъ отъ Явы большаго и стремился въ Бейтенцоргъ, гдѣ мнѣ хотѣлось поскорѣе приняться за работу, которая меня такъ давно манила.

Пройдя архипелагъ Ріу, наша «Zweena» (названіе парохода), лавируя между массою острововъ, покрытыхъ богатѣйшею растительностью, взяла курсъ

вдоль восточнаго берега о. Суматры и, пройдя между нею и о. Бангкою, направилась прямо къ Батавіи. Берега Бангки, около которой мы проходили въ непосредственной близости, рѣзко разнятся своими лишенными растительности горами отъ плоскаго низменнаго, лѣсистаго побережья Суматры. Проливъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ настолько узокъ, что оба острова видны прекрасно. Въ проливѣ постоянно снуютъ оригинальныя парусныя малайскія «прау» и болѣе крупныя китайскія джонки.

Ровно двое сутокъ спустя по выходѣ изъ Сингапура, «Zweena», пройдя цѣлую сѣть мелкихъ островковъ, расположенныхъ въ непосредственной близости отъ Батавіи, вошла наконецъ въ гавань ея — «*Таджонгъ Пріокъ*» (Tadjong Priok), гдѣ отшвартовалась у берега, т. е. подошла вплотную къ самой пристани.

Оффиціальности съ таможней были окончены въ нѣсколько минутъ. Въ этомъ отношеніи голландскіе таможенные порядки образцовы. Меня по просту спросили, нѣтъ ли чего «особеннаго», я показалъ оружіе, ввозъ котораго въ Яву воспрещенъ. Мою двустволку и револьверъ задержали впредь до разрѣшенія, о которомъ черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Бейтенцоргъ меня уже увѣдомилъ резидентъ. Всѣ эти хлопоты беретъ на себя любезное бюро Бейтенцоргскаго Института.

Таджонгъ Пріокъ, или просто Пріокъ, расположенъ на разстояніи получаса ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Батавіи. Онъ состоитъ исключительно изъ портовыхъ построекъ, складовъ, вокзальныхъ зданій и т. п. Портъ оживленъ только до вечера. Къ вечеру все закрывается и всѣ служащіе уѣзжаютъ въ Батавію. Мнѣ пришлось еще разъ побывать здѣсь спустя уже недѣли три по прибытіи на Яву. Меня привлекали окружающія Пріокъ болота. Вся эта мѣстность на громадное пространство вдоль берега моря представляетъ обширную низину — топь, густо заросшую тростникомъ, мангровами, низкорослыми пальмами (Nipa) и колючимъ кустарникомъ, окаймляющимъ берега прорѣзывающихъ болота рѣчекъ и канавъ, наполненныхъ мутной, гнилой водой. Въ этихъ болотахъ, которыя тянутся на десятки верстъ къ востоку отъ Пріока по берегу моря, водится по разсказамъ голландцевъ большое количество крокодиловъ.

Таджонгъ-Пріокъ соединенъ желѣзной дорогой съ Батавіей — нѣкоторые поѣзда ходятъ прямо до Бейтенцорга. Я лично заѣзжалъ на сутки въ Батавію, гдѣ у меня были нѣкоторыя дѣла.

Батавія дѣлится на двѣ главныя части: собственно Батавію — сѣверную часть города, и южную его часть — Вельтевреденъ. Собственно Батавія — старый городъ — типъ стариннаго голландскаго городка съ типичными постройками, столь знакомыми всѣмъ по голландскимъ гравюрамъ. Въ общемъ она очень скучна и голландцы не любятъ ея. Здѣсь они имѣютъ свои тор-

говыя конторы, агентства и т. д. и тотчасъ по окончаніи обычныхъ занятій уѣзжаютъ отсюда въ Вельтевреденъ. Здѣсь голландецъ проводитъ все свободное время, здѣсь сосредоточены всѣ отели, клубы, театры, увеселенія. Разница между Вельтевреденомъ и старинной Батавіей разительна. Въ Батавіи духота, пыль, полное отсутствіе зелени и тѣни; Вельтевреденъ, наоборотъ, представляетъ собою сплошной садъ. Улицъ въ европейскомъ смыслѣ — такихъ, какія можно видѣть въ старой Батавіи, здѣсь нѣтъ. Ихъ замѣняютъ тѣнистыя аллеи, по сторонамъ которыхъ разбросаны небольшіе одноэтажные домики- особняки. Характерную особенность города составляетъ сѣть довольно непривлекательныхъ на видъ каналовъ съ мутной, желтой водой.

Въ Weltevreden'ѣ нѣсколько прекрасныхъ отелей, библіотека, театръ, нѣсколько клубовъ, музеи. Въ общемъ голландцы устроились здѣсь совсѣмъ по европейски и очень гордятся своей «жемчужиной Востока», какъ они называютъ Батавію — при этомъ безъ особыхъ къ тому основаній.

Я пробылъ въ Вельтевреденѣ сутки, осмотрѣлъ этнографическій музей — гдѣ собраны превосходныя коллекція оружія, домашней утвари, одежды и предметовъ религіознаго культа народностей всего Архипелага, сдѣлалъ кое какія покупки, побывалъ даже на окраинахъ города.

Въ былыя времена, и не такъ еще давно, въ Батавіи существовало русское консульство. Теперь оно уничтожено и функціи русскаго консула переданы одному голландцу. Впрочемъ русскіе имѣютъ мало отношенія къ Батавіи. Предполагалось было раньше установить правильные торговыя сношенія съ Нидерландской Индіею чрезъ посредство судовъ нашего Добровольнаго Флота, но, какъ это часто у насъ случается, проэктъ остался проэктомъ и въ настоящее время въ Таджонгъ-Пріокской гавани появляются — да и то изрѣдка — лишь наши военныя суда.

Глава II.

Бейтенцоргъ. 'S Lands Plantentuin. Обзоръ фауны окрестностей Бейтенцорга.

Отъ Батавіи до Бейтенцорга (Buitenzorg) менѣе двухъ часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ. Поѣзда ходятъ довольно часто — впродолженіе дня изъ Батавіи отходитъ не меньше пяти, шести поѣздовъ. Вечеромъ желѣзнодорожное сообщеніе прекращается — по ночамъ на Явѣ вообще поѣзда не ходятъ, такъ что, напримѣръ, пассажиры, ѣдущіе изъ Батавіи въ Сурабайю, на противуположный восточный конецъ острова, ночуютъ на желѣзно-

дорожной станціи Maos. Къ вопросу о желѣзнодорожномъ сообщеніи на Явѣ я впрочемъ еще вернусь впослѣдствіи.

Съ первымъ утреннимъ поѣздомъ я отправился изъ Вельтевредена въ Бейтенцоргъ и часамъ къ 8 утра былъ уже на мѣстѣ. По пріѣздѣ въ городъ я тотчасъ направился въ Ботаническій Институтъ и нанесъ визитъ директору его Dr. Treub'у, который любезно познакомилъ меня съ ученымъ персоналомъ Института, представилъ завѣдующему Зоологической Лабораторіей Dr. Koningsberger'у и лично помогъ устроиться въ отелѣ. Я помѣстился въ Hôtel Belle-Vue, рекомендованномъ мнѣ многими натуралистами, работавшими въ Бейтенцоргѣ. Здѣсь существуетъ еще первокласная гостинница Hôtel de Chemin de fer, которую зачастую рекомендуютъ пріѣзжающимъ туристамъ въ виду того, что она расположена близъ самого вокзала желѣзной дороги. Но для натуралиста, работающаго въ Ботаническомъ Институтѣ, Hôtel Belle Vue имѣетъ большое преимущество уже въ томъ отношеніи, что эта гостинница находится въ какихъ нибудь трехъ минутахъ ходьбы отъ лабораторій Института.

Почти всюду на Явѣ цѣны въ гостинницахъ приблизительно одинаковы. За сутки на полномъ пансіонѣ обыкновенно платится около 4—5 гульденовъ. Обстановка въ отеляхъ чисто семейная, столъ превосходный, чистота идеальная. Многія голландскія семьи предпочитаютъ даже жить въ гостинницахъ, чтобы не заводиться собственнымъ хозяйствомъ. Конечно, живущимъ по мѣсячно администраціей отеля дѣлается значительная скидка. Такъ, за прекрасную комнату на полномъ пансіонѣ я платилъ 90 гульденовъ въ мѣсяцъ, что составляетъ около 70 рублей (72 р.) на наши деньги. Мало того, когда мнѣ случилось на недѣлю уѣхать изъ Бейтенцорга, то за эту недѣлю съ меня не взяли за столъ, а поставили въ счетъ лишь около 10 гульденовъ за помѣщеніе.

Въ два дня я уже вполнѣ освоился съ новой обстановкой, получилъ паспортъ, устроился въ лабораторіи и началъ работать. Скоро я совершенно втянулся въ довольно своеобразную жизнь маленькаго тропическаго городка и чувствовалъ себя въ новыхъ условіяхъ превосходно. Перехожу теперь къ условіямъ жизни въ Бейтенцоргѣ, но предупреждаю, что буду очень кратокъ. За подробностями отсылаю читателя къ книгѣ В. А. Караваева, цитированной въ предисловіи.

Бейтенцоргъ очень миленькое, симпатичное мѣстечко. Онъ расположенъ у подножія уже потухшаго вулкана Salak, могучій конусъ котораго, покрытый лѣсами, придаетъ по утрамъ окружающему ландшафту величественный видъ. Говорю по утрамъ, потому что днемъ его не видно, — вулканъ скрывается изъ глазъ — до того атмосфера насыщается парами.

По своему характеру Бейтенцоргъ не имѣетъ ничего общаго съ нашими европейскими городами. Городъ состоитъ изъ ряда широкихъ аллей, по обѣимъ сторонамъ которыхъ кое гдѣ ютятся чистые одноэтажные домики особняки съ садами и палисадниками. Всѣ строенія прямо утопаютъ въ зелени канаріевыхъ деревьевъ, фикусовъ, банановъ и пальмъ. Прекрасно вымощенное шоссе — «Djalan besaar» («большая дорога» — соединяющая Батавію съ восточной оконечностью острова), прорѣзаетъ весь городъ и является главной улицей его. Таковъ европейскій кварталъ, въ которомъ сосредоточены всѣ административныя учрежденія, конторы и немногочисленные магазины европейцевъ. Къ Djalan besaar примыкаетъ Ботаническій Садъ и паркъ генералъ губернатора, а также большинство лабораторій 'S Land's Plantentuin'a.

Малайская туземная часть города производитъ впечатлѣніе громаднаго тѣнистаго фруктоваго сада, въ которомъ построены туземныя хижины и проведены дорожки. Домики окружены зарослями бамбука, обсажены кругомъ бананами, кокосовыми пальмами и другими растеніями столь важными въ домашнемъ обиходѣ туземца. Протекающая черезъ этотъ обширный «садъ» рѣчка, образующая кое гдѣ пороги и небольшіе водопады, еще болѣе усиливаетъ чарующее впечатлѣніе, получающееся при прогулкахъ въ этомъ идиллически прекрасномъ уголкѣ мѣстечка.

Одинъ лишь китайскій кварталъ—центръ торговли въ Бейтенцоргѣ— непріятно поражаетъ глазъ полнымъ отсутствіемъ зелени. И это не только въ Бейтенцоргѣ — такъ всюду. Вездѣ, гдѣ я только видѣлъ въ тропикахъ китайскія селенія — меня поражалъ ихъ специфическій характеръ. Грязь, пыль, вонь, духота — отличительныя черты китайскаго квартала. Грязные дома скучены въ сплошную грязную улицу и, ужъ конечно, всѣ обращены въ магазины. Въ Нидерландской Индіи китаецъ является или торговцемъ, или мастеровымъ. Всѣ мастерскія, всѣ магазины—вообще вся мелкая промышленность, вся торговля находится въ рукахъ китайцевъ и арабовъ. Китаецъ въ Нидерландской Индіи знаетъ себѣ цѣну — это не тотъ забитый китаецъ-парія, котораго вы увидите въ англійскихъ и, говорятъ, еще во французскихъ владѣніяхъ на Востокѣ. Въ Сингапурѣ, напримѣръ, вся прислуга въ гостиницахъ — китайцы, дженрикши — китайцы, кучера, лакеи— китайцы и т. д. и т. д. На Явѣ совсѣмъ другое дѣло. Здѣсь ни одинъ китаецъ не пойдетъ въ услуженіе къ европейцу. Въ Нидерландской Индіи китайцы завоевали себѣ прочное положеніе. Въ ихъ рукахъ вся внутренняя торговля Малайскаго Архипелага. На самыхъ отдаленныхъ островахъ можно встрѣтить китайца-торгаша. Гдѣ нѣтъ китайца, тамъ нѣтъ, значитъ, надежды на торговыя операціи — таково общее убѣжденіе голландской администраціи Инсулинда. Въ Бейтенцоргѣ, напримѣръ, безъ китайцевъ по-

ложительно не обойдешься. Нужно ли купить платье, или обувь, консервы, сахаръ, чай, керосинъ, порохъ, бумагу и т. д. и т. д. — за всѣмъ безъ исключенія нужно итти въ китайскій магазинъ. У китайцевъ можно найти все, что угодно и къ ихъ содѣйствію приходится прибѣгать зачастую даже во время скитаній по самымъ глухимъ дебрямъ Нидерландской Индіи.

Бейтенцоргъ—довольно таки незначительное мѣстечко по величинѣ—играетъ очень важную роль на Явѣ и даже во всей Нидерландской Индіи. Это главная резиденція Генералъ-Губернатора, который рѣдко живетъ въ Батавіи, большую же часть года проводитъ, или въ Tjipannas, или въ своемъ Бейтенцоргскомъ дворцѣ, паркъ котораго граничитъ съ Ботаническимъ Садомъ.

Если, какъ резиденція вице короля голландской Индіи, Бейтенцоргъ, или, какъ его называютъ туземцы «Богоръ», извѣстенъ всюду въ культурныхъ уголкахъ Малайскаго Архипелага, то благодаря своему Ботаническому Саду этотъ уголокъ Явы сдѣлался извѣстенъ всему ученому міру — среди біологовъ яванскій 'S Lands Plantentuin пользуется громкою извѣстностью, а его имя связано съ именемъ Бейтенцорга.

Бейтенцоргскій 'S Lands Plantentuin столько разъ описывался, что мнѣ нѣтъ надобности входить въ большія детали. Мое описаніе было бы въ значительной мѣрѣ повтореніемъ прежнихъ описаній. Каждый желающій ознакомиться съ этимъ поистинѣ удивительнымъ учрежденіемъ, легко найдетъ значительную литературу. Прекрасное описаніе Ботаническаго Сада имѣется въ статьяхъ директора его Dr. Treub'a, въ книгѣ В. А. Караваева и др. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что это учрежденіе дѣлаетъ честь голландской націи и оно вправѣ имъ гордиться.

Самъ по себѣ Ботаническій Садъ, помимо научныхъ лабораторій, гдѣ работаютъ постоянно десятки спеціалистовъ, разрабатывая какъ практическіе, такъ и чисто научные вопросы — глубоко поучителенъ не только для каждаго натуралиста, но и для всякаго интеллигентнаго человѣка вообще.

Бейтенцоргскій 'S Lands Plantentuin состоитъ: изъ собственно Ботаническаго Сада и изъ ряда учрежденій къ нему принадлежащихъ — какъ то: лабораторій, библіотеки, музеевъ и т. д. Къ Институту относятся также: 1) небольшой садъ въ предмѣстьѣ Бейтенцорга Tjikömeuh, гдѣ культивируются съ чисто практическими цѣлями агрикультурныя растенія и 2) горное отдѣленіе — Tjibodas — состоящее изъ небольшой лабораторіи съ садомъ и громаднымъ участкомъ лѣса (нѣсколько сотъ акровъ т. е. приблизительно столько же десятинъ). Садъ въ Tjibodas отстоитъ верстахъ въ 30 отъ Бейтенцорга и расположенъ на склонѣ вулкана Гедэ (Gedeh). Благодаря своему положенію на высотѣ около 1500 метровъ надъ уровнемъ

моря здѣсь удается культивировать многія растенія, не выдерживающія климата жаркихъ районовъ.

Собственно Ботаническій Садъ[1]) занимаетъ довольно обширную площадь (около 50 десятинъ). Онъ расположенъ между большой дорогой «Djalan besaar» и рѣкою Tjiliwong, и съ сѣвера граничитъ съ паркомъ Генералъ-Губернатора. Весь садъ распланированъ на небольшіе участки, аккуратно занумерованные и занесенные на планъ. Каждый участокъ заключаетъ въ себѣ строго опредѣленную группу растеній. Всякое растеніе (имѣющееся въ нѣсколькихъ экземплярахъ) снабжено особой этикеткой съ обозначеніемъ его систематическаго положенія и мѣстонахожденія въ природѣ. Всѣ имѣющіяся въ саду формы отмѣчены въ особомъ спеціальномъ каталогѣ, который въ настоящее время разросся до громадныхъ размѣровъ и уже насчитываетъ тысячи названій.

Такая распланировка Сада по участкамъ, занятымъ каждый особой систематической группой растеній, даетъ ботаникамъ возможность легко и быстро оріентироваться. Преимущество подобнаго чисто научнаго распредѣленія растеній въ саду очевидны даже не для спеціалиста.

Съ эстетической стороны Ботаническій Садъ тоже не оставляетъ желать ничего лучшаго. Нѣкоторые отдѣлы его необыкновенно эффектны — чарующее впечатлѣніе усиливается еще обиліемъ воды, проведенной системой желобовъ по всему саду отъ прорѣзывающихъ его рѣчекъ. Особенно интересны отдѣлы пальмъ (гдѣ сгруппированы разнообразнѣйшіе представители этой обширной группы не только съ Малайскаго архипелага, но и другихъ странъ тропическаго пояса), оригинальныхъ пандануcовыхъ, огромныхъ бамбуковъ, образующихъ цѣлыя заросли близъ воды, замѣчательныхъ ротанговъ. Чрезвычайно эффектна знаменитая канаріевая аллея, деревья которой густо обвиты филодендрономъ, изящными орхидеями и ліанами, затѣмъ фикусы варингины, наконецъ цѣлый отдѣлъ древовидныхъ папортниковъ и разнообразнѣйшихъ эпифитовъ орхидей.

Кромѣ цѣлой сѣти тропинокъ садъ прорѣзаютъ прекрасныя большія дороги, изъ которыхъ нѣкоторыя находятся въ тѣсной связи съ Бейтенцоргскими улицами и такимъ образомъ Ботаническій Садъ отнюдь не изолированъ — онъ всегда открытъ для всякаго и день и ночь по его главной аллеѣ, выходящей на Djalan besaar не прекращается движеніе.

---

1) Для общаго ознакомленія съ Бейтенцоргскимъ Ботаническимъ Садомъ можетъ съ успѣхомъ служить продающаяся всюду на Явѣ (въ магазинахъ, на вокзалахъ, въ отеляхъ и т. д.) небольшая книжка «Hand Guide to the Botanic Gardens Buitenzorg», составленная «under supervision of the Director». Batavia Kolff et K° 1897. Книжка эта снабжена планомъ Ботаническаго Сада, стоитъ всего одинъ флоринъ и вполнѣ удовлетворитъ не спеціалиста ботаника.

Принадлежащія къ Саду учрежденія состоятъ 1) изъ Бюро (гдѣ помѣщается канцелярія), 2) библіотеки (почти исключительно ботаническаго содержанія), 3) небольшой, уютной читальни, гдѣ выставляются всѣ вновь получаемые журналы и книги, 4) ботаническаго музея, гдѣ содержится огромный гербарій и превосходная коллекція засушенныхъ и заспиртованныхъ плодовъ, цвѣтовъ и т. д. и, наконецъ, 5) изъ многочисленныхъ лабораторій.

Лабораторіи Института устроены главнымъ образомъ, конечно, для разработки практическихъ вопросовъ, но рука объ руку съ практическими задачами идетъ чисто научная работа, давшая уже рядъ блестящихъ открытій въ области ботаники. Институтъ обходится колоніямъ (онъ содержится на средства Нидерландской Индіи) около 300 тысячь флориновъ въ годъ. Колоніи въ правѣ, конечно, ждать отъ Института помощи въ дѣлѣ раціональной постановки колоніальной агрикультуры. И Институтъ со своей стороны вправѣ сказать, что своими успѣхами въ разработкѣ природныхъ богатствъ Архипелага колоніальная администрація, а равно частныя плантаціи и промышленныя общества обязаны главнымъ образомъ ему, его дѣятельности, его организаціи.

Кромѣ ботанической лабораторіи, здѣсь имѣются лабораторіи фитопатологическая, фармакологическая, зоологическая, лабораторія агрикультурной химіи, фотографическая и, наконецъ, спеціальныя лабораторіи для изслѣдованія культуры табаку, кофе. При Институтѣ имѣются также собственныя цинкографія, литографія, небольшой газовый заводъ и т. д.

Нѣсколько подробнѣе я остановлюсь на хорошо знакомой мнѣ зоологической лабораторіи, тѣмъ болѣе, что въ своемъ описаніи Сада В. А. Караваевъ не затрагиваетъ этой лабораторіи, которая въ то время еще не функціонировала.

Зоологическая лабораторія помѣщается въ особомъ зданіи, выходящемъ однимъ своимъ фасадомъ на «Djalan besaar» и тремя остальными фасадами въ Садъ. Помѣщеніе лабораторіи довольно обширно—она состоитъ изъ трехъ большихъ комнатъ и небольшой препаровочной. Одна самая большая комната занята еще устраивавшимся во время моего пребыванія въ Бейтенцоргѣ зоологическимъ музеемъ, другая составляетъ кабинетъ завѣдующаго и, наконецъ, третья комната въ три большихъ окна предназначена для пріѣзжихъ зоологовъ. Окна этой комнаты выходятъ въ садъ и до 2 часовъ пополудни солнце здѣсь не бываетъ — такимъ образомъ лучшее рабочее время тропическаго дня — отъ 6 ч. утра до полудня — въ лабораторіи царитъ прохлада.

Въ общей рабочей комнатѣ свободно могутъ помѣститься три человѣка; въ крайнемъ случаѣ она можетъ вмѣстить четырехъ и даже болѣе работающихъ.

За исключеніемъ отдѣльныхъ рабочихъ столовъ въ общемъ распоряженіи занимающихся находятся два обширныхъ шкафа и два огромныхъ стола, занимающихъ вмѣстѣ почти всю середину комнаты.

По сравненію съ хорошими европейскими лабораторіями, зоологическая лабораторія Бейтенцоргскаго Института, обставлена, конечно, бѣдно, но натуралистъ, имѣющій цѣлью собрать извѣстный матеріалъ, найдетъ здѣсь всѣ необходимыя удобства. Микроскопъ и лупы, конечно, нужно имѣть собственныя. Не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію, что объективы апохроматы во влажномъ тропическомъ климатѣ могутъ легко испортиться; они тускнѣютъ, говорятъ, при долговременномъ пребываніи въ тропикахъ. Предпочтительнѣе брать поэтому въ тропики объективы не столь дорогіе, или же держать ихъ тамъ въ сухомъ мѣстѣ — въ лабораторіи имѣются пригодные для этой цѣли особые приборчики съ хлористымъ кальціемъ.

Наиболѣе употребительные реактивы и нѣкоторое количество посуды всегда можно достать въ лабораторіи и притомъ gratis. Не мѣшаетъ захватить съ собою изъ Россіи часовыхъ стеколъ, стеклянныхъ чашекъ, пробирокъ разныхъ калибровъ, наборъ инструментовъ. Реактивами, которыми приходится пользоваться въ большихъ количествахъ, также лучше запастись въ Россіи[1]). Я бралъ съ собою большой запасъ сулемы, осміевой кислоты, а также нѣкоторыя краски и вещества необходимыя для физіологическихъ инъекцій, входившихъ въ программу моихъ работъ, какъ то: сахарнокислое желѣзо, амміачный карминъ, индигокарминъ, neutralroth и т. п. Большинства изъ этихъ препаратовъ въ Лабораторіи не оказалось, но, вообще говоря, наборъ красокъ и реактивовъ въ лабораторіяхъ Института вполнѣ достаточенъ.

Нѣсколько словъ о спиртѣ. Можно усиленно рекомендовать натуралистамъ не брать съ собою запаса алкоголя. Ввозъ спирта на Яву воспрещенъ и тому, кто его везетъ съ собою изъ Россіи придется много хлопотать и уплатить большую пошлину. Институтъ же пользуется правомъ выписывать алкоголь изъ Голландіи безпошлинно и поэтому въ лабораторіяхъ всегда можно получать 95° спиртъ въ неограниченномъ количествѣ и сравнительно по очень дешевой цѣнѣ. Необходимо, впрочемъ, обращать вниманіе на качество доставляемаго спирта. Вначалѣ мнѣ приносили алкоголь замѣтно окрашенный въ слабый желтый цвѣтъ. Оказалось, что это спиртъ, полученный изъ Европы въ деревянной посудѣ и, по всей вѣроятности, содержащій примѣсь дубильныхъ веществъ, что, конечно, вредно отзывается на консервированномъ въ подобномъ спиртѣ гистологическомъ матеріалѣ. Необходимо, какъ это

1) Считаю не лишнимъ предупредить, что взрывчатыя вещества, какъ то эфиръ, пикриновые препараты, хлороформъ, и т. п. запрещено перевозить въ багажѣ на пароходахъ.

дѣлалъ я, требуя алкоголь, указывать на это обстоятельство и просить давать спиртъ, держанный въ бутыляхъ или жестянной посудѣ.

Лабораторія охотно отпускаетъ натуралистамъ большое количество алкоголя при предпринимаемыхъ съ Явы большихъ, продолжительныхъ поѣздкахъ. Такъ, я пріобрѣлъ здѣсь, отправляясь на море въ Амбоину, нѣсколько ведеръ 95° спирта. Натуралистъ, отправляющійся въ Амбоину минуя Бейтенцоргъ, можетъ денатурализованный спиртъ вести съ собою. Амбоина свободный портъ — porto franco — таможеннаго досмотра тамъ нѣтъ и ввозъ спирта, равно какъ и оружія, не представляетъ слѣдовательно затрудненій.

Предполагая коллектировать на Явѣ и другихъ островахъ Архипелага, я предусмотрительно запасся въ Россіи большимъ количествомъ банокъ зеленаго стекла разныхъ величинъ, пробирками и герметически завинчивающимися жестянками. Эти жестянки, необходимыя для перевозки большихъ количествъ спирта и для консервированія крупныхъ животныхъ, особенно могутъ быть рекомендованы при подобныхъ поѣздкахъ. Онѣ носятъ названіе «шведскихъ» и въ большомъ употребленіи у насъ въ Зоологическомъ Музеѣ Академіи Наукъ, который выписываетъ ихъ изъ Стокгольма. Стоятъ они недорого, а въ дорогѣ незамѣнимы. Ихъ удобство и практичность были мною лично неоднократно оцѣнены на собственномъ опытѣ.

При Зоологической Лабораторіи не имѣется особой библіотеки, да и общая библіотека Института, нужно замѣтить, очень небогата зоологическими книгами и журналами. Это безспорно большое неудобство, и нужно надѣяться, что этотъ пробѣлъ будетъ заполненъ, когда лабораторія вполнѣ обставится. Хорошіе термостаты и микротомы также отсутствуютъ въ Зоологической Лабораторіи.

Рядомъ съ рабочей комнатой для пріѣзжающихъ зоологовъ помѣщается, какъ я уже говорилъ, фаунистическій музей. Это учрежденіе еще совсѣмъ новое — лѣтомъ 1902 года онъ еще только что устраивался — коллекціи разставлялись по шкафамъ постепенно по мѣрѣ приведенія въ порядокъ довольно обширныхъ матеріаловъ, хранящихся въ складахъ лабораторіи. Въ мое время была почти закончена постановка отдѣла птицъ яванской авифауны. При музеѣ существуетъ особый препараторъ яванецъ (онъ же и превосходный рисовальщикъ). Онъ прекрасно дѣлаетъ чучела птицъ и млекопитающихъ, не уступая въ этомъ искусствѣ своимъ коллегамъ европейскимъ таксидермистамъ. Въ Зоологическій Музей Института недавно поступили нѣкоторыя коллекціи Батавскаго Естественно-историческаго Музея, въ настоящее время не функціонирующаго. Наконецъ, въ періодъ моего пребыванія въ Бейтенцоргѣ въ лабораторіи чуть ли не ежедневно получались громадныя коллекціи голотурій въ спирту съ разныхъ острововъ Малайскаго Архипелага. Dr. Koning-

sberger — завѣдующій лабораторіей и музеемъ, разъяснилъ мнѣ, что Бюро 'S Lands Plantentuin'a обратилось къ нѣкоторымъ резидентамъ съ просьбой, подтвержденной приказомъ генералъ-губернатора, о присылкѣ мѣстныхъ трепанговъ. Такимъ способомъ скоро составится въ Музеѣ превосходнѣйшая коллекція голотурій — а если администрація Института распространитъ свою просьбу и на другихъ представителей животнаго царства, то морская фауна Индо-Австралійскаго Архипелага со временемъ будетъ превосходно представлена въ Зоологическомъ Музеѣ Бейтенцоргскаго Института.

Самою послѣднею новостью является проэктъ учрежденія при Институтѣ, и въ частности при Зоологической Лабораторіи, особой морской біологической станціи. Въ 1902 году эта станція уже въ принципѣ была рѣшена. Вначалѣ станцію предполагалось устроить на юго-западномъ берегу Явы въ Wyinkoops baay (Palaboean), но въ виду того, что это побережье острова не благопріятно въ санитарномъ отношеніи въ смыслѣ лихорадокъ, рѣшено (согласно личному сообщенію Koningsberger'a) учредить ее на одномъ изъ небольшихъ островковъ архипелага «Тысячи островов», расположенныхъ въ нѣсколькихъ верстахъ къ сѣверу отъ Батавіи въ Яванскомъ морѣ. Сообщеніе съ Батавіей будетъ поддерживаться при помощи небольшихъ пароходиковъ. Указанные острова (посѣщенные Красновымъ, Караваевымъ и многими иностранными натуралистами) частью карaлловаго, отчасти вулканическаго происхожденія. Эти скучные, выжженные солнцемъ, частью почти лишенные древесной растительности, непривѣтливые острова, то же не отличаются особенно здоровымъ климатомъ по общимъ отзывамъ, но, конечно, пребываніе здѣсь не должно внушать никакихъ особенно серьезныхъ опасеній. Мнѣ не разъ приходилось убѣждаться, что въ большинствѣ случаевъ разсказы объ опасности того или другого пункта въ смыслѣ неблагопріятности климатическихъ и санитарныхъ условій, бываютъ сильно преувеличены. Фауна же Яванскаго моря, если и не такъ богата какъ фауна Индійскаго океана, то, конечно, все же сулитъ неисчерпаемый матеріалъ для зоологовъ, какъ фаунистовъ, такъ и морфологовъ и учрежденіе постоянной біологической станціи въ тропическомъ морѣ составитъ своего рода эпоху въ исторіи біологическихъ изслѣдованій. Конечно, лучшее мѣсто на Архипелагѣ для подобнаго рода станціи — Молукки и въ частности Амбоинская бухта, но Амбоина лежитъ черезъ чуръ далеко отъ Явы и сношеніе Института со станціей было бы до извѣстной степени затруднительно.

Бейтенцоргская Зоологическая Лабораторія въ отличіе отъ морскихъ зоологическихъ станцій, давая возможность натуралистамъ работать, не доставляетъ работающимъ необходимаго для работы матеріала. Каждый занимающійся въ лабораторіи долженъ самъ объ этомъ заботиться. Къ его услу-

гамъ всегда цѣлая толпа малайскихъ ребятишекъ, готовыхъ за пустяшную плату тащить все, что попадетъ подъ руку. Завѣдующій лабораторіей тотчасъ по Вашемъ пріѣздѣ сообщаетъ служащимъ въ Саду туземцамъ рабочимъ о томъ, что «бѣлому человѣку — orang putih» нужна всякая живность, и на слѣдующій же день съ утра у открытаго окна лабораторіи толпится старый и малый, предлагая все, что удалось найти — ящерицу, скорпіона, привязаннаго на ниткѣ за постабдоменъ, змѣю на тонкой ротанговой петлѣ, кучу телифоновъ и пауковъ въ бамбуковой трубкѣ, жуковъ, бабочекъ и т. д. Тащатъ все — начиная отъ почти микроскопическихъ яицъ насѣкомыхъ и кончая огромными удавами. Вѣсть о томъ, что въ лабораторіи покупаютъ всякую живность быстро облетаетъ сосѣднія селенія и все населеніе, начиная чуть ли не съ грудныхъ дѣтей и кончая дряхлыми стариками, не упускаетъ случая что нибудь изловить и снести бѣлому человѣку. Имѣя столькихъ помощниковъ можно не только собрать матеріалъ для морфологической работы по тому или другому вопросу, но и составить порядочную коллекцію мѣстныхъ рептилій, амфибій, насѣкомыхъ, паукообразныхъ и т. п. Нужно впрочемъ отдать справедливость этому способу добыванія матеріала — онъ очень надоѣдливъ и подчасъ сильно мѣшаетъ работѣ. Цѣлый день Васъ осаждаетъ толпа, поминутно отрывая отъ дѣла. Васъ не оставляютъ въ покоѣ даже на прогулкахъ, поджидаютъ у воротъ гостинницы, стараясь какъ нибудь не прозѣвать момента Вашего выхода на улицу.

За приносимый матеріалъ платится по усмотрѣнію каждаго. Я, напр., платилъ по 1 центу за телифона, крупнаго скорпіона, большихъ многоножекъ; за обыкновенныхъ ящерицъ, какъ то *Draco*, *гекконовъ* и пр. давалъ по 3—5 центовъ, за змѣй нѣсколько дороже—крупные экземпляры приходилось пріобрѣтать за 20—30 центовъ, обыкновенно же за 10—15 центовъ. Мелкихъ насѣкомыхъ — *Coleoptera*, *Orthoptera*, *Hymenoptera* etc. я пріобрѣталъ за 1—2 цента десятокъ, болѣе же крупныя формы по 1 центу за штуку. Эффектныя, мимикрирующія формы *Orthoptera* не отдаютъ дешевле 20—25 центовъ, смотря по рѣдкости. *Phyllium*, напримѣръ, не купить дешевле 40—50 центовъ, потому что этихъ оригинальныхъ листоподобныхъ фасмидъ охотно пріобрѣтетъ у малайца каждый мало мальски любознательный туристъ.

Важно съ самаго начала установить цѣны и не отступать отъ установленной нормы—уже сразу будетъ видно, довольны ли Ваши помощники установленной платой, охотно ли они носятъ матеріалъ. Предпочтительно брать по возможности все, что приносятъ — иначе многіе перестанутъ носить вовсе, два, три раза потерпя неудачу, а такимъ образомъ можно потерять что нибудь и интересное. Въ общемъ нужно замѣтить, что пріобрѣтеніе матеріала вещь вовсе не дешевая—въ среднемъ приходилось тратить

около 50—70 центовъ въ день не считая расходовъ на пріобрѣтеніе болѣе цѣнныхъ вещей.

Наиболѣе серьезными помощниками являются взрослые туземцы, которые спеціально днями ищутъ животныхъ, если видятъ, что это для нихъ выгодно. Но такихъ мало — малаецъ лѣнивъ по природѣ и неохотно принимается за интенсивную работу, пока у него есть деньги въ карманѣ, да и при пустыхъ карманахъ мало склоненъ безъ особыхъ побудительныхъ причинъ взяться за серьозное дѣло.

Лабораторія открывается часовъ въ 7 утра и оффиціально функціонируетъ до 1—2 часовъ пополудни. Къ часу всѣ уходятъ завтракать, а послѣ завтрака — жаркое время дня — все голландское населеніе Бейтенцорга боится показаться на улицу; большинство ложится отдыхать. Въ моемъ распоряженіи былъ особый ключъ отъ дверей лабораторіи и я, если не шелъ на экскурсію, работалъ въ лабораторіи до вечерняго чая, который въ отелѣ подается въ 4 часа. Въ 7 часовъ вечера на Явѣ уже совершенно темнѣетъ и работать безъ искусственнаго свѣта нельзя. Въ отелѣ это время обѣда, послѣ котораго большинство идетъ гулять или же занимается на верандѣ разговорами. Отъ 5 до 8 ч. вечера къ услугамъ работающихъ въ Институтѣ небольшая уютная читальня, расположенная рядомъ съ зоологической лабораторіей и въ двухъ минутахъ ходьбы отъ отеля. Въ читальнѣ къ Вашимъ услугамъ масса новыхъ журналовъ и всѣ письменныя принадлежности для занятій.

Въ общемъ жизнь въ Бейтенцоргѣ течетъ очень шаблонно. Половину дня проводишь въ лабораторіи или въ Саду — дѣлаешь обыкновенно послѣ полудня до сумерекъ маленькую экскурсію въ окрестности городка, а вскорѣ послѣ обѣда ложишься спать, чтобы на слѣдующій день часовъ въ 5 утра на разсвѣтѣ уже быть на ногахъ, напиться чаю или кофе и итти работать. Первый ранній завтракъ, который сервируется въ отелѣ около 9 часовъ утра, обыкновенно пропускаешь и являешься изъ лабораторіи только ко второму завтраку, послѣ полудня.

Вначалѣ пріятнымъ и полезнымъ развлеченіемъ отъ усидчивой лабораторной работы служатъ также прогулки по Ботаническому Саду, но затѣмъ по прошествіи мѣсяца, двухъ пребываніе въ Бейтенцоргѣ начинаетъ тяготить. Для меня, любителя природы, прогулки по окрестностямъ скоро перестали доставлять удовольствіе. Кругомъ Бейтенцорга на огромномъ пространствѣ мѣстность прекрасно воздѣлана; куда не пойдешь,—видишь только рисовыя поля, то наполненныя водою, то ярко зеленыя, то наконецъ уже убранныя—высохшія и желтыя. Пройдешь поле, за нимъ виденъ какъ будто бы и лѣсъ — на самомъ дѣлѣ это просто небольшое сунданезское селеніе, утопающее въ зелени стереотипныхъ кокосовыхъ и сахарныхъ пальмъ, банановъ; рядомъ

небольшія плантаціи кофейныхъ деревьевъ, опять до нельзя скучныя рощицы кокосовъ, обширныя ананасовыя плантаціи, снова рисовыя поля и т. д. и т. д. Неподалеку отъ Бейтенцорга начинаютъ встрѣчаться плантаціи чая, индиго, кое гдѣ поля засѣяны сахарнымъ тростникомъ — но какъ исключеніе: обширныя плантаціи сахарнаго тростника можно видѣть въ центральныхъ провинціяхъ острова — въ Дьокчѣ, Соло и т. д. Все это безспорно очень интересно и поучительно, на первыхъ порахъ прогулки по плантаціямъ доставляютъ много удовольствія, но, нужно сознаться, — очень ужъ все это однообразно. Впрочемъ я знаю многихъ, которые восхищаются окрестностями Бейтенцорга — это, конечно, зависитъ отъ личнаго взгляда каждаго на природу. Индивидуальная черта въ моемъ характерѣ—любовь некультурныхъ мѣстъ, лѣса, глухихъ дѣвственныхъ уголковъ. Отправляясь въ тропики я лелѣялъ въ душѣ мечту отдохнуть среди настоящей дѣвственной природы, природы нетронутой и неиспорченной человѣкомъ. — Въ Бейтенцоргѣ эта потребность не могла быть удовлетворена, я скучалъ и старался побольше и поинтенсивнѣе работать въ лабораторіи, чтобы какъ можно больше сдѣлать въ возможно короткій срокъ, а затѣмъ ѣхать куда нибудь въ отдаленныя мѣста Архипелага, гдѣ можно было бы и съ успѣхомъ поработать и хорошо поэкскурсировать съ ружьемъ и энтомологическимъ сачкомъ. Въ первые дни пребыванія въ Бейтенцоргѣ я попробовалъ было побродить съ ружьемъ по окрестностямъ, но скоро эти экскурсіи мнѣ надоѣли. Усиленно рекомендую натуралистамъ, намѣревающимся ограничиться посѣщеніемъ одного Бейтенцорга, не брать съ собою ни ружья, ни охотничьихъ доспѣховъ. На Явѣ за исключеніемъ двухъ резиденствъ—Бантама и части Преангерскихъ Регенствъ (крайній западъ и юго западъ острова), оно будетъ совершенно не нужно, или во всякомъ случаѣ пригодится мало.

Передъ поѣздкой въ тропики я надѣялся собрать въ окрестностяхъ Бейтенцорга, попутно такъ сказать, во время отдыха отъ лабораторныхъ занятій, порядочную коллекцію птицъ. Приходилось много слышать и читать о богатствѣ яванской орнитофауны. Ея разнообразіемъ и богатствомъ формъ я всегда восхищался уже на мѣстѣ, просматривая далеко не полныя коллекціи музея при лабораторіи. Большинство изъ имѣющихся тамъ экземпляровъ добыты, по словамъ завѣдующаго музеемъ, въ ближайшихъ окрестностяхъ Бейтенцорга, многія формы встрѣчаются даже въ самомъ Ботаническомъ Саду. Но мнѣ скоро пришлось разочароваться въ моихъ надеждахъ собрать самому болѣе или менѣе порядочную коллекцію птицъ. На дѣлѣ оказалось, что въ окрестностяхъ Бейтенцорга, по крайней мѣрѣ въ періодъ моего тамъ пребыванія, т. е. въ маѣ и іюнѣ, птицъ на глаза попадалось очень мало и разнообразіе среди тѣхъ, которыхъ встрѣчаешь, очень невелико. Часто встрѣчалъ я на поляхъ стада рисовокъ, яванскихъ скворцовъ

(*Sturnopastor jalla*), небольшихъ ткачиковъ, нектарницъ (*Cynnyris*, *Aethopyga* и др.), сорокопутовъ и т. п.

Раза два случилось мнѣ видѣть изящныхъ попугайчиковъ—*Palaeornis alexandri* и крошечнаго *Loriculus*, красивыхъ зимородковъ, дятловъ и др.

Въ самомъ городѣ нерѣдко можно услышать воркованіе горлицъ и голубей, а въ Ботаническомъ Саду зачастую раздается характерный свистъ иволги (*Oryolus maculatus*).

Если птицы рѣдко попадаются на глаза, то о млекопитающихъ, которыя вообще труднѣе наблюдаются въ природѣ, чѣмъ птицы уже въ силу своей сравнительной немногочисленности, нечего конечно и говорить. Въ окрестностяхъ Бейтенцорга можно надѣяться встрѣтить лишь мелкихъ представителей Mammalia, вообще то говоря, тоже очень богато представленной формами группы на Явѣ. Различныя бѣлки, мелкіе *Chiroptera*, *дикобразы* (*H. javanica*), интересные хищники — *Paradoxurus hermaphroditus Pall.*, *Herpestes javanicus*, *Viverricula malaccensis Gm.* — вотъ млекопитающія, которыхъ можно еще надѣяться встрѣтить около Бейтенцорга. О тиграхъ, пантерахъ, носорогахъ и буйволахъ смѣшно, конечно, и мечтать, безвыѣздно живя здѣсь. Чтобы поохотиться и вообще имѣть шансы встрѣтиться съ этими звѣрями нужно отправляться на крайній юго-западъ острова въ резиденцію Бантамъ, или же на югъ Преангерскихъ регенствъ. Много тигровъ, говорятъ въ резиденствѣ Krawang, расположенномъ на сѣверѣ острова къ востоку отъ Батавіи. Эта мало населенная область покрыта обширными площадями глухихъ болотъ и джунглей. Но главнымъ образомъ крупный звѣрь держится въ Бантамѣ, гдѣ до сего времени сохранились громадные, глухіе дѣвственные лѣса. Здѣсь по общимъ отзывамъ, водится очень много тигровъ, зачастую совершенно раззоряющихъ цѣлыя деревни, попадаются иногда, становящіеся уже рѣдкими яванскіе однорогіе носороги (*Rhinoceros sundaicus*), олени и масса обезьянъ, которыя совершенно исчезли изъ ближайшихъ окрестностей Бейтенцорга.

Въ настоящее время неподалеку отъ города можно еще надѣяться встрѣтить кабановъ, но и эти животныя, еще недавно столь обыкновенныя здѣсь, становятся рѣдкими и для охоты за ними изъ Бейтенцорга отправляются верстъ за 25—30, или даже дальше, напр. въ Tjibadak или Tjandjoer, т. е. опять таки поближе къ Преангерскимъ дебрямъ [1]).

---

1) Одно время меня очень прельщала перспектива сдѣлать продолжительную экскурсію въ эти трущобы — главнымъ образомъ въ Бантамъ. Добраться до этихъ лѣсовъ можно различными способами — или отъ Батавіи доѣхать по желѣзной дорогѣ до Serang и дальше на югъ нанять лошадей или кули, или же доѣхать по желѣзной дорогѣ до Soekaboemi и дальше на лошадяхъ до Palaboean'a, отъ Palaboean'a же ѣхать вдоль морского берега на лодкѣ. Koningsberger предлагалъ дать мнѣ въ помощники и спутники своего охотника, что, конечно,

Въ лабораторію туземцы приносятъ иногда для продажи живыхъ дикихъ котятъ, ручныхъ бѣлокъ и, сравнительно рѣдко, ящеровъ — *Manis javanicus*. Это интересное животное, единственный представитель *Edentata* на Малайскомъ архипелагѣ, всегда составлялъ предметъ вожделеній почти всѣхъ натуралистовъ, посѣщавшихъ Яву и въ частности Бейтенцоргъ. Исторія ихъ эмбріональнаго развитія представляетъ крупный интересъ и, казалось бы, собрать соотвѣтствующій матеріалъ не должно составить особаго труда при наличіи постоянно функціонирующей на Явѣ лабораторіи. На самомъ дѣлѣ, пока, насколько мнѣ извѣстно, никому не удалось добиться особенно большихъ результатовъ въ этомъ направленіи. За нѣсколько мѣсяцевъ работы въ Бейтенцоргѣ Караваевъ, напримѣръ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего шесть самокъ, я имѣлъ возможность за два мѣсяца всего два раза пріобрѣсти ящера.

Работающій въ Бейтенцоргѣ эмбріологъ можетъ надѣяться собрать хорошій матеріалъ по развитію Chiroptera. Этотъ отрядъ чрезвычайно богато представленъ въ яванской фаунѣ, насчитывающей около 30 видовъ летучихъ мышей; особенно богато представлены видами семейства *Vespertilionidae* и *Rhinolophidae*. Крупныя формы, какъ напр. «летучія собаки» *калонги* — (*Pteropus edulis*), около Бейтенцорга сравнительно рѣдки.

Интересный объектъ для эмбріологическихъ изслѣдованій представляютъ довольно многочисленныя на Явѣ мелкія формы Insectivora. Около Бейтенцорга можно временами получать отъ малайцевъ небольшихъ *Tupaia* — «kekès», какъ ихъ называютъ сунданезы. Оригинальный *Galeopithecus volans L.* на Явѣ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ животныхъ; онъ болѣе обыкновененъ на Суматрѣ.

Чего въ окрестностяхъ Бейтенцорга много — это пресмыкающихся. Ява по истинѣ царство рептилій. Первое время, правда, пока не привыкнешь къ новой обстановкѣ и не присмотришься, да не набьешь глаза — рѣдко найдешь и здѣсь не только змѣй, которыя вообще, какъ я убѣдился, въ природѣ не такъ то легко наблюдаются, но и ящерицъ. На самомъ же дѣлѣ и тѣхъ и другихъ множество—нужно только умѣть ихъ искать. Впрочемъ это искусство не всѣмъ, повидимому, одинаково легко дается. Я знаю людей, долгое время жившихъ на Явѣ и увѣрявшихъ, что ящерицы около Бейтенцорга положительно рѣдки, а змѣй и совсѣмъ нельзя надѣяться найти. Все дѣло навыка.

Большинство рептилій превосходно замаскированы и представляютъ типичнѣйшіе примѣры мимикріи. Среди ящерицъ въ особенности рѣзко вы-

---

значительно облегчило путешествіе. Поѣздка, очень заманчивая, не состоялась за отсутствіемъ времени. Я торопился ѣхать на Амбоину и не хотѣлъ терять двухъ, трехъ недѣль, необходимыхъ на совершеніе экскурсіи въ лѣса Бантама.

ражена покровительственная окраска у оригинальнаго геккона *Ptychozoon homalocephalum Cr.* Это очень обыкновенная ящерица въ Бейтенцоргѣ. Она сверху сѣраго цвѣта съ темными пятнами и крапинками. Хвостъ ея сплющенъ въ дорзовентральномъ направленіи въ видѣ широкой тонкой пластинки съ вырѣзками по краямъ. По бокамъ туловища и головы имѣются также пластинчатыя складки кожи, разрисованныя подобно спинѣ. Когда этотъ гекконъ сидитъ на стволѣ дерева, прижавшись плотно къ корѣ своимъ плоскимъ туловищемъ, замѣтить его очень трудно, до такой степени онъ похожъ на древесную кору.

Рѣзко выражено явленіе мимикріи у другой очень обыкновенной въ Бейтенцоргѣ ящерицы — извѣстной *Draco volans L.* Этихъ интересныхъ ящерицъ легко можно наловить десятками и еще проще и вѣрнѣе заказать малайскимъ ребятишкамъ — ихъ Вамъ натащатъ изъ Сада живыхъ сколько потребуется.

Изъ наиболѣе часто встрѣчающихся Lacertilia укажу, кромѣ уже упомянутыхъ, на нѣкоторыхъ *Agamidae* — (*Goniocephalus*, *Calotes*), *Geckonidae* (*Gymnodactylus marmoratus*, *Hemydactylus frenatus*, *Gecko verticillatus Laur.* *Gehyra* и др.), *Lacertidae* (*Tachydromus*) и др. Всюду очень обыкновенны крупныя *Mabuia*, *Lygosoma* и др. Нѣкоторые гекконы во множествѣ живутъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ — маленькій «чичакъ», (*Hemydactylus marginatus*) напр., — постоянный обитатель домовъ — его можно всегда видѣть въ комнатахъ гостинницы, въ лабораторіяхъ и т. д.

Въ окрестностяхъ Бейтенцорга нерѣдки также огромные *Varanus*, но встрѣчаться съ этими ящерицами приходится нечасто; я, напр., видѣлъ всего двухъ варановъ неподалеку отъ мѣстечка Batoe Toelis въ двухъ верстахъ отъ Бейтенцорга. Одинъ изъ убитыхъ мною (бекасинникомъ изъ двустволки) экземпляровъ достигалъ почти 2 арш. въ длину.

Фауна Ophidia Явы чрезвычайно богата. Около Бейтенцорга можно легко собрать коллекцію около 20—30 видовъ, изъ нихъ большая половина принадлежитъ къ числу очень обыкновенныхъ формъ. Несмотря на все это змѣи на глаза попадаются рѣдко и впечатлѣніе, получаемое отъ личнаго знакомства съ фауной змѣй далеко не соотвѣтствуетъ истинному положенію дѣла. Это впечатлѣніе прямо ничтожно — да впрочемъ и вообще то вся фауна Явы производитъ жалкое впечатлѣніе. Животныхъ какъ то совершенно не видно, даже насѣкомыя, столь многочисленныя въ палеарктическихъ областяхъ, здѣсь рѣдко попадаются на глаза. И это не только мое мнѣніе, это мнѣніе почти всеобщее. Очень многіе натуралисты, работавшіе и даже годами живущіе въ Бейтенцоргѣ пришли, къ тому заключенію, что несмотря на богатство формъ яванской фауны — животный міръ далеко не производитъ того впечатлѣнія, котораго можно было бы ожидать.

Укажу на нѣкоторыя формы змѣй, встрѣчающихся около Бейтенцорга. Очень обыкновенны здѣсь небольшіе слѣпуны (*Typhlops* и *Typhlina*), *Xenopeltis*, *Calamaria* (нѣсколько видовъ), *Oligodon*, *Elaphis*, *Tropidonotus*, *Coluber*, *Coryphodon*, *Amphiesma*, *Hypsirhina*, *Gonyosoma*, *Psammodynastes*, *Ophites*, *Elaps* и мног. друг. Часто въ Ботаническомъ саду встрѣчаются ярко зеленыя, изящныя и совершенно безвредныя древесницы (*Dendrophys*) и чрезвычайно ядовитыя *Bungarus semifasciatus* и *Trigonocephalus rhodostoma* Reinv.

Изрѣдка въ лабораторію изъ дальнихъ лѣсовъ приносятъ туземцы огромныхъ *пиѳоновъ*, достигающихъ нѣсколькихъ аршинъ въ длину.

Не смотря на обиліе ядовитыхъ змѣй, вообще говоря, нѣтъ ни малѣйшей опасности гулять гдѣ бы то ни было въ окрестностяхъ города. Случаи укушенія европейцевъ чрезвычайно рѣдки. Мнѣ никогда не приходилось слышать, чтобы кто нибудь изъ голландцевъ или туземцевъ былъ укушенъ за время моего пребыванія на Явѣ. Да и вообще опастности подвергаются лишь туземцы, которые не имѣютъ права въ голландскихъ колоніяхъ носить обуви и ходятъ босикомъ. Случается иногда, что змѣи заползаютъ въ дома — такъ во время пребыванія въ Бейтенцоргѣ Караваева въ домъ директора Института Treub'a вползла чрезвычайно ядовитая и опасная для человѣка *Bungarus semifasciatus*, которая и была убита. Я знаю нѣсколько другихъ примѣровъ въ подобномъ же родѣ — но все это исключенія — въ общемъ же здѣсь можно гулять съ такою же увѣренностью въ своей безопасности отъ змѣй и другихъ тварей, какъ въ петербургскихъ городскихъ садахъ и паркахъ.

Повторяю, единственный продуктивный способъ собирать рептилій и въ особенности змѣй — это пріобрѣтать ихъ отъ туземцевъ, которые большіе артисты по части ловли пресмыкающихся. При желаніи можно собрать большую спиртовую коллекцію ихъ.

Бейтенцоргъ классическое мѣсто для собиранія матеріала по эмбріологіи рептилій. Яйца змѣй и въ особенности ящерицъ добывать можно въ большомъ количествѣ безъ особаго труда. Богатый матеріалъ по развитію *Draco*, *Gecko*, *Ptychozoon*, *Calotes*, *Tachydromus* и др. былъ собранъ въ Бейтенцоргѣ многими натуралистами. Съ большимъ успѣхомъ работалъ на Явѣ надъ развитіемъ *Lacertilia* между прочимъ и Караваевъ, также Selenka, Strubell, Semon, Педашенко и др.

Два слова объ амфибіяхъ. На Явѣ встрѣчаются лишь представители безхвостыхъ амфибій — *Anura*. Ни *Urodela* ни *Gymnophiona* здѣсь не водятся.

Что касается *Anura*, встрѣчающихся въ окрестностяхъ Бейтенцорга, то, укажу между прочимъ на интересную летающую древесную лягушку *Rhacophorus*.

Ѣдущій въ Бейтенцоргъ натуралистъ, будь онъ морфологъ или систеематикъ, одинаково можетъ разсчитывать на обильный матеріалъ по части Arthropoda. Главнымъ образомъ, конечно, мнѣ придется здѣсь остановиться на паукообразныхъ, многоножкахъ и насѣкомыхъ. Очень досадно, что на Явѣ, повидимому, не встрѣчаются представители *Onychophora*. При наличіи благоустроенной научной базы это былъ бы большой шансъ въ рукахъ изслѣдователя, занимающагося морфологіей этой интересной группы.

Впрочемъ всѣ данныя за то, что со временемъ и на Явѣ отыщутъ этихъ животныхъ; въ настоящее время вѣдь *Peripatus* и близкіе роды найдены на Малаккѣ, на Суматрѣ, т. е. совсѣмъ рядомъ съ Явой.

Переходя къ обозрѣнію *Arachnoidea*, начну съ пауковъ. Этотъ отрядъ чрезвычайно богато представленъ въ фаунѣ окрестностей Бейтенцорга. Особенно цѣнно для морфолога, что здѣсь не мало очень крупныхъ формъ, каковы, напр., гигантскіе *Mygale*, огромные, ярко окрашенные *Nephila* (*N. maculata*) и многія другія. *Nephila*, напримѣръ, можно имѣть въ Бейтенцоргѣ въ очень большомъ количествѣ. Не трудно также доставать мигалидъ и ихъ яйца. Вообще можно смѣло сказать, что при желаніи здѣсь можно собрать прекрасный эмбріологическій матеріалъ—яйца многихъ пауковъ легко добывать во время прогулокъ по саду или покупать у малайскихъ ребятишекъ. Въ концѣ мая и въ іюнѣ мнѣ часто приносили огромныхъ, страшнаго вида, самокъ *Mygale* съ большими коконами. Пауки эти чрезвычайно смирны—ихъ днемъ можно держать въ открытой коробкѣ безъ опасенія за то, что они убѣгутъ. Коконы, которые самки, значительно превосходящія самца по размѣрамъ, таскаютъ съ собою, достигаютъ весьма внушительныхъ размѣровъ—до 4 сантиметровъ въ діаметрѣ. Они имѣютъ видъ подушекъ иногда почти шаровидной формы—ихъ оболочки такъ плотны, что съ трудомъ рвутся пальцами. Въ это время нѣкоторые коконы набиты крупными, совершенно круглыми, бѣлыми яйцами (діаметръ яйца около 3 mm.), или же содержатъ уже вылупившихся молодыхъ паучковъ.

Изъ мелкихъ оригинальныхъ формъ пауковъ укажу здѣсь на интересныхъ, ярко окрашенныхъ *Gasteracantha*, невольно бросающихся въ глаза своими причудливыми формами.

Въ громадномъ количествѣ можно имѣть въ Бейтенцоргѣ различныхъ скорпіоновъ. Большинство изъ нихъ формы мелкія (*Hormurus* и др.), но одинъ изъ представителей сем. *Scorpionini* — *Scorpio indicus* L. темно-зеленаго цвѣта поражаетъ своими гигантскими размѣрами. Нерѣдко случается имѣть въ рукахъ экземпляры, достигающіе до 6—7 дюймовъ въ длину. Этотъ гигантскій скорпіонъ необыкновенно удобенъ для всякаго рода изслѣдованій и опытовъ; притомъ же его можно имѣть въ большомъ количествѣ. Нерѣдко можно найти самокъ съ развивающимися яйцами, и собрать

хорошій эмбріологическій матеріалъ не представляетъ затрудненій, если усердно заняться этимъ вопросомъ. Нужно замѣтить кстати, что нѣкоторые факты въ эмбріологіи этого скорпіона чрезвычайно интересны — по своему развитію онъ стоитъ совершенно особнякомъ во многихъ отношеніяхъ отъ другихъ скорпіоновъ, развитіе которыхъ въ настоящее время извѣстно[1]). Кромѣ *Scorpio indicus* L. около Бейтенцорга весьма обыкновенны нѣкоторые мелкіе виды скорпіоновъ. Таковы, напр., *Hormurus, Isometrus* и др.

Очень богаты окрестности Бейтенцорга представителями интересной группы *жгутоногихъ* (*Pedipalpi*), свойственной при этомъ почти исключительно тропическимъ странамъ, а посему очень мало изслѣдованной по сравненію съ другими отрядами *Arachnoidea*. Для изученія жгутоногихъ Бейтенцоргъ можетъ считаться классическимъ мѣстомъ. Пожалуй въ этомъ отношеніи это наилучшее мѣсто на Явѣ. Здѣсь можно имѣть обширный матеріалъ для изслѣдованія двухъ формъ этого интереснаго отряда паукообразныхъ—*Thelyphonus* (нѣсколько видовъ) и *Phrynus*. Особенно обыкновененъ крупный *Thelyphonus caudatus* L. *Phrynus* сравнительно очень мелокъ и значительнѣе болѣе рѣдокъ, чѣмъ *Thelyphonus*. Въ общемъ на каждые 20—30 экземпляровъ *Thelyphonus* мнѣ приходилось получать 1—2 экземпляра *Phrynus*.

Періодъ моего пребыванія въ Бейтенцоргѣ былъ случайно особенно неблагопріятнымъ для добыванія телифоновъ. Стояла сравнительно очень сухая погода и поэтому, какъ мнѣ говорили, эти паукообразныя встрѣчались гораздо рѣже, чѣмъ обыкновенно, и все же за два мѣсяца пребыванія въ Бейтенцоргѣ у меня перебываю въ рукахъ до 200 экземпляровъ *Thelyphonus* и около 15 экземпляровъ *Phrynus*.

Лучшее время для работы надъ *Thelyphonus*'омъ—это осенніе, сырые мѣсяцы, но какъ видно изъ вышесказаннаго, и лѣтомъ, даже при особенно неблагопріятныхъ условіяхъ, въ матеріалѣ недостатка не будетъ.

Искать самому телифоновъ несмотря на всю ихъ обыкновенность—дѣло далеко не столь легкое, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Первое время обыкновенно всѣ поиски оказываются тщетными. Въ концѣ концовъ дѣло налаживается, получаешь нѣкоторый навыкъ и иногда удается, хотя и не безъ труда, поймать нѣсколько штукъ телифоновъ въ утро. Въ особенности умѣло и искустно скрывается маленькій *Phrynus*. Его окраска такъ подходитъ подъ цвѣтъ земли, что животное, посаженное даже сравни-

1) Какъ показали изслѣдованія И. И. Полянскаго (Zool. Anz. Bd. XXVII). яйца Sc. indicus чрезвычайно малы и въ первыхъ стадіяхъ развитія лишены желтка. Желтокъ появляется лишь впослѣдствіи и матеріалъ для образованія его проникаетъ внутрь зародыша изъ материнскаго организма черезъ стѣнки матки. Существуетъ родъ плаценты примитивнаго строенія. Зародышевыя оболочки, характерныя для зародышей скорпіоновъ, здѣсь также отсутствуютъ.

тельно въ небольшую стеклянную чашку съ землей, зачастую съ трудомъ отыщешь.

Какъ скорпіоны, такъ и жгутоногія прекрасно живутъ въ неволѣ. Скорпіоны живутъ въ сообществѣ очень миролюбиво, телифоны же поѣдаютъ другъ друга.

Для человѣка *Thelyphonus* и *Phrynus* — безобиднѣйшія существа. Въ противоположность скорпіонамъ — они совершенно безопасны для человѣка. Указанія на ядовитость телифоновъ, встрѣчающіяся даже въ хорошихъ учебникахъ зоологіи (напр. въ извѣстномъ прекрасномъ курсѣ проф. Н. Бобрецкаго), ни на чемъ не основаны. Разсерженный, или вообще потревоженный телифонъ, имѣетъ правда довольно грозный видъ и невольно внушаетъ опасенія человѣку неопытному. Животное загибаетъ свой абдоменъ надъ тораксомъ, такъ что хвостовая нить получается почти на одномъ уровнѣ съ клешнями, широко разставляетъ клешни и съ силою выпрыскиваетъ ѣдкую муравьиную кислоту въ непріятеля. Сильно распыленная струя жидкости летитъ на разстояніи почти одного аршина и непріятно обжигаетъ кожу.

Какъ извѣстно, железы, приготовляющія эту кислоту, въ числѣ двухъ несимметрично расположенныхъ трубокъ, лежатъ на брюшной сторонѣ абдомена, открываясь около основанія хвостовой нити наружу.

Держать телифоновъ необходимо въ сыромъ помѣщеніи. Я держалъ ихъ въ высокихъ стеклянныхъ чашкахъ, наполненныхъ землею, которую обильно поливалъ водой. Сырость и тѣнь — необходимыя условія для телифона. Обыкновенно на волѣ находишь ихъ подъ камнями, подъ сырыми щепками, подъ грудой мокрыхъ листьевъ или даже въ землѣ въ небольшихъ норкахъ. Я работалъ надъ анатоміей, гистологіей и эмбріологіей этихъ животныхъ, собирая матеріалъ для задуманной мною въ то время монографіи этой группы паукообразныхъ. Помимо анатомированія телифоновъ и соотвѣтственнаго консервированія матеріала для изслѣдованія его въ Петербургѣ, я естественно воспользовался случаемъ изучить на живыхъ животныхъ тѣ органы (равно какъ и ихъ физіологическія отправленія), которые не поддаются изслѣдованію на консервированномъ матеріалѣ. Такъ, примѣняя методъ физіологическихъ инъекцій, я могъ изучить органы выдѣленія и фагоцитозъ какъ телифона, такъ и мелкаго *Phrynus*.

Одною изъ научныхъ задачъ своей поѣздки на Яву я поставилъ себѣ, какъ уже говорилъ раньше, изученіе эмбріональнаго развитія *Pedipalpi*. Многіе натуралисты, ѣздившіе въ Бейтенцоргъ задавались этою цѣлью и собирали матеріалъ, но не всегда удачно. Нужно замѣтить, что матеріалъ по развитію *Thelyphonus*'а добывается съ большимъ трудомъ. Въ отличіе отъ скорпіоновъ, родящихъ какъ извѣстно, живыхъ дѣтенышей, *Thelyphonus*

носитъ свои развивающіеся яйца прикрѣпленными къ брюшной сторонѣ передней части абдомена въ видѣ большой подковообразной массы[1]).

Яйца телифона очень крупной величины (около 2—2,5 mm. въ діаметрѣ), совершенно круглой, рѣже овальной, формы, бѣлаго цвѣта (со слегка желтымъ оттѣнкомъ) заключены въ полупрозрачную тонкостѣнную капсулу. Каждая такая капсула или мѣшокъ заключаетъ въ себѣ до полусотни яицъ плотно прилегающихъ одно къ другому.

Съ самаго начала работы въ Бейтенцоргѣ я усиленно старался добывать самокъ съ яйцами черезъ туземцевъ. Несмотря на предлагаемую очень высокую плату (50—80 центовъ), установившуюся на этотъ объектъ въ виду его рѣдкости, я все же получалъ матеріалъ не чаще раза въ недѣлю, да и то всего по одной, по двѣ самки съ отложенными яйцами.

Мнѣ кажется, что помимо несомнѣнной трудности добыванія матеріала, многое объясняется инертностью и лѣнью малайцевъ. Заработавъ гульденъ, два, малаецъ до тѣхъ поръ не примется за энергичные поиски, пока не израсходуетъ деньги. Да и наконецъ эту же самую сумму онъ заработаетъ по мелочамъ, принося въ лабораторію тому же натуралисту легко добываемыхъ животныхъ, которыя, правда, цѣнятся дешевле, но за то ихъ безъ труда, попутно такъ сказать, онъ достанетъ во множествѣ.

Видя, что матеріалъ собирается съ большимъ трудомъ, я рѣшилъ самъ взяться за дѣло и ежедневно по утрамъ отправлялся на поиски. Познакомившись съ излюбленными мѣстами пребыванія телифоновъ я сталъ усердно искать подъ камнями, подъ стволами деревьевъ, въ листьяхъ убѣжища самокъ и поиски мои увѣнчались успѣхомъ. Я убѣдился, что при сильномъ желаніи и не менѣе сильномъ усердіи можно добыть самому среднимъ числомъ около двухъ-трехъ самокъ съ яйцами въ недѣлю. Вообще нужно замѣтить, что найти самку телифона съ отложенными яйцами дѣло очень трудное; многое зависитъ здѣсь отъ случая—настолько тщательно и искусстно онѣ скрываются въ это время. Мнѣ случалось находить ихъ обыкновенно закопавшимися въ землю, зарывшимися подъ щепы, подъ камнями въ небольшихъ норкахъ.

Самокъ со вполнѣ развитыми яйцами въ яичникахъ я зачастую находилъ, вскрывая телифоновъ въ маѣ и іюнѣ, сажалъ самокъ въ мои террариі, по долгу держалъ ихъ тамъ, но никогда не удавалось добиться, чтобы хотя одна изъ нихъ отложила яйца. Раза два случалось, посадивъ пойманную самку съ уже отложенными яйцами въ отдѣльную баночку, черезъ день не найти яицъ — самка ихъ пожираетъ. Аналогичный случай описываетъ и Караваевъ.

1) *Phrynus*, наоборотъ, подобно скорпіонамъ принадлежитъ къ живородящимъ животнымъ — его яйца развиваются въ маткѣ.

Вылупившіеся изъ яицъ зародыши совершенно бѣлаго цвѣта, съ нечленистою хвостовою нитью. Ихъ абдоменъ не сплющенъ какъ у взрослыхъ, а имѣетъ округлую форму. Зародыши совершенно безпомощны, они держатся за тѣло матери при помощи особыхъ присосковъ на ногахъ, впослѣдствіи замѣняющихся коготками. Въ это время самка телифона имѣетъ оригинальный видъ—она вся обвѣшана бѣлыми телифонятами, которые сидятъ у нея на ногахъ, обвиваются вокругъ абдомена, висятъ на хвостовомъ придаткѣ. Уже взрослые телифонята, по habitus'у не отличимые отъ старыхъ, все еще продолжаютъ долгое время цѣпляться за мать.

Въ общемъ мнѣ удалось собрать хорошій матеріалъ по эмбріологіи *Thelyphonus*, къ обработкѣ котораго уже приступлено. На обратномъ пути въ Россію я захватилъ съ собою нѣсколько десятковъ телифоновъ живыми. Везъ я ихъ въ раздѣленномъ на клѣточки ящикѣ съ землей и листьями. Караваеву не удалось довести своихъ телифоновъ даже до Сингапура. Педашенко довезъ ихъ до Дарданеллъ. Я, поддерживая постоянно сырость въ ящикѣ и держа его въ тепломъ мѣстѣ, доставилъ половину моихъ питомцевъ до Батума. Здѣсь насъ застали холода — телифоны несмотря на всѣ мои заботы о нихъ стали быстро гибнуть. Въ результатѣ до Одессы уцѣлѣлъ только одинъ экземпляръ — это былъ первый телифонъ, увидѣвшій Россію. Къ сожалѣнію ему не суждено было увидѣть Петербурга—онъ погибъ благодаря возмутительному обращенію съ ящикомъ таможенныхъ чиновниковъ, которые, не смотря на мои протесты, продержали его на морозѣ около часу.

Живя въ Бейтенцоргѣ можно съ большимъ успѣхомъ поработать надъ *Myriapoda*. Представители какъ *Chilognatha*, такъ и *Chilopoda* встрѣчаются здѣсь въ большомъ количествѣ. Не рѣдко можно доставать очень крупныхъ диплонодъ. Сколопендры обычно не очень крупны, но зато ихъ можно имѣть во множествѣ — разнообразныхъ видовъ. Встрѣчаются впрочемъ и очень крупныя формы—до 8—9 дюймовъ въ длину, но сравнительно рѣдко. Удавалось мнѣ доставать и яйца сколопендръ, а также ихъ взрослыхъ зародышей. Вообще говоря, мѣстная фауна *Myriapoda* чрезвычайно богата. Въ окрестностяхъ Бейтенцорга извѣстно болѣе двухъ десятковъ *Diplopoda* (роды: *Zephronia*, *Siphonorhynus*, *Platyrhacus*, *Strongylosoma*, *Doratonotus*, *Cryptodesmus*, *Cambala*, *Spirotreptus*, *Siphonophora*, *Siphonotus* и др.). Изъ *Chipoda* обыкновенны нѣкоторые *Scutigeridae*, *Lithobiidae* и въ особенности *Scolopendridae* (*Scolopendra*, *Otostigma*, *Rhysida* и др.), а также *Geophilidae*.

Въ Бейтенцоргѣ встрѣчается также и представитель примитивныхъ многоножекъ *Symphyla* — извѣстная *Scolopendrella immaculata* Newp.

Перехожу теперь къ насѣкомымъ.

Насѣкомыя тропиковъ всегда служатъ приманкой для натуралиста какъ фауниста, такъ и морфолога. Каждый, конечно, преслѣдуетъ свои задачи—фаунистъ ищетъ новыхъ и рѣдкихъ формъ, морфологу нужны формы, интересныя не только въ систематическомъ и морфологическомъ отношеніи, но и встрѣчающіяся въ достаточномъ количествѣ. Для анатомическаго изслѣдованія особенно цѣнны, конечно, крупные виды, которые дозволяютъ сравнительно легко выяснить то, что на мелкихъ объектахъ дается съ большимъ трудомъ.

Для энтомолога, занимающагося морфологическими и біологическими вопросами, Бейтенцоргъ богатое мѣсто—онъ найдетъ здѣсь себѣ прямо неисчерпаемый матеріалъ. Требованія энтомологовъ систематиковъ для меня неясны и я не берусь судить удовлетворятся ли они фауной окрестностей Бейтенцорга, но зато съ увѣренностью скажу, что энтомологъ любитель, экскурсантъ, ищущій оригинальныхъ, эффектныхъ, красивыхъ насѣкомыхъ (мелкихъ, сѣренькихъ формъ не мало и въ Россіи—нужно быть энтомологомъ спеціалистомъ, чтобы ими увлекаться въ тропикахъ, отъ которыхъ ждешь большаго), притомъ человѣкъ бывалый и взыскательный, врядъ ли останется доволенъ пребываніемъ въ Бейтенцоргѣ.—Человѣка, ожидающаго встрѣтить на Явѣ энтомологическое эльдорадо, неизбѣжно ждетъ въ Бейтенцоргѣ (да и нетолько въ Бейтенцоргѣ!) горькое разочарованіе. Насѣкомыхъ ничѣмъ не выдающихся, не бросающихся въ глаза много (хотя насѣкомыя попадаются на глаза, вообще говоря, гораздо рѣже, чѣмъ въ странахъ умѣреннаго пояса), а крупныя и эффектныя формы, которыя главнымъ образомъ прельщаютъ экскурсанта, встрѣчаются такъ рѣдко, что ихъ пожалуй нельзя даже принимать въ соображеніе, говоря о впечатлѣніи, производимомъ фауной насѣкомыхъ. Можно было бы думать и возразить самому себѣ, что причина здѣсь кроется въ неопытности и неумѣніи искать и видѣть. Согласенъ, умѣнье наблюдать вещь очень важная, но оно мало поможетъ, если наблюдать нечего. На Молуккахъ, на островахъ Папуасіи, посѣщенныхъ мною, — нѣкоторые уголки кишатъ оригинальными насѣкомыми и здѣсь на нихъ нельзя не обратить вниманія, именно потому, что ихъ много. Такихъ уголковъ на Явѣ я не встрѣчалъ. Пользуясь услугами многочисленныхъ помощниковъ туземцевъ можно, впрочемъ, и здѣсь имѣть довольно богатый матеріалъ и получать время отъ времени формы крупныя, удобныя для изслѣдованія.

Болѣе всего, пожалуй, обыкновенны древесные клопы. Нѣкоторыя формы достигаютъ крупныхъ размѣровъ. Изъ жуковъ часто случается добывать въ Саду красивыхъ большихъ долгоносиковъ. (*Rhynchophorus*) прелестныхъ *Buprestidae*, каковы напр. *Chrysochroa* и др., *Batocera*, *Xylotrupes*, *Chalcosoma* и др. Такія фантастическія формы, какъ *Mormolyce*—въ Бейтенцоргѣ совсѣмъ не встрѣчаются—ихъ нужно искать въ лѣсахъ. Изрѣдка ту-

земцы приносятъ этихъ оригинальныхъ жуковъ изъ лѣсовъ, покрывающихъ склоны Гедэ и Салака.

Изъ бабочекъ, которыхъ на Явѣ множество, эффектныя формы тоже не бросаются въ глаза. Лишь красивая *Ornithoptera pompeus*—единственная представительница этой роскошной группы на Явѣ, да нѣкоторыя крупныя *Papilio* (*P. memnon* и др.), очень обыкновенныя въ Ботаническомъ Саду, обращаютъ на себя вниманіе. Ява въ этомъ отношеніи далеко уступаетъ Молуккамъ и Папуасіи, гдѣ большія, роскошныя бабочки попадаются на каждомъ шагу.

Отрядъ *Orthoptera* представленъ на Явѣ чрезвычайно богато по числу формъ очень оригинальныхъ, красивыхъ и интересныхъ, но окрестности Бейтенцорга очень не богаты количествомъ этихъ именно формъ. Въ очень большомъ количествѣ можно имѣть здѣсь различныхъ *Gryllodea* (*Gryllus*, *Brachytrypus*, *Gymnogryllus*, *Gryllotalpa* и др.). Обыкновенны крупныя формы, напр. *Brachytrypus*, которой очень удобенъ для всякаго рода изслѣдованій.

Въ большомъ количествѣ, какъ всюду вообще, встрѣчаются различныя *Acridoidea*. Различныхъ *Acridium*, *Tryxalis*, мелкихъ *Tettigidae* можно имѣть въ неограниченномъ количествѣ.

Очень богатъ формами и сравнительно бѣдно представленъ количествомъ особей отрядъ *Locustodea*. Впрочемъ мнѣ удалось собрать довольно значительное число интересныхъ *Gryllacridae*, крупныхъ *Mecopoda*, разнообразныхъ *Pseudophyllidae* (*Pseudophyllus*, *Cleandrus* и др.). Сем. *Pseudophyllidae* особенно меня интересовало и я не упускалъ случая пріобрѣтать этихъ поразительныхъ насѣкомыхъ, въ совершенствѣ подражающихъ зеленымъ листьямъ. Особенно выдается въ этомъ отношеніи очень крупный *Cleandrus graniger* Serv., не уступающій, пожалуй, знаменитому *Phyllium*.

Изъ другихъ мимикрирующихъ формъ самыми обычными нужно считать, пожалуй, различныхъ *Mantodea*. Такія формы, какъ *Mantis*, *Rhombodera* и др. очень обыкновенны въ Бейтенцоргѣ. Менѣе обыкновеннымъ является одинъ изящный богомолъ, въ совершенствѣ подражающій одному цвѣтку. Сходство съ цвѣткомъ въ особенности рѣзко бросается въ глаза у безкрылыхъ личинокъ этого вида, окрашенныхъ то въ нѣжно розовый, то въ ярко желтый цвѣтъ, съ пластинчатыми листовидными расширеніями на ногахъ. Это насѣкомое искусстно подвѣшивается на переднихъ ногахъ, своеобразно изгибаетъ свой, красиво разрисованный на подобіе лепестковъ цвѣтка, абдоменъ, разставляетъ вѣнчикомъ остальныя двѣ пары ногъ — и въ результатѣ получается впечатлѣніе цвѣтка.

Меня спеціально интересовалъ съ морфологической точки зрѣнія отрядъ *Phasmodea*. Въ періодъ моего пребыванія въ Бейтенцоргѣ мнѣ удалось до-

быть три — четыре экземпляра *Phasma*, *Bacillus*, *Cyphocrana* и др. Зато впослѣдствіи, въ концѣ іюня, когда я былъ въ Tjibodas, я во множествѣ собиралъ тамъ въ лѣсу огромныхъ сучкоподобныхъ фасмидъ и доставалъ ихъ своеобразныя крупныя яйца и личинокъ.

Среди *Phasmodea* одной изъ интереснѣйшихъ формъ является между прочимъ всѣмъ извѣстный «странствующій листъ» — *Phyllium*. Это листовидное насѣкомое около Бейтенцорга встрѣчается рѣдко. Я добылъ два экземпляра *Phyllium* во время экскурсій на склоны Гедэ и Салака. Кромѣ того два экземпляра принесли мнѣ малайцы въ лабораторію, такъ что я вынесъ впечатлѣніе, что вообще *Phyllium* долженъ считаться рѣдкимъ насѣкомымъ въ окрестностяхъ Бейтенцорга. На это указываютъ и установившіяся цѣны на него — дешевле 40—50 центовъ Вы не купите у туземца листовидку, зачастую же заплатите и еще бóльшую сумму.

Мнѣ осталось сказать еще нѣсколько словъ о фаунѣ червей и моллюсковъ, чтобы пополнить мой краткій очеркъ Бейтенцоргской фауны.

Говоря о червяхъ я упомяну о немногочисленныхъ наземныхъ *пьявкахъ*, и различныхъ *Oligochaeta* — очень обыкновенныхъ повсемѣстно въ Бейтенцоргѣ. Среди послѣднихъ здѣсь много чисто экзотическихъ формъ, изъ которыхъ временами попадаются экземпляры, достигающіе прямо гигантскихъ размѣровъ.

Собираясь ѣхать въ тропики я надѣялся собрать матеріалъ по эмбріологіи наземныхъ *планарій*, которыя не представляютъ рѣдкости въ окрестностяхъ Бейтенцорга. Я думалъ найти тамъ крупныя формы, но ошибся въ своихъ разсчетахъ.

Наземныхъ планарій оказалось дѣйствительно довольно много даже въ непосредственной близости отъ Лабораторіи въ Саду, но въ большинствѣ случаевъ приходилось имѣть дѣло съ очень мелкими формами, что затрудняло выполненіе моей задачи. Мнѣ неудалось получить ихъ яицъ.

Довольно часто попадаются въ Бейтенцоргѣ и его окрестностяхъ представители рода *Bipalium*, довольно широко распространеннаго на Явѣ (въ предѣлахъ Малайскаго Архипелага этотъ родъ найденъ еще на Борнео, Суматрѣ, Филиппинскихъ островахъ; встрѣчается онъ также на Цейлонѣ, въ Индіи, Японіи и юговосточномъ Китаѣ). Только два раза мнѣ посчастливилось добыть въ Tjibodas сравнительно очень крупныхъ *Bipalium*, достигавшихъ 3 дюймовъ въ длину; обыкновенно же приходится имѣть въ своемъ распоряженіи экземпляры едва достигающіе 1 д. Кромѣ *Bipalium*, которыхъ въ западной части Явы — около Бейтенцорга и Tjibodas извѣстно — до десяти видовъ, въ Бейтенцоргѣ можно имѣть еще мелкихъ *Geoplana*, *Rhynchodemus* и др. Два слова о *моллюскахъ*. Фауна ихъ очень богата, но я мало съ нею знакомъ. Мнѣ приходилось имѣть дѣло только съ наземными

формами — укажу среди нихъ на разнообразныхъ *Helicidae*. Яйца нѣкоторыхъ изъ нихъ, достигающихъ поразительно крупныхъ размѣровъ, зачастую приносятъ въ Лабораторію.

Вотъ въ краткихъ чертахъ очеркъ Бейтенцоргской фауны.

Я тщательно старался отмѣчать всѣхъ тѣхъ животныхъ, которыхъ можно доставать здѣсь въ большомъ количествѣ экземпляровъ, что, конечно, въ извѣстныхъ случаяхъ очень важно для морфолога. Какъ можно убѣдиться изъ предлагаемаго очерка въ матеріалѣ для работы недостатка здѣсь нѣтъ. Можно заранѣе сказать, на что въ правѣ разсчитывать натуралистъ, отправляющійся въ Бейтенцоргъ. Морфологъ вполнѣ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что найдетъ для себя тотъ или другой матеріалъ, экскурсантъ и любитель природы будетъ скучать — черезъ чуръ сильно сказывается въ этомъ уголкѣ Явы вліяніе европейской культуры, чтобы истинный цѣнитель природы могъ почувствовать удовлетвореніе. Онъ долженъ поскорѣе уѣзжать съ Явы, — на Суматру, Борнео, на острова Молукскаго Архипелага, въ Папуасію — вообще туда, гдѣ тропическій міръ является такимъ, какимъ онъ есть самъ по себѣ, а не такимъ, какимъ его сдѣлали европейцы.

Почти каждый зоологъ, ѣдущій въ Бейтенцоргъ, можетъ расчитывать вывести оттуда зоологическія коллекціи, независимо отъ того чувствуетъ ли онъ склонность къ коллектированію, или нѣтъ. Въ общемъ это даже и не особенно важно; во всякомъ случаѣ большая часть животныхъ пріобрѣтается здѣсь отъ туземцевъ и роль натуралиста сводится только къ ихъ консервированію.

Конечно, хорошую коллекцію можно собрать только экскурсируя лично. Приносимый матеріалъ однообразенъ — носятъ только или формы крупныя, или формы, бросающіяся въ глаза. Не какъ бы то ни было, работая въ Бейтенцоргѣ, не выходя изъ Лабораторіи можно вывести самыя разнообразныя коллекціи.

Другое дѣло въ другихъ странахъ Малайскаго Архипелага. Тамъ собрать коллекцію можетъ надѣяться только тотъ, кто не чуждъ страсти коллекціонера и экскурсанта. Надѣяться на помощь туземцевъ нельзя — въ этомъ мнѣ пришлось убѣдиться на собственномъ опытѣ—все, что привезено мною съ острововъ Ару, Новой Гвинеи и т. д. за немногими исключеніями собрано собственными руками. Но тамъ и экскурсіи доставляютъ огромное удовольствіе, даютъ удовлетвореніе—на Явѣ же онѣ невыносимо скучны.

По этой причинѣ я, вообще страстный экскурсантъ, мало экскурсировалъ по окрестностямъ Бейтенцорга. И все же мнѣ, пользуясь услугами туземцевъ, удалось собрать значительныя коллекціи по разнымъ классамъ и позвоночныхъ и безпозвоночныхъ.

Съ особеннымъ увлеченіемъ собиралъ я мимикрирующихъ *Orthoptera*.

Препаровка ихъ требуетъ большой тщательности, но при нѣкоторомъ навыкѣ не отнимаетъ очень много времени. Для сохраненія натуральныхъ цвѣтовъ и свѣжести окраски зеленыхъ формъ положительно необходимо вынимать внутренности изъ абдомена и набивать ихъ ватой, а затѣмъ подсушивать насѣкомое при температурѣ 40—45° Ц. въ продолженіи сутокъ. Результаты получаются прямо блестящіе[1]).

Обыкновенно въ Европѣ энтомологи много говорятъ о трудностяхъ сохраненія сухихъ насѣкомыхъ въ тропикахъ. Думаю я, что разсказы эти преувеличены. Конечно, сырость и обиліе вредныхъ для коллекцій насѣкомыхъ (муравьевъ, термитовъ и т. п.) подчасъ сильно затрудняютъ коллекціонера, но въ общемъ съ этими невзгодами и трудностями легко бороться и справиться.

Сохраненіе собранныхъ энтомологическихъ объектовъ въ сырые мѣсяцы, конечно, затруднительнѣе, чѣмъ въ лѣтнее время, сравнительно сухое. Я особенно большой сырости въ Бейтенцоргѣ не испыталъ и съ особенными трудностями при сохраненіи коллекцій не столкнулся. Собранныхъ насѣкомыхъ (мелкихъ) я укладывалъ рядами на вату и пластинки ваты помѣщалъ на нѣсколько часовъ, часто на сутки, въ сушильный шкафъ. Этотъ шкафъ— грубое подобіе термостата, сдѣланнаго изъ жести — нетрудно приготовить самому. Въ Бейтенцоргѣ я пользовался уже готовымъ, а во время поѣздки въ отдаленныя мѣста Малайскаго Архипелага возилъ съ собою жестянной ящикъ съ двойнымъ дномъ на ножкахъ. Ящикъ этотъ, плотно запирающійся крышкой, нагрѣвался, когда нужно было, обыкновенной керосиновой лампой. Если въ пути не было возможности подогрѣвать этотъ импровизированный сушильный шкафъ, то насѣкомыя высушивались въ немъ же просто кусочками хлористаго кальція, а лучше всего прямо на сильномъ солнцѣ.

Пластинки ваты съ высушенными хорошо насѣкомыми укладывались въ обыкновенныя деревянныя энтомологическія коробки и перекладывались нафталиномъ. Коробки эти, заполненныя до верху, заклеивались плотной пергаментной бумагой и уже въ такомъ видѣ насѣкомыя лежали никѣмъ не тревожимыя и сохранялись превосходно.

Попробовалъ я въ Бейтенцоргѣ держать эти деревянныя коробки въ ящикахъ съ хлористымъ кальціемъ или известью, поглощающими влажность, но результаты получились плачевные. Стоило иногда такую высушенную коробку вынести на воздухъ, какъ по прошествіи нѣкотораго времени она съ трескомъ лопалась, коробилась и приходила въ полную негодность.

1) Способъ набивки прямокрылыхъ указанъ Н. Я. Кузнецовымъ въ «Программахъ» изданныхъ СПБ. Обществомъ Естествоиспытателей. Я значительно упрощалъ его, ограничиваясь лишь удаленіемъ внутренностей изъ брюшка, легкимъ поверхностнымъ просушиваніемъ его внутреннихъ стѣнокъ пропускной бумагой и заполненіемъ брюшка ватой. Вся процедура беретъ 4—5 минутъ времени, даже меньше.

Рептилій и амфибій я консервировалъ почти исключительно въ 70° алкоголѣ, предварительно выдерживая втеченіи сутокъ въ обычномъ растворѣ формалина, который такъ же, какъ и спиртъ, можно достать въ Институтѣ. Впрочемъ не мѣшаетъ захватить съ собою на всякій случай изъ Россіи банку, двѣ формальдегида.

Глава III.

Поѣздка въ Tjibodas и восхожденіе на кратеръ вулкана Гедэ.

Работая въ Бейтенцоргѣ я по праздникамъ совершалъ небольшія прогулки пользуясь желѣзной дорогой, какъ дешевымъ и быстрымъ средствомъ передвиженія. Между прочимъ во время одной поѣздки по дѣламъ въ Батавію я воспользовался случаемъ и посѣтилъ болота Танджокъ Пріока, совершилъ восхожденіе отъ ст. Tjitjoeroeg на лѣсистые склоны вулкана Салака, экскурсировалъ въ окрестностяхъ Tjibadak. Поѣздку на Пріокскія болота я считаю одной изъ самыхъ интересныхъ экскурсій. Эти болота тянутся на огромномъ разстояніи по сѣверному берегу острова вдоль моря. Обширная болотистая равнина прорѣзана цѣлой сѣтью рѣчекъ, ручьевъ и каналовъ. Мѣстами она очень топка и почти непроходима, мѣстами покрыта древесною растительностью, но на большей части своего протяженія заросла кустарникомъ, густой высокой травой, мелкимъ бамбукомъ, приземистой характерной *Nipa*-пальмой и т. д. Въ этихъ болотахъ нерѣдки крокодилы и мнѣ удалось не безъ особеннаго труда застрѣлить изъ простого дробового ружья (пулей Жевело) одного изъ этихъ пресмыкающихся. Очень интересно посѣщеніе мангровъ, которыми такъ богато морское побережье около Батавіи. Для ознакомленія съ этою растительностью, столь оригинальною и интересною, можно ограничиться небольшою, сравнительно, поѣздкой изъ Пріока въ лодкѣ, которую легко достать здѣсь же. Проводника лучше всего взять изъ Бейтенцорга — кого нибудь изъ туземцевъ, служащихъ въ Институтѣ.

Очень поучительны поѣздки по желѣзной дорогѣ въ ближайшіе пункты остановокъ—на станціи Tjitjoeroeg, Soekaboemi, Tjandjoer и др. Эти прогулки, не отнимая много времени, даютъ возможность ознакомиться съ характеромъ яванскихъ плантацій. Около Бейтенцорга, какъ и вообще въ западной части Явы, сосредоточены главнымъ образомъ плантаціи чая. Впрочемъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Бейтенцорга очень немного чайныхъ плантацій. Центромъ культуры чая считаютъ сосѣднія Преангерскія Регенства, граница которыхъ проходитъ неподалеку отъ Бейтенцорга; часъ пути по желѣзной дорогѣ, и вы будете уже въ Преангерской провинціи. Въ небольшихъ размѣрахъ культивируются здѣсь же около Бейтенцорга кофе, индиго, сахарный тростникъ, табакъ и т. д.

Но самою интересною экскурсіею, совершенною мною во время пребыванія на Явѣ, была несомнѣнно экскурсія на вершину вулкана Гедэ (Gedeh) и въ Tjibodas, гдѣ, какъ извѣстно, находится горное отдѣленіе Бейтенцоргскаго Института. Главнымъ образомъ меня манила туда перспектива ознакомиться съ характеромъ дѣвственнаго лѣса, который покрываетъ всѣ склоны Gedeh, а также совершить восхожденіе на кратеръ вулкана, такъ увлекательно описанное Уоллэсомъ.

Поѣздку въ Tjibodas я отложилъ до конца Іюня, когда большинство изъ начатыхъ мною работъ въ Бейтенцоргѣ были уже закончены—собираніе же случайнаго матеріала я надѣялся съ неменьшимъ успѣхомъ продолжать и въ Tjibodas, гдѣ построена небольшая лабораторія.

Добраться до Tjibodas, отстоящаго верстахъ въ 30 отъ Бейтенцорга можно разными путями. Наиболѣе удобными являются два способа—1) доѣхать по желѣзной дорогѣ до ст. Tjandjoer и отсюда верстъ пятнадцать въ сторону по большой дорогѣ на лошадяхъ до Синданглаи, и 2) отъ Бейтенцорга до той же Синданглаи прямо ѣхать на лошадяхъ по большой дорогѣ — Djalan besaar. Я испробовалъ оба способа и нахожу ихъ одинаково удобными.

Рано утромъ часовъ въ семь сѣлъ я на поѣздъ и часамъ къ десяти утра былъ на станціи Tjandjoer. Здѣсь нужно нанять лошадей до Sindanglaja или Tjipannas—отъ обоихъ пунктовъ одинаково можно начать восхожденіе къ Tjibodas. Тройку маленькихъ лошадокъ, запряженныхъ въ довольно таки неудобный экипажъ, хорошо впрочемъ защищающій отъ солнца, нанялъ я тутъ же на станціи за четыре флорина. Дорога до Sindanglaja довольно скучна своимъ однообразіемъ—мѣстами, впрочемъ, попадаются по пути очень живописные уголки, открываются широкіе горизонты. Проѣхавъ мѣстечко Tjipannas—лѣтняя резиденція генералъ-губернатора — вы скоро добираетесь до Синданглаи. Здѣсь имѣется небольшая, хорошая гостинница, гдѣ можно достать носильщиковъ для дальнѣйшаго путешествія и даже верховыхъ лошадей, такъ какъ до Tjibodas вполнѣ возможно безъ всякихъ затрудненій доѣхать верхомъ. Разстояніе здѣсь впрочемъ столь незначительное (всего версты четыре, пять), что путешествіе пѣшкомъ обыкновенно предпочитается, тѣмъ болѣе что дорога вовсе не утомительна. Тропинка идетъ все въ гору, но подъемъ очень постепенный, не крутой. Часа черезъ полтора пути по безлѣсной, однообразной холмистой мѣстности вы добираетесь наконецъ до мѣста.

Лабораторія въ Tjibodas лежитъ на высотѣ 1500 метровъ надъ уровнемъ океана и помѣщается на границѣ огромной лѣсной площади, которая покрываетъ склоны вулкана почти до самаго кратера. Небольшой садъ, въ которомъ стоитъ домикъ лабораторіи и прилежащія къ нему постройки, примыкаетъ прямо къ лѣсу. Въ этомъ саду культивируются растенія, которыя

не выдерживаютъ высокой температуры низкихъ районовъ Явы. Растенія, которыя чахнутъ въ Бейтенцоргѣ, превосходно растутъ въ Tjibodas. Таковы напр. араукаріи, дивная аллея которыхъ составляетъ по моему мнѣнію одну изъ достопримѣчательностей Tjibodas.

Въ зданіи лабораторіи помѣщается довольно обширная рабочая комната,— собственно лабораторія,— затѣмъ столовая, уютная гостинная, она же и библіотека, и, наконецъ, три помѣстительныхъ комнаты для пріѣзжающихъ въ Tjibodas натуралистовъ. Столовая снабжена полнымъ наборомъ обѣденной и чайной посуды, скатертями, салфетками; комнаты для пріѣзжающихъ, предоставляемыя въ распоряженіе натуралистовъ безплатно, обставлены также вполнѣ комфортабельно—имѣются кровати съ полнымъ наборомъ постельныхъ принадлежностей. Библіотека, состоящая почти исключительно изъ книгъ для легкаго чтенія, богата журналами, иллюстрированными изданіями на разныхъ языкахъ. — Нѣсколько тяжеловѣсныхъ старинныхъ фоліантовъ ботаническихъ сочиненій какъ то дисгармонируютъ съ этимъ собраніемъ легкой беллетристики для развлеченія скучающаго натуралиста, которому пришлось бы долгое время прожить въ этой глуши.

Послѣ немногихъ формальностей, состоящихъ въ передачѣ завѣдующему лабораторіей письма отъ Dr. Koningsberger'a, я немедленно водворился въ отведенной мнѣ комнатѣ и принялся за осмотръ лабораторіи и окрестностей.

Лабораторія въ Tjibodas приспособлена главнымъ образомъ для ботаническихъ изслѣдованій. Сюда пріѣзжаютъ изъ Бейтенцорга ботаники для наблюденія надъ растеніями характерными для лѣсной флоры. Лабораторія снабжена столами, шкафами полными приборовъ для физіологическихъ опытовъ, запасомъ стеклянной посуды и пр. Но все это, показалось мнѣ, носитъ характеръ запустѣнія. Нечасто, повидимому, заглядываютъ сюда натуралисты и не подолгу живутъ здѣсь. Впрочемъ, за время существованія лабораторіи въ ней перебывало въ общемъ не мало народу, о чемъ свидѣтельствуетъ лабораторный журналъ, куда вписываются имена посѣтителей. Изъ зоологовъ я прочелъ въ немъ громкія имена Haeckel'я, Willey, Semon'a, Graaf'a и многихъ другихъ почтенныхъ натуралистовъ. Въ большинствѣ случаевъ посѣщенія ихъ были мимолетны—рѣдко кто изъ натуралистовъ оставался здѣсь болѣе двухъ, трехъ недѣль; обыкновенно сюда пріѣзжаютъ на нѣсколько дней, посмотрятъ, поэкскурсируютъ, отдохнутъ на лонѣ природы — и назадъ въ Бейтенцоргъ. Очень ужъ здѣсь уныло, а главное — почти полное одиночество, которое должно дѣйствовать удручающимъ образомъ въ этой глуши, почти лишенной жизни. Многое искупается, конечно, красотами природы, которыхъ такъ много кругомъ Tjibodas, но, повторяю, природа сама производитъ здѣсь впечатлѣніе мертвой, уснувшей. Въ Tjibodas

живетъ постоянно завѣдующій, садовникъ и нѣсколько человѣкъ малайцевъ рабочихъ. Все необходимое для домашняго обихода они получаютъ изъ Синданглаи или изъ сосѣднихъ сунданезскихъ деревень. Но многаго здѣсь нельзя надѣяться достать—поэтому отправляющіеся въ Тьибодасъ должны запастись продовольствіемъ изъ Бейтенцорга. Я запасся тамъ консервами, рисомъ и чаемъ. При лабораторіи имѣется кухня, а одинъ изъ служителей малайцевъ на мой взглядъ большой мастеръ готовить обѣды.

Очень благодарилъ я Koningsberger'a за совѣтъ запастись теплымъ пледомъ. Какъ это не покажется страннымъ, но по ночамъ спать здѣсь безъ теплаго одѣяла невозможно; я кромѣ одѣяла еще укрывался пледомъ и мнѣ вовсе не было жарко. На этихъ высотахъ даже на Явѣ круглый годъ царитъ прохлада.

Тотчасъ по прибытіи въ Tjibodas я принялся за работу. Ежедневно по утрамъ предпринималъ я небольшія экскурсіи въ лѣсъ за матеріаломъ и поиски мои бывали (хотя далеко не всегда) очень успѣшны. Ежедневно добывалъ я по нѣсколько десятковъ сучкоподобныхъ *Phasmidae*, которыхъ въ это время года здѣсь было множество. Нѣкоторые экземпляры достигаютъ весьма почтенныхъ размѣровъ до 7—10 дюймовъ въ длину. Ни у одного яванскаго насѣкомаго такъ рѣзко не выражена мимикрія какъ у этихъ поистинѣ удивительныхъ существъ. Я нашелъ ихъ здѣсь по меньшей мѣрѣ 4—5 видовъ. У большинства еще не были развиты крылья, но попадались и вполнѣ взрослые экземпляры. За пять дней я собралъ всего до сотни *Phasmodea* и впослѣдствіи увезъ ихъ съ собою живыми въ Бейтенцоргъ, гдѣ надѣялся сдѣлать надъ этими насѣкомыми рядъ опытовъ.

Въ Tjibodas я съ успѣхомъ дѣлалъ эксперименты съ введеніемъ примѣняемыхъ обычно при физіологическихъ инъекціяхъ веществъ многимъ *Mantidae*, *Gryllodea*, *Locustodea*. Съ большимъ рвеніемъ собиралъ я попавшійся мнѣ случайно матеріалъ по постъ-эмбріональному развитію одного *Gryllus*. Для меня матеріалъ этотъ представлялъ интересъ въ томъ отношеніи, что я надѣялся впослѣдствіи прослѣдить на молодыхъ личинкахъ онтогегезъ фагоцитарныхъ органовъ, такъ какъ эти органы у сверчковъ развиваются именно въ постъ-эмбріональномъ періодѣ. Надежды меня не обманули — по пріѣздѣ въ Петербургъ собранный матеріалъ былъ разработанъ и мнѣ удалось найти нѣсколько очень демонстративныхъ стадій развитія фагоцитарныхъ мѣшковъ[1]).

Въ общемъ я вынесъ впечатлѣніе, что матеріалъ для морфологическихъ работъ здѣсь въ Tjibodas значительно бѣднѣе, чѣмъ въ Бейтенцоргѣ, гдѣ

1) Результаты этого изслѣдованія опубликованы въ одной изъ моихъ работъ. Biolog. Centralblatt. 1904. Bd. XXIV. Die phagocytäre Organe der Insecten und deren morphologischen Bedeutung.

Также Тр. И. СПБ. Общества Естествоиспытателей 1904 г., т. XXXV.

фауна, повидимому, гораздо богаче и разнообразнѣе. Правда, многія формы зато совсѣмъ не встрѣчаются въ Бейтенцоргѣ изъ тѣхъ, которыя очень обыкновенны въ Tjibodas.

Съ большимъ интересомъ дѣлалъ я ежедневно прогулки по лѣсу. Послѣ Бейтенцорга здѣсь прямо отдыхаешь среди настоящей тропической природы. Впрочемъ лѣсъ въ Tjibodas опять таки не оправдалъ моихъ ожиданій — онъ далеко несоотвѣтствуетъ тому представленію о дѣвственныхъ лѣсахъ, которое составляется у насъ. Впослѣдствіи я видѣлъ настоящіе дѣвственные лѣса на о-вахъ Ару, на Новой Гвинеѣ. Тамъ эта лѣсная растительность фантастически хороша, изящна — здѣсь же въ Tjibodas въ лѣсу мало того своеобразнаго колориту, который придаетъ тропическому лѣсу особую прелесть. Въ общемъ этотъ лѣсъ по своему характеру производитъ впечатлѣніе нашихъ дѣвственныхъ лиственныхъ лѣсовъ. Правда у насъ, въ нашихъ русскихъ лѣсахъ не встрѣтишь такихъ гигантовъ, какъ напр. яванскіе *разамалы* (Altingia excelsa), достигающіе до 50 — 60 метровъ въ высоту; здѣсь же подобные колоссы нерѣдки.

Непріятно поражаетъ въ лѣсу полная тишина — не видно ни птицъ, ни ящерицъ, ни насѣкомыхъ. Лѣсъ совершенно безмолвенъ. Изрѣдка развѣ услышишь здѣсь гдѣ то въ высотѣ глухой ропотъ лѣсного голубя, вдоль тропинки увидишь иногда порхающихъ мелкихъ бабочекъ, но все это такъ невзрачно, обыденно; нѣтъ такихъ формъ, которыя остановили бы на себѣ вниманіе, заставили бы поволноваться. Съ какимъ удовольствіемъ экскурсировалъ я впослѣдствіи въ лѣсахъ Новой Гвинеи и на о-вахъ Ару, гдѣ лѣсъ живетъ, гдѣ на каждомъ шагу видишь роскошныхъ птицъ, изящныхъ бабочекъ, гдѣ сама растительность такъ дивно хороша! Здѣсь же кромѣ древовидныхъ папортниковъ, да изящныхъ эпифитовъ *Asplenium nidum*, ни одно растеніе не обращаетъ на себя вниманіе неспеціалиста.

Одною изъ интереснѣйшихъ экскурсій, предпринятыхъ мною во время пребыванія въ Tjibodas, было восхожденіе на кратеръ Гедэ. Эта экскурсія не смотря на свою незначительность заняла у меня все же болѣе сутокъ. Отправился я изъ лабораторіи въ сопровожденіи двухъ малайцевъ — проводника и кули — рано утромъ, а вернулись мы въ Tjibodas на другой день поздно вечеромъ, проведя все это время за исключеніемъ трехчасового пребыванія на самомъ кратерѣ, среди дѣвственнаго лѣса.

Вулканъ Гедэ (Gedeh) (съ двумя вершинами Гедэ и Пангеранго), дѣйствующій до сихъ поръ, хотя и въ очень слабой степени проявляющій свою дѣятельность, представляетъ интереснѣйшій, и, можно сказать, классическій образецъ горы экваторіальнаго пояса, на которой благодаря ея сравнительно большой высотѣ надъ уровнемъ моря (около 3000 метровъ) прекрасно можно прослѣдить постепенный переходъ флоры тропической въ флору умѣ-

реннаго пояса. Уоллэсъ, въ свое время совершившій восхожденіе на Гедэ и Пангеранго, подробно описалъ характерныя измѣненія флоры по мѣрѣ поднятія вверхъ и его описаніе, бывшее со мною во все время экскурсіи, доставило мнѣ много удовольствія и принесло не мало пользы.

Восхожденіе на Гедэ не представляетъ никакой трудности и усиленно рекомендуется путеводителями по Явѣ всѣмъ туристамъ, которые обыкновенно начинаютъ подъемъ отъ самой Синданглаи черезъ Tjibodas, или же поднимаются съ другой стороны прямо отъ Сукабуми — станціи желѣзной дороги. Восхожденіе отъ Сукабуми повидимому гораздо труднѣе и не часто практикуется, думаю, что этотъ маршрутъ очень интересенъ.

Начиная отъ самой лабораторіи Tjibodas дорога идетъ лѣсомъ — этотъ громадный лѣсъ не прерываясь тянется до самой вершины вулкана, прекращаясь лишь у самаго кратера. Изрѣдка на пути встрѣчаются лѣсныя прогалины, покрытыя густой травой, папортникомъ и высокимъ кустарникомъ. Съ нѣкоторыхъ такихъ прогалинъ во время подъема открываются широкіе горизонты. Куда не взглянешь — въ дали видишь только величавую шапку лѣса. Временами гдѣ нибудь на крутомъ подъемѣ по узкой тропинкѣ лѣсъ сразу прерывается и тогда передъ глазами открывается грандіозная панорама—гора обрывается глубокою пропастью, сверху до низу покрытою все тѣмъже громаднымъ лѣсомъ. Изъ подъ ногъ у васъ шумнымъ каскадомъ бьетъ ручей, низвергающійся сверху на эту величественную лѣсную шапку, но на пути разбивающійся въ мелкую водяную пыль. Въ одномъ мѣстѣ на значительной высотѣ мы встрѣтили во время подъема одинъ такой каскадъ весь окутанныйоблакомъ пара — вода его оказалась горячей какъ кипятокъ. Первую половину пути можно совершить верхомъ, но дальнѣйшій путь возможенъ лишь пѣшкомъ — подъемъ становится крутъ, тропинка узка.

Лѣсъ, по которому мы двигались, вначалѣ носитъ тотъ же характеръ, что и около Tjibodas. Это непосредственное продолженіе того же лѣса, который составляетъ собственность Института, но только глуше его. По мѣрѣ подъема характеръ лѣсной растительности измѣняется. Онъ становится все болѣе и болѣе похожимъ на лиственные лѣса умѣреннаго пояса — деревья покрыты мхомъ, который длинными причудливыми космами свѣшивается съ сучьевъ, покрываетъ вѣтви громадными шапками. Вся почва въ лѣсу густо заросла кустарникомъ, разнообразнѣйшими папортниками, богатство которыхъ здѣсь поистинѣ поразительное. Говорятъ, на склонахъ Гедэ извѣстно уже нѣсколько сотъ видовъ этихъ растеній. Мой проводникъ малаецъ, который во все время дороги собиралъ папортники для гербарія Института, собралъ за одну эту экскурсію не менѣе 40 — 50 видовъ. По мѣрѣ подъема въ лѣсной глуши по краямъ тропинки все чаще и чаще попадаются красавцы лѣсной флоры склоновъ Гедэ — стройные древовидные папортники,

по своему внѣшнему виду и размѣрамъ скорѣе похожіе на пальмы. Растенія эти придаютъ лѣсной чащѣ особый колоритъ, особую прелесть—на нихъ нельзя не обратить вниманія—древовидные папортники и большія, изящныя, изумрудно зеленыя вазы *Asplenium nidum*, растущаго на стволахъ и вѣтвяхъ лѣсныхъ великановъ на разной высотѣ отъ земли, невольно бросаются въ глаза въ здѣшнихъ лѣсахъ.

Послѣ шестичасового подъема, мѣстами очень крутого, мы добрались наконецъ до урочища «Kadang Badak» или «логовища носороговъ», которыхъ, кстати сказать, давнымъ давно уже нѣтъ въ этой части острова. Здѣсь на высотѣ около 2400 метровъ надъ уровнемъ океана на живописной лѣсной полянѣ стоитъ жалкая хижина-сарай, предназначенная для ночевокъ путешественниковъ, поднимающихся на Гедэ. Въ этой хижинѣ мы остановились и провели остатокъ дня и ночь.

Я экскурсировалъ по лѣсу и нашелъ его очень мало интереснымъ—отсутствіе птицъ дѣлаетъ его безжизненнымъ и скучнымъ. За все время подъема отъ Tjibodas и до Kadang Badak мы не видѣли ни одной птицы—раза два за весь день до насъ доносилось издали откуда то съ вершины огромнаго разамала воркованіе лѣсного голубя, да около мѣста нашего бивуака въ кустахъ немилосердно трещалъ какой то дроздъ.

Ходить по лѣсу очень трудно. Вся почва усѣяна сырыми, скользкими камнями вулканическаго происхожденія, часто достигающими внушительныхъ размѣровъ; камни эти обросли мхомъ, травой, между ними растетъ въ изобиліи густой кустарникъ и высокіе папортники; всюду навалены груды сучьевъ, — приходится поминутно спотыкаться, падать, ноги ущемляются между камнями. Сама по себѣ мѣстность кромѣ того крайне неровная — стоитъ немного удалиться отъ лѣсной тропинки, какъ уже рискуешь сломать себѣ шею, провалившись въ оврагъ или какую нибудь яму, замаскированную кустарникомъ и папортниками.

На освѣщенной солнцемъ полянѣ около хижины, у которой уже хлопотали мои малайцы разводя костеръ, варя рисъ и приготовляя чай, я при помощи сачка изъ грубой матеріи собралъ, обивая кусты и траву, до двухсотъ различныхъ насѣкомыхъ, по большей части все мелочь — личинки *Mantidae*, мелкіе *Phasmodea*, *Tettigidae*, *Locustidae*, микроскопическія *Coleoptera*, *Diptera*, *Hymenoptera*.

Крупныхъ насѣкомыхъ я совсѣмъ не видалъ въ лѣсу за исключеніемъ одного *Phyllium*, котораго случайно нашелъ во время подъема у самаго Tjibodas.

Восхожденіе на кратеръ Гедэ нами было рѣшено сдѣлать рано утромъ на слѣдующій день. Ночь мы провели въ хижинѣ. Я всю ночь не спалъ—было такъ холодно, что я не могъ согрѣться, даже лежа у костра. Шерстяной

плэдъ мало помогъ мнѣ, члены совсѣмъ закоченѣли отъ холода. Какъ то странно видѣть, ощущая подобный холодъ, древовидные папортники, растущіе около хижины Kadang Badak'а рядомъ съ нашими сѣверными ягодниками — кустами земляники и малины. На самомъ дѣлѣ древовидные папортники, носящіе чисто экзотическій характеръ и экзотическій, такъ сказать par excellence, далеко не прихотливы относительно температурныхъ условій и даже не могутъ считаться типичными растеніями тропиковъ. Въ Новой Зеландіи, напримѣръ, какъ извѣстно, древовидные папортники въ нѣкоторыхъ мѣстахъ растутъ въ горахъ на границѣ снѣговъ.

На зарѣ со стороны лѣса, покрывающаго конусъ Гедэ, стало доноситься пѣнье дикихъ пѣтуховъ *(Gallus ferrugineus?)*. Я сразу узналъ этихъ птицъ по голосу — ихъ пѣніе по моему мнѣнію очень похоже на крикъ еще неопытныхъ, молодыхъ домашнихъ пѣтушковъ. Углубившись въ трудно проходимую чащу лѣса, откуда доносилось пѣніе, я увидѣлъ и самую птицу, бѣгущую по папортнику. Мнѣ, какъ охотнику, очень хотѣлось посмотрѣть ее на взлетѣ, но всѣ попытки заставить пѣтуха влетѣть оказались тщетными.

Отъ Kadang Badak до кратера уже недалеко, но эта часть подъема самая крутая, а потому самая трудная. Тропа идетъ зигзагами по мелкой лѣсной поросли. Деревья—кривыя и довольно чахлыя—обросли густо мхомъ; зачастую въ чащѣ встрѣчаются цвѣты умѣреннаго пояса. Вообще, пробираясь сквозь лѣсную чащу невольно забываешь, что находишся подъ экваторомъ. Мелкорослая лѣсная растительность доходитъ до краевъ стараго кратера, гдѣ растетъ лишь мелкій кустарникъ.

Самъ кратеръ очень великъ и имѣетъ видъ полукруга, окаймленнаго высокой отвѣсной стѣной. Онъ не особенно глубокъ и дымится лишь въ самой незначительной степени; дымъ бываетъ виденъ, по словамъ сопровождавшихъ меня малайцевъ, лишь въ сырую погоду. Я сравнивалъ кратеръ Гедэ съ кратеромъ Везувія и, признаться, сравненіе было не въ пользу Гедэ. Кратеръ Везувія, равно какъ и вообще самъ вулканъ, гораздо демонстративнѣе, эффектнѣе чѣмъ Гедэ не смотря на всю миніатюрность по сравненію съ послѣднимъ. Нѣтъ на склонахъ Гедэ и тѣхъ эффектныхъ лавовыхъ застывшихъ потоковъ, которые невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе при восхожденіи на Везувій.

Вторая вершина Гедэ — Пангеранго («Mandalavangi» по малайски) гораздо демонстративнѣе первой. Я подымался на этотъ болѣе высокій конусъ по возвращеніи въ Kadang Badak и оттуда ночью возвратился въ Tjibodas. На слѣдующій же день по возвращеніи изъ экскурсіи на вершину Гедэ, я, расплатившись съ завѣдующимъ (съ меня взяли только за керосинъ), поѣхалъ обратно въ Бейтенцоргъ.

Возвращаясь изъ Tjibodas въ Бейтенцоргъ я для разнообразія избралъ другую дорогу—поѣхалъ не на Tjandjoer и оттуда по желѣзной дорогѣ, а прямо на лошадяхъ отъ Sindanglaja до Бейтенцорга. Удовольствіе это обходится около 10 гульденовъ. Лабораторный служитель нашелъ мнѣ въ Tjipannas лошадей и я сдѣлалъ прекрасное путешествіе въ экипажѣ по великолѣпной дорогѣ, по пути любуясь дивными панорамами, открывавшимися со всѣхъ сторонъ. Въ особенности эффектныя картины открываются во время переѣзда черезъ Мегамендунгскій хребетъ, покрытый лѣсомъ.

Вскорѣ послѣ своей поѣздки въ Tjibodas я рѣшилъ закончить свои занятія въ Бейтенцоргѣ и поѣхать поработать на море. Подведя итоги своимъ работамъ на Явѣ я почувствовалъ себя въ достаточной степени удовлетвореннымъ полученными результатами. Главная задача пребыванія въ Бейтенцоргѣ — собрать матеріалъ по гистологіи и эмбріологіи *Thelyphonus*—была выполнена въ значительной степени; мнѣ удалось кромѣ того сдѣлать рядъ наблюденій надъ фагоцитозомъ у этого паукообразнаго, и изслѣдовать intra vitam его выдѣлительные органы.

Кромѣ изслѣдованія анатоміи и гистологіи педипальпъ, я работалъ въ этомъ направленіи также и надъ другими классами Arthropoda, изслѣдовалъ между прочимъ фагоцитарную систему у ряда насѣкомыхъ и получилъ интересные результаты у нѣкоторыхъ Orthoptera. Попутно удалось собрать матеріалъ по эмбріологіи *Araneina*, (Di- и Tetrapneumones), *Myriopoda*, *Scorpionidea* и постъэмбріональному развитію *Gryllodea*.

Рѣшивъ ѣхать на берегъ моря, я одно время думалъ было поработать въ какомъ нибудь пунктѣ яванскаго побережья, но вскорѣ, взвѣсивъ все за и противъ, оставилъ этотъ проектъ. Большинство пунктовъ южнаго и западнаго побережья Явы, т. е. береговъ Индійскаго океана съ очень богатой и разнообразной фауной, какъ напр. Tjilatjap, Palaboean (Wijinkoops baay) считаются неблагополучными въ смыслѣ опастности заболѣванія маляріей. Положимъ, опастность эта часто преувеличивается. Я зналъ, что принимая мѣры предосторожности Д. Д. Педашенко, напр., жилъ около недѣли въ томъ же Palaboean'ѣ, и чувствовалъ себя превосходно. Но вообще самъ то по себѣ Palaboean меня мало прельщалъ, а Tjilatjap, повидимому, и дѣйствительно мѣсто крайне опасное. Въ этой части Явы (Tjilatjap лежитъ на южномъ берегу острова — къ нему ведетъ линія желѣзной дороги отъ ст. Maos), очень болотистой и нездоровой, нерѣдки смертные случаи отъ маляріи.

Не долго колеблясь я выбралъ для морской экскурсіи островъ Амбоину, главный центръ Молуккскаго Архипелага. Поѣздка на Амбоину стоила, правда, дороже чѣмъ въ какой нибудь пунктъ побережья Явы, но зато, отправляясь туда, я имѣлъ за собою всѣ шансы на успѣхъ. Богатство фауны

Амбоинской бухты, великолѣпіе ея коралловыхъ садовъ всѣмъ хорошо извѣстны — все это давно уже манило меня — я имѣлъ полное основаніе расчитывать, что недостатка въ матеріалѣ не будетъ, т. е. стало быть, успѣхъ былъ гарантированъ впередъ, такъ какъ остальные вопросы объ удобствахъ работы и существованія на Амбоинѣ рѣшались сами собою административнымъ положеніемъ острова. Тамъ я былъ въ правѣ разсчитывать на помощь со стороны голландскихъ властей.

Бюро Ботаническаго Института снабдило меня рекомендательными письмами къ Амбоинскому резиденту и я, упаковавъ свои матеріалы и собранныя на Явѣ коллекціи и отправивъ ихъ въ Сингапуръ въ агенство Добровольнаго Флота г. Щербачеву, въ началѣ іюня ликвидировалъ свои дѣла въ Бейтенцоргѣ и направился въ Сурабайю, гдѣ долженъ былъ сѣсть на пароходъ, отправлявшійся въ Амбоину.

Глава IV.

Отъ Бейтенцорга до Сурабайи. Туземныя княжества Djokjakarta и Soerakarta.

Отправляясь въ Амбоину, я могъ сѣсть на пароходъ въ Батавіи, но мнѣ хотѣлось ознакомиться хотя вскользь съ Явой, посмотрѣть ея достопримѣчательности. Вотъ почему я и рѣшилъ ѣхать по желѣзной дорогѣ въ Сурабайю, гдѣ пересѣсть на пароходъ.

Какъ ни дорожилъ я своимъ временемъ, но проѣхать вдоль всего острова и не осмотрѣть хотя бы самыхъ бьющихъ въ глаза мѣстъ было бы прямо непростительно. Воспользовавшись свободной недѣлей, остававшейся въ моемъ распоряженіи до отхода парохода изъ Сурабайи, я употребилъ это время на остановки въ тѣхъ пунктахъ желѣзнодорожнаго пути, которые являются наиболѣе интересными для туриста. Неоцѣнимымъ спутникомъ для туриста, предпринимающаго поѣздку по Явѣ, является изданный по иниціативѣ Королевскаго Пароходнаго Общества (Koninklijke Paketvaart Maatschappij) путеводитель по культурнымъ островамъ Нидерландской Индіи. (Guide to the Dutsch East Indies, composed by invitation of the Koninklijke Paketvaart Matschappij by Dr. Wan Bemmelen and G. B. Hooyer. London—Luzak & C°, Batavia—Kolff & C°. 1897). Въ этотъ путеводитель входятъ, кромѣ Явы, и побережья западнаго Суматры — сѣверная оконечность Целебеса (Minahassa), Макассаръ и его окрестности, Тернате, Амбоина, Банда. Для поѣздки по Явѣ и Суматрѣ (конечно здѣсь рѣчь идетъ только объ округахъ Padang и Deli) — книжка эта, переведен-

ная на французскій, нѣмецкій и малайскій языкъ, является неоцѣнимымъ подспорьемъ.

Я проѣхалъ, не останавливаясь, мимо Бандунга (Bandong), главнаго города Преангерскихъ регенствъ, центра хинныхъ плантацій съ его интереснымъ вулканомъ Танкубанъ-Прау; съ сожалѣніемъ оставилъ за собою Гарутскій округъ съ цѣлой системой дѣйствующихъ вулкановъ — знаменитымъ Папандаяномъ, Гунтуромъ и др., и, наконецъ, остановился въ Djokjakart'ѣ и Solo — столицахъ двухъ туземныхъ княжествъ того же имени со спеціальной цѣлью осмотрѣть замѣчательные памятники искуства эпохи разцвѣта буддизма на островѣ и познакомиться съ общимъ характеромъ природы и населенія центральной Явы.

Всѣ эти достопримѣчательности, конечно, лишь промелькнули передъ моими глазами, но общее впечатлѣніе осталось все же настолько сильное, что поѣздка эта навсегда останется у меня въ памяти.

Считаю не лишнимъ воспользоваться случаемъ и сказать нѣсколько словъ о желѣзныхъ дорогахъ на Явѣ и условіяхъ желѣзнодорожнаго сообщенія.

Главная желѣзнодорожная линія прорѣзаетъ весь островъ вдоль отъ западной оконечности до восточной, отъ Анжера, расположеннаго въ Зондскомъ проливѣ, почти до Бандухванги, лежащаго противъ о-ва Бали. Батавія соединена непрерывной линіей съ Сурабайей и эта линія, прорѣзавъ оба туземные княжества Djokja и Solo и Преангерскія регенства, несомнѣнно упрочила вполнѣ политическое положеніе голландцевъ на островѣ. Помимо этой главной желѣзнодорожной линіи, на Явѣ много побочныхъ линій — въ Самарангскомъ округѣ, въ резиденствахъ Сурабайя, Кедири, Пазуруанъ, Проболинго и др. Можно сказать, что въ настоящее время всѣ болѣе или менѣе крупные пункты острова соединены между собою желѣзнодорожными путями [1]).

Оригинальною особенностью желѣзнодорожнаго сообщенія на Явѣ является прекращеніе движенія поѣздовъ ночью. По ночамъ — я уже упоминалъ объ этомъ — поѣзда здѣсь не ходятъ; пассажиры ночуютъ на станціи и продолжаютъ путешествіе на слѣдующій день рано утромъ.

Въ сущности это случается только во время большихъ переѣздовъ, напр. изъ Батавіи въ Сурабайю, когда поѣздъ, выйдя изъ Батавіи рано утромъ, къ вечеру проходитъ лишь половину пути, а именно приходитъ

---

1) Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ другихъ частяхъ Инсулинда. Кромѣ Суматры, желѣзныхъ дорогъ нѣтъ ни на одномъ изъ острововъ. Да и на Суматрѣ сѣть желѣзно-дорожныхъ линій не велика; только въ округѣ Deli на сѣверо-востокѣ и въ окрестностяхъ Padang'a, на зап. берегу имѣются нѣсколько незначительныхъ линій.

на ст. Maos (неподалеку отъ Tjilatjap'a). Обыкновенно же разстоянія здѣсь всюду не большія и росписанія движенія составлены такъ, что ночевать нигдѣ по пути не приходится.

Въ поѣздахъ три класса, — первый и второй для интеллигенціи и третій для мелкихъ приказчиковъ, рабочихъ и т. д. Для туземцевъ существуютъ особые вагоны третьяго класса. Большинство голландцевъ ѣздитъ въ первыхъ двухъ классахъ и на интеллигенцію, ѣдущую въ вагонѣ третьяго класса, смотрятъ съ плохо скрываемымъ недоумѣніемъ.

Отъ Бейтенцорга до Сурабайи около полуторыхъ сутокъ пути вмѣстѣ съ ночевкой въ Maos'ѣ. Плата за проѣздъ довольно высокая — билетъ второго класса стоитъ что то около 25 гульденовъ. Большого, т. е. «ручного», по понятіямъ русскаго пассажира, багажа взять въ вагонъ нельзя; безплатно пассажиръ провозитъ сравнительно небольшой грузъ, а поэтому, чтобы не платить много за доставку моихъ увѣсистыхъ ящиковъ по желѣзной дорогѣ, я отправилъ ихъ моремъ на пароходѣ изъ Батавіи. Всѣ подобные хлопоты любезно беретъ на себя Бюро Ботаническаго Института, которое и переслало весь мой багажъ изъ Бейтенцорга прямо въ Амбоину.

Путешествіе по желѣзной дорогѣ на Явѣ доставляетъ много удовольствія. Правда красоты природы, которыя приходится лицезрѣть по пути, далеко не такъ грандіозны и величественны, какъ обыкновенно ихъ описываютъ, но все же есть чѣмъ полюбоваться изъ окна вагона и есть, на что посмотрѣть безъ скуки.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Я уже сказалъ, что по пути изъ Бейтенцорга въ Сурабайю мнѣ удалось заѣхать въ Djokjakart'у и Solo. Главная цѣль этихъ остановокъ заключалась въ осмотрѣ поразительныхъ памятниковъ древней буддійской скульптуры и зодчества — храмовъ Брамбанана и Боро-Будура.

Посѣщеніе Djokjakart'ы и Solo, или Soerakart'ы, интересно еще и въ другомъ отношеніи — это единственныя провинціи Явы, гдѣ еще сохранился оригинальный мѣстный яванскій колоритъ. Djokja и Solo — два независимыя княжества въ центрѣ Явы. Онѣ управляются собственными туземными султанами, потомками старинныхъ индійскихъ князей, владѣвшихъ когда то всѣмъ островомъ.

Въ былыя времена оба эти княжества составляли могущественное государство Матарамъ, но теперь отъ прежняго величія и могущества остались лишь одни воспоминанія. Голландцы, утвердившись и прочно основавшись на Явѣ, правда, не только не посягнули на неприкосновенность мѣстныхъ обычаевъ, но даже оставили въ княжествахъ національную династію индійскихъ раджей. Политичные голландцы знали, что въ противномъ случаѣ они рискуютъ натолкнуться на энергичный отпоръ со сто-

роны многомилліоннаго населенія и съумѣли, сохранивъ независимость обоихъ княжествъ, въ то же время вполнѣ подчинить ихъ своему контролю.

Оба княжества управляются de jure собственными султанами, но при каждомъ изъ этихъ султановъ голландскій вице-король (генералъ-губернаторъ) держитъ своего резидента, который de facto и руководитъ политикой, направляя ее сообразно инструкціямъ, полученнымъ отъ генералъ-губернатора. Разыгрывается грандіозная комедія, наивная и жалкая, но комедія съ точки зрѣнія колоніальной администраціи необходимая для предупрежденія той трагедіи, которая разыгралась бы на Явѣ, если бы голландцы неосторожно задумали положить этому фарсу конецъ.

Вліяніе султановъ, вѣрнѣе этой власти, на туземное населеніе огромно, не смотря на чисто феодальную, раззорительую для края систему правленія — съ пышнымъ дворомъ, тысячами царедворцевъ, обагащающихся на счетъ народа, чисто восточною роскошью придворной жизни. При малѣйшей оплошности вся стройная колонизаціонная система голландцевъ, созданная вѣковымъ трудомъ энергичнаго народа, легко можетъ быть стерта съ лица земли. Такъ едва не случилось въ 1894 году на о. Ломбокѣ, когда по ничтожному поводу произошло возстаніе туземцевъ, которое грозило лишить Нидерланды цвѣтущаго острова и даже, кто знаетъ, въ случаѣ успѣха повстанцевъ, пламя возстанія легко могло охватить сосѣднія Яву и Целебесъ, а тогда голландскому владычеству грозила бы сильная опасность. Мы знаемъ, какъ трудно дается голландцамъ колонизація сѣверной Суматры, гдѣ вотъ уже 30 лѣтъ какъ идетъ непрерывная борьба съ ачинцами, борьба, которой еще не видно конца. Но на Явѣ теперь при нынѣшней тонкой политикѣ голландцевъ опасность народнаго взрыва удалена. Конечно, «независимыя» княжества Solo и Djokja были бы очень нежелательны для голландскаго правительства, если бы эта независимость была существующей. На самомъ дѣлѣ ея нѣтъ. Эта «независимость» существуетъ лишь на устахъ султана по отношенію къ народу, среди котораго эти иллюзіи поддерживаются еще съ обѣихъ сторонъ: султаномъ — изъ гордости и амбиціи восточнаго владыки (такъ увѣряютъ голландцы), голландцами — для поддержанія спокойствія въ странѣ. Самъ султанъ поддерживаетъ наикорректнѣйшія и наисимпатичнѣйшія отношенія къ голландскимъ резидентамъ, но зато за это онъ получаетъ ежегодно огромныя суммы на содержаніе своего двора. Этого достаточно, чтобы купить его наружное расположеніе.

Истинное оно или притворное — объ этомъ даже нѣтъ и вопроса. Расположеніе султана къ голландцамъ вещь условная; это сознаютъ и сами голландцы, иначе трудно объяснить, почему въ центрѣ европейскаго квартала, въ Djokj'ѣ, напр. рядомъ съ «Кратономъ» — дворцомъ сул-

тана, вмѣщающемъ въ себѣ до 15000 человѣкъ, построенъ настоящій фортъ.

Впрочемъ политическія соображенія не входятъ въ программу моей статьи и я перехожу къ описанію своего пребыванія въ Djokj'ѣ.

Изъ Djokjakart'ы я совершилъ двѣ поѣздки — одну къ буддійскому древнѣйшему храму Боро-Будуръ, другую къ развалинамъ Брамбанана. Обѣ эти экскурсіи заняли два дня, оставивъ достаточно времени для общаго ознакомленія съ характеромъ города и его населенія.

Чтобы добраться отъ Djokjakart'ы до Боро-Будура, лучше всего воспользоваться вѣткой парового трамвая, идущаго къ Magelang'у. Отъ одной изъ станцій, до которой не больше 3 час. пути, нужно взять лошадей до самаго храма — это удовольствіе, считая и обратную дорогу на тѣхъ же лошадяхъ на станцію, обходится въ 3 fl. (около 15 верстъ въ оба конца). Я съ наслажденіемъ сдѣлалъ этотъ путь пѣшкомъ. Мѣстность, правда, крайне однообразная и скучная — кругомъ, куда ни поглядишь, все плантаціи — сахарный тростникъ, изрѣдка табакъ, да рисовыя поля, полное отсутствіе лѣсу. Кое-гдѣ попадаются рощицы кокосовыхъ пальмъ, отдѣльно стоящіе фикусы, тамаринды и т. п. На поляхъ масса бѣлыхъ цапель и крупныхъ куликовъ (*Limosa?*), также *кроншнеповъ* (Numenius), подпускающихъ человѣка на самое близкое разстояніе. На горизонтѣ къ западу тянется высокій горный хребетъ — тамъ начинается вулканическое плоскогорье Djeng, которое сравнивается многими со знаменитымъ Іеллостоунскимъ Паркомъ Сѣв. Америки по разнообразію своихъ геологическихъ диковинъ. Вообще окрестности Боро Будура для зоолога экскурсанта не обѣщаютъ ничего особеннаго; я, пожалуй, даже рѣшаюсь сказать, что онѣ прямо неинтересны. Зато сами развалины Боро-Будура представляютъ огромный интересъ, даже профану. Боро-Будурскій храмъ расположенъ на сравнительно невысокомъ холмѣ. Самъ храмъ представляетъ собою тотъ же холмъ, облицованный со всѣхъ сторонъ камнемъ (трахитомъ), и имѣетъ видъ огромной ступенчатой пирамиды, увѣнчанной грандіознымъ куполомъ («дагопъ») съ находящейся внутри его громадной статуей Будды. Подобные же, но меньшей величины, «дагопы» поставлены на верхнихъ террассахъ и точно также въ каждомъ изъ нихъ сидитъ каменное изваяніе Будды. Каждая грандіозная ступень — терраса, обходитъ холмъ со всѣхъ сторонъ. Весь храмъ состоитъ изъ пяти такихъ двадцатиугольныхъ террасъ, постепенно уменьшающихся снизу вверхъ, почему весь храмъ и имѣетъ видъ огромной пирамиды. Эти террасы представляютъ изъ себя открытыя сверху галлереи, стѣны которыхъ покрыты превосходнѣйшими, великолѣпно сохранившимися барельефами, изображающими эпизоды изъ жизни Сакія-Муни. По словамъ Караваева длина всѣхъ галлерей въ совокупности должна равняться полутора верстамъ, а такъ какъ

барельефы покрываютъ обѣ стѣны корридора, да обыкновенно еще въ два ряда, то не мудрено, что длина всѣхъ скульптуръ въ общей сложности можетъ равняться по вычисленіямъ того же автора четыремъ съ половиною верстамъ!

Возвратившись въ Djokjakart'у я съ разрѣшенія резидента въ сопровожденіи драгунскаго офицера (таковъ обычай) сдѣлалъ визитъ султану съ цѣлью осмотрѣть «Кратонъ». Кратонъ — не что иное, какъ укрѣпленная цитадель, въ которой помѣщается дворецъ раджи, всѣ дворцовыя постройки и т. д. Населеніе его достигаетъ до 15000 человѣкъ.

Самое лучшее время для посѣщенія Кратона 31 Августа — день рожденія Вильгельмины королевы Нидерландской. Въ этотъ день резидентомъ устраивается грандіозное празднество, на которое приглашаются пріѣзжіе иностранцы. Празднество, на которомъ присутствуетъ султанъ и весь его дворъ, сопровождается національнымъ яванскимъ балетомъ, въ коемъ принимаютъ участіе туземныя принцессы. На этомъ праздникѣ можно видѣть всю роскошь и чисто восточное великолѣпіе туземныхъ костюмовъ, наконецъ, познакомиться съ оригинальной яванской музыкой и туземными танцами.

Необходимо замѣтить, что для присутствія на подобномъ торжествѣ нужно запастись фракомъ и даже цилиндромъ. Эти же аттрибуты требуются и при аудіенціяхъ у султана—мнѣ и то и другое пришлось, конечно, взять на прокатъ тутъ же въ Дьокчѣ.

Населеніе какъ Djokjakart'ы, такъ и Soerakart'ы составляютъ яванцы, народъ совершенно обособленный и отъ сунданезовъ западной Явы, и отъ мадурцевъ — обитателей восточныхъ провинцій Явы и Мадуры. Каждая изъ этихъ народностей говоритъ на своемъ собственномъ языкѣ, хотя въ сношеніяхъ съ европейцами, настоящими малайцами и китайцами употребляется малайскій языкъ, который составляетъ своего рода lingua franca на Архипелагѣ.

Національный цвѣтъ Яванцевъ—темно синій—господствуетъ вездѣ въ костюмахъ туземцевъ. Населеніе вооружено «крисами», которые носятся съ собою всюду. У знатныхъ вельможъ крисы отдѣлываются съ поражающей роскошью и богатствомъ—ихъ цѣнность подчасъ доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ гульденовъ.

Въ туземной части города около хижинъ часто можно встрѣтить клѣтки съ птицами. Особенно много держатъ здѣсь *жаворонковъ* и *горлицъ*, равно какъ и вообще всевозможныхъ голубей.

Одну изъ достопримѣчательностей города составляютъ, по моему мнѣнію, вѣковыя тамариндовыя деревья. Около Кратона громадная площадь

обнесена такими тамариндами, кроны которыхъ подстрижены и имѣютъ видъ усѣченныхъ пирамидъ.

Экскурсія въ Брамбананъ занимаетъ меньше времени, чѣмъ въ Боро Будуръ. Знаменитыя развалины находятся въ какомъ нибудь получасѣ ходьбы отъ станціи жел. дороги того же имени (Брамбананъ), отстоящей отъ Djokjakart'ы всего на разстояніи полутора часовъ ѣзды по пути въ Суракарту.

Развалины сохранились несравненно хуже, чѣмъ храмъ въ Боро Будуръ, но нѣкоторые памятники скульптуры, пожалуй, еще интереснѣе съ чисто художественной точки зрѣнія.

Отъ всѣхъ храмовъ остались, правда, одни лишь руины, но эти руины даютъ мѣстами столько дивныхъ образцовъ скульптуры, что остается поражаться культурѣ того народа, который создалъ всѣ эти когда то грандіозныя сооруженія около десятка столѣтій тому назадъ среди дѣвственныхъ лѣсовъ.

Около Брамбанана я видалъ на поляхъ нерѣдкіе въ этихъ мѣстахъ, одиноко стоящіе знаменитые «анчары».

Отъ Djokjakart'ы до Soerakart'ы всего 4—5 часовъ пути по желѣзной дорогѣ. Кто видѣлъ Djokjakart'у, тотъ можно сказать, видѣлъ и Soerakart'у — общій характеръ городовъ одинъ и тотъ же.

Съ тяжелымъ чувствомъ покидалъ я эти мѣста, гдѣ такъ сильно чувствуется фальшь въ отношеніяхъ торжествующихъ побѣдителей къ когда то могущественному народу, народу, въ свое время создавшему свою собственную, оригинальную культуру, отъ которой остались лишь руины.

Вѣковая архаическая система правленія деспотическихъ владыкъ сдѣлала свое дѣло; могущественное государство Матарамъ, послѣдній оплотъ яванской независимости, распалось и самой независимости въ сущности уже не существуетъ; при всей помпезности изнѣженныхъ раджей и ихъ наружномъ гонорѣ, отъ всего ихъ прежняго могущества осталось лишь историческое воспоминаніе. Политичные голландцы не рѣшаются разомъ разрушить уже падающее зданіе. Они отлично знаютъ, что здѣсь они такіе же полные хозяева, какъ и вездѣ на Явѣ.

Изъ Суракарты я прямо проѣхалъ въ Сурабайю [1]), гдѣ остановился въ рекомендованномъ мнѣ «Marine Hôtel», содержатель котораго, кстати сказать, оказался полякомъ изъ русской Польши. Здѣсь я долженъ былъ сѣсть на пароходъ, отходящій въ Макассаръ и далѣе въ другіе порта по берегамъ Целебеса, съ тѣмъ, чтобы уже въ Макассарѣ пересѣсть на другой пароходъ, идущій на Амбоину. Нужно замѣтить, что этой пересадки можно избѣжать—

1) Въ Сурабайѣ — двѣ станціи жел. дороги — одна въ южной половинѣ города далеко отъ центровъ и т. п. это St. *Goebing*. Нужно ѣхать до слѣдующей *Soerabaja Kota*.

изъ Батавіи и Сурабайи ходятъ пароходы того же Общества K. Paketvaart прямымъ рейсомъ на Амбоину, заходя по пути въ Булилингъ (Бали), Ампенанъ (Ломбокъ) и Макассаръ.

Сообщеніе съ этими пунктами Архипелага очень правильное: изъ Сурабайи разъ въ двѣ недѣли отходитъ пароходъ на Амбоину, обходя всѣ перечисленные пункты. Рейсы же между Явой, Ломбокомъ и Бали еще болѣе часты.

Сурабайя — крупнѣйшій торговый центръ на островѣ, конкурирующій съ Батавіей, хотя до послѣдней ей по моему мнѣнію еще далеко. Городъ расположенъ при устьѣ рѣки Kalimaas въ болотистой мѣстности довольно далеко отъ моря. Онъ носитъ характеръ коммерческаго и военнаго центра и самъ по себѣ представляетъ для туриста мало интереса. Санитарныя условія, повидимому, здѣсь въ примитивномъ состояніи. Сама рѣка на мой взглядъ есть источникъ всякихъ болѣзней, больно ужь она неказиста на видъ.

На Явѣ Сурабайя извѣстна своими постоянными эпидеміями. Холера, напр., кажется не прекращается здѣсь никогда, не смотря на всѣ предпринимаемыя мѣры. Еще одна достопримѣчательность Сурабайи — это ея комары. Не смотря на всѣ предосторожности, предпринятыя мною передъ сномъ я такъ и не могъ заснуть всю ночь — никогда и нигдѣ я не видалъ ничего подобнаго.

Отъ города до мѣста стоянки пароходовъ добираться очень долго—пароходы останавливаются обыкновенно на открытомъ рейдѣ, до котораго нужно ѣхать по рѣкѣ на лодкѣ. Для путешественника, садящагося въ Сурабайѣ на пароходъ, пожалуй, Marine Hôtel самый удобный изъ всѣхъ, такъ какъ онъ расположенъ у берега рѣки въ части города наиболѣе близкой къ морю. За доставку меня и моего багажа на бортъ парохода съ меня однако взяли что то около двухъ гульденовъ.

Около часу добирались мы до моря, по грязной мутной Kali Mas ежеминутно рискуя столкнуться съ не менѣе грязными барками и шаландами плывшими на встрѣчу. Рѣка очень не широка и имѣетъ видъ искусственнаго канала, застроеннаго портовыми сооруженіями, складами, бараками. Все это закопчено, пыльно, кругомъ обычная сутолока крупнаго портоваго центра.

На рейдѣ стояло съ десятокъ пароходовъ и большихъ парусныхъ океанскихъ шкунъ — четырехмачтовыхъ гигантовъ, по быстротѣ хода не уступающихъ, какъ говорятъ, паровымъ современнымъ судамъ. Всюду по грязной желто-зеленой водѣ рейда сновали лодки, парусныя и весельныя, шмыгали небольшіе паровые катера. Недалеко на востокѣ ясно виденъ лѣсистый берегъ сосѣда Явы, небольшого острова Мадуры, лежащаго противъ

Сурабайи, отдѣленной отъ него лишь узкимъ (не болѣе верстъ 10—15 шириною) проливомъ. Безъ особаго труда отыскали мы на рейдѣ нашъ пароходъ «De Klerk», готовящійся къ отплытію.

Вечеромъ того же дня «De Klerk» поднялъ якорь и направился къ о. Бали — первому пункту остановки на моемъ пути отъ Сурабайи до Амбоины.

От автора

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ. 1905. АПРѢЛЬ и МАЙ. V СЕРІЯ.
Т. XXII, № 4 и 5.

(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg.
1905. Avril et Mai. Vᵉ Série. T. XXII, № 4 et 5.)

ПО ОСТРОВАМЪ

ИНДО-АВСТРАЛІЙСКАГО АРХИПЕЛАГА.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ И НАБЛЮДЕНІЯ НАТУРАЛИСТА.

Часть II. Молуккскій Архипелагъ.

К. Н. Давыдова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1905.

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ. 1905. АПРѢЛЬ и МАЙ. V СЕРІЯ.
Т. XXII, № 4 и 5.

(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg.
1905. Avril et Mai. Ve Série. T. XXII, № 4 et 5.)

По островамъ Индо-Австралійскаго Архипелага. Впечатлѣнія и наблюденія натуралиста.

(Отчетъ Физико-Математическому Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ).

К. Н. Давыдова.

(Зоологическая Лабораторія Императорской Академіи Наукъ.)

(Доложено въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія 22 сентября 1904 г.).

ЧАСТЬ II. МОЛУККСКІЙ АРХИПЕЛАГЪ.

Глава V.

Пароходное Общество Koninklijke Paketvaart Maatschappij, его организація и рейсы.

Говоря въ первой главѣ о средствахъ сообщенія Сингапура съ Батавіей, я упоминалъ о голландскомъ пароходномъ обществѣ Koninklijke Paketvaart Maatschappij. Теперь я считаю нелишнимъ охарактеризовать подробнѣе вопросъ о средствахъ и условіяхъ сообщенія между островами Малайскаго Архипелага и посвящаю цѣлую главу вопросу объ организаціи упомянутой пароходной компаніи. Каждому натуралисту, задумающему предпринять путешествіе по Нидерландской Индіи придется имѣть съ нею дѣло.

K. Paketvaart — частное общество, субсидируемое голландскимъ правительствомъ, которое обязываетъ его контрактомъ поддерживать правильное пароходное сообщеніе между самыми глухими уголками Архипелага. Обладая нѣсколькими десятками небольшихъ пароходовъ, Paketvart держитъ 13 пароходныхъ линій, которыя устанавливаютъ правильное пассажирское и торговое сообщеніе между портами Явы, Суматры, Борнео, Целебеса, Молуккскими островами и значительнымъ числомъ мелкихъ пунктовъ, расположенныхъ на отдаленныхъ окраинахъ Островной Индіи.

Нѣкоторые рейсы, неимѣющіе никакого, или самое ничтожное коммерческое значеніе, и, конечно, сами по себѣ убыточные для Общества,

чуть ли не цѣликомъ оплачиваются колоніальнымъ правительствомъ въ виду огромной важности хотя рѣдкаго, но правильнаго сообщенія между крупными административными центрами и глухими дебрями, лишь номинально считающимися принадлежащими къ голландскимъ колоніямъ. Къ числу таковыхъ нужно отнести нѣкоторые острова Папуасіи и побережье Новой Гвинеи, гдѣ только теперь колоніальное правительство начинаетъ устраивать хотя какіе нибудь пункты, могущіе служить базой для дальнѣйшаго упроченія голландцевъ въ этихъ варварскихъ странахъ, которыя не мало смущаютъ колоніальную администрацію и не разъ уже возбуждали дебаты въ метрополіи.

Такихъ уголковъ немало, впрочемъ, всюду въ Нидерландской Индіи — незачѣмъ обращаться къ столь далекимъ окраинамъ, какъ Папуасія. Почти вся Суматра, Борнео, центральный Целебесъ, Серамъ — все это острова, гдѣ только началась цивилизаторская дѣятельность голландской администраціи и еще неизвѣстно, какъ закончится. Нужно отдать справедливость колоніальному правительству — теперь побережья крупныхъ острововъ усѣяны пунктами, могущими служить базами для дальнѣйшаго движенія европейцевъ внутрь страны. Правительство держитъ въ этихъ медвѣжьихъ углахъ своихъ агентовъ, поддерживаетъ правильное сношеніе ихъ съ важными центрами — Батавіей, Сингапуромъ, Макассаромъ. Нужно отдать должное К. Paketvart'у — это общество превосходно выполняетъ свои функціи — въ настоящее время почти на каждый изъ многочисленныхъ острововъ Индо-Австралійскаго Архипелага можно добраться на пароходѣ. — Администрація даетъ средства и ожидаетъ результатовъ и эти результаты несомнѣнно не замедлятъ себя проявить. Благодаря правильнымъ рейсамъ Paketvart'а и многочисленности посѣщаемыхъ его пароходами пунктовъ частной иниціативѣ предоставленъ широкій просторъ, а это великое дѣло при культивированіи края. У голландцевъ нѣтъ средствъ сразу приняться за цивилизацію всѣхъ своихъ колоній — они теперь прочно утвердились на Явѣ, привели этотъ богатый островъ въ блестящій видъ и постепенно цивилизуютъ Суматру, Борнео, Целебесъ. Очередь интенсивной цивилизаціи этихъ острововъ еще не пришла, но, когда она придетъ, голландская администрація найдетъ почву уже подготовленной. Побережья этихъ острововъ уже оплетены сѣтью мелкихъ, частныхъ предпріятій, которыя, будучи сплочены умѣло въ одно цѣлое, создадутъ такое же гигантское зданіе, которое выстроила себѣ Голландія на Явѣ и уже стала воздвигать на сѣверѣ-востокѣ и западѣ Суматры.

Сообщеніе между Батавіей и Суматрой поддерживается очень правильное. Два раза въ мѣсяцъ отходитъ изъ Батавіи пароходъ, который, обходя всѣ мало мальски значительные пункты западнаго побережья острова — Telok Betong, Kröe, Engano, Benkoelen, Padang, Oelee-Lheuë

(Atjeh-Ачинъ), Sabang, Segli, Lho-Semawé, Edi — направляется къ острову Penang, расположенному въ Малаккскомъ проливѣ и принадлежащему англичанамъ. Изъ Penang'а суда тѣмъ же рейсомъ, посѣщая въ обратномъ порядкѣ перечисленные пункты, возвращаются въ Батавію. Весь рейсъ продолжается около трехъ недѣль.

Существуетъ еще рейсъ болѣе короткій: Батавія — Padang и обратно — тоже два раза въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ сообщеніе между Батавіей и главнымъ административнымъ центромъ Суматры, резиденціею губернатора — Padang'омъ поддерживается приблизительно еженедѣльно. Билетъ I класса за проѣздъ отъ Батавіи до Padang'а стоитъ 94 гульдена, II класса — 56,4 гульдена, и третьяго около 19 гульденовъ. (Стоимость билета 3-го класса всегда равно одной пятой стоимости билета перваго класса). Проѣздъ до Ачина стоитъ 156 гульден. въ первомъ и 93,6 гульд. во второмъ классахъ, до Penang'а — 206 гульд. въ первомъ и 123,6 во второмъ.

Между Padang'омъ и Сингапуромъ также поддерживается правильное сообщеніе. Два раза въ мѣсяцъ изъ Padang'а идетъ пароходъ спеціальнымъ рейсомъ (Diensten № 2 en C) въ Sabang (на островкѣ Пуло Вей, у сѣверной оконечности Суматры) посѣщая по пути болѣе десяти мѣстечекъ западнаго побережья (Padang, Poeloe-Tello, Priaman, Ajer Bangis, Natal, Siboga, Baros, Singkel, Goenoeng-Sitoli, Tapa-Toean, Analaboe, Poeloe-Raja, Atjeh, Sabang). Изъ Сабанга пароходъ направляется въ Penang и отсюда прямо въ Сингапуръ, откуда тѣмъ же путемъ возвращается обратно. Рейсъ отъ Padang'а до Сингапура — въ одинъ конецъ занимаетъ около десяти дней и стоитъ 190 гульд. въ первомъ и 114 гульд. во второмъ классѣ.

На восточномъ берегу Суматры главнѣйшими пунктами являются Deli, Djambi и Palembang.

Сообщеніе между Батавіей, Djambi и Palembang'омъ очень правильное, рейсы совершаются почти еженедѣльно. Пароходъ, выйдя изъ Батавіи посѣщаетъ Muntok на островѣ Бангкѣ, входитъ въ устье рѣки Palembang и поднимается по ней до города того же имени, откуда послѣ дневной стоянки идетъ въ Djambi, по пути заходя иногда въ Simpang и Moeara-Saba. Изъ Djambi суда тѣмъ же путемъ возвращаются въ Батавію.

Путь Батавія — Djambi занимаетъ около четырехъ, пяти дней, отъ Батавіи же до Palembang'а всего двое сутокъ. Стоимость билета за проѣздъ отъ Батавіи до Palembang'а — 54 гульд. въ первомъ, 32,4 во второмъ классахъ, до Djambi — 98 гульд. въ первомъ, 58,8 — во второмъ классахъ.

Сообщеніе съ Deli, очень важнымъ торговымъ пунктомъ, центромъ извѣстныхъ табачныхъ плантацій на Суматрѣ тоже вполнѣ регулярное. Batavia-Muntok-Riouw-Deli и обратно — вотъ обычный путь судовъ, со-

вершающихъ эти рейсы (Diensten №№ 5 и F). Проѣздъ изъ Батавіи въ Deli занимаетъ около четырехъ сутокъ и стоитъ 110 гульденовъ въ первомъ классѣ и 67.8 гульденовъ во второмъ.

Deli со своей стороны соединенъ прямыми рейсами (около двухъ рейсовъ въ мѣсяцъ) съ Сингапуромъ, черезъ Asahan, Paneh (Laboean Bilik), Bagan-si-Api-api и Bengkalis.

Перехожу къ вопросу о средствахъ сообщенія между Явой и Борнео. На западномъ берегу этого громаднаго острова главнымъ голландскимъ поселеніемъ является Pontianak, расположенный при устьѣ рѣки того же названія.

Сообщеніе между Pontianak'омъ и Батавіей поддерживается довольно частое — разъ въ двѣ недѣли идетъ туда пароходъ Paketvaart'a, заходя по пути на островъ Биллитонъ. Кромѣ этого рейса (Dienst. № 6) существуетъ еще—Dienst. № 6*, не обязательный для Компаніи — тоже 2 раза въ мѣсяцъ, но этотъ рейсъ носитъ болѣе или менѣе случайный характеръ. Въ Pontianak можно проѣхать прямо изъ Сингапура. Приблизительно разъ въ мѣсяцъ идетъ пароходъ Paketvaart'a изъ Сингапура слѣдующимъ рейсомъ: Сингапуръ, Singkawang, Pemangkat, Sambas, Pontianak, или даже прямо Сингапуръ — Pontianak.

На южномъ берегу Борнео—главнымъ административнымъ пунктомъ является Bandjermassin, который въ отношеніи пароходнаго сообщенія находится еще въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ Pontianak. Почти еженедѣльно въ Bandjermassin идутъ пароходы изъ Сингапура, или прямымъ рейсомъ, или заходя по пути въ Сурабайю. Отъ Сингапура до Bandjermassin'a около четырехъ сутокъ пути, съ заходомъ же въ Сурабайю и островокъ Bawean— около семи сутокъ.

Изъ Bandjermassin'a суда возвращаются въ Сингапуръ и Сурабайю очень кружнымъ путемъ, обходя цѣлый рядъ мѣстечекъ, расположенныхъ по южному и восточному побережьямъ Борнео. Вотъ ихъ маршрутъ: Bandjermasin, Kota-Baroe (Poeloelaut), Pasir, Balik-Papan, Moeara-Djawa, Samarinda (Koetei), Donggala, Berouw, Boelongan и снова тѣмъ же путемъ обратно въ Bandjermasin (обходъ этихъ пунктовъ занимаетъ около трехъ недѣль), а уже оттуда прямо въ Сингапуръ или Сурабайю.

На Целебесѣ пунктами, посѣщаемыми пароходами Paketvaart'a, являются:

Makassar, Paré-Paré, Donggala (Palos bay) — на Западномъ побережьи. Toli-Toli, Bwool, Palleh, Soemalata, Amoerang, Tondano, Menado, Totok, Boena, Gorontalo, Mopane — по берегамъ сѣвернаго полуострова.

Temboekoe, Losoni, Salabangka, Kendari — на восточной сторонѣ острова. Boeton (на островѣ того же имени), Paloppo (Loewoe), Palima,

Balangnipa — послѣдніе три пункта лежатъ по берегамъ большого Бонинскаго залива —, и, наконецъ, Boelekomba, Bouthain и Saleier — на островѣ того же названія.

Главными центрами пароходнаго движенія здѣсь являются—Makassar (рейсы вдоль Целебеса, на Малые Зондскіе острова, въ Сурабайю, Сингапуръ и Молукки); Donggala, связанный прямыми линіями съ портами восточнаго Борнео (Kota Baroe, Pasir, Samarinda, Balik-Papan, Boelongan, Berouw).

Menado и Gorontalo (линіи на Молукки—Тернате, Буру, Batjan etc.).

Двѣ пароходныя линіи, обслуживаютъ Малые Зондскіе острова — Флоресъ, Sandelhout, Savoe, Rotti, Сумбаву, соединяя ихъ съ Тиморомъ, (гдѣ посѣщается три пункта — Timor Koepang, Atapoepoe и Timor Deli), Макассаромъ, Явой и Сингапуромъ.

На Молуккскихъ островахъ посѣщаемыми пунктами являются Амбоина, Банда, Серамъ (Wahaii и Boela bay), Буру, Тернате, Батчанъ, Джилоло. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ я подробно коснусь вопроса о средствахъ сообщенія между Амбоиной, другими Молукками и Папуасіей.

На Новой Гвинеѣ тоже посѣщается рядъ пунктовъ расположенныхъ по голландскому побережью, а именно: Humboldsbaai (на границѣ съ нѣмецкой Новой Гвинеей), Tanah Merah, Djamnah, Ansoos, Roon, Doreh, Sorong, Sekaar, Fakfak (Scroë), и, наконецъ, Мероке (на границѣ съ англійскими владѣніями).

Съ Амбоины существуетъ спеціальная линія на острова Ару, Кей, Тенимберъ и юго-западный архипелагъ (Веттеръ, Даммеръ, Бабберъ, Летти Киссеръ).

Итакъ, главными узловыми пунктами пароходныхъ линій въ Инсулиндѣ являются Батавія, Сурабайя, Макассаръ и Амбоина.

Считаю не лишнимъ поэтому, взявъ эти центры за исходные пункты путешествія, дать здѣсь рядъ цифръ стоимости проѣзда до наиболѣе интересныхъ и важныхъ пунктовъ Архипелага.

Я даю лишь круглыя цифры, приводя стоимость билета въ гульденахъ и отбрасывая центы.

Такъ, стоимость проѣзда отъ Батавіи до

Сингапура	въ I кл.	78 fl.,	во II кл.	42 fl.	и въ IV кл.	9 fl.
Padang	»	94	»	56	»	11
Djambi	»	98	»	58	»	12
Palembang	»	54	»	32	»	6
Сурабайи	»	50	»	35	»	15
Pontianak	»	76	»	45	»	9

Стоимость проѣзда отъ Сурабайи до						
Макассара.....	въ I кл.	73 fl.,	во II кл.	43 fl.	и въ IV кл.	9 fl.
Баджермассина ..	»	43	»	25	»	5
Koetei (Samarinda)	»	106	»	67	»	14
Boeliling (Bali)...	»	24	»	14	»	3
Ampenan (Lombok)	»	34	»	20	»	4
Стоимость проѣзда отъ Макассара до						
Амбоины.....	»	89	»	53	»	11
Банды.....	»	104	»	67	»	14
Сумбавы.....	»	31	»	18	»	4
Sandelhout.....	»	52	»	31	»	6
Saleier.....	»	20	»	12	»	2
Бутона	»	90	»	54	»	11
Donggala.....	»	59	»	35	»	7
Koetei.....	»	84	»	50	»	10
Тимора	»	100	»	64	»	13
Менадо	»	115	»	69	»	14
Стоимость проѣзда отъ Амбоины до						
Банды.....	»	22	»	13	»	2
Буру.....	»	12	»	7	»	1
Батчана.....	»	37	»	22	»	4
Тернате.....	»	58	»	35	»	7
Серамъ (Wahai)..	»	30	»	18	»	3
Горонтало	»	104	»	56	»	13
Вайгіу.....	»	106	»	70	»	14
Doreh	»	158	»	94	»	19
Humboltsbaii	»	227	»	136	»	28
Секааръ.....	»	67	»	38	»	8
Ару.....	»	108	»	72	»	15
Кей.....	»	103	»	61	»	12
Тенимбера.....	»	171	»	75	»	16
Мероке (Нов. Гвин.)	»	174	»	104	»	13

Подробные тарифы можно выписать изъ Батавіи (Batavia. Nederl. Indie. Koninkl. Paketvaart-Maatschappij.) Агентствомъ Paketvaart'a издается два раза въ годъ спеціальный, подробный «Dienstregeling der Koninklijke Paketvaart Maatschappij met passage — en paketten — tarieven etc.», снабженный картой, росписаніями рейсовъ и правилами. Тамъ читатель найдетъ всѣ свѣдѣнія, тутъ же я касаюсь вопроса лишь настолько,

чтобы желающій могъ орьентироваться въ общихъ чертахъ и сдѣлать только предварительный разсчетъ о стоимости намѣченнаго путешествія.

Для нашего брата натуралиста, путешествующаго по Инсулинду, помощь Paketvaart'a прямо неоцѣнима—каждый черезъ нѣсколько дней можетъ изъ Батавіи добраться до любого пункта на Архипелагѣ. Въ глухихъ уголкахъ, заручившись рекомендаціей, натуралистъ можетъ надѣяться, на помощь агентовъ Общества, разсѣянныхъ всюду въ Нидерландской Индіи [1]). Въ большинствѣ случаевъ, особенно въ мелкихъ пунктахъ, помощь такихъ агентовъ очень ощутительна — они знакомы съ мѣстными условіями, знаютъ населеніе, помогутъ устроиться и т. д. Рекомендаціи, которыя въ этихъ случаяхъ очень важны, по просьбѣ Бюро 'S Lands Plantentuin'a Главное Агентство Paketvart'a охотно даетъ, а Ботаническій Институтъ никогда не отказывается помочь всѣмъ, чѣмъ можетъ, натуралисту, работающему въ его лабораторіяхъ и желающему продолжать свои работы въ другихъ частяхъ Индіи. Громадный недостатокъ Paketvaart'a — это непомѣрно высокіе пассажирскіе тарифы, вызванные, конечно, отсутствіемъ конкурренціи. Дороговизна проѣздной платы въ первыхъ двухъ классахъ возбуждаетъ общее неудовольствіе въ Нидерландской Индіи и по адресу Paketvaart'a можно зачастую услышать отъ самихъ голландцевъ крайне нелестныя замѣчанія.

Возьму нѣсколько примѣровъ изъ приведенной выше таблицы: билетъ въ I классѣ отъ Батавіи до Сингапура стоитъ 78 гульд. во второмъ 42 г.— переѣздъ же занимаетъ всего двое сутокъ. За проѣздъ отъ Амбоины до сосѣдняго островка Сапаруа (переѣздъ занимаетъ около трехъ часовъ) берутъ 10 гульденовъ, шестидневный переѣздъ отъ Сурабайи до Амбоины стоитъ 172 гульдена и т. д. и т. д.

Впрочемъ, Общество дѣлаетъ значительную скидку коммерсантамъ (напр. китайцамъ, арабамъ etc.), ѣдущимъ во второмъ классѣ, а также мѣстнымъ чиновникамъ и военнымъ. Натуралисты, какъ я уже имѣлъ случай говорить въ своемъ мѣстѣ, также пользуются льготами. Очень важны такъ называемые «Retourbiljet'ы», т. е. билеты, взятые на проѣздъ туда и обратно. Если пассажиръ надѣется совершить поѣздку въ теченіе трехъ мѣсяцевъ— онъ беретъ сразу обратный билетъ и пользуется при этомъ 50% скидки со

---

1) Вотъ пункты, гдѣ содержатся агенты Paketvaart'a: Амбоина, Amoerang, Ampenan, Asahan, Atapoepoe, Bagan-si-Api-Api, Batjan, Balangnipa, Boeleling, Banda, Bandjermassin, Banjoewangi, Batavia, Batjan, Bawean, Benkoelen, Berouw, Billiton, Bima, Bintoehan, Bonthain, Cheribon, Deli, Dobo, Donggala, Doreh, Edi, Endeh, Gisser, Gorontalo, Koetei, Kota-Baroe, Kroë, Laboéan—Hadji, Lho-Semawéh, Liroeng, Makassar, Menado, Muntok, Nangamessi, Atjeh, Padang, Palembang, Panoeroekan, Pasoeroean, Patjitan, Pekalongan, Pelaboean-Ratoe, Pontianak, Probolingo, Riouw, Sabang, Samarang, Sambas, Siaoe, Siboga, Soemalata, Soemenap, Soerabaja, Taroena, Tegal, Telok Betong, Ternate, Timor Deli, Timor-Koepang, Tjilatjap, Toeal (Kei), Toli-Toli, Singapore, Penang, а кромѣ того въ Маниллѣ, Гонгконгѣ, Іокогамѣ, Кобэ и Джеддѣ.

стоимости билета въ одинъ конецъ, т. е. оплачиваетъ три четверти нормальной стоимости всего путешествія. Если же подобный retourbiljet беретъ натуралистъ, то онъ кромѣ того еще получаетъ свои законные 15% скидки, но лишь за проѣздъ въ одинъ конецъ, обратная же дорога оплачивается съ обычною для всѣхъ 50% скидкой.

Скидка дѣлается только съ билетовъ перваго и второго классовъ. По истеченіи трехъ мѣсяцевъ билетъ теряетъ свою силу и нужно много хлопотать въ случаѣ просрочки положеннаго трехмѣсячнаго срока.

Считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о третьемъ классѣ. Четвертый классъ не будетъ входить въ мое разсмотрѣніе — ужъ очень онъ плохъ, но существованіе 3-го класса на пароходахъ «Paketvaart'a» для путешественника, не обладающаго большими средствами, но желающаго много посмотрѣть, очень важно. Я лично почти исключительно пользовался услугами именно третьяго класса и только благодаря этому сохранилъ достаточное количество рессурсовъ для большихъ поѣздокъ и работы. На всѣхъ линіяхъ плата за проѣздъ въ 3 классѣ въ пять разъ ниже, чѣмъ въ первомъ. Такъ, напримѣръ, за проѣздъ отъ Батавіи до Амбоины за первый классъ берется около 200 гульд., за второй 130 г. и за третій около 40 г.

Пассажиръ 3-го класса не пользуется каютой, а располагается на крытой палубѣ. Онъ получаетъ отъ пароходной администраціи два раза въ день вареный рисъ (количествомъ не стѣсняютъ, необходимо только имѣть собственную посуду) и кипятокъ. Для этнографа этотъ способъ передвиженія одинъ изъ самыхъ поучительныхъ.

Достоинство этого класса еще то, что можно взять съ собою почти неограниченное количество багажа. По правиламъ пассажиръ перваго класса везетъ безплатно съ собою 150 кило багажа, 2-го класса — 75 кило, а третьяго и четвертаго лишь по 40 кило. Но это правило существуетъ только на бумагѣ. Вся палуба обыкновенно бываетъ заставлена грузомъ, провозимымъ безплатно — возить съ собою весь багажъ, даже самый громоздкій, не сдавая его въ платное помѣщеніе, есть обычное право каждаго практичнаго пассажира, каковымъ является каждый, ѣдущій въ третьемъ классѣ. Первоклассные же пассажиры въ этомъ отношеніи находятся въ худшихъ условіяхъ и при сравнительной дороговизнѣ фрахта это большой для нихъ ущербъ.

Владѣя малайскимъ языкомъ хотя немного, можно довольно сносно устроиться въ 3-мъ классѣ. Дополненіе къ рисовому столу можно всегда добывать въ многочисленныхъ мѣстечкахъ, посѣщаемыхъ пароходомъ, или здѣсь же на суднѣ у болѣе запасливыхъ сосѣдей, по большей части туземцевъ самыхъ разнообразныхъ типовъ. Само собою разумѣется, что не зная малайскаго языка, ѣхать въ 3 классѣ значительно труднѣе, чѣмъ въ

первыхъ двухъ. На пароходѣ всѣ, начиная отъ капитана и кончая послѣднимъ «jooss'омъ» (слугою), говорятъ прекрасно по малайски. На европейскихъ же языкахъ (въ ходу здѣсь почти исключительно голландскій, англійскій, отчасти нѣмецкій — очень малый процентъ голландскихъ офицеровъ на пароходахъ объясняется достаточно хорошо на французскомъ языкѣ) говоритъ лишь администрація, т. е. командиры и его помощники — штурмана и механики, съ которыми пассажиру 3 класса почти не приходится имѣть дѣла.

Въ общее распоряженіе второклассныхъ пассажировъ на пароходахъ Paketvaart'a отводится небольшая полутемная комната со столомъ посрединѣ, служащая обыкновенно столовой, а также и мѣстомъ соединенныхъ засѣданій пассажировъ — нѣчто вродѣ клуба. На верхнюю чистую и довольно фешенебельно обставленную палубу («deck»), отведенную для пассажировъ I класса, второклассные пассажиры не допускаются и если желаютъ созерцать красоты морскихъ ландшафтовъ, должны довольствоваться грязнымъ помѣщеніемъ нижней палубы, которая, кстати сказать, послѣ отхода, напримѣръ, нашего судна съ Бали, была вся занята рогатымъ скотомъ — громадными яванскими буйволами («sapi»), не безопасными для проходящихъ мимо ихъ стойлъ пассажировъ.

Вообще, не къ чести голландской компаніи будь сказано, разница между I и II классными помѣщеніями черезъ чуръ велика и отношеніе къ пассажирамъ послѣдняго класса со стороны пароходной администраціи зачастую прямо возмутительно. Несмотря на очень высокую плату, пассажировъ второго класса стѣсняютъ во всемъ, смотря на нихъ какъ на грузъ [1]), не заслуживающій вниманія, относясь съ мало скрываемымъ презрѣніемъ и пренебреженіемъ.

3-й и 4-й классы обыкновенно бываютъ биткомъ набиты туземцами; изъ нихъ на нашемъ пароходѣ очень большой процентъ составляли молоденькія яванскія дѣвушки, заарендованныя, какъ мнѣ онѣ разъяснили, на заработки въ плантаціяхъ мускатнаго орѣха на Бандѣ и близъ лежащихъ островахъ. Нанимаются эти дѣвушки на нѣсколько лѣтъ и de facto почти закрѣпощаются своими господами, обыкновенно крупными плантаторами.

Для этнографа пассажиры низшихъ классовъ необыкновенно интересны — такая здѣсь пестрая смѣсь племенъ, типовъ, нарѣчій, характеровъ.

Пароходный день у каютнаго пассажира распредѣленъ слѣдующимъ образомъ. Утромъ въ 9 час. дается чай и легкій завтракъ, состоящій изъ бѣлаго хлѣба, масла и консервовъ. Въ 1 ч. второй завтракъ — состоящій главнымъ образомъ (какъ и всюду въ Нидерландской Индіи) изъ такъ назы-

1) Я не говорю объ европейцѣ, попавшемъ во II классъ. Ему, конечно, стараются (да и то не всегда!) показать вездѣ лицевую сторону, но изнанку скрыть не всегда удается.

ваемаго ricetafel, т. е. изъ вареннаго риса съ разнообразными мясными и пряными приправами. Затѣмъ предлагаютъ жареное мясо и фрукты. Обѣдъ въ 7 час. состоитъ изъ супа, жаркого по европейски и, наконецъ, изъ сладкаго и фруктовъ. Послѣ обѣда предлагаютъ чай или кофе. Чай дается также въ промежуткѣ между завтракомъ и обѣдомъ.

Столъ перваго класса отличается нѣсколько большею изысканностью, но носитъ въ общемъ тотъ же характеръ.

Глава VI.

Отъ Сурабайи до Амбоины. Бали, Ломбокъ и Макассаръ.

Пароходы, дѣлающіе рейсы между Сурабайей и Макассаромъ, обыкновенно посѣщаютъ по пути два острова — Бали и Ломбокъ, столь извѣстные зоогеографамъ, какъ границы двухъ зоогеографическихъ областей. Какъ извѣстно, между этими островами проводили такъ называемую «Уоллэсову линію».

Отплывъ изъ Сурабайи въ 2 часа 31. VI, мы весь остатокъ дня шли вдоль береговъ Явы, любуясь дивными панорамами горныхъ кряжей — особенно величественъ вулканическій массивъ Тенгера, который я посѣтилъ при обратномъ пути, заѣхавъ въ Сурабайю. Со мною во 2-мъ классѣ ѣхало до десяти спутниковъ — изъ нихъ большая часть были мелкіе китайскіе торговцы, ѣхавшіе на Амбоину и Макассаръ и нѣсколько туземныхъ сержантовъ, служащихъ въ голландскихъ войскахъ и возвращавшихся прямо съ театра военныхъ дѣйствій на сѣверной Суматрѣ въ отпускъ на Амбоину. Съ однимъ изъ этихъ сержантовъ (нѣчто вродѣ нашего фельдфебеля) помѣстился я въ одной каютѣ и достаточно владѣя малайскимъ языкомъ не безъ пользы проводилъ съ нимъ время, разспрашивая его о положеніи дѣлъ на Суматрѣ, о ломбокской кампаніи 1895 г., въ которой онъ также принималъ участіе и т. п.

Рано утромъ на слѣдующій день по отходѣ изъ Сурабайи мы встали на якорь въ бухтѣ Булилинга, пункта на сѣверномъ берегу острова Бали.

Этотъ очень небольшой островокъ съ населеніемъ около милліона представляетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ пунктовъ на Малайскомъ Архипелагѣ. Здѣсь — и нигдѣ болѣе — сохранилась въ Инсулиндѣ браминская религія, перенесенная сюда еще въ XIV столѣтіи съ Восточной Явы.

Въ этотъ періодъ на востокѣ острова пало подъ напоромъ магометанъ, индійское княжество Модисопагитъ. Большая часть населенія, нежелая подчиниться исламу, эмигрировала на сосѣдній съ Явой островъ Бали и дала ему свою культуру, свое нарѣчіе, свои нравы и свою религію. На

островѣ основалось нѣсколько княжествъ, составившихъ между собою общій союзъ, вѣками отстаивавшій свою самостоятельность.

Лишь въ серединѣ прошлаго столѣтія, въ 1849 г. послѣ продолжительной и упорной борьбы голландцы покорили эти княжества и послѣдующія возстанія балинейцевъ были неудачны. Бали окончательно сдѣлался частью голландскихъ колоній на Малайскомъ архипелагѣ. Обычная политика голландцевъ, впрочемъ, проявила себя и здѣсь — на островѣ былъ оставленъ мѣстный раджа, потомокъ древнихъ владѣтельныхъ индійскихъ фамилій. Этотъ раджа правитъ островомъ и теперь, конечно, подъ контролемъ политичнаго голландскаго резидента.

Бали — одинъ изъ культурнѣйшихъ пунктовъ на Архипелагѣ. Весь островъ превосходно воздѣланъ. Его рисовыя поля — образцовы. По геологическому характеру островъ сходенъ съ восточной Явой, представляя по всей вѣроятности отдѣлившуюся часть послѣдней. Это подтверждается и фаунистическими данными.

Я провелъ на Бали цѣлый день, бродя по окрестностямъ Булилинга, который самъ по себѣ ничего интереснаго не представляетъ. Окрестности Булилинга — довольно плоская равнина, совершенно безлѣсная и превосходно обработанная. Кое гдѣ торчатъ одинокія группы деревьевъ, а по берегамъ моря не мало прекрасныхъ кокосовыхъ плантацій. Гордость Бали — его рисовыя поля — носятъ тотъ же характеръ, что и раньше видѣнныя мною на Явѣ.

Однимъ изъ главныхъ продуктовъ экспорта острова является превосходный скотъ — огромные яванскіе быки, которые въ громадномъ количествѣ вывозятся на Яву, Сингапуръ, въ Макассаръ и другія страны. Къ нашему пароходу съ берега привозили цѣлые громадные плоты, нагруженные быками, которыми уставили почти всю палубу, сдѣлавъ для нихъ спеціальныя бамбуковыя загородки.

Пробовалъ я немного попланктонировать въ морѣ передъ Булилингомъ, пользуясь часто ходившими съ берега на пароходъ и обратно пароходными шлюпками. Въ моемъ распоряженіи была захваченная изъ Россіи планктонная сѣть изъ такъ называемаго Müllergaze. — Планктонъ мнѣ не показался богатымъ. Онъ почти исключительно состоялъ изъ растительныхъ организмовъ, мелкихъ Сорерода и личинокъ Malacostraca. Аппендикуляріи и сагитты, которыхъ я выискивалъ со стараніемъ — отсутствовали совершенно. Очень богатъ былъ планктонъ радіоляріями.

Передъ нашимъ отходомъ изъ Булилинга на пароходѣ поднялась суматоха. Оказывается къ намъ на пароходъ изъ Бали садился раджа Гоа съ громадной свитой. Этотъ раджа — неограниченный властитель громаднаго государства на островѣ Целебесѣ. Онъ возвращался къ себѣ въ столицу

Гоа, расположенную въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Макассара. Въ Бали онъ ѣздилъ для ознакомленія съ устройствомъ образцовыхъ рисовыхъ полей.

Весь пароходъ наводнила огромная свита раджи. Вся верхняя палуба была загромождена корзинами и сундуками, личнымъ багажемъ раджи. Самъ онъ со своими приближенными помѣстился въ I классѣ, гдѣ занялъ половину всего помѣщенія. Съ нимъ на пароходъ прибыли два его сына, первый министръ, племянники и голландскій агентъ, состоящій при дворѣ въ Гоа и служащій посредникомъ между раджей и голландской администраціей. Сами голландцы признаютъ, что раджѣ Гоа въ настоящее время подчиненъ почти весь Целебесъ. Лишь нѣкоторые пункты побережья заняты голландцами, да сѣверный полуостровъ, такъ называемый «Minahassa», всецѣло находится во владѣніи ихъ. Вся остальная часть этого громаднаго острова находится въ рукахъ независимыхъ туземныхъ князей — вассаловъ раджи Гоа. Въ рукахъ раджи, можно сказать, судьба всѣхъ голландскихъ колоній на Целебесѣ. Авторитетъ его среди туземцевъ, извѣстныхъ своею предпріимчивостью, храбростью и разбойничьими наклонностями, прямо поразителенъ. Мнѣ разсказывалъ состоящій при раджѣ голландскій агентъ, что при отъѣздѣ раджи изъ Гоа въ Бали огромная толпа бугисовъ, собравшихся вокругъ, умоляла его остаться дома изъ боязни, что раджа уѣзжаетъ отъ нихъ на всегда. Видя, что ихъ властелинъ уже сѣлъ на голландскій пароходъ нѣкоторые фанатики зарѣзались крисами отъ отчаянія тутъ же па палубѣ.

Живя рядомъ съ подобнымъ могущественнымъ царькомъ, голландское правительство употребляетъ всѣ средства къ тому, чтобы оставаться съ нимъ въ мирѣ. Столица раджи — Гоа, въ окрестностяхъ которой, говорятъ, сосредоточено до 100000 человѣкъ прекрасно вооруженныхъ подданныхъ раджи, находится всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Макассара, резиденціи губернатора, защищаемаго лишь нѣсколькими тысячами солдатъ. Приняты всѣ предосторожности для того, чтобы къ раджѣ не проникло какое либо подозрительное лицо, могущее настроить раджу на воинственный ладъ — никто поэтому безъ разрѣшенія голландской администраціи не можетъ посѣтить Гоа и получить аудіенцію у самого раджи.

Раджа явился на нашъ пароходъ передъ самымъ его отходомъ изъ Бали. Онъ былъ въ европейскомъ костюмѣ — бѣлаго цвѣта брюкахъ и низкой курткѣ (обычный голландскій костюмъ въ Индіи). Черезъ плечо у него былъ накинутъ громадный черный плащъ, спускавшійся до полу. Подъ плащемъ, сбоку, оттопыривая ткань, торчалъ громадный бугисскій крисъ. На головѣ была надѣта небольшая шитая золотомъ низкая шапочка, кончающаяся плоскимъ конусомъ. Подобную шапочку носили всѣ его приближенные. Раджѣ на видъ лѣтъ подъ пятьдесятъ. У него очень интеллигентное лицо и необыкновенно важная осанка. Всѣ подданные, проходя мимо, изгибаются такъ, что

едва не касаются головою земли; не смотря на это раболѣпство подданныхъ, отношенія раджи къ нимъ крайне просты. Это не тотъ аристократъ по природѣ, восточный деспотъ, какими являются султаны Djokja и Solo на Явѣ, несмотря на ихъ уже давно прожитое могущество. При дворѣ въ Гоа господствуетъ полнѣйшій демократизмъ, тамъ нѣтъ ни пышности, ни помпы, ни великолѣпія яванскихъ князей.

«De Clerk» отошелъ изъ Булилинга на заходѣ солнца, а на слѣдующій день рано утромъ мы были уже въ Ампенанѣ на островѣ Ломбокѣ. Я попалъ въ совершенно другую область, но никакой разницы по сравненію съ Явой и Бали, конечно, не замѣчалъ. Для этого нужно пожить на островѣ, а при кратковременныхъ прогулкахъ животной жизни не видно ни здѣсь, ни тамъ, природа обоихъ острововъ производитъ одинаково печальное впечатлѣніе на натуралиста. Впрочемъ, это только первое общее впечатлѣніе. На Ломбокѣ, конечно, натуралистъ найдетъ не мало работы при продолжительномъ пребываніи на островѣ.

Ломбокъ — сосѣдъ Бали, почти не отличается отъ нея по своей внѣшности, а между тѣмъ, по изслѣдованіямъ Уоллэса, это совершенно иной міръ, совсѣмъ другая зоогеографическая область. Впрочемъ новѣйшія изслѣдованія нѣсколько иначе освѣщаютъ этотъ вопросъ. M. Weber, напримѣръ, высказываетъ серьозно обоснованный взглядъ, по которому нѣтъ основанія проводить какой-нибудь зоогеографической границы между этими островами.

Такимъ образомъ, повидимому, знаменитая Уоллэсова линія въ настоящее время теряетъ подъ собою почву.

Подходя къ острову я любовался дивными горными видами. Главный вулканическій массивъ острова — высочайшая точка на всемъ Малайскомъ архипелагѣ, придаетъ особый колоритъ панорамѣ Ломбока. Но ступивъ на землю, я увидѣлъ то же, что и на Бали: тѣ же холмистыя равнины, тѣ же овраги съ расположенными по склонамъ террасами рисовыхъ полей, дороги, окаймленныя деревьями, кое-гдѣ рощицы кокосовымъ пальмъ. Имѣя сравнительно немного времени въ своемъ распоряженіи и желая тѣмъ не менѣе ознакомиться съ достопримѣчательностью острова — столицею бывшаго раджи — Матарамомъ, я нанялъ за 2 гульдена лошадь и въ сопровожденіи малайца — сассака поѣхалъ туда верхомъ.

Отъ Ампенана до Матарама всего нѣсколько верстъ пути по хорошей дорогѣ. Ломбокскія селенія, видѣнныя мною, носятъ совсѣмъ особый характеръ по сравненію съ яванскими. Представьте себѣ улицу, въ которой каждый домъ обнесенъ каменной стѣной; получается впечатлѣніе какихъ-то сплошныхъ укрѣпленій, вдоль которыхъ проходитъ дорога.

Въ настоящее время Матарамъ — простое селеніе, а когда-то здѣсь была резиденція могущественнаго султана, который лишь въ 1895 г. покончилъ фактически свое существованіе. Всего лишь десять лѣтъ тому назадъ здѣсь въ Чакра Негара разыгралась одна изъ тѣхъ трагедій, которыя не дѣлаются достояніемъ исторіи. Я разскажу ее вкратцѣ.

Населеніе Ломбока состоитъ изъ сассаковъ, особаго малайскаго племени, исповѣдующаго, какъ и большинство малайцевъ, исламъ. Это коренные жители острова, которые были подчинены вліянію балинезійцевъ, завладѣвшихъ островомъ и втеченіи долгаго времени имъ правившихъ.

Раджа Ломбока, балинеецъ, имѣлъ свою резиденцію въ Чакра Негара близъ Матарама и находился лишь въ вассальныхъ отношеніяхъ къ голландцамъ. Въ 1894 году раджа, запасшись предварительно оружіемъ, объявилъ голландскимъ властямъ, что не желаетъ признавать суверенитета нидерландскаго правительства. Была послана экспедиція — войска высадились въ Ампенанѣ. Немедленно же голландскому генералу, начальнику экспедиціоннаго отряда, была уплочена контрибуція — полмилліона гульденовъ и голландцы успокоились. Ихъ миссія, казалось, была выполнена.

Генералъ со всѣмъ штабомъ былъ приглашенъ раджей на обѣдъ во дворецъ. Войска расположились въ Чакра-Негара. Во время пиршества туземцы неожиданно напали на опьянѣвшихъ офицеровъ и солдатъ и началась рѣзня. Погибъ генералъ и большинство его офицеровъ; былъ почти поголовно вырѣзанъ весь экспедиціонный отрядъ. Ихъ убивали изъ-за каждаго угла, изъ каждаго дома, и лишь небольшая часть отряда спаслась на суда. Ломбокцамъ досталась вся артиллерія, бывшая при отрядѣ, а также и тѣ полмилліона, которыя наканунѣ рѣзни были сданы генералу.

Немедленно была снаряжена карательная экспедиція. Экспедиціонный отрядъ голландской арміи послѣ упорной и кровопролитной борьбы съ туземцами (сассаками и балинейцами вмѣстѣ) взяли приступомъ Чакру Негару. Передъ паденіемъ послѣдняго оплота своего могущества султанъ, 90 лѣтній старикъ, не желая, чтобы его дѣти попали въ руки побѣдителей, своими руками зарѣзалъ крисомъ сыновей, а самъ попалъ въ плѣнъ и умеръ впослѣдствіи въ тюрьмѣ, въ Батавіи.

Послѣ разгрома резиденціи раджи былъ захваченъ на Ломбокѣ нашъ соотечественникъ, нѣкто Малыгинъ, доставлявшій раджѣ оружіе и бывшій при немъ въ качествѣ совѣтчика. Ему голландцы приписали организацію всего возстанія, судили и присудили къ смерти. Приговоръ былъ замѣненъ двадцатилѣтнимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ, но не былъ приведенъ въ исполненіе, въ виду различныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Голландскія власти ограничились лишь высылкой энергичнаго и не въ мѣру предпріимчиваго Малыгина изъ предѣловъ Нидерландской Индіи.

Паденіемъ Чакра Негара окончилось возстаніе, причинившее голландцамъ столько хлопотъ.

Послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій островъ былъ преданъ огню, многія деревни разрушены до основанія; громадныя сокровища, собранныя султаномъ въ Чакра Негара, разграблены солдатами. Ломбокъ съ этого времени былъ совершенно присоединенъ къ владѣніямъ Нидерландской королевы и управляется теперь голландскимъ резидентомъ.

Страна изобилуетъ минеральными богатствами и современемъ обѣщаетъ многое; теперь она культивируетъ только рисъ и хлопокъ.

Для натуралиста ближайшія окрестности Ампенана, по моему мнѣнію, мало интересны; зато этнографъ и археологъ найдутъ здѣсь на островѣ много поучительнаго для себя. Можно смѣло сказать, что съ этнографической точки зрѣнія населеніе Ломбока, равно какъ и Бали, еще дадутъ много матеріалу для изслѣдователя.

Ихъ культура еще такъ мало затронута, а вѣдь она имѣетъ свою исторію—создавалась вѣками и наложила отпечатокъ на всю страну и оставила послѣ себя много памятниковъ искусства.

Отъ Ломбока до Макассара около сутокъ пути открытымъ моремъ. «De Clerk» изъ Макассара долженъ былъ итти вдоль береговъ Целебеса на Менадо и поэтому мнѣ въ Макассарѣ предстояло пересѣсть на другой пароходъ. Обыкновенно же пароходы идутъ изъ Сурабайи черезъ Булилингъ и Ампенанъ на Макассаръ и оттуда прямо на Молукки въ Амбоину.

Черезъ сутки довольно однообразнаго плаванія вдали, на горизонтѣ показалась низменная полоса берега, покрытаго кокосовыми рощами; мало-по-малу на берегу стали вырисовываться очертанія построекъ, и мы, наконецъ, подошли къ Макассарскому рейду. Пароходы пристаютъ здѣсь прямо къ берегу, отшвартовываясь у набережной подобно тому, какъ въ Батавіи (Пріокѣ) или Сингапурскомъ Tanjong Pagar'ѣ.

Весь рейдъ былъ покрытъ судами — большинство изъ нихъ были небольшія парусныя джонки и прау съ ихъ характерными темнокоричневыми парусами, довольно неуклюжія съ виду. У самой пристани нагружались копрой (скорлупа кокосоваго орѣха) два огромныхъ коммерческихъ судна англійской компаніи и одинъ пароходъ голландскаго K. Paketvaart Maatshappij. Это и былъ ожидающій насъ «Bantam».

Для «De Clerk'a» не оказалось мѣста у пристани и ему пришлось стать на рейдѣ. Нашъ багажъ перевезли къ пристани на огромной баржѣ, добрую половину которой заняли сундуки раджи Гоа. Тотчасъ же по прибытіи къ берегу багажъ перенесли «кули» на «Bantam». Необходимо тщательно провѣрять каждое мѣсто багажа и слѣдить зорко за бугисами «кули». Воровство въ Макассарѣ — вещь очень обыденная и здѣсь нужно держать ухо востро.

На берегу собралась громадная толпа туземцевъ — это населеніе Гоа встрѣчало своего раджу. Онъ съѣхалъ на берегъ со всей свитой на огромной лодкѣ. Кругомъ него стояли бугисы съ копьями и громадными четырехугольными щитами. На кормѣ звонко билъ бубенъ и звенѣли колокольчики. Вся эта обстановка мало гармонировала съ европейскимъ костюмомъ раджи.

Макассаръ — очень крупный торговый портъ. Послѣ Батавіи и Сурабайи это, пожалуй, важнѣйшій коммерческій центръ на Малайскомъ Архипелагѣ. Кромѣ тысячъ парусныхъ шкунъ, посѣщающихъ его впродолженіе года, сюда регулярно заходятъ пароходы Norddeutscher Lloyd'a (по пути изъ Сингапура на Новую Гвинею и Бисмарковъ Архипелахъ и обратно), многочисленныя англійскія суда, не говоря уже о пароходахъ голландскаго колоніальнаго Paketvaart, которыя почти всегда можно застать здѣсь. Еженедѣльно уходятъ отсюда суда этой компаніи въ Сурабайю, Батавію и Сингапуръ и еженедѣльно же изъ этихъ портовъ въ свою очередь приходятъ пароходы въ Макассаръ, откуда одни направляются вдоль береговъ Целебеса, другіе на Молукки, третьи къ сѣверному побережью Новой Гвинеи (черезъ Амбоину) и четвертые, наконецъ, черезъ тѣ же Молукки идутъ на крайній юго-западъ этого громаднаго острова. Наконецъ, Макассаръ посѣщаютъ громадные океанскіе парусники на пути изъ портовъ Австраліи и Америки — словомъ пароходное движеніе здѣсь весьма оживленное круглый годъ.

Благодаря своему торговому и политическому значенію Макассаръ является въ настоящее время центромъ европейской жизни на Целебесѣ. Здѣсь сосредоточены консульства главнѣйшихъ европейскихъ государствъ (русскаго, между прочимъ, нѣтъ), агентства, торговыя конторы. Все это расположено у самой пристани, гдѣ улицы кипятъ жизнью. Въ этихъ кварталахъ все суетится, торопится, спѣшитъ. Вдоль пароходной пристани по довольно узкой улицѣ, занятой консульствами, агенствами, магазинами и складами, все время движется самая пестрая толпа. Тутъ и китайскіе торговцы, и матросы всѣхъ націй, и бугисы, и яванцы, и голландцы. Здѣсь собраны десятки нарѣчій, народностей и цѣлая коллекція типовъ, самыхъ разнохарактерныхъ и оригинальныхъ.

Тутъ же неподалеку отъ пристани сосредоточена и европейская часть города. Макассаръ — резиденція голландскаго губернатора, управляющаго всѣми голландскими колоніями на Целебесѣ и подчиненнаго, конечно, генералъ губернатору въ Батавіи. Въ городѣ высится укрѣпленіе, одной стороной примыкающее къ берегу, а другими фасадами выходящее на огромный лугъ, окруженный прекрасными аллеями изъ тамариндъ и канаріевыхъ деревьевъ. Вдоль этихъ аллей расположены голландскіе маленькіе одноэтажные домики.

Вообще городъ производитъ впечатлѣніе очень благопріятное. Желающій поселиться здѣсь, можетъ остановиться въ отелѣ, расположенномъ неподалеку отъ моря въ центрѣ европейскаго города, который я видѣлъ лишь мелькомъ.

Для меня несравненно большій интересъ представляла туземная часть Макассара, заселенная бугисами. Это крайне несимпатичный народъ (я хорошо и близко ознакомился съ нимъ позже на островахъ Ару, о чемъ ниже), пользующійся самой дурной славою всюду на Архипелагѣ. Бугисы, и ихъ сосѣди — бутонцы и салейерцы — первые разбойники и мошенники въ Инсулиндѣ. При всемъ томъ это народъ жестокій и крайне мстительный, люди, для которыхъ ударъ крисомъ изъ за угла представляется дѣломъ нестоющимъ обсужденія, люди, для которыхъ воровство — одно изъ средствъ веселѣе провести день и поставить лишнюю рупію на пѣтушиномъ бою, столь любимомъ занятіи бугисовъ.

При всемъ этомъ было бы большой несправедливостью отказать бугисамъ въ предпріимчивости, храбрости, энергіи. Это народъ торговый, открывающій для себя пути тамъ, гдѣ европейцы боятся даже показываться. Бугисъ — предпріимчивый торгашъ по натурѣ. Работа спокойнаго земледѣльца ему не по сердцу. Онъ добываетъ себѣ деньгу, отправляясь въ отхожій промыселъ, каковъ бы онъ ни былъ. Одинъ дѣлается пиратомъ, другой отправляется на жалкой ладьѣ въ отдаленныя дебри эксплуатировать младенцевъ дикарей, вымѣнивая за грошовые бакалейные товары и ненужный хламъ дорогія жемчужныя раковины, черепаху, жемчугъ и шкурки райскихъ птицъ. Въ общемъ же я вынесъ заключеніе, что отъ бутонца, бугиса и салейерца нужно сторониться подальше; отъ ихъ предпріимчивости можно зачастую пострадать. Это убѣжденіе, смѣю увѣрить, основано на горькомъ опытѣ.

Изъ Макассара можно совершить нѣсколько небольшихъ экскурсій — отсюда, напримѣръ, всего около 40 верстъ до Maros'a, дивнаго уголка въ горахъ (къ сѣверу отъ Макассара), гдѣ натуралистъ съ удовольствіемъ поэскурсируетъ, а досужій туристъ можетъ полюбоваться на красивые виды. Горные ландшафты здѣсь, дѣйствительно, восхитительны. Масса зелени, красивыя скалы, водопады — словомъ всѣ условія для эффектнаго ландшафта. Любопытна также поѣздка въ столицу раджи Гоа, на что нужно, какъ я уже говорилъ раньше, просить разрѣшенія у ассистентъ-резидента, которое, впрочемъ, достать не составитъ труда для натуралиста «съ бумагой».

Вообще же, по всѣмъ даннымъ, полученнымъ мною изъ разспросовъ и изъ соотвѣтственной литературы, — сѣверная оконечность Целебеса, а именно, округъ Minahassa несравненно интереснѣе Макассарскаго района.

Для изслѣдователя морской фауны, Макассаръ, пожалуй, представляетъ извѣстныя удобства ввиду того, что натуралистъ можетъ разсчитывать здѣсь на помощь голландской администраціи и въ благопріятномъ случаѣ пользоваться для морскихъ поѣздокъ шлюпками и даже паровымъ катеромъ съ военнаго судна, находящагося въ личномъ распоряженіи Макассарскаго губернатора и почти всегда стоящаго на макассарскомъ рейдѣ. Второе удобство — хорошее сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ, въ частности съ Явой и Сингапуромъ. Наконецъ, самъ городъ носитъ вполнѣ интеллигентный, вѣрнѣе европейскій характеръ. Вопросъ только въ томъ, насколько богата здѣсь фауна и каковы условія работы. Думаю, что при желаніи здѣсь можно поработать съ успѣхомъ. Отмѣчу однако, что въ Макассарѣ, какъ и въ Сурабайѣ, зачастую бываютъ эпидемическія болѣзни, въ особенности холера, но для европейцевъ, впрочемъ, она мало опасна. Въ Сингапурѣ, напримѣръ, холера никого изъ европейцевъ не страшитъ; къ ней привыкли и только ужъ очень сильныя эпидеміи вызываютъ разговоры.

Вообще же, если отправляться изъ Бейтенцорга съ цѣлью работать на морѣ, то лучше Амбоины, мѣста и не придумаешь. Для работы надъ морскими животными Амбоина едва ли не лучшее мѣсто въ мірѣ и я особенно подробно остановлюсь на условіяхъ жизни и работы въ этомъ дивномъ уголкѣ тропиковъ, куда направился нашъ «Bantam» послѣ двухдневной стоянки въ Макассарѣ.

«Bantam» ушелъ изъ Макассара ночью 5-го іюля и направился вдоль южнаго берега Целебеса, держа курсъ на сѣверную оконечность острова Салейера. Проливъ между Целебесомъ и Салейеромъ мы проходили уже въ 4 часа слѣдующаго дня и любовались отвѣсными скалами этого острова.

Плаваніе на пароходахъ по этимъ морямъ довольно таки однообразно. Ночью временами наблюдается сильная фосфоресценція, обусловливаемая главнымъ образомъ громаднымъ количествомъ въ планктонѣ *Noctiluca*. Проходя около Салейера «Bantam» сильно уменьшилъ ходъ и мнѣ удалось взять нѣсколько пробъ планктонной сѣтью. Почти весь планктонъ состоялъ изъ очень крупныхъ ноктилукъ, прекрасно видимыхъ простымъ глазомъ. Очень крупные экземпляры достигали до 1 мм. въ діаметрѣ.

Днемъ иногда можно видѣть выпархивающихъ изъ воды у бортовъ парохода летающихъ рыбъ, но ихъ далеко не такъ много, какъ, напримѣръ, въ Красномъ морѣ. Акулъ тоже не видно, да и вообще, насколько мнѣ пришлось убѣдиться, эти хищники боятся паровыхъ судовъ, но зато постоянно слѣдуютъ за спокойно идущими парусниками.

Весь переходъ отъ Макассара до Амбоины былъ довольно неспокойный — дулъ сильный восточный вѣтеръ и чувствовалась довольно таки не-

пріятная качка. Это были отголоски муссона, въ этотъ періодъ достигающаго своей полной силы въ открытомъ океанѣ.

На слѣдующій день послѣ того, какъ «Bantam» миновалъ Салейеръ, мы прошли въ виду береговъ очень значительнаго острова Бутона. Пароходъ проходилъ настолько близко отъ него, что простымъ невооруженнымъ глазомъ легко можно было различать громадныя площади лѣсовъ, покрывающихъ горы.

Островъ Бутонъ управляется собственнымъ правителемъ-султаномъ, номинальнымъ вассаломъ голландцевъ, власть которыхъ и здѣсь, также какъ и на Целебесѣ, даже съ оффиціальной стороны весьма проблематична.

Мѣстныя воды богаты жемчужницами *(Meleagrina margaritifera)* и уже давно привлекли вниманіе извѣстной здѣсь на Малайскомъ Архипелагѣ компаніи братьевъ Baâdilla. Но, какъ мнѣ разсказывалъ одинъ изъ братьевъ Baâdilla, съ которыми я близко познакомился впослѣдствіи, компаніи не удалось до сихъ поръ добиться разрѣшенія отъ султана производить ловлю жемчужницъ около Бутона.

Островъ населенъ малайскими племенами, исповѣдующими исламъ, и пользующимися неважною репутаціею въ Инсулиндѣ, наравнѣ съ своими сосѣдями салейерцами и бугисами.

Рано утромъ 8-го іюля (нов. ст.) пушечные выстрѣлы на бакѣ Бантама разбудили меня. Мы подходили къ Амбоинѣ — судно салютовало и давало знать населенію о своемъ прибытіи. Таковъ обычай здѣсь — прибывая въ портъ, или вообще на извѣстный, опредѣленный въ маршрутѣ пунктъ, судно стрѣляетъ два или три раза, смотря по административному значенію мѣста остановки. Подобные салюты практикуются, впрочемъ, лишь во время обязательныхъ рейсовъ, т. е. рейсовъ, которые совершаются Paketvaart'омъ въ силу заключеннаго съ колоніальной администраціей контракта («Diensten contractueelen»).

Глава VII.

о. Амбоина — его исторія и значеніе. Населеніе острова.

Островъ Амбоина, или Амбонъ, какъ его называютъ туземцы, главный островъ Амбоинской группы, заключающей кромѣ Амбоины еще нѣсколько острововъ — Сапаруа, Гаруку, Нусалаутъ и др., состоитъ изъ двухъ полуострововъ — сѣвернаго Хиту и южнаго Лейтимора, соединенныхъ между собою узкимъ перешейкомъ. Въ общемъ по своей конфигураціи островъ имѣетъ видъ буквы Н, при чемъ обѣ длинныя палочки изображаютъ собою упомянутые полуострова, расположенные параллельно другъ другу и имѣющіе общее направленіе съ сѣвера-востока на юго-западъ, а перекла-

дина — перешеекъ, соединяющій оба полуострова. Слѣдуетъ замѣтить, что перешеекъ этотъ соединяетъ полуострова не посрединѣ ихъ протяженія, а ближе къ верхнимъ концамъ. Такимъ образомъ образующіеся два залива — бухты не одинаковы по своей величинѣ. Нижняя бухта — юго-западная (Bai v. Amboina), гораздо обширнѣе верхней — сѣверо-восточной (B. v. Baguala). Городъ Амбоина (Ambon) расположенъ въ глубинѣ большой юго-западной бухты на южной ея сторонѣ, т. е. на берегу полуострова Лейтимора, приблизительно на половинѣ его протяженія между выходомъ въ открытое море и перешейкомъ Paso. Амбоинская бухта чрезвычайно живописна. По справедливому выраженію Уоллэса, который ею такъ восхищался, она «имѣетъ видъ прекрасной рѣки», но рѣки, конечно, очень широкой.

«Bantam» отшвартовался у деревянной пристани, устроенной на концѣ длиннаго, вдающагося далеко въ море деревяннаго мола, и я тотчасъ же сошелъ на берегъ.

Мой багажъ кули снесли въ домъ китайскаго купца Іонъ-ки-Хона, моего спутника и сотоварища по путешествію изъ Сурабайи. Этотъ любезный китаецъ далъ мнѣ на первое время убѣжище въ незнакомомъ городѣ въ своемъ домѣ и посовѣтовалъ, какъ устроиться здѣсь дальше. Въ Амбоинѣ, нужно аамѣтить, существуетъ отель, но остановиться въ немъ для меня оказалось не по средствамъ. Сутки пансіона здѣсь обходятся что то около семи гульденовъ, т. е. около пяти съ полтиной на наши деньги. Я уже раньше зналъ все это и рѣшилъ по совѣту Іонъ-ки-Хона устроиться въ частномъ домѣ, или же нанять за дешевую плату какое нибудь помѣщеніе, расположенное неподалеку отъ берега моря. Найти подобное помѣщеніе не особенно трудно — затрудненіе состоитъ въ томъ, какъ его меблировать. Но и здѣсь есть выходъ: Въ Амбоинскомъ интендантскомъ складѣ я всегда могъ надѣяться раздобыть на время и столъ и кровать и стулья.

Дѣло въ томъ, что завѣдующій интендантствомъ капитанъ Sepeltie, чрезвычайно милый и любезный человѣкъ былъ мнѣ знакомъ. Онъ былъ моимъ компаньономъ по путешествію изъ Сурабайи на Амбоину. Видя мое затруднительное положеніе этотъ любезный капитанъ посовѣтовалъ мнѣ потолковать съ однимъ мѣстнымъ Амбоинскимъ сторожиломъ натуралистомъ, коллекторомъ — Mr. Rey, къ которому я немедленно и направился.

Послѣ первыхъ же словъ нашего разговора Rey предложилъ мнѣ поселиться у него въ домѣ. Въ мое распоряженіе онъ отдалъ довольно большую комнату своего дома, правда безъ мебели, но это обстоятельство не составило затрудненій — мебель скоро явилась: часть прислалъ Sepeltie изъ гарнизоннаго склада, часть менѣе важную, какъ то кровать, мы устроили своими собственными домашними средствами изъ ящиковъ и досокъ. Черезъ

нѣсколько часовъ работы общими трудами была сооружена и лабораторія, правда не очень то комфортабельная, но зато удобная, щедро снабженная серіей привезенныхъ изъ Россіи банокъ, мелкой посуды, пробирокъ, хорошей коллекціей реактивовъ, большимъ запасомъ спирта, препаровальными инструментами, лупой и, наконецъ, прекраснымъ, хотя и небольшимъ, микроскопомъ Zeiss'a. Я не возилъ съ собою большого Цейсовскаго штатива, который очень громоздокъ для большихъ поѣздокъ, въ особенности при томъ бродячемъ образѣ жизни, которую приходилось вести мнѣ во время путешествія. Со мною не было, конечно, апохроматовъ, которые совершенно излишни при работахъ, носящихъ рекогносцировочный характеръ. Да и, наконецъ, апохроматы, очень дорого стоющіе, легко подвержены порчѣ въ сыромъ тропическомъ климатѣ.

Я бралъ съ собою очень маленькій компактный, т. наз. «дорожный», штативъ съ тремя объективами A, C и F и двумя окулярами. Весь приборъ помѣщается въ очень небольшомъ плоскомъ ящикѣ и ничуть не стѣсняетъ при переѣздахъ.

Итакъ, лабораторія была готова, самъ я тоже устроился. — Мнѣ оставалось только осмотрѣться и приняться за работу, которая такъ манила меня здѣсь въ этой классической странѣ для натуралиста.

Скажу нѣсколько словъ о моемъ хозяинѣ, гостепріимномъ г. Rey. Въ былыя времена онъ поступилъ въ колоніальную голландскую армію солдатомъ наемщикомъ и нѣсколько лѣтъ сражался съ ачинцами въ сѣверной Суматрѣ. Затѣмъ онъ поселился на Амбоинѣ, перемѣнилъ родъ занятій и сдѣлался поставщикомъ естественно историческихъ коллекцій въ торговыя фирмы Западной Европы и Сѣверной Америки. Главнымъ образомъ онъ снабжаетъ ихъ энтомологическими коллекціями, въ особенности бабочками и жуками. Это его профессія, которой онъ живетъ со всей семьей, имѣя небольшой домъ неподалеку отъ моря. Обращаю вниманіе всѣхъ русскихъ музеевъ, зоологическихъ кабинетовъ и коллекціонеровъ на Rey'я, какъ на человѣка, отъ котораго изъ первыхъ рукъ, стало быть за половинную цѣну, не прибѣгая къ посредничеству европейскихъ фирмъ, можно получать самые разнообразные объекты — энтомологическія, герпетологическія, орнитологическія и т. п. коллекціи[1]).

Для меня лично помощь Rey'я была прямо неоцѣнима. Онъ помогъ мнѣ орьентироваться на островѣ, ознакомиться съ условіями жизни въ городѣ и на первыхъ порахъ постоянно помогалъ при экскурсіяхъ, къ которымъ я приступилъ немедленно по ознакомленіи съ городомъ.

Амбоина, незначительный по величинѣ островъ Молуккскаго Архипелага лежитъ на 3°41′ Ю. Ш. и 128°10′ В. Д. (по Гринвичу). Этотъ не-

1) Сообщаю его адресъ: Amboina (Nederl. Ind.) aan. H. Rey natuuronderzooker.

большой островокъ сыгралъ огромную роль въ исторіи колонизаціи голландцевъ въ Инсулиндѣ. Расположенный на немъ городъ Амбоина — имѣетъ свою исторію и продолжаетъ играть немалую роль въ дѣлѣ введенія европейской культуры въ окружающія островъ варварскія страны.

Первые европейскіе колонисты, занявшіе Амбоину, были португальцы, вліяніе которыхъ до сихъ поръ замѣтно на Молуккахъ. Это народъ, всюду оставлявшій неизгладимые слѣды. Въ 1511 году подъ начальствомъ Антоніо д'Абре они заняли островъ и мало по малу колонизировали весь Молуккскій Архипелагъ[1]). Въ началѣ XVI столѣтія португальцы уступили свое мѣсто голландцамъ, которые построили на Амбоинѣ крѣпость — фортъ Викторію. Амбоина сдѣлалась центромъ знаменитой Остъ Индской Компаніи, которая, пріобрѣтя отъ Тернатскаго султана право вырывать и уничтожать всюду на островахъ пряныя деревья, уничтожали ихъ всюду кромѣ Амбоины и Банды. На Амбоинѣ культивировалась гвоздика, на Бандѣ — мускатный орѣхъ. Оба эти растенія сдѣлались монополіею этихъ двухъ острововъ, дававшей Компаніи огромные барыши и отмѣненной лишь въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Отъ голландцевъ въ началѣ прошлаго столѣтія Амбоина перешла въ руки англичанъ, которые, однако, въ 1816 году снова возвратили ее голландцамъ. Съ 1854 года Амбоинская гавань объявлена porto franco, а въ шестидесятыхъ годахъ городъ сдѣлался крупнымъ административнымъ пунктомъ, центромъ резиденціи Амбоины, куда, кромѣ этого острова, причислены еще острова Банда, Серамъ, Буру, Батчанъ, Кей, Ару, Тенимберъ и группа мелкихъ острововъ, расположенныхъ къ востоку отъ Тимора. Въ самое послѣднее время въ сферу управленія Амбоины включено и вновь учрежденное поселеніе Мероке на границѣ голландской и англійской территорій Новой Гвинеи.

Культурное значеніе Амбоины на востокѣ Инсулинда огромно. Амбоина — пока единственный островъ, на которомъ прочно привилось христіанство среди туземцевъ. Болѣе двухъ третей амбоинцевъ — протестанты, лишь самая незначительная часть ихъ магометане. Однако, не мѣшаетъ замѣтить, что на Амбоинѣ введеніе христіанства не только не подняло культурный уровень населенія, но почему то оказало на него самое неблаготворное вліяніе. Замѣчу между прочимъ, что магометанамъ сами голландцы отдаютъ предпочтеніе передъ христіанами-туземцами въ смыслѣ нравственности и трудолюбія.

---

1) Еще до португальцевъ на Амбоину въ XVI столѣтіи являлись арабы, которые ввели на островѣ исламъ.

Амбоина довольно крупный торговый центръ, посѣщаемый часто голландскими пароходами. Суда Paketvaart'a приходятъ сюда съ Явы и Макассара 2 раза въ мѣсяцъ, и дважды въ мѣсяцъ отходятъ отсюда на Яву, Макассаръ и Сингапуръ. Изъ Амбоины эти пароходы расходятся по тремъ направленіямъ: одни идутъ на островъ Буру, Батчанъ, Тернате и возвращаются на Яву, обходя береговые пункты Целебеса. Другіе съ Амбоины направляются[1]) на сѣверный берегъ Серама (въ Wahaai), оттуда заходятъ въ Тернате, черезъ Джилоло направляются на острова Салавати и Вайгіу и вдоль сѣвернаго берега Новой Гвинеи идутъ въ Дорэ (Doreh), обходятъ мелкіе острова и береговые пункты Гильвинчскаго залива (Roon, Ansoos, Djamna, Tanah-Merah). Конечный пунктъ этой линіи — Humboldsbaay, откуда суда совершенно тѣмъ же путемъ идутъ обратно въ Амбоину, посѣщая по дорогѣ тѣ же самые, выше перечисленные пункты.

Третій маршрутъ — изъ Амбоины на Банду, отсюда черезъ сѣверо-восточную оконечность Серама въ Макъ-Клюрскій заливъ на Новой Гвинеѣ (гдѣ посѣщается маленькая деревушка Секааръ) — Факфакъ (близъ Scroë тоже на Новой Гвинеѣ), острова Кей, Ару и, наконецъ, Мероке, и даже на англійскіе острова Thursday Islands, лежащіе въ Торресовомъ проливѣ, между южнымъ берегомъ Новой Гвинеи и мысомъ Іоркъ (Австралія). Съ Ару пароходы возвращаются на Амбоину двумя путями — или по тѣмъ же пунктамъ, какъ и раньше, или же черезъ Тенимберъ, Бабберъ, Летти, Киссеръ (у Тимора), Даммеръ идутъ на Банду, откуда на Амбоину и дальше въ Макассаръ, Сурабайю и Батавію.

Кромѣ пароходовъ Paketvaart'a, одинъ разъ въ мѣсяцъ заходитъ на Амбоину пароходъ Nord-Deutscher Lloyd'a, идущій изъ Сингапура въ Германскую Новую Гвинею. Его маршрутъ: Сингапуръ, Батавія, Макассаръ, Амбоина, Банда и дальше, до пункта назначенія, откуда тѣмъ же путемъ обратно. Эти суда останавливаются на Амбоинѣ всего нѣсколько часовъ, голландскіе же пароходы обыкновенно стоятъ здѣсь не менѣе сутокъ.

Благодаря своему торговому и административному значенію Амбоина въ настоящее время представляетъ изъ себя очень цвѣтущій городъ, снабженный всѣмъ необходимымъ для того, чтобы доставить европейцу возможность жить съ достаточными удобствами.

Въ городѣ есть прекрасная школа — нѣчто вродѣ нашей гимназіи — для мальчиковъ и дѣвочекъ; здѣсь обучаются наравнѣ съ дѣтьми голландцевъ также и амбоинцы. Для послѣднихъ есть, впрочемъ, особая школа, въ которой помимо другихъ предметовъ дѣтей обучаютъ малайскому и голландскому языкамъ. Школа эта выпускаетъ очень подготовленныхъ молодыхъ

1) Dienst. № 18 Noordreis (Nieuw Guinea lijn).

людей, хорошо говорящихъ по голландски и сравнительно очень развитыхъ. Дѣти учатся круглый годъ — каникулы у нихъ лишь два раза въ годъ по недѣлѣ, разъ въ іюнѣ и разъ въ январѣ. Но обыкновенно занятія въ школѣ продолжаются лишь до 1 часу дня, а въ младшихъ классахъ до 11 ч. утра.

Въ городѣ имѣется клубъ для офицеровъ стоящаго въ Амбоинѣ гарнизона, госпиталь, протестанская церьковь (деревянная), аптека. Амбонскіе магазины («toko») меня прямо удивили. Вся торговля сосредоточена, конечно, въ рукахъ китайцевъ, какъ и всюду въ Инсулиндѣ. Китайцы имѣютъ здѣсь прямо по европейски (въ скромныхъ размѣрахъ, конечно) обставленные магазины. Торговый домъ китайскаго купца Іонъ-ки-Хона — это своего рода Мюръ и Мерилизъ Амбоины. Въ его магазинѣ можно достать все, начиная отъ консервовъ, сластей, винъ, парфюмеріи, канцелярскихъ принадлежностей, обуви, домашнихъ вещей, платья, и кончая льдомъ, который приготовляется на собственномъ заводѣ. Въ такомъ же родѣ магазины другихъ китайскихъ купцовъ. Вообще, весь китайскій кварталъ, расположенный недалеко отъ пристани, сплошной гостинный дворъ. Здѣсь же по сосѣдству находится и городской рынокъ — громадный крытый навѣсъ, гдѣ по утрамъ суетится огромная толпа народу, покупая и продавая овощи, плоды, рыбу разныхъ сортовъ, черепашье мясо, крупныя черепашьи яйца, достигающія величины почти куриныхъ, но круглой формы, маленькихъ каракатицъ и спрутовъ. Для наблюденія толпы базаръ одно изъ любопытнѣйшихъ мѣстъ въ Амбоинѣ.

Европейскій кварталъ города имѣетъ видъ нашихъ дачныхъ мѣстностей — расположенныхъ хотя бы около Петербурга; улицъ, въ томъ смыслѣ, какъ принято понимать у насъ и какія существуютъ въ нашихъ городахъ, здѣсь нѣтъ — есть прекрасныя широкія дороги, по бокамъ которыхъ расположены одноэтажные деревянные домики, утопающіе въ зелени. Словомъ улица въ Амбоинѣ (какъ и на Явѣ) есть непрерывная аллея, усаженная по краямъ канаріевыми деревьями, пальмами (пинангъ и Arenga) мускатными и гвоздичными деревцами, дуріанами, бананами и т. п. растеніями тропической флоры, такъ богато представленной на Молуккскихъ островахъ.

Съ юго-востока городъ примыкаетъ къ горѣ «Batoe Gadja» (Слоновая гора), у подножія которой стоитъ большой домъ резидента.

Къ достопримѣчательностямъ города нужно отнести старинный фортъ Викторію. Эта крѣпость, обращенная своимъ главнымъ фасадомъ прямо къ бухтѣ, построена еще въ 1607 году—тотчасъ по занятіи Амбоины голландцами. Въ ея стѣнахъ были расположены солдатскія казармы, военные склады и квартиры офицеровъ. Теперь послѣ памятнаго на Амбоинѣ землетрясенія 1898 года фортъ сильно пострадалъ и во время моего пребыванія

на островѣ солдатскія казармы были расположены за городомъ — во временномъ лагерномъ помѣщеніи. Со стороны города фортъ окруженъ огромнымъ лугомъ — усаженнымъ по краямъ канаріевыми деревьями.

Вторая мѣстная достопримѣчательность города — памятникъ голландскому натуралисту *Румфіусу*, который былъ первымъ изслѣдователемъ фауны Амбоинской бухты и описалъ ея диковины въ своемъ сочиненіи «*Ambonsche Raritetein kammer*». Самъ по себѣ памятникъ ровно ничѣмъ не замѣчателенъ — замѣчательно то уваженіе и вниманіе, съ которыми относятся голландская администрація и общество къ своимъ научнымъ дѣятелямъ.

Всюду во время моихъ прогулокъ по городу я видѣлъ замѣтные слѣды землетрясенія 1898 года; каменныя постройки очень сильно пострадали и производятъ печальное впечатлѣніе. Такъ, старое каменное зданіе госпиталя совершенно разрушено; часть форта, зданіе базара также. Это землетрясеніе, унесшее массу человѣческихъ жертвъ, побудило администрацію воспретить постройку каменныхъ зданій и теперь всѣ дома строятся преимущественно изъ желѣзнаго дерева, доставляемаго съ острововъ Кей. Домъ Рея, въ которомъ я помѣстился, также имѣлъ довольно-таки плачевный видъ: стѣны его раскололись вдоль и поперекъ и широкія щели были едва задѣланы.

Большинство амбоинскихъ обитателей чувствуетъ прямо паническій ужасъ передъ землетрясеніями и въ огражденіе своей жизни не рѣшается проводить ночь въ каменныхъ постройкахъ. На ночь многіе уходятъ спать въ деревянные сараи построенные спеціально для этой цѣли рядомъ съ каменными домами. Семья Рея не имѣла такого помѣщенія и ввиду этого двери на ночь не затворялись, «чтобы можно было при малѣйшемъ толчкѣ безпрепятственно выскочить на улицу». Признаюсь, мнѣ, непривычному человѣку, спать вначалѣ не было особенно сладко при такихъ обстоятельствахъ, но эта непривычка скоро совершенно прошла и я спалъ въ Амбоинѣ ничуть не хуже, чѣмъ въ Петербургѣ.

Вообще нельзя сказать, чтобы землетрясенія на островѣ случались часто. Мнѣ кажется наоборотъ, они довольно рѣдки. До сихъ поръ высказываются разнообразныя мнѣнія о ихъ причинѣ. Одни геологи, настаивающіе на существованіи на островѣ потухшихъ вулкановъ, приписываютъ естественно землетрясенія вулканической дѣятельности на самомъ островѣ. Другими геологами, наоборотъ, совершенно отрицается самое существованіе вулканическихъ конусовъ на Амбоинѣ. Всего вѣрнѣе, мнѣ кажется, считать землетрясенія здѣсь отголосками вулканической дѣятельности Гунунгъ Апи на островѣ Бандѣ. Вообще, вѣдь южнѣе Амбоины на Бандѣ, на Даммарѣ и на многихъ другихъ островахъ всюду имѣются дѣйствующіе непрерывно

вулканическіе конусы, которыхъ дѣятельность несомнѣнно имѣетъ вліяніе на колебанія почвы не только въ Амбоинѣ, но и на другихъ островахъ (напримѣръ, на рядомъ лежащемъ Серамѣ). Наконецъ, къ сѣверу отъ Амбоины, на островѣ Тернате мы имѣемъ тоже вулканы. Такимъ образомъ Амбоина окружена вулканическимъ полукольцомъ; при этихъ условіяхъ землетрясенія на этомъ островѣ не представляютъ загадочнаго явленія.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Амбоину я, слѣдуя обычаю, сдѣлалъ визитъ резиденту. Резидентъ на Амбоинѣ занимаетъ очень крупный административный постъ. Въ его вѣдѣніи находится огромная территорія, которою онъ управляетъ при помощи подчиненныхъ ему ассистентъ-резидентовъ (на Амбоинѣ и Бандѣ), контролеровъ (Туаль на островахъ Кэй, Факфакъ, на Новой Гвинеѣ, Батчанѣ) и наконецъ Posthouder'овъ — самыхъ мелкихъ чиновниковъ колоніальной административной іерархіи, подчиненныхъ непосредственно контролерамъ.

Конечно, при огромности управляемой резидентомъ территоріи, большая часть которой населена совершеннѣйшими дикарями и мѣстами нерѣдко даже прямо недоступна европейцу — управленіе его сводится лишь въ ревизіи подчиненныхъ чиновниковъ, которые, какъ напримѣръ, Posthouder'ы, сами имѣютъ часто въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи громадныя территоріи — острова и часто даже цѣлые архипелаги. Здѣсь ихъ роль ограничивается лишь въ оффиціальномъ постоянномъ присутствіи на положенномъ мѣстѣ для представительства, охраны флага, или для соблюденія формальностей при прибытіи и отходѣ пароходовъ Paketvaart'a. Въ сущности всѣ острова резиденціи, за исключеніемъ главныхъ, Амбоины и Банды и нѣкоторыхъ мелкихъ острововъ около Тимора, лишь номинально считаются частями Нидерландской Индіи — на большинствѣ ихъ голландская администрація безсильна и не только не въ состояніи ихъ культивировать, но едва въ силахъ заботиться лишь о сохраненіи status quo.

Въ заключеніе своего очерка Амбоины скажу нѣсколько словъ объ ея населеніи.

Амбоинцы крайне странный типъ. Долговременное пребываніе на островѣ европейцевъ, да притомъ различныхъ національностей, каковы напримѣръ, португальцы и голландцы, не могло не наложить отпечатка на типъ амбоинца. Каждый изъ нихъ настолько же малаецъ, насколько португалецъ, голландецъ, или даже папуасъ. Смѣшеніе крови въ разныхъ соотношеніяхъ создало оригинальный типъ метиса, типъ очень характерный, характерный настолько, что опытный человѣкъ сразу узнаетъ амбоинца — гдѣ бы его не увидѣлъ. Несомнѣнно, португальская кровь сильнѣе выражена въ немъ, чѣмъ голландская, какъ и вообще во всемъ на Амбоинѣ видно сильное вліяніе португальцевъ. Оно сказалось и на языкѣ, пестрѣющемъ

португальскими словами, и на нѣкоторыхъ обычаяхъ. На мой взглядъ (далеко, впрочемъ, не новый) амбоинецъ по типу что то среднее между португальцами и папуасами и мнѣ всегда было странно видѣть подобную физіономію въ европейскомъ котелкѣ, брюкахъ и перчаткахъ. Подобные костюмы городскіе зажиточные амбоинцы надѣваютъ во всѣхъ парадныхъ случаяхъ — какъ то, свадьбахъ, въ праздники, при хожденіи въ церковь и т. п. Конечно, рѣчь идетъ здѣсь только о городскихъ амбоинцахъ — провинціалы довольствуются всегда плетеной шляпой, простой рубашкой и короткими штанами, а зачастую неносятъ даже и рубахи.

Всѣ почти амбоинцы христіане-протестанты и очень кичатся этимъ передъ малайцами магометанами. Въ городѣ не трудно сразу отличить амбоинца христіанина отъ мусульманина — большинство протестантовъ носитъ черное платье—въ знакъ своей принадлежности къ христіанству. По праздничнымъ днямъ мѣстная церковь бываетъ полна народу. Для туземцевъ служитъ одинъ пасторъ на малайскомъ языкѣ, для голландцевъ — другой, на голландскомъ. Такимъ образомъ совершаются двѣ службы. Любопытное зрѣлище представляетъ амбоинская туземная публика, возвращающаяся изъ церкви — мущины въ брюкахъ, сюртукахъ, перчаткахъ и котелкахъ, или даже цилиндрахъ, женщины въ черныхъ платьяхъ и бѣлыхъ чулкахъ. Вся эта публика чопорна до смѣшного въ своемъ подражаніи европейцамъ.

Основная черта амбоинцевъ какъ горожанъ, такъ и простонародья — страшная лѣнь. Трудно найти народъ лѣнивѣе амбоинцевъ. Собственно говоря у нихъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ занятій. Риса они не сѣютъ; главное ихъ пропитаніе — саго, саговое же дерево само растетъ и въ лѣсахъ и въ садахъ безъ ухода — понадобилось срубилъ дерево и безъ особенныхъ хлопотъ и затрудненій добылъ требуемое.

Мусульманскій элементъ малайскаго населенія Амбоины производитъ несравненно лучшее впечатлѣніе — это народъ болѣе энергичный, дѣятельный и притомъ болѣе порядочный и честный, чѣмъ мѣстные туземцы христіане. Около Амбоины расположена цѣлая деревня «Batoe Merah», жители которой всѣ безъ исключенія магометане — всѣ они прекрасные рыболовы, усердные работники и по многимъ нравственнымъ качествамъ вообще стоятъ выше христіанъ-туземцевъ.

Вообще скажу, яванцы, какъ народность, производятъ, конечно, впечатлѣніе несравненно болѣе способныхъ, талантливыхъ людей, чѣмъ амбоинцы, ставшіе по наружности наполовину европейцами. Яванцы создали свою собственную культуру, свою систему земледѣлія, наконецъ, свой языкъ. Амбоинцы ровно ничего не создали, и не имѣютъ уже ничего своего собственнаго, — они никогда не были земледѣльцами, но даже и не разводятъ плантацій, хотя это уже давно показали имъ на своемъ примѣрѣ европейцы.

Островъ носитъ характеръ совершенно не обрабатываемой страны — ни полей, ни плантацій. Языкъ амбоинцевъ, — языкъ малайскій, но крайне исковерканный и съ большой примѣсью португальскихъ и отчасти голландскихъ словъ.

Однако, нужно все же отдать должное амбоинской интеллигенціи. Мѣстные туземцы очень воспріимчивы къ европейской культурѣ; окончивъ курсъ голландскаго училища въ Амбоинѣ, они дѣлаются здѣсь почти европейцами и неустанно работаютъ на поприщѣ педагогической и миссіонерской дѣятельности среди островитянъ, которыхъ еще не задѣла культура. Въ этомъ отношеніи значеніе Амбоины огромно. Это центръ, откуда по разнымъ направленіямъ распространяется культура.

Кромѣ амбоинцевъ малайцевъ, въ Амбоинѣ живетъ большое число китайцевъ и арабовъ. Какъ тѣ, такъ и другіе — торговцы, живущіе въ особыхъ кварталахъ. Арабы имѣютъ свою небольшую мечеть, китайцы оригинальную, какъ и все у этого народа — пагоду-молельню. Представителями китайцевъ и арабовъ въ Амбоинѣ являются ихъ выборные, т. н. «капитаны», или «лейтенанты». Эти капитаны и лейтенанты, имѣющіе особую форму, учрежденную голландцами, входятъ съ резидентомъ въ сношенія по поводу того или другого дѣла, касающагося своихъ соотечественниковъ и отвѣчаютъ даже за ихъ проступки передъ голландской администраціей.

Китайцы захватили въ свои руки всю торговлю въ Инсулиндѣ; среди нихъ вы найдете и мелкаго лавочника и крупнаго владѣльца торговыхъ фирмъ. Это народъ дѣловой, чрезвычайно предпріимчивый, практичный, дѣльный и необыкновенно энергичный. Въ самыхъ недоступныхъ мѣстахъ, на самыхъ дикихъ островахъ вы встрѣтите торговца-китайца, одного среди туземцевъ, ведущаго мелкую мѣновую торговлю и подъ рукою присматривающагося, нѣтъ ли по близости цѣнныхъ продуктовъ, могущихъ быть утилизированными en grand. Я уже говорилъ (см. главу 3), что мнѣ неоднократно приходилось слышать мнѣніе, что тамъ, гдѣ нѣтъ въ Инсулиндѣ китайца, нѣтъ слѣдовательно и никакой надежды на выгодныя торговыя операціи. Если бы онѣ существовали, китаецъ, навѣрное, былъ бы первый, который о нихъ узналъ бы, а узнавши, обязательно поселился бы въ томъ мѣстѣ, не смотря ни на какія опасности и затрудненія.

Многіе склонны смотрѣть на китайцевъ, какъ на эксплуататоровъ туземцевъ. Въ этомъ воззрѣніи, конечно, много правды: китаецъ по своимъ убѣжденіямъ и по программѣ своей дѣятельности — эксплуататоръ чистѣйшей воды, но все же нужно признать — справедливость этого требуетъ, — что среди самыхъ дикихъ племенъ, чуть-чуть не людоѣдовъ, первыми культуртрегерами являются не голландцы, а именно эти «эксплуататоры». Въ этомъ отношеніи заслуга китайцевъ, заслуга безсознательная, конечно,

стоитъ внѣ сомнѣнія и, думается мнѣ, ее понимаютъ и цѣнятъ наиболѣе просвѣщенные и дальновидные голландскіе администраторы.

Скажу теперь два слова объ европейскомъ элементѣ населенія Амбоины. Изъ европейцевъ на Амбоинѣ живутъ почти исключительно одни голландцы. Кромѣ резидента съ его секретаремъ—ассистентъ-резидентомъ, изъ администраціи здѣсь живетъ еще контролеръ. Наконецъ, въ городѣ стоитъ отрядъ колоніальныхъ войскъ, составленныхъ главнымъ образомъ изъ туземцевъ (среди войска находится немало солдатъ европейцевъ — бельгійцевъ и швейцарцевъ), офицеры котораго живутъ также въ Амбоинѣ. Агентъ Paketvart'a Mr. Bouman также голландецъ и живетъ постоянно здѣсь же. Немало живетъ въ Амбоинѣ отставныхъ голландскихъ чиновниковъ, выслужившихъ пенсію.

Тороплюсь приступить къ описанію своихъ экскурсій и занятій, а потому заканчиваю свой очеркъ Амбоины и резюмирую свои впечатлѣнія о ней.

Амбоина совсѣмъ не имѣетъ оффиціальнаго вида, подобнаго Макассару, Сурабайѣ, Батавіи и т. п. Это симпатичный, мирный уголокъ тропическаго пояса, гдѣ можно спокойно и съ удобствомъ пожить, имѣя подъ руками все необходимое, пользуясь здоровымъ, мягкимъ климатомъ, наслаждаясь всѣми прелестями тропической природы, которая столь щедро наградила это цвѣтущее мѣстечко. Безопасность европейца здѣсь столь же обезпечена, какъ и на Явѣ, или въ Западной Европѣ. Сношенія съ внѣшнимъ міромъ довольно удобны. Почта изъ Европы получается черезъ Сингапуръ и Яву три раза въ мѣсяцъ и столько же разъ идетъ обратно. Письма изъ Россіи до Амбоины доходятъ, напримѣръ, приблизительно черезъ полтора, два мѣсяца.

Глава VIII.

Амбоинскіе „коралловые сады". Общій очеркъ фауны Амбоинской бухты.

Быстро осмотрѣвшись и заведя нѣкоторыя знакомства среди голландцевъ, китайцевъ и малайцевъ-рыбаковъ, я сталъ пріискивать себѣ судно для работъ на морѣ. Мнѣ нужна была помѣстительная, большая лодка и къ моему удивленію подходящей пришлось искать довольно долго. Мелкихъ лодокъ-челноковъ всюду множество, но для драгировки они совершенно непригодны. Эти примитивныя суда представляютъ собою бревна, выдолбленныя внутри. На обоихъ концахъ челнока поперекъ его укрѣплены горизонтально по одной длинной жерди, выдающихся далеко за края бортовъ съ той и другой стороны. На концахъ этихъ жердей привѣшено по большому бревну съ каждой стороны челнока. Бревна эти, параллельныя продольной оси челна и плотно съ нимъ соединенныя, играютъ большую роль при сохраненіи

равновѣсія. Въ челнокѣ не имѣется ни одной скамейки; сидѣть можно, или на днѣ, или же на упомянутыхъ поперечныхъ перекладинахъ, къ которымъ подвѣшены боковыя бревна. Перекладины эти очень узки, неостесаны и сидѣть на ихъ острыхъ ребрахъ доставляетъ мало удовольствія.

Наконецъ, у одного китайца-купца нашлась вполнѣ удобная лодка, въ которой свободно могли помѣститься шесть — семь человѣкъ. Пришлось долго торговаться съ несговорчивымъ китайцемъ; наконецъ, мы сговорились. Я долженъ былъ платить по полтора гульдена (1 р. 20 коп.) въ день за лодку и по 30 центовъ за работу каждому гребцу, причемъ въ эту сумму входило и пропитаніе его.

Мнѣ раньше приходилось неоднократно драгировать и въ Черномъ морѣ, и въ Неаполитанскомъ заливѣ, и я зналъ, что на небольшой лодкѣ можно съ удобствомъ работать съ маленькой драгой, пользуясь услугами всего одного, много двухъ гребцовъ. Поэтому я былъ крайне удивленъ, когда мнѣ всѣ категорически заявили, что здѣсь, на Амбоинѣ для драгировокъ необходимо имѣть не меньше четырехъ — пяти человѣкъ. Мое недоумѣніе скоро разъяснилось, при первой же драгировкѣ.

Въ моемъ распоряженіи была драга, захваченная изъ Петербурга — драга очень небольшая — трехъ четвертей въ длину при четверти аршина въ высоту. Кстати, я досталъ на Явѣ превосходный, такъ называемый, манильскій тросъ, сдѣланный изъ растительныхъ волоконъ и отличающійся необыкновенной прочностью. Въ качествѣ посуды, нужной при драгировкахъ, мнѣ служили помѣстительные кубическіе жестяные ящики, употребляемые въ китайскихъ лавкахъ для храненія керосину. Отбивши одну верхнюю стѣнку ящика и придѣлавши къ нему деревянную ручку, я сдѣлалъ прекрасныя кубическія жестяныя ведра, вполнѣ пригодныя для складыванія добываемаго матеріала.

Въ Амбоинскихъ же лавкахъ можно пріобрѣсти очень удобныя стеклянныя банки, съ широкими горлышками и притертыми пробками разныхъ размѣровъ. Тамъ же у китайскихъ купцовъ имѣются (у Іонъ-ки-Хона, напр.) стеклянныя банки съ герметически закрывающимися при помощи спеціальнаго проволочнаго замка крышками. Такимъ образомъ, при работахъ я былъ обезпеченъ посудой, тѣмъ болѣе, что въ моемъ распоряженіи были еще шведскія жестянки, взятыя изъ Россіи, большой запасъ стеклянныхъ банокъ зеленаго стекла небольшихъ размѣровъ и нѣсколько сотъ маленькихъ пробирокъ.

Съ замираніемъ сердца выѣзжалъ я, помню, первый разъ на драгировку въ море на восходѣ солнца. Рано по утру уже насъ ждала нанятая лодка у небольшой пристани близъ форта Викторіи. Эта пристань находится

противъ главныхъ его воротъ и служитъ мѣстомъ храненія шлюпокъ, находящихся въ распоряженіи резидента. Въ бухтѣ неподалеку отъ пристани стояло на якорѣ голландское военное судно, канонерка «Arend», находящаяся также въ распоряженіи резидента и служащая ему для служебныхъ поѣздокъ по островамъ, входящимъ въ районъ Амбоинскаго резиденства.

Амбоинская бухта чрезвычайно живописна. Городъ Амбоина расположенъ неподалеку отъ выхода ея въ открытое море — такъ что главная часть бухты простирается въ сѣверо-восточномъ направленіи въ видѣ длиннаго, довольно узкаго залива, стѣсненнаго съ обѣихъ сторонъ горами, покрытыми роскошной растительностью. По своей топографіи Амбоинская бухта — очень напомнила мнѣ Севастопольскую, если откинуть отъ послѣдней ея добавочныя бухточки (Киленъ балка и др.). Въ обоихъ случаяхъ города расположены на южномъ берегу бухты, въ обоихъ случаяхъ послѣдняя имѣетъ видъ длиннаго залива, стѣсненнаго холмами. Но берега Севастопольской бухты болѣе или менѣе голы, тогда какъ оба берега Амбоинской — покрыты превосходной растительностью. Особенно лѣсистъ сѣверный берегъ — полуостровъ Хиту, вообще болѣе богатый въ смыслѣ растительности, чѣмъ Лейтиморъ. На сѣверномъ же полуостровѣ возвышаются и главныя горныя вершины острова Salhutu (1300 м.) и Wawani (900 м.).

Но всѣ красоты бухты блѣднѣютъ передъ тѣми дивными картинами, которыя развертываются предъ глазами наблюдателя, вглядывающагося въ глубины ея водъ. Главная слава Амбоинской бухты заключается въ ея «коралловыхъ садахъ» («Zeetuinen» голландцевъ).

Я не разъ читалъ восторженныя описанія коралловыхъ садовъ тропическихъ морей, но дѣйствительность превзошла всѣ мои ожиданія. Думаю, что ни одинъ изъ видѣнныхъ мною пейзажей не поражалъ меня такъ, не производилъ на меня столь сильнаго впечатлѣнія, какъ панорама глубинъ Амбоинской бухты. Но здѣсь не мѣсто вдаваться въ лиризмъ — при описаніи диковинъ морского дна мнѣ придется держаться рамокъ сухой объективности.

Для того, чтобы лучше всего полюбоваться коралловыми садами, чтобы наблюдать ихъ во всей красотѣ, нужно выѣхать въ море на самомъ разсвѣтѣ. Позднѣе, часовъ съ 8—9 на водѣ уже поднимается мелкая рябь и мѣшаетъ наблюденію, на восходѣ же солнца море гладко, какъ зеркало, а вода прозрачна и свѣтла, какъ лучшій хрусталь. Лодка тихо скользитъ по спокойной поверхности бухты и вы спокойно можете смотрѣть съ борта внизъ, смотрѣть и любоваться, наблюдать, восхищаться и сожалѣть, именно сожалѣть о своей безпомощности, чувствовать свое полное безсиліе передъ гигантской

массой накопленнаго здѣсь природой матеріала. Это чувство восхищенія, какъ то странно гармонируетъ съ сожалѣніемъ, быть можетъ, потому, что восхищеніе это есть въ данномъ случаѣ нѣчто чисто платоническое. Каждый метръ пути лодки открывалъ передо мной все новыя и новыя картины, все болѣе разнообразныя богатства морского дна. Всматриваясь въ эти таинственныя глубины, я съ каждой минутой все болѣе и болѣе чувствовалъ какое то смутное ощущеніе своего безсилія и неувѣренности.

Это чувство охватываетъ меня иногда, когда я, напримѣръ, смотрю съ палубы парохода на разстилающуюся необъятную ширь океана съ его колоссальными глубинами, съ его безконечными горизонтами. Въ эти минуты меня охватываетъ чувство недовѣрія ко всему, во что привыкаешь вѣрить, сидя за книгой, или за микроскопомъ въ стѣнахъ нашихъ лабораторій. Стоитъ подумать только о томъ, какой колоссальный матеріалъ заключаютъ въ себѣ, въ своихъ нѣдрахъ эти въ полномъ смыслѣ слова неизвѣданныя дебри, чтобы въ головѣ засѣло зерно недовѣрія къ освѣщенію накопленныхъ фактовъ, ко всѣмъ нашимъ филогенетическимъ схемамъ, ко всему тому фундаменту, на которомъ зиждется теперь весь смыслъ, вся соль морфологіи животныхъ. Трудно и представить себѣ, сколько еще совершенно «случайнаго», «неожиданнаго» фактическаго матеріала, дадутъ наукѣ эти таинственныя глубины, да и не одни глубины — вообще эти незатронутыя изслѣдователями тропическія воды. — Кто знаетъ, не заставитъ ли этотъ матеріалъ въ одно прекрасное утро отказаться отъ доброй половины тѣхъ филогенетическихъ теорій, которыя наукѣ удалось создать съ такимъ трудомъ въ теченіе половины столѣтія!

Проѣзжая надъ коралловыми садами Амбоинской бухты всѣ эти чувства, эти мысли охватывали меня временами съ бо̀льшей силой, чѣмъ когда либо. Здѣсь во очію, собственными глазами видишь, въ какомъ колоссальномъ, дѣйствительно, количествѣ собранъ природой этотъ матеріалъ, ожидающій изслѣдователя. Драгируешь и понимаешь, что опуская драгу, можешь въ сущности надѣяться лишь на случай. Тысячу разъ драга захватитъ съ глубины и принесетъ на поверхность воды формы самыя заурядныя, обыденныя, пройдя всего въ какомъ нибудь сантиметрѣ отъ такихъ сокровищъ, которыя могли бы сразу освѣтить самые темные вопросы морфологіи, вопросы, которые, быть можетъ, столѣтіями еще рискуютъ остаться окруженными непроницаемой тайной.

Мои надежды на драгировку не оправдались. Впрочемъ, многаго отъ драгировки и ждать было нельзя, принимая во вниманіе несовершенство моихъ приборовъ. Такъ, послѣ первыхъ же жалкихъ попытокъ работать на коралловомъ грунтѣ пришлось оставить драгировку въ этихъ, столь заманчивыхъ мѣстахъ.

Драга сразу зацѣпляется за кораллы и вся дальнѣйшая работа сводится лишь къ ея освобожденію. Канатъ несмотря на всю свою прочность, быстро перетирается объ острые рифы.

Послѣ нѣсколькихъ опытовъ, я, боясь потерять драгу, рѣшилъ, хотя и не безъ досады, искать другихъ мѣстъ для драгировокъ.

Во многихъ мѣстахъ дно бухты очень каменисто; иногда попадаются обширныя площади песку или илу.

Драгировки въ этихъ мѣстахъ дали главнымъ образомъ иглокожихъ — въ громадномъ количествѣ *Ophiuroidea*, все формъ довольно мелкихъ; *Asteroidea* — иногда громадныхъ размѣровъ и ярко окрашенныхъ; *Echinoidea* и, наконецъ, колоссальное количество *Holothurioidea*. Голотуріи невольно обращаютъ на себя вниманіе своимъ разнообразіемъ формъ — нѣкоторыя достигаютъ огромныхъ размѣровъ, другія поражаютъ яркостью окраски — наряду съ темными, невзрачными формами, попадаются зачастую экземпляры, окрашенные въ желтый, красный, оранжевый, синій цвѣта.

Видное мѣсто въ добычѣ, получаемой при драгировкахъ на илистомъ грунтѣ занимаютъ мелкія, свободно живущія Nematodes, немертины. Назову среди нихъ колоссальныхъ *Lineus* (*L. monolineatus* на илистомъ, чаще на каменистомъ грунтѣ), различныхъ *Eupolia*, многочисленныхъ *Terebratulus* и т. д.

Почему то мнѣ не разу не удалось выдрагировать ни одной гефиреи, фауна которыхъ такъ богато представлена въ тропическихъ моряхъ, а также ни одного представителя *Enteropneusta*.

Драгировки на каменистомъ грунтѣ (средней величины плитняковыя плиты) бывали несравненно болѣе продуктивны въ смыслѣ разнообразія матеріала. Зачастую драга вытаскивалась переполненной всякой живностью — актиніями, иглокожими, губками, разнообразнѣйшими крабами, моллюсками, асцидіями (*Phallusia*, *Clavellina*, *Botryllus* etc.) кольчатыми червями (мелкія *Serpulidae*, *Terebellidae*, *Sabella*, *Hermellidae*, крупныя *Phyllodocidae* etc.). Очень богато представлена фауна Coelenterata — при каждой драгировкѣ удавалось добывать много интереснаго — эффектныхъ *Gorgonacea*, яркихъ *Alcyonaria (Clavularia*, *Xenia*, *Alcyonium)*, *Madrepora*, *Seriatopora*, *Fungia*, *Coeloria*, *Turbinaria* и др. коралловъ.

Меня удивила сравнительная рѣдкость крупныхъ *Turbellaria*. Такихъ эффектныхъ, роскошно окрашенныхъ, крупныхъ формъ *Polyclada*, какъ *Jungia*, *Thysanozoon* и т. под., которыя встрѣчаются въ Средиземномъ морѣ, я совсѣмъ не находилъ здѣсь. Зато нѣкоторыя немертины невольно заставляютъ обратить на себя вниманіе — однажды я выдрагировалъ обрывокъ одной немертины, достигавшій болѣе аршина въ длину при толщинѣ въ большой палецъ руки.

Echinodermata и при драгировкахъ на каменистомъ грунтѣ составляли почти всегда огромный процентъ всей добычи. Зачастую изъ драги случалось вынимать цѣлые клубки сплевшихся въ одну массу своими руками *Ophiuroidea*. Такія формы офіуръ, какъ интересная *Ophiactis*, размножающаяся дѣленіемъ, *Ophiolepis*, *Ophiocoma*, *Ophiomastix*, маленькихъ *Amphiura* можно здѣсь добывать сотнями сразу. Но въ особенности богатую добычу доставляли морскіе ежи. Разнообразіе фауны Echinoidea въ Амбоинскихъ водахъ поразительное. Упомяну здѣсь между прочимъ интересныхъ *Diadema*, *Echinothrix*, *Leiocidaris*, *Heterocentrotus*, *Salmacis*, *Echinometra*, *Tripneustes*, *Colobocentrotus*, *Mespilia*, *Astropygia*, *Pleurechinus*, и, наконецъ, огромныхъ *Asthenosoma*, достигающихъ трехъ вершковъ въ діаметрѣ и др.

Послѣдніе особенно интересны. Родъ *Asthenosoma*, какъ извѣстно, принадлежитъ къ семейству *Echinothuridae*, свойственному исключительно тропическимъ морямъ. Это оригинальное семейство, изслѣдованное братьями Sarasin, по многимъ признакамъ стоитъ близко къ палэозойскимъ Echinoidea и представляютъ, конечно, огромный съ морфологической точки зрѣнія интересъ. Нужно замѣтить, что *Asthenosoma* не всегда можно добыть въ Амбоинской бухтѣ, онѣ появляются здѣсь лишь въ извѣстное время года, кажется, именно въ лѣтніе мѣсяцы.

Изъ *Crinoidea* десятками попадались заразъ въ одной драгѣ довольно крупные *Comatula* (два или три вида) на сравнительно очень небольшихъ глубинахъ. Уже на грубинѣ 5—10 метровъ, даже зачастую въ полосѣ отлива не рѣдко попадаются криноидеи.

Въ общемъ всетаки я ожидалъ отъ драгировокъ большаго. Къ тропическимъ морямъ невольно предъявляешь бо̀льшія требованія, чѣмъ къ нашимъ европейскимъ водамъ. Впрочемъ, я во всемъ виню несовершенство своихъ приборовъ. Изъ своихъ работъ на Амбоинѣ я вынесъ впечатлѣніе, что драгировать въ коралловыхъ моряхъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи металлическаго троса, вещь сравнительно мало продуктивная. Съ обыкновенными канатами работать, конечно, можно, но серьозныхъ результатовъ ожидать трудно. Впрочемъ, я лично отъ драгировки и не ожидалъ особыхъ результатовъ; мои требованія были довольно снисходительны. Я вѣдь не задавался фаунистическими изслѣдованіями; мнѣ важно было при помощи драги доставать матеріалъ для морфологическихъ работъ, а въ этомъ отношеніи даже мои жалкіе приборы меня удовлетворяли въ достаточной степени.

Одно скажу — драгировка въ Амбоинской бухтѣ безъ металлическаго троса доставитъ не много удовольствія. На каждомъ шагу драга зацѣпляется за коралловые рифы и приходится прибѣгать къ всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы ее освободить. Это занимаетъ много времени, отнимаетъ не мало труда и зачастую стоитъ большихъ усилій.

Не мало хлопотъ и огорченій при драгировкахъ доставляли мнѣ также мои гребцы, типичнѣйшіе амбоинцы — лѣнтяи въ душѣ и на дѣлѣ, и при этомъ еще необыкновенно упорные рутинеры. Ежедневно выходили у насъ недоразумѣнія, главнымъ образомъ изъ за гребли.

Нужно замѣтить, что повсемѣстно на Молуккахъ и даже, повидимому, вообще на востокѣ Малайскаго Архипелага туземцы гребутъ небольшими, очень короткими лопатками, причемъ гребецъ работаетъ одной такой лопаткой, дѣйствуя ею спереди назадъ и держа ее обѣими руками. Само собою разумѣется, этотъ способъ крайне невыгоденъ для гребца, а поэтому для того, чтобы привести въ дѣйствіе лодку, которой у насъ управляетъ одинъ человѣкъ, тамъ нужно по меньшей мѣрѣ двое, трое.

Никакіе, самые убѣдительные, горячіе доводы о важности опоры для весла въ видѣ уключины, или чего нибудь въ этомъ родѣ, не привели ни къ какому результату. Мои амбоинцы продолжали стоять на своемъ. Конечно, никому не покажется удивительнымъ, что при этихъ условіяхъ зачастую наша лодка, огруженная самой небольшой драгой, не могла двинуться съ мѣста. Работая своими игрушечными лопатками, да еще при этомъ какъ то нехотя, апатично, словно шутя, само собою разумѣется даже десять дюжихъ лѣнтяевъ, не стоютъ нашихъ двухъ гребцовъ, энергично работающихъ длинными веслами, опирающимися на уключины.

Особенно возмущала меня ихъ рутина, или скорѣе прямо упрямство. Желая показать имъ важность длинныхъ веселъ и работу ими при помощи уключинъ, я наскоро обтесалъ двѣ доски, изготовилъ грубыя подобія веселъ, набилъ на бортахъ колышки и демонстрировалъ вполнѣ наглядно и, какъ мнѣ казалось, съ большимъ успѣхомъ, свое произведеніе. Но никакія доводы не привели ни къ чему. Амбоинцы упрямо твердили, что лопатами грести лучше, что всѣ здѣсь такъ гребутъ и т. п. Когда же я сталъ прямо заставлять грести ихъ моими веслами для пробы, то эта проба оказалась не въ мою пользу. Дюжій туземецъ, здоровенный дѣтина, такъ церемонно сталъ болтать веслами по водѣ при поощрительныхъ восклицаніяхъ своихъ, явно несочувствующихъ нововведенію, товарищей, что лодка не сдвинулась съ мѣста, даже не огруженная драгой. Пробовалъ я мѣнять гребцовъ, но результатовъ положительныхъ такъ и не добился, да наконецъ, и обученіе амбоинскихъ туземцевъ греблѣ совсѣмъ не входило въ программу моей дѣятельности на Амбоинѣ.

Пробовалъ я работать съ парусомъ, который также нашелся у хозяина лодки, но, само собою разумѣется, парусъ самъ по себѣ вещь не практичная въ этомъ случаѣ — нужно ждать вѣтра, а вѣтеръ вещь крайне капризная. Но все же большая часть наиболѣе удачныхъ экскурсій съ драгой были сдѣланы при работѣ подъ парусомъ.

Въ результатѣ драгировки давали много интереснаго морфологическаго матеріала, но все же не оправдывали затрачиваемаго на нихъ времени и я въ концѣ концовъ рѣшилъ всѣ свои усилія сосредоточить на работѣ съ планктонной сѣткой.

Первыя же пробы, взятыя съ самой поверхности воды, дали превосходные результаты и я, не теряя много дорогого времени на драгировки, увлекся планктонированіемъ.

Планктонной сѣткой необходимо запастись въ Россіи, нигдѣ въ Нидерландской Индіи, конечно, обзавестись ею нельзя (или во всякомъ случаѣ черезъ чуръ затруднительно). Это замѣчаніе касается равнымъ образомъ и драги, троса, посуды и тому подобныхъ вещей. Драгу, пожалуй, можно еще заказать на Явѣ, но все это отниметъ много времени и стоитъ большихъ хлопотъ.

Планктонировать вполнѣ возможно на самой маленькой лодкѣ и я, чтобы не входить въ довольно значительные расходы при работахъ въ большой лодкѣ, пользовался при экскурсіяхъ съ планктонной сѣткой тѣми челноками, которые въ столь большомъ употребленіи всюду на Амбоинѣ. Эти челноки, уже описанные мною выше, управляются однимъ гребцомъ, который гребетъ все той же традиціонной лопаткой, то съ одной, то съ другой стороны борта. Въ тихую погоду работа въ подобной лодкѣ не представляетъ особыхъ затрудненій, но зато при неспокойномъ морѣ, да еще при поѣздкахъ далеко отъ береговъ челнокъ мало пригоденъ — въ немъ нужно соблюдать равновѣсіе, что не всегда можетъ удастся. Впрочемъ, нужно сознаться, что и въ самую дивную погоду при работѣ съ челнока нужно все время быть на чеку.

Крупными организмами планктонъ и нектонъ не богаты. Всего раза два выловилъ я очень крупныхъ *Pyrosoma*, два экземпляра дивныхъ сифонофоръ и нѣсколько *Cestum* изъ ктенофоръ. Крупныя сальны, *Doliolum* совершенно отсутствовали. Зато медузъ было множество — самыхъ разнообразныхъ и иногда поражающихъ своей величиною и яркими красками. Думаю я, что въ другое время года, осенью, напр., планктонъ здѣсь гораздо богаче крупными формами, чѣмъ лѣтомъ, какъ это наблюдается, напр. въ Средиземномъ морѣ (Неаполь, Виллафранка, Мессина). Но при бѣдности и однообразіи планктона крупными формами, онъ необыкновенно богатъ мелкими организмами.

Очень обыкновенны въ немъ *Chaetognatha* (*Spadella* и *Sagitta*), различныя *Pteropoda*, мелкія *Heteropoda*, личинки *Veliger* всевозможныхъ *Gasteropoda*, личинки и яйца асцидій, трохофоры различныхъ *Polichaeta*, оригинальнѣйшія личинки какихъ то *Crustacea*, мелкія аннелиды *(Nereis)*. Видную роль въ планктонѣ играютъ нѣкоторыя *Coelenterata* — въ особен-

ности гидромедузы (очень обыкновенны между прочимъ *Narcomedusae* — среди нихъ довольно обычны интересныя *Aeginella*, *Solmundella* и др.), ктенофоры (исключительно почти *Cydippidae*) и личинки *Siphonophora*.

Изъ *Tunicata* въ планктонѣ часто попадаются, какъ я уже сказалъ, небольшія личинки асцидій. Изолированныя въ спеціальномъ сосудѣ онѣ долго жили у меня и не превращались. Лишь по прошествіи недѣли начался процессъ метаморфоза и личинки сразу, прямо съ поразительной быстротой превратились во взрослыя формы. Метаморфозъ, разъ начавшись, совершается уже почти на глазахъ. Временами много попадалось *Appendicularia* — исключительно одинъ видъ *Oicopleura rufescens* Fol. Эта форма свойсвенна теплымъ морямъ; она была найдена Фолемъ въ Средиземномъ морѣ, но тамъ она рѣдка. Plankton-Expedition нашла ее въ Атлантическомъ океанѣ въ большомъ количествѣ. Мнѣ *O. rufescens* попадалась всюду, гдѣ я только планктонировалъ на Малайскомъ Архипелагѣ — и въ Амбоинскихъ водахъ, и у береговъ Новой Гвинеи, и близъ Ару. Замѣчу, что это единственная аппендикулярія, которую я встрѣтилъ въ индо-австралійскихъ водахъ.

Ни разу не встрѣчалъ я *Doliolum*; сальпы тоже попадались рѣдко — мнѣ удалось собрать только мелкихъ *S. democratica-mucronata*, форму, обыкновенную и въ Средиземномъ морѣ. Такимъ же космополитомъ является въ Амбоинской бухтѣ *Spadella draco* Crohn. Этотъ представитель *Chaetognatha* по словамъ Beraneck'a, также работавшаго на Амбоинѣ, является «le plus commune des éspèces de ce genre, trouvées dans la pêche pélagique de la baie d'Amboina». Я въ первые дни своего пребыванія здѣсь былъ того же мнѣнія — эта интересная форма попадалась мнѣ въ планктонѣ въ очень большомъ количествѣ. Но затѣмъ, начиная уже съ двадцатыхъ чиселъ іюля, она стала встрѣчаться рѣже и, наконецъ, совсѣмъ исчезла. Впослѣдствіи, при планктонированіи около о. Банды, Ару, Новой Гвинеи и у береговъ Тенимбера я тоже лишь случайно встрѣчалъ *Spadella draco*. Эта форма замѣчательный примѣръ космополитизма пелагическихъ животныхъ. Она найдена была и въ Атлантическомъ, и въ Индѣйскомъ, и въ Тихомъ океанахъ.

Наряду со *S. draco* я встрѣчалъ въ Амбоинской бухтѣ еще другую *Spadella*, которую, повидимому, придется выдѣлить въ новый видъ. Кромѣ того въ Амбоинѣ попадаются изрѣдка небольшія *Sagitta* spec?

Всѣ собранныя *Chaetognatha* — формы не крупныя. Большинство ихъ не превышаетъ 1—1,5 сант. въ длину. Лишь три экземпляра какой то, ближе не опредѣленной, *Spadella* достигали около 2,5 сант. при діаметрѣ почти въ 2 mm.

Большую роль въ планктонѣ играютъ Простѣйшія. Въ глаза бросается огромное количество разнообразныхъ *Radiolaria*, *Dinoflagellata* и

между прочимъ оригинальныхъ *Ceratium* — самыхъ причудливыхъ формъ, *Noctiluca*, *Tintinnoidea* и другихъ *Ciliata* вообще. Иногда огромный процентъ планктонныхъ формъ составляютъ растительные организмы — въ особенности разнообразныя діатомовыя и другія водоросли.

Разбирать планктонъ всегда доставляло мнѣ истинное наслажденіе. Конечно, я былъ далекъ отъ мысли заниматься столь мало продуктивнымъ и раціональнымъ дѣломъ, какъ счетомъ планктона; да и вообще меня самъ планктонъ интересовалъ лишь съ точки зрѣнія богатаго матеріала для выискиванія интересныхъ личинокъ и случайныхъ находокъ, столь возможныхъ въ мало изученныхъ тропическихъ моряхъ.

Банки съ планктономъ во время экскурсіи на лодкѣ я ставилъ обыкновенно въ чашки съ водой, которую часто мѣнялъ, предупреждая такимъ образомъ быстрое нагрѣваніе сосуда съ планктономъ. Часть матеріала — формы болѣе или менѣе крупныя, сразу бросающіяся въ глаза, фиксировались немедленно, тутъ же во время экскурсіи, въ лодкѣ. Это имѣетъ свои удобства. Такъ, напр., немедленно фиксируя выловленныхъ изъ планктона пипеткой аппендикулярій, удалось сохранить у многихъ экземпляровъ ихъ нѣжные домики, которые иначе уничтожаются.

Большая часть матеріала привозилась домой и просматривалась подъ лупой и микроскопомъ въ моей походной лабораторіи. Все интересное отбиралось, кое что зарисовывалось, консервировалось. Многое удавалось сохранять въ живомъ видѣ довольно долгое время и наблюдать in vitro иногда нѣсколько дней подрядъ. Впрочемъ, это только въ довольно рѣдкихъ случаяхъ — обыкновенно уже черезъ нѣсколько часовъ большая часть планктона опускалась на дно и скоро погибала.

Врядъ ли можетъ быть у микроскописта занятіе увлекательнѣе разборки планктона. Я лично предпочитаю его всякому другому и зачастую, помню, просиживалъ за этой работой до глубокой ночи, стараясь хотя бы бѣгло просмотрѣть привезенный матеріалъ подъ микроскопомъ. Разумѣется, это вещь по большой части невозможная. За многими вещами провозишься по полчаса и болѣе — многое возбуждаетъ сомнѣніе, требуетъ особенно внимательнаго отношенія. Иногда въ порціи воды, взятой на часовомъ стеклышкѣ, окажется столько незнакомыхъ организмовъ, интересныхъ личинокъ, что весь вечеръ употребишь на изученіе одной этой пробы, остальную же часть матеріала смотрѣть уже некогда — его просто фиксируешь въ массѣ, не просматривая.

Чтобы покончить со своими изслѣдованіями планктона сдѣлаю небольшое отступленіе. Въ концѣ своего пребыванія на Амбоинѣ я совершилъ очень интересную поѣздку въ море по направленію къ островамъ Гаруку и Сапаруа. На большой лодкѣ мы выбрались далеко за береговую полосу Амбоины и я

часа два работалъ съ планктонной сѣткой въ виду Сапаруа въ открытомъ морѣ. Результатъ экскурсіи превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія — мнѣ посчастливился сдѣлать находку, которая составляетъ наиболѣе цѣнную часть моихъ сборовъ въ тропическихъ моряхъ. Это была чрезвычайно интересная, новая форма *Coelenterata*, названная мною *Hydroctena Salenskii*, составляющая какъ бы промежуточную форму между гидроидными медузами и *Ctenophora*. Я вначалѣ принялъ ее за одну изъ *Narcomedusae*, на которыхъ она дѣйствительно чрезвычайно похожа по внѣшнему виду и по нѣкоторымъ деталямъ анатомическаго строенія (присутствіе velum, строеніе желудка, manubrium). Но послѣ микроскопическаго изслѣдованія выяснилась моя ошибка — на аборальномъ полюсѣ найденнаго медузообразнаго животнаго я открылъ особый чувствительный органъ, очень похожій на статоцистъ ктенофоръ и въ особенности оригинальныхъ *Ctenoplana* и *Coenoplana*.

Всякій пойметъ мое изумленіе и восторгъ — смѣло могу сказать, что это былъ лучшій день въ моей жизни.

По пріѣздѣ въ Петербургъ я подробно изслѣдовалъ строеніе *Hydroctena* и опубликовалъ результаты своихъ изслѣдованій въ «Запискахъ Имп. Академіи Наукъ», V s., v. XIV, № 9.

Помимо драгировки и планктонированія я часто дѣлалъ прогулки по берегу моря въ полосѣ отлива. Бродя по камнямъ на глубинѣ полуаршина и менѣе можно найти очень много интереснаго. Очень часто ловилъ я такимъ образомъ не крупныхъ головоногихъ — спрутовъ, громадныхъ офіуръ, очень красивыхъ *Echinoidea* (среди которыхъ не разъ добывалъ обыкновенную всюду въ посѣщенныхъ мною мѣстахъ интересную въ біологическомъ отношеніи *Diadema*), пестрыхъ *Comatula*, которыя массами встрѣчаются на камняхъ у самаго берега, немертинъ, трубчатыхъ *Polychaeta*, разнообразнѣйшихъ крабовъ, всевозможныхъ моллюсковъ и т. п.

Немного глубже, уже на глубинѣ двухъ — трехъ аршинъ очень обыкновенны громадной величины морскія звѣзды неизвѣстнаго мнѣ вида. Эти животныя вооружены огромными, достигающими до нѣсколькихъ сантиметровъ въ длину, иглами и стоитъ неосторожно взять ихъ въ руки, какъ почувствуешь страшную боль, вродѣ той, которая причиняется уколомъ морского ежа *Diadema*. На глубинѣ 3—4 аршинъ можно найти живые кораллы — *Fungidae*, разнообразныя мадрепоры и др. На такихъ глубинахъ прекрасно можно работать съ сачкомъ или скребкомъ съ небольшого челна (хотя челнъ при очень энергичныхъ манипуляціяхъ не рѣдко угрожаетъ катастрофой, если и не опасной, то непріятной), если нѣтъ настоящей лодки. Вода здѣсь настолько прозрачна, что безъ труда достанешь со дна сачкомъ почти каждое животное, обратившее на себя вниманіе, каждый камень. Я обыкновенно примѣнялъ этотъ способъ и по большей части съ

успѣхомъ. Этимъ именно способомъ добывалъ я главнымъ образомъ огромное количество обломковъ колоній коралловъ, въ особенности разнообразныхъ *Madrepora*, *Retepora*, *Alveopora*, *Coeloria* и др. Эти обломки доставляютъ часто богатый матеріалъ для изслѣдованія.

Можно сказать, что каждый объемистый кусокъ коралловаго рифа представляетъ собою собраніе самыхъ разнообразныхъ животныхъ. Между вѣтвями колоніи ютятся губки, актиніи, офіуры, мелкіе *Echinoidea*, *Antedon*, немертины, крабы и т. д. и т. д. Большіе обломки нужно разбивать на нѣсколько кусковъ — тогда въ пустотахъ внутри пористой каменистой массы можно найти еще цѣлые комки животныхъ — забравшихся извнѣ черезъ щели мелкихъ *Polychaeta*, *Ophiuroidea*, небольшихъ немертинъ, мелкихъ *Turbellaria* и т. п.

Работая какъ то противъ деревни Batou Merah — предмѣстьи Амбоины, я встрѣтилъ туземца мусульманина Удина. Онъ подъѣхалъ ко мнѣ на челнѣ и предложилъ свои услуги. На мой вопросъ, въ чемъ онъ мнѣ можетъ быть полезенъ, старикъ, не говоря ни слова, моментально прыгнулъ въ воду и нырнулъ. Черезъ нѣсколько секундъ, мой новый знакомый, появился на поверхности воды съ громаднымъ обломкомъ коралла въ одной рукѣ и морской звѣздой въ другой. Пояснивъ свою спеціальность такимъ нагляднымъ примѣромъ, туземецъ вытащилъ изъ грязной тряпки со дна своей лодки цѣлый ворохъ бумагъ и протянулъ мнѣ. Это были аттестаты отъ нѣкоторыхъ натуралистовъ, пользовавшихся услугами Удина. Среди нихъ была рекомендація R. Semon'a, работавшаго въ Амбоинѣ во время своего извѣстнаго путешествія по Австраліи и Малайскому Архипелагу. Въ описаніи этого путешествія, Semon часто упоминаетъ о содѣйствіи этого малайца, помогавшаго ему при работахъ. Я повстрѣчалъ Удина не задолго до своего отъѣзда изъ Амбоины и не могъ уже воспользоваться его услугами. Но вообще этотъ амбоинецъ, уже старикъ въ настоящее время, можетъ быть очень полезенъ для натуралиста, собирающаго коллекціи представителей амбоинской фауны, чѣмъ я, кстати сказать, не занимался особенно усердно — для этого нужны большіе запасы спирта и большое количество посуды, я же не имѣлъ средствъ запастись ни тѣмъ, ни другимъ въ достаточномъ количествѣ.

За свои услуги Удинъ просилъ съ меня 1 fl. въ день — плата солидная, но работаетъ онъ, какъ мнѣ показалось, въ общемъ не особенно прилежно. Вообще его услуги, разумѣется, становятся очень не дешево, но могутъ быть очень полезны, равно какъ и вообще услуги его односельчанъ, отъ которыхъ можно зачастую получать чрезвычайно интересныя вещи.

Такъ, однажды одинъ малаецъ принесъ мнѣ превосходный экземпляръ раковины *Nautilus*. Я попросилъ его распространять среди рыбаковъ слухъ

о томъ, что мнѣ нужно это животное и что я охотно пріобрѣту всѣ экземпляры, которые будутъ пойманы. Скоро мнѣ, дѣйствительно, принесли нѣсколько живыхъ *Nautilus*'овъ, которыхъ я купилъ, платя по 50 центовъ (около 40 коп.) за штуку. Впрочемъ, скоро я убѣдился, что на большой матеріалъ въ этомъ отношеніи разсчитывать все же нельзя. *Nautilus* въ Амбоинской бухтѣ, повидимому, встрѣчается болѣе или менѣе случайно и рѣдко. Semon, какъ извѣстно, спеціально отправлялся съ Явы на Амбоину, чтобы изслѣдовать развитіе этого интереснаго головоногаго. Онъ работалъ тамъ зимою (декабрь, январь и февраль) и не могъ достать ни одного живого *Nautilus*. По словамъ Semon'а это животное появляется здѣсь лишь въ періодъ юго-восточнаго муссона. Съ мая по сентябрь Удинъ досталъ ему шесть экземпляровъ, которые и прислалъ въ Европу.

Отправляясь на Амбоину я думалъ найти здѣсь въ большомъ количествѣ молуккскаго *Limulus (L. moluccanus)* («Mimie» малайцевъ), но жестоко ошибся въ своихъ разсчетахъ. Быть можетъ въ другое время года это животное здѣсь и обыкновенно, но въ періодъ моего пребыванія на Молуккахъ мнѣ такъ и не удалось надъ нимъ поработать. Единственный экземпляръ *Limulus*, видѣнный мною, былъ принесенъ мнѣ однимъ туземцемъ во время моего кратковременнаго пребыванія на маленькомъ коралловомъ островкѣ—атоллѣ Гиссерѣ, лежащемъ около юго-восточной оконечности большого острова Серама. Часто я видѣлъ сухихъ *Limulus* у продавцовъ раковинъ и коралловъ въ Сингапурѣ. Если вѣрны данныя, сообщаемыя v. der Hooven'-омъ, то для работы надъ *Limulus* не нужно ѣхать на Молукки, а достаточно прожить лѣто въ Батавіи.

«Im Monat Juli und August», пишетъ этотъ натуралистъ: «werden sie *(Limulus)* täglich in Ueberfluss bei dem Hafen von Batavia gefangen und lebendig zu Markt gebracht. Die Malayen essen die Eier, und auch das Fleisch finden sie und die Chinesen angenehm». (Handbuch d. Zoologie, Leipzig 1850 г., стр. 600—601).

Глава IX.

Мои экскурсіи на Амбоинѣ.

Въ свободное отъ работы время и въ видѣ отдыха я дѣлалъ небольшія экскурсіи по острову. Въ этомъ отношеніи Амбоина несравненно интереснѣе для натуралиста, чѣмъ Ява, гдѣ, за исключеніемъ резиденствъ Bantam'а, южной части Preanger'а и Krawang'а, вся поверхность острова занята полями и плантаціями. Въ Амбоинѣ же большая часть жителей настолько лѣнива, что не обзаводится ни тѣмъ ни другимъ. Поэтому около самаго

города есть полная возможность временами съ удовольствіемъ поэксурсировать. Лѣсовъ по близости, правда, уже нѣтъ, но некультурныхъ мѣстъ еще много. Ближайшія окрестности Амбоины представляютъ собою холмы, покрытые густымъ кустарникомъ. Кое гдѣ на этихъ холмахъ можно встрѣтить небольшія рощицы и перелѣски, по опушкамъ которыхъ лежатъ громадныя пространства, заросшія папортникомъ и высокой травой. Деревни въ общемъ немногочисленны.

Сѣверный полуостровъ Хиту несравненно интереснѣе южнаго Лейтимора. Онъ очень гористъ и почти сплошь покрытъ лѣсами. Экскурсіи тамъ, какъ и на Лейтиморѣ не представляютъ никакихъ затрудненій — всюду на Амбоинѣ, вообще, можно бродить совершенно безопасно.

Лучшимъ, исходнымъ, такъ сказать, пунктомъ для экскурсій является деревня Пазо. Это селеніе лежитъ на томъ узкомъ перешейкѣ, который соединяетъ два полуострова Хиту и Лейтиморъ. Устроившись здѣсь, можно въ общихъ чертахъ ознакомиться какъ съ фауной, такъ и съ флорой всего острова.

Флора Амбоины чрезвычайно богата — въ лѣсахъ Хиту можно видѣть самыя эффектныя и оригинальныя растительныя формы тропиковъ. Въ лѣсу здѣсь можно встрѣтить и сахарную пальму *(Arenga)*, и вьющійся ротангъ *(Calamus rotang)*, и громадный дуріанъ *(Durio zibethinus)*, канаріевыя деревья *(Canarium commune)*, казуарины, различные фикусы, саговыя пальмы (*Metroxylon Rumphii*) и т. п. Саговая пальма — особенно цѣнное дерево для населенія. Всѣ туземцы почти исключительно питаются «саго» — оно имъ замѣняетъ рисъ, совершенно не разводимый на островѣ, какъ и вообще нигдѣ въ восточной части Малайскаго Архипелага. Саго на Амбоинѣ добывается почти исключительно изъ стволовъ *Metroxylon*. Дерево, достигшее извѣстнаго возраста (т. е. передъ цвѣтеніемъ, послѣ котораго растеніе погибаетъ), срубаютъ и особыми деревянными (бамбуковыми) молотками — долотами выбиваютъ и измельчаютъ сердцевину, которая состоитъ изъ саго и древесины. Саго отдѣляется отъ древесины водой, которую льютъ на выдолбленные куски сердцевины. Ихъ при этомъ энергично мѣшаютъ и жмутъ; вода затѣмъ пропускается черезъ грубое подобіе сита — волокнистую оболочку кокосоваго листа, черезъ которое вода со взвѣшенными частицами саго проходитъ, а древесина задерживается. Отдѣленная саговая мучнистая масса высушивается и въ результатѣ получается мука столь же мелкая, какъ картофельная. Эта мука и есть саго. Изъ него дѣлаютъ особыя красноватыя лепешки очень ароматичныя и вкусныя, если ѣсть ихъ свѣжими. Ими туземцы запасаются на цѣлый годъ — полежавъ немного эти лепешки дѣлаются грубыми, твердыми какъ дерево, совершенно прѣснаго вкуса, а вѣрнѣе совсѣмъ безвкусными.

Насколько велико значеніе саговой пальмы для мѣстныхъ туземцевъ показываетъ простой разчетъ.

Достаточно трехъ человѣкъ, чтобы обратить всю сердцевину дерева въ саго въ теченіи maximum недѣли. Полученнаго же саго вполнѣ хватитъ для пропитанія одного человѣка впродолженіе цѣлаго года!

Большое значеніе имѣетъ для туземцевъ также пальма *Arenga saccharifera*. Это дерево даетъ имъ и сахаръ, и вино, и превосходныя волокна. На одномъ растеніи достигающемъ въ высоту до 10—20 аршинъ, расположены и мужскіе и женскіе початки. Надрѣзывая мужскіе тычиночные початки получаютъ особое пальмовое вино молочнаго цвѣта, полупрозрачное на видъ, горьковатаго вкуса. Сгущая этотъ сокъ получаютъ сахаръ — темно-бураго, почти чернаго цвѣта. Этотъ сахаръ въ большомъ употребленіи и на другихъ островахъ Архипелага (на Явѣ также среди туземцевъ онъ очень распространенъ).

Перехожу теперь къ своимъ зоологическимъ экскурсіямъ, которыя я дѣлалъ въ свободное время.

Птицами островъ не богатъ и съ ружьемъ почти не стоитъ экскурсировать. Около Пазо иногда можно встрѣтить ярко красныхъ лори (*Eosrubra*), которыхъ я видѣлъ однажды около самаго города. Тамъ же можно встрѣтить яркихъ зимородковъ, голубей. Особенно интересенъ изъ птицъ одинъ представитель большеноговъ (*Megapodius*), извѣстный малео, живущій близъ моря и кладущій въ песокъ свои огромныя яйца. Впрочемъ, повидимому, малео на Амбоинѣ встрѣчаются далеко не часто.

Вообще, птицъ на островѣ видно мало. О млекопитающихъ, конечно, и говорить нечего. Молуккская фауна, какъ извѣстно, очень бѣдна видами Mammalia. Изъ млекопитающихъ въ лѣсахъ Хиту водится между прочимъ (хотя встрѣчается далеко не часто) интересное сумчатое кускусъ *(Phalanger maculatus)*. Эти звѣрьки безжалостно уничтожаются амбоинцами, которые ихъ ѣдятъ, равно какъ и китайцы. Взрослый кускусъ достигаетъ величины крупной кошки. Самка обыкновенно однотоннаго сѣраго цвѣта, но окраска самцовъ крайне разнообразна — встрѣчаются самцы совершенно бѣлые, желтые, пятнистые. Въ городъ туземцы часто приносятъ живыхъ кускусовъ, которыхъ можно здѣсь купить за очень недорогую плату — за какихъ нибудь 50—80 центовъ штуку. Кускусъ животное ночное и днемъ найти его въ лѣсу довольно затруднительно. Онъ распространенъ широко по всему Молуккскому Архипелагу и островамъ Папуасіи. Кромѣ Амбоины кускусъ живетъ на Бандѣ и на Серамѣ; кромѣ Молуккскихъ острововъ, онъ живетъ всюду въ Папуасіи — на Новой Гвинеѣ, на островѣ Мизоль, на Вайгіу, на островахъ Кей и архипелагѣ Ару. На послѣднихъ я хорошо ознакомился съ этимъ оригинальнымъ сумчатымъ и въ своемъ мѣстѣ разскажу о немъ подробнѣе.

Кромѣ кускусовъ, на Амбоинѣ изъ млекопитающихъ можно встрѣтить лишь летучихъ мышей. Въ самомъ городѣ, въ садахъ иногда ночью можно видѣть огромныхъ калонговъ — летучихъ собакъ *(Pteropus)*. Ихъ стрѣляютъ по ночамъ туземцы изъ ружей и, говорятъ, ѣдятъ.

Фауна пресмыкающихся на мой взглядъ значительно бѣднѣе яванской и на Амбоинѣ еще менѣе бросается въ глаза, чѣмъ на Явѣ. Змѣй я видѣлъ очень немного, но змѣй, какъ я уже имѣлъ случай говорить въ своемъ мѣстѣ, вообще рѣдко приходится встрѣчать даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ водятся во множествѣ. Въ лѣсахъ Хиту, замѣчу, еще до сихъ поръ не рѣдки огромные пиѳоны. Ящерицы попадаются на глаза сравнительно тоже нечасто и разнообразія большого среди нихъ не наблюдается. Довольно много гекконовъ, не рѣдки мѣстами крупные вараны.

Какъ извѣстно, чрезвычайно богато представлена на Амбоинѣ фауна рыбъ. Въ особенности коралловые сады бухты богаты самыми изящными и яркими представителями этого класса. Всѣмъ знакомые *Chaetodon*, *Holocanthus* и др. представители *Squamipennes* и *Pomacentridae* снуютъ цѣлыми стаями между вѣтвями изящныхъ мадрепоръ, серіатопоръ и др. коралловъ.

Изъ прѣсноводныхъ интересныхъ рыбъ укажу на брызгуна *Toxotes jaculator*, различные *Gobius*, *Mugilidae*, *Eleotris*, *Muraena*, *Doryichtys* (изъ *Lophobranchia*) одинъ видъ *Tetrodon* (*T. papuah* Blkr.) и др.

Съ первыхъ же моихъ прогулокъ по окрестностямъ города я увлекся бабочками. Амбоина и вообще Молукки — классическая страна чешуекрылыхъ. Въ одинъ мѣсяцъ я самъ и при помощи амбоинскихъ малайцевъ собралъ хорошую коллекцію превосходныхъ *Lepidoptera*. Особенно хороши здѣсь *Ornithoptera* и добывая каждый новый для моей коллекціи видъ или хорошій экземпляръ, я всегда радовался, какъ мальчикъ.

Въ лѣсистыхъ мѣстахъ очень часто можно найти лѣниво порхающихъ крупныхъ *Hestia idea*, дивныхъ изумрудныхъ *Papilio Ulysses* L. — одну изъ замѣчательнѣйшихъ по изяществу и красотѣ бабочекъ Малайскаго Архипелага. Назову еще *P. Polydorus*, *P. Agamemnon*, *Nyctalaemon Patroclus*, различныхъ *Euploea* и др. Изъ *Ornithoptera* довольно много *O. priamus* L., которую не рѣдко можно видѣть въ самомъ городѣ, но поймать удается не часто. Летаютъ онѣ всегда на большой высотѣ, почти никогда не садятся, да и самъ полетъ ихъ чрезвычайно быстръ. Изъ другихъ *Ornithoptera* можно добыть громадныхъ *O. rhemus* (*O. Hippolytes* Cr.), изящныхъ *O. helena* L. Всѣ онѣ по роскоши окраски лишь немного уступаютъ первому виду, а по изяществу формъ даже, пожалуй, превосходятъ его. Пойманные мною самимъ экземпляры *Ornithoptera* не всегда отличались безукоризненною внѣшностью. Но зато экземпляры, приносимые малайцами, по большей части бывали превосходны. Поставляя всегда матеріалъ Рею, они уже наловчились въ этомъ отношеніи.

Въ садахъ, въ самомъ городѣ я нашелъ раза два громадныхъ размѣровъ всѣмъ извѣстнаго шелкопряда *Attacus atlas*.

Вообще за мѣсячное пребываніе на островѣ, экскурсируя при томъ не каждый день, я досталъ до 150 экземпляровъ Lepidoptera, изъ которыхъ было около пятидесяти безукоризненныхъ экземпляровъ различныхъ видовъ *Ornithoptera*. Рей, незадолго до моего пріѣзда въ Амбоину возвратившійся съ острова Батчана, подарилъ мнѣ нѣсколько экземпляровъ исключительно свойственнаго этому острову *Orn. croesus*, гдѣ ему удалось собрать нѣсколько десятковъ этихъ роскошныхъ бабочекъ, столь цѣнимыхъ любителями лепидепторологами.

Жуки Амбоины произвели на меня несравненно меньшее впечатлѣніе, чѣмъ бабочки. Я тщетно искалъ крупныхъ и яркихъ формъ, о которыхъ съ такимъ восхищеніемъ говоритъ Уоллэсъ въ своемъ «Малайскомъ Архипелагѣ», характеризуя фауну жесткокрылыхъ Амбоины. Громадное большинство собранныхъ мною *Coleoptera* — мелки и неярки. Очень многочислены среди нихъ *Curculionidae*, различныя *Cicindellidae*, *Lucanidae*, небольшія *Cerambycidae*, *Buprestidae*, и т. п. Съ особеннымъ рвеніемъ старался я найти знаменитаго *Euchirus longimanus* L. Этотъ жукъ очень крупныхъ размѣровъ (достигаетъ до 8 сант. въ длину), обладаетъ, какъ извѣстно, громаднѣйшими передними ногами, которыя превышаютъ раза въ два длину всего тѣла. Благодаря столь длиннымъ переднимъ конечностямъ, двигается жукъ крайне медленно и очень неуклюже. Я не безъ труда добылъ два экземпляра этого жука, да около десятка этихъ оригинальныхъ насѣкомыхъ принесли мнѣ амбоинцы изъ окрестностей Пазо.

Продолжая производить на Амбоинѣ свои физіологическіе опыты надъ *Orthoptera*, начатые на Явѣ, я съ особеннымъ усердіемъ искалъ этихъ насѣкомыхъ. Въ общемъ Амбоина въ этомъ отношеніи значительно уступаетъ Явѣ — здѣсь нѣтъ такого разнообразія оригинальныхъ формъ, какъ тамъ. Зато попадаются иногда формы, прямо поражающія своими размѣрами и красотою. Такова, напримѣръ, одна огромная молуккская фасмида (*Cyphocrana gigas* L.), которую я встрѣтилъ кромѣ Амбоины еще на Бандѣ. Я собралъ порядочную коллекцію *Mantodea*, *Locustodea* и *Gryllodea*. Изъ послѣднихъ мѣстами обыкновенна небольшая *Gryllotalpa* — видъ очень похожій (если не тождественный) на яванскую *G. africana*.

Очень усердно искалъ я на Амбоинѣ телифоновъ, но это паукообразное мнѣ здѣсь нигдѣ не встрѣчалось. На Молуккахъ водится нѣсколько родовъ *Pedipalpi* — кромѣ яванскаго *Thelyphonus asperatus* Thor. съ молуккскихъ о-вовъ описанъ одинъ видъ рода *Tetralabius* и одинъ представитель *Phrynidae* — *Charon*.

Однако Rey, которому я показывалъ яванскихъ телифоновъ, увѣрялъ меня, что такихъ животныхъ никогда не видалъ въ Амбоинѣ. Мѣстные малайцы, постоянно доставляющіе животныхъ Рею, никогда послѣднему ихъ не приносили и вообще съ нимъ, повидимому, незнакомы. Впрочемъ, амбоинцы — народъ столь ненаблюдательный, что ихъ словамъ придавать большого значенія нельзя. Совсѣмъ иное дѣло туземцы Явы; у тѣхъ, напримѣръ, чуть ли не каждое животное, даже самое незначительное, имѣетъ свое собственное названіе. Да и не только яванцы; туземцы нѣкоторыхъ другихъ сосѣднихъ острововъ тоже прекрасные натуралисты. Амбоинцы же различаютъ лишь крупныя формы и то ими названія даются всегда въ собирательномъ смыслѣ. Приведу примѣръ, прямо поразившій меня. Какъ я уже замѣтилъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ, Бейтенцоргскій 'S Lands Plantentuin получилъ для своего Зоологическаго музея большія коллекціи голотурій со многихъ частей Архипелага. Просматривая коллекцію, присланную съ острова Бангки, я былъ пораженъ, читая ярлыки, которыми была снабжена каждая банка. Оказывается, всякая форма голотуріи была обозначена присущимъ ей малайскимъ именемъ, которое и было обозначено на этикеткѣ. Не менѣе двухъ десятковъ видовъ было прислано и каждый видъ имѣлъ свое мѣстное названіе! Осматривая орнитологическія коллекціи Бейтенцоргскаго музея приходишь тоже въ изумленіе — на каждой птичкѣ этикетка съ двумя названіями: одно — научное, другое — мѣстное малайское.

Въ настоящее время Бейтенцоргскимъ Институтомъ издана работа Koningsberger'a, касающаяся Яванской орнитофауны; просмотрите ее и вы увидите, что чуть ли не каждая птица имѣетъ туземное названіе, которое авторъ стрательно отмѣчаетъ и ставитъ рядомъ съ научнымъ латинскимъ.

Въ лѣсистыхъ мѣстахъ острова можно собрать хорошую коллекцію крупныхъ *Araneina*. Замѣчу однако, что такихъ громадныхъ пауковъ, какъ *Nephila*, *Mygale* и др., которые столь обыкновенны на Явѣ, здѣсь я не встрѣчалъ. Довольно много также, но лишь мѣстами скорпіоновъ, но столь крупныхъ формъ, какъ яванскіе *Sc. indicus*, я на Амбоинѣ тоже никогда не видалъ. По большей части амбоинскіе скорпіоны довольно мелки и не опасны для человѣка, хотя впрочемъ и укушеніе огромныхъ, страшныхъ на видъ яванскихъ *Sc. indicus* по отзывамъ тамошнихъ старожиловъ тоже не можетъ считаться смертельнымъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ.

Разъ зашла рѣчь о паукообразныхъ, упомяну о полномъ отсутствіи здѣсь, какъ и вообще на Малайскомъ Архипелагѣ, представителей *Solipugae*. Эти животныя, столь характерныя для жаркихъ областей Азіи, совершенно отсутствуютъ на островахъ Инсулинда. Во всей этой громадной области до сихъ поръ найденъ лишь одинъ родъ *Dinorhax*, живущій на Молуккахъ. Этотъ же родъ живетъ также въ Кохинхинѣ.

Вотъ въ краткихъ чертахъ очеркъ Амбоинской наземной фауны, т. е. вѣрнѣе списокъ животныхъ, которыхъ приходится видѣть во время экскурсій по острову и съ которыми удается встрѣчаться натуралисту, не поставившему своей спеціальной задачей коллектированіе. Конечно, долго живя на островѣ много увидишь такого, что не бросается въ глаза сразу — всякому извѣстно, что при составленіи списковъ фауны даже спеціалистами, работающими впродолженіе цѣлыхъ лѣтъ въ данной мѣстности, случайность играетъ огромную роль. Можно собирать матеріалъ десять лѣтъ и не увидѣть формы, которая попадется на глаза случайно на одиннадцатый. Мои задачи были очень далеки отъ спеціальныхъ фаунистическихъ изслѣдованій. Амбоинская фауна меня интересовала лишь съ точки зрѣнія большого любителя природы вообще. Я экскурсировалъ только въ видѣ развлеченія и отдыха, или же по пути беря все, что попадетъ подъ руку во время поисковъ нужнаго для моихъ морфологическихъ работъ матеріала. Въ общемъ и амбоинская природа съ ея фауной меня довольно таки разочаровала, но все же экскурсировать здѣсь несравненно пріятнѣе и, пожалуй, продуктивнѣе, чѣмъ на Явѣ. Впрочемъ, и здѣсь бывали дни, когда я, обойдя громадную площадь, не находилъ ни одного крупнаго насѣкомаго, не видалъ ни одной птицы.

Періодъ моего пребыванія на Амбоинѣ, лишь благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, не совпалъ съ дождливымъ временемъ. Годъ моего путешествія въ тропики вообще, повидимому, былъ удивительно сухой — это мнѣ говорили на Явѣ, это же мнѣ повторили и амбоинскіе старожилы. Въ Амбоинѣ періодъ дождей не совпадаетъ съ сырымъ временемъ на западной Явѣ. Тамъ дождливыми мѣсяцами являются декабрь, январь, февраль, на Амбоинѣ же, и вообще на Молуккахъ — май, іюнь и іюль. Эти три мѣсяца здѣсь дожди идутъ, не переставая — вплоть до середины августа. При мнѣ же въ іюлѣ и началѣ августа дождь шелъ лишь изрѣдка, что считалось всѣми за большую ненормальность.

По единодушнымъ отзывамъ всѣхъ амбоинцевъ — лучшее время на островѣ — отъ сентября до марта, включительно. Этотъ же періодъ на всемъ Архипелагѣ лучшее время въ смыслѣ обилія и разнообразія фруктовъ. Въ періодъ моего пребыванія на Явѣ тамъ въ ходу были сравнительно очень немногіе ихъ сорта. Небольшіе (съ зеленой кожурой) апельсины, пампельмусъ, конечно, ананасы и бананы, которыми Бейтенцоргъ славится, салакъ (небольшіе пріятные на вкусъ фрукты съ коричневатой черепитчатой кожурой) и др.

На Амбоинѣ въ употребленіи масса сортовъ фруктовъ. Вначалѣ я нарочно старался каждый день пробовать все новые для меня сорта, но въ концѣ концовъ это занятіе мнѣ опротивѣло. Въ общемъ всѣ тропическіе фрукты

скоро надоѣдаютъ. Одинъ изъ чисто мѣстныхъ плодовъ — это канари, мелкіе плоды канаріевыхъ деревьевъ — вкусомъ напоминающіе шпанскіе орѣхи, но хуже ихъ. Знаменитыхъ мангустановъ въ это время еще не было, но я ихъ ѣлъ впослѣдствіи осенью въ большомъ количествѣ съ большимъ наслажденіемъ. Зато манга, рамбутанъ, салакъ, сауманила, пампельмусъ, *djanboe*, лангзапъ, нангка, сиркайя, папайя, буанонна *(boeah-nonna)* и десятки другихъ были въ изобиліи за моимъ столомъ. Къ большинству этихъ плодовъ нужно привыкнуть, иначе они не доставляютъ ни малѣйшаго удовольствія, а нѣкоторые даже прямо вызываютъ отвращеніе. Таковъ, напримѣръ, знаменитый дуріанъ, который такъ рекомендуетъ Уоллэсъ; по словамъ его для того, чтобы ѣсть дуріанъ стоитъ спеціально пріѣхать въ тропики. Я пробовалъ дуріанъ не разъ и всякій разъ онъ вызывалъ тошноту. Большинство же европейцевъ даже и не рѣшаются пробовать этого плода, настолько онъ отвратителенъ по своему специфическому, ни съ чѣмъ не сравнимому запаху. Туземцы же его страшно любятъ, равно какъ и нѣкоторые долго живущіе въ тропикахъ европейцы — все дѣло привычки, но стоитъ ли насильно заставлять себя привыкать къ вещи, отъ которой черезъ нѣсколько мѣсяцевъ придется отвыкнуть?

Вообще, я охотно примыкаю къ мнѣнію многихъ европейцевъ, утверждающихъ, что наши фрукты умѣреннаго пояса несравненно лучше тропическихъ. Самъ «царь фруктовъ» мангустанъ хорошъ, если ѣсть его изрѣдка, въ противномъ случаѣ тоже начинаетъ надоѣдаетъ. А можетъ ли надоѣсть хорошая груша, или апельсинъ? Впрочемъ, на фрукты въ тропикахъ не смотрятъ какъ на лакомство, какъ на своего рода предметъ роскоши, что ли. Большинство плодовъ составляетъ здѣсь громадное подспорье для туземцевъ въ ихъ домашнемъ обиходѣ, играя роль пищевыхъ продуктовъ. Дерево для тропическаго жителя все; оно даетъ туземцу и пищу, и питье, и строительный матеріалъ и хозяйственную утварь, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и одежду.

Около каждой хижины туземца вы найдете и бананъ, и нангку (*Artocarpus* sp.?) съ ея огромными плодами, и папайю *(Carica papaja)*, и хлѣбное дерево *(Artocarpus incisa)* и саговую пальму и стройный пинангъ и *Arenga* и бамбукъ. Здѣсь подъ рукою, кругомъ дома все, что нужно для хозяйства. Хлѣбное дерево и бананъ дадутъ туземцу превосходную пищу, саго для него замѣняетъ нашъ хлѣбъ, сахарная пальма даетъ и вино и сахаръ и превосходныя волокна годныя для всевозможныхъ издѣлій, бамбукъ — прекрасный строительный матеріалъ, онъ же и матеріалъ для хозяйственныхъ подѣлокъ, начиная отъ ведеръ, корзинъ и кончая мебелью. Панданусъ и ротангъ дадутъ матеріалъ для цыновокъ для корзинъ и даже шляпъ. Въ придачу въ распоряженіи туземца круглый годъ разнообразнѣйшіе

фрукты и все это природа даетъ сама, стоитъ протянуть руку и взять, не затрачивая на это ни времени, ни силъ, ни энергіи. Другое дѣло въ первобытныхъ лѣсахъ, гдѣ нибудь на Новой Гвинеѣ, или на островахъ Ару. Тамъ борьба за существованіе выражена несравненно въ сильнѣйшей степени именно потому, что въ слабѣйшей развита культура, не доведшая туземца даже до сознанія необходимости культивировать плодовыя деревья. Правда, въ мѣстныхъ лѣсахъ можно найти въ дикомъ состояніи много фруктовыхъ деревьевъ, но онѣ, разумѣется, не могутъ сравниться съ тѣми, которыя культивированы человѣкомъ: плодовъ меньше, да и сами плоды худшаго качества, мелки. Наконецъ, многихъ важныхъ фруктовыхъ деревьевъ и нѣтъ въ лѣсахъ, или ихъ не хватаетъ для всѣхъ. Туземцы бѣдствуютъ, голодаютъ, цѣлыя племена вымираютъ — виною этому ужасныя условія существованія, главнымъ образомъ борьба изъ за пропитанія. И это въ странѣ, гдѣ при небольшомъ умѣніи, при самой незначительной затратѣ энергіи человѣкъ можетъ быть сытымъ всю жизнь! Это то умѣніе и должны внести европейскіе колонизаторы. Вся культурная задача колониста европейца должна быть въ первую голову направлена, мнѣ кажется, именно на этотъ вопросъ.

Впрочемъ, само слово «культивированіе» по отношенію къ фруктовымъ деревьямъ на Амбоинѣ черезъ чуръ громко. Деревья разъ введенныя, уже сами растутъ здѣсь, не требуя за собою никакого ухода.

Въ буквальномъ смыслѣ слова на Амбоинѣ культивируются лишь два растенія — мускатный орѣхъ и гвоздика.

Впрочемъ, и мускатное то дерево культивируется главнымъ образомъ на островѣ Бандѣ и о немъ, какъ и вообще о мускатномъ орѣхѣ, будетъ рѣчь впереди, при описаніи моего посѣщенія этого острова.

Скажу теперь нѣсколько словъ о климатѣ Амбоины. Вопросъ о климатѣ Амбоины не лишенъ извѣстнаго интереса. Въ соотвѣтственной литературѣ зачастую можно встрѣтить указанія на то, что здѣсь климатъ періодически измѣняется. Объ этомъ между прочимъ говоритъ и Уоллэсъ въ главѣ о своемъ пребываніи на этомъ островѣ. Раньше климатъ Амбоины считался прямо убійственнымъ для европейцевъ — въ настоящее же время въ климатическомъ отношеніи островъ находится въ числѣ однихъ изъ самыхъ здоровыхъ мѣстностей въ Инсулиндѣ. О крупныхъ эпидеміяхъ здѣсь почти не слышно; малярія, какъ и всюду въ тропикахъ, даетъ себя, конечно, знать, но въ крайне умѣренныхъ размѣрахъ. Такихъ убійственныхъ лихорадокъ, какія свирѣпствуютъ въ нѣкоторыхъ приморскихъ пунктахъ и даже цѣлыхъ областяхъ Явы, здѣсь не существуетъ. Однимъ изъ довольно распространенныхъ заболѣваній на островѣ является, какъ я слышалъ, особая болѣзнь глазъ, сопровождающаяся сильнымъ нагноеніемъ. Болѣзнь эта, го-

ворятъ, очень заразительна и при мало мальски неопрятномъ содержаніи лица даетъ себя сильно чувствовать.

Отправляясь на Амбоину съ Явы, я не думалъ было на ней долго задерживаться — по моему проэкту я долженъ былъ, познакомившись съ условіями работы въ морѣ на Амбоинѣ въ хорошихъ условіяхъ, — отправиться куда нибудь въ глушь, гдѣ начать работать и экскурсировать.

Но, начавъ работать въ Амбоинской бухтѣ, я невольно увлекся — матеріалу подъ руками было много, матеріалъ крайне интересный. Сама Амбоина мнѣ очень нравилась — симпатичный городъ, симпатичное общество, хорошій климатъ, наконецъ, удобная походная лабораторія — словомъ всѣ условія для продуктивной работы были на лицо.

Чувствовалъ я себя превосходно; работалось хорошо и легко, работа шла успѣшно, и я уже начиналъ подумывать совсѣмъ до отъѣзда въ Россію остаться на Амбоинѣ и никуда не ѣздить. Мой гостепріимный хозяинъ старикъ Rey очень меня къ этому склонялъ — въ концѣ концовъ мы съ нимъ составили даже проэктъ, по которому я долженъ былъ пробыть мѣсяца два, три на Амбоинѣ, а затѣмъ въ видѣ отдыха отправиться вмѣстѣ съ нимъ на острова Буру и Батчіанъ, поэкскурсировать. Батчіанъ по общимъ отзывамъ для натуралиста прямо земной рай. Богатство птицъ тамъ удивительное — за мѣсяцъ до моего пріѣзда въ Амбоину Rey возвратился оттуда и привезъ цѣлые сундуки птичьихъ шкурокъ (среди нихъ, между прочимъ, нѣсколько интересныхъ райскихъ птицъ — *Semioptera wallacei*, свойственныхъ исключительно Батчану и Джилоло). Мнѣ не удалось осуществить этотъ планъ — обстоятельства заставили меня послѣ мѣсячнаго пребыванія на Амбоинѣ уѣхать отсюда и отправиться на острова Ару, о чемъ я впослѣдствіи ни чуть не жалѣлъ. Пребываніе на Аруанскомъ Архипелагѣ я считаю лучшимъ временемъ въ моей жизни.

Годъ моего пребыванія въ тропикахъ былъ особенно неблагопріятенъ для Нидерландской Индіи. Холера, обычно державшаяся лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ Архипелага, стала свирѣпствовать повсемѣстно — отовсюду доходили угрожающіе слухи. Еще во время своего пребыванія въ Бейтенцоргѣ я много слышалъ объ эпидеміи — меня отговаривали тогда даже ѣхать въ Tjibodas, въ окрестностяхъ котораго были случаи холерныхъ заболѣваній. Въ Сурабайѣ же холера во время моего проѣзда черезъ этотъ городъ уже свирѣпствовала съ небывалой силой, въ Макассарѣ тоже. Изъ Макассара эпидемія дошла и до Амбоины, гдѣ о ней раньше и не слыхали.

Холерная эпидемія въ столь незначительномъ городкѣ, какъ Амбоина вещь крайне непріятная и я рѣшилъ искать себѣ другихъ мѣстъ для работы. Меня особенно привлекали тѣ изъ острововъ Архипелага, куда европейцы еще не успѣли завезти свою культуру — только тамъ и возможно познако-

миться съ настоящей тропической природой, еще не опошленной человѣкомъ. Съ другой стороны мнѣ нужно было выбрать такое мѣсто, гдѣ можно было бы поработать на морѣ. Посовѣтовавшись съ людьми бывалыми, я рѣшилъ воспользоваться отходящимъ въ Мероке пароходомъ, который при своемъ обходѣ береговъ Новой Гвинеи долженъ былъ зайти на архипелагъ Ару въ мѣстечко Добо. Въ этомъ селеніи основала свою станцію арабская фирма Baâdilla, занимающаяся ловлею жемчужныхъ раковинъ въ разныхъ мѣстахъ Малайскаго Архипелага и между прочимъ на островахъ Ару. Въ Добо на островѣ Ваммарѣ былъ устроенъ фирмою складъ добываемыхъ раковинъ, а также временами жилъ одинъ изъ представителей фирмы Nanan Baâdilla. Я могъ, слѣдовательно, разсчитывать поработать на морѣ, воспользовавшись для этого частыми поѣздками ловцовъ жемчуга, а въ тоже время видѣть воочію всѣ тѣ прелести настоящей нетронутой дѣвственной природы, о которой каждому приходилось такъ много читать и слышать.

Резидентъ, съ которымъ я бесѣдовалъ по поводу своего проекта, сообщилъ мнѣ, что за исключеніемъ Добо, весь архипелагъ Ару — мѣстность совершенно дикая, населенная туземцами папуасами абсолютными дикарями. Въ Добо же кромѣ Baâdill'ы съ его малайцами, живетъ голландскій Posthouder и наѣзжаютъ бугисскіе и китайскіе торгаши. Къ Posthouder'у Амбоинскій резидентъ далъ мнѣ на руки рекомендательное письмо. Другое письмо онъ написалъ непосредственному начальнику Posthouder'а Добо — контролеру, живущему на островахъ Кэй, которые также долженъ былъ по пути на Ару посѣтить нашъ пароходъ.

Рѣшивъ предпринять путешествіе на острова Ару, я сталъ дѣятельно готовиться къ поѣздкѣ. Прежде всего мнѣ предстояло рѣшить вопросъ о продовольствіи. По совѣту Rey я запасся въ Амбоинѣ большимъ запасомъ риса, нѣсколькими коробками масла (консервы масла превосходно сохраняются въ тропикахъ впродолженіе очень долгаго времени даже въ самыя сильныя жары), и большимъ количествомъ сухарей. Этихъ запасовъ было достаточно, чтобы просуществовать безъ посторонней помощи долгое время тѣмъ болѣе, что моя главная надежда была на охоту. Я былъ увѣренъ, что на папуаскихъ островахъ всегда можно добывать для ѣды и оленину и свинину; кромѣ того богатство Ару птицами давало право надѣяться на успѣшную охоту. Такимъ образомъ, запасаясь провіантомъ на Амбоинѣ, я дѣлалъ это только на тотъ случай, если придется сидѣть безъ провизіи по какимъ либо случайнымъ обстоятельствамъ. Изъ реактивовъ я бралъ съ собою лишь самые необходимые. Кромѣ четырехъ жестянныхъ шведскихъ ведеръ, наполненныхъ спиртомъ, со мною шелъ запасъ формалину, довольно большой запасъ сулемы, баночка осміевой кислоты и коллекція пробирокъ съ красками для инъекцій. Изъ посуды я бралъ съ собою большое количество мелкихъ

банокъ для консервированія животныхъ, запасъ пробирокъ для собраннаго гистологическаго и эмбріологическаго матеріала и небольшое количество стеклянныхъ чашекъ, часовыхъ стеколъ и стакановъ изъ толстаго стекла, служившихъ мнѣ акваріумами и террариумами во время дорожныхъ изслѣдованій.

Охотничье снаряженіе занимало меня, пожалуй, не меньше, чѣмъ спеціально зоологическое. Отъ хорошаго снаряженія зависѣлъ въ значительной степени весь научный успѣхъ поѣздки. Мало того, отправляясь на Ару я естественно долженъ былъ смотрѣть на оружіе, какъ на средство самообороны.

Дробовое двуствольное ружье, револьверъ «Браунингъ» и запасъ пороха я взялъ съ собою изъ Россіи, дробью (превосходнаго качества) и картечью запасся въ Сурабайѣ; кромѣ того изъ Петербурга я захватилъ съ собою нѣсколько десятковъ пуль Жевело, которыя уже успѣлъ испробовать во время охоты на Пріокскихъ болотахъ па Явѣ.

Многихъ усилій стоило упаковать весь разнохарактерный багажъ, остававшійся въ Амбоинѣ и предназначенный въ отправкѣ въ Россію, какъ можно компактнѣе. Мнѣ много помогъ мой хозяинъ Rey, который со своимъ слугой малайцемъ уже послѣ моего отъѣзда изъ Амбоины отправилъ въ Сингапуръ одинадцать ящиковъ съ коллекціями и матеріалами, собранными на Амбоинѣ.

Глава IX.

Отъ Амбоины на Ару. Банда и Серамъ — путевыя впечатлѣнія.

Въ началѣ августа небольшой пароходъ «General Pel» вышелъ изъ Амбоинской бухты, направляясь въ фортъ Мероке — вновь выстроенное военное поселеніе на юго-западномъ берегу Новой Гвинеи, на границѣ съ британскими владѣніями на этомъ островѣ. На своемъ пути въ Мероке «General Pel» долженъ былъ мимоходомъ посѣтить нѣсколько мелкихъ острововъ Молуккскаго архипелага и Папуасіи, а также два пункта въ сѣверо-западной части Новой-Гвинеи — Секааръ и Факфакъ.

Мы вышли изъ Амбоины 7-го Августа (н. ст.) рано утромъ часовъ въ шесть, а часамъ къ девяти того же дня уже стояли у небольшого острова Сапаруа, принадлежащаго къ Амбоинской группѣ. Этотъ гористый небольшой островъ очень красивъ. Я уже раньше имѣлъ случай работать около этого острова, недѣли за двѣ до отъѣзда на Аруанскій архипелагъ. Въ этихъ водахъ была найдена мною интересная *Hydroctena*, о которой уже была рѣчь выше. Главной достопримѣчательностью острова на мой взглядъ служитъ обиліе школъ. На столь небольшомъ пространствѣ голландцы содержатъ 15

туземныхъ школъ, общихъ для дѣвочекъ и мальчиковъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ обучается до полуторыхъсотъ учениковъ — обычное же число учащихся доходитъ до 50 (обыкновенно 30—40). Учителя въ этихъ школахъ — мѣстные туземцы, или же амбоинцы на содержаніи у голландскаго правительства, которое платитъ имъ около 25 гульденовъ въ мѣсяцъ, т. е. до 20 рублей на наши деньги. Плата для народнаго учителя, хотя бы и мѣстнаго происхожденія — сравнительно очень невысокая и большинство учителей амбоинцевъ въ бесѣдѣ со мною отзывались о голландской администраціи крайне недоброжелательно. Сапаруа очень богатъ растительностью. Особенно много здѣсь гвоздичныхъ деревьевъ, достигающихъ значительныхъ размѣровъ.

Мы стояли на Сапаруа до вечера, а на слѣдующій день на восходѣ солнца уже передъ нами раскрылась великолѣпная панорама острововъ Банды съ величественнымъ вулканическимъ пикомъ Гунунгъ-Апи, вѣчно дымящимся и необыкновенно правильной конической формы.

Небольшой архипелагъ Банды лежитъ немного южнѣе Амбоины (4°30 Ю. Ш. 130° В. Д.) и состоитъ изъ четырехъ главныхъ острововъ: Банды Лонтара, Банды Нейры, Гунунгъ Апи и Розенгайна и нѣсколькихъ маленькихъ, совсѣмъ незначительной величины. Самый большой островъ Б. Лонтаръ (Groot Banda) простирается въ длину всего на 15 верстъ при широтѣ въ 3—4 версты и имѣетъ видъ полукруга, дополняемый на сѣверномъ концѣ дуги двумя маленькими островами Poelo Pisang и Poelo Kapal. Внутри дуги Б. Лонтара лежатъ два меньшихъ размѣровъ острова — одинъ изъ нихъ Б. Нейра, на которой и расположенъ городъ того же имени, а рядомъ съ Банда Нейра находится не большихъ размѣровъ островокъ, представляющій собою правильный вулканическій конусъ — это и есть Гунунгъ-Апи, (т. е. огнедышащая гора). Гунунгъ-Апи, отдѣленный отъ Б. Нейра лишь узенькимъ проливомъ, такъ называемымъ Зоннегатомъ, достигаетъ высоты около 600 метровъ и поднимается прямо изъ моря красивымъ конусомъ, постоянно выпускающимъ небольшія облака дыма. Немного поодаль отъ главной группы острововъ лежатъ еще два острова: Waii, составляющій какъ бы продолженіе полукольца Б. Лонтара, и Rosengain — къ юго-востоку отъ него.

Въ геологическомъ отношеніи группа острововъ Банды представляетъ большой интересъ. Если смотрѣть на всю группу съ высоты Гунунгъ-Апи, откуда открывается дивная панорама всего архипелага, то прямо бросается въ глаза топографическое сходство между Бандой и вулканическимъ массивомъ Тенгера на восточной Явѣ. Какъ извѣстно, Тенгеръ представляетъ собою колоссальныхъ размѣровъ кратеръ, внутри котораго расположено нѣсколько маленькихъ дѣйствующихъ вулкановъ. Совершенно то же расположеніе по всей вѣроятности представляла когда-то и группа Банды, пред-

ставлявшая собою нѣсколько (по всей вѣроятности три) концетрически-расположенныхъ кратеровъ, включенныхъ одинъ въ другой. Къ подобнымъ заключеніямъ пришли въ настоящее время изслѣдовавшіе Банду геологи (Dr. Blecker).

Всѣ острова архипелага сплошь покрыты зеленью, но настоящая лѣсная растительность сохранилась въ незначительныхъ размѣрахъ и то лишь на Б. Лонтаръ. Большинство острововъ покрыты плантаціями, создавшими ей міровую извѣстность въ торговлѣ и печальную славу въ исторіи колоніальной культуры. Съ именемъ Банды неразрывно связано понятіе о мускатномъ орѣхѣ и это же имя должно всегда напоминать европейцамъ о той печальной роли, которую зачастую играетъ цѣнный продуктъ въ исторіи колонизаціи цивилизованными европейцами — некультурной, но богатой страны, населенной наивными, беззащитными дикарями. Исторія колонизаціи Банды написана кровью — ее не мѣшаетъ знать современникамъ. Въ нашъ вѣкъ усиленнаго соревнованія между народами въ дѣлѣ насажденія культуры среди грубыхъ дикарей въ погонѣ за пріобрѣтеніемъ колоній не лишне окинуть взглядомъ прошлое.

Группа острововъ Банда открыта была одновременно съ Амбоиной португальцами въ началѣ XVI вѣка. Въ эти не столь отдаленныя времена острова Банды были заселены альфурами — дикарями папуаской расы. Въ началѣ слѣдующаго столѣтія Банду заняли голландцы, сразу понявшіе значеніе этихъ острововъ для своихъ торговыхъ операцій съ пряными продуктами. Въ то время какъ по всѣмъ Молуккскимъ островамъ голландскіе коммиссары, добившись на то разрѣшенія у Тернатскаго султана, уничтожали мускатныя и гвоздичныя деревья, на Бандѣ началось истребленіе другого характера, но столь же неумолимое и систематическое. Голландцамъ мѣшали туземцы, должно быть для ихъ коммерческихъ операцій достаточно было однихъ мускатныхъ деревьевъ — и вотъ воспользовавшись удобнымъ случаемъ — нападеніемъ туземцевъ на адмирала Веревена и его отрядъ, голландскіе культуртрегеры принялись за радикальныя мѣры устраненія препятствій къ своимъ обширнымъ коммерческимъ проэктамъ. Началась въ буквальномъ смыслѣ слова бойня, результатомъ которой администраторы Остъ-Индской Компаніи не могли не быть довольны. Около 20000 человѣкъ туземцевъ было уничтожено, оставшаяся горсть бѣжала съ Банды на острова Кей, гдѣ и обосновалась.

Голландцы сдѣлались полными господами на островахъ Банды, основали здѣсь огромныя плантаціи мускатныхъ деревьевъ и объявили торговлю мускатнымъ орѣхомъ монополіею правительства (равно какъ Амбоина была сдѣлана центромъ плантацій гвоздичныхъ деревьевъ). Для работъ на плантаціяхъ нанимались съ Явы и другихъ мѣстъ тысячи малайцевъ невольниковъ. Остъ-

Индская Компанія богатѣла, Амбоина и Банда сдѣлались наиважнѣйшими ея пунктами. Въ началѣ 70 годовъ прошлаго столѣтія монополія, наконецъ, была отмѣнена, но цѣны на мускатный орѣхъ продолжали стоять огромныя — de facto добываніе этого цѣннаго продукта все же продолжало ограничиваться Молуккскими островами. На островахъ Банды усиленно работали предприниматели—и голландцы, и китайцы, и арабы. За нѣсколько лѣтъ здѣсь сколачивались огромныя состоянія; стоитъ пройтись по европейскому кварталу города, чтобы увидѣть это — здѣсь что ни домъ, то своего рода дворецъ въ миніатюрѣ. Нигдѣ на Архипелагѣ, за исключеніемъ, конечно, крупныхъ административныхъ пунктовъ, нѣтъ такихъ палатъ, нѣтъ такихъ капиталистовъ. Въ періодъ этой лихорадочной дѣятельности, въ погонѣ за наживой, энергичные люди не ограничивались однимъ разведеніемъ мускатныхъ плантацій на Бандѣ — они предпринимали зачастую рискованнѣйшія экспедиціи на берега Новой Гвинеи, въ лѣсахъ которой растетъ дикій сортъ мускатнаго дерева (какъ, напримѣръ, въ окрестностяхъ Scroë), держали тамъ своихъ рабочихъ малайцевъ, которые, мѣсяцами живя среди каннибаловъ, собирали въ лѣсахъ съ опасностью для жизни, сотни пикулей этого драгоцѣннаго продукта и на парусныхъ баркахъ доставляли въ конторы своихъ патроновъ на Банду.

Но эта счастливая пора для торговцевъ пряностями и плантаторовъ уже миновала. Плантаціи мускатника разведены теперь англичанами на небольшомъ островѣ Penang'ѣ (около Малакки) и другихъ мѣстахъ. Цѣна на продуктъ сразу пала. Въ не столь давнія времена пикуль орѣховъ стоилъ на мѣстѣ 600 fl. теперь же за него даютъ лишь отъ 15—20 fl. Но все же и до сихъ поръ плантаціи мускатнаго орѣха составляютъ выгодную статью дохода — мускатное дерево растетъ на Бандѣ лучше, чѣмъ гдѣ либо, ростетъ безо всякаго особаго ухода и даетъ массу плодовъ. Я видалъ мускатное дерево (*Myristica moschata*) и на Амбоинѣ, но тамъ это растеніе встрѣчаются не такъ часто, здѣсь же на Бандѣ громадные участки заняты сплошь плантаціями мускатнаго орѣха. Само растеніе чрезвычайно красиво; въ особенности изящна листва — листья у мускатника необыкновенно свѣжіе, глянцевитые, плотные. Плодъ величиною съ абрикосъ овальной формы, очень мясистъ. Внутри его заключена довольно крупная косточка величиною съ грецкій орѣхъ — это и есть то, что идетъ въ продажу подъ названіемъ «мускатнаго орѣха» — («pala» малайцевъ). Косточка эта покрыта сверху поверхъ тонкой ломкой коричневатаго цвѣта кожуры — ярко красной оболочкой. Эта оболочка, легко снимающаяся съ сѣмени и называемая «цвѣтомъ», есть не что иное, какъ «присѣменникъ» (*arillus*). Сѣмена и «цвѣтъ» продаются отдѣльно. Плоды собираютъ съ деревьевъ, когда они совсѣмъ созрѣютъ — тогда они лопаются и сѣмя легко освобождается. Сѣмена сушатъ на солнцѣ, равно какъ и

«цвѣтъ», впродолженіи двухъ, трехъ дней и «мускатный орѣхъ» готовъ для экспорта.

На мѣстѣ его почти не употребляютъ въ пищу. Малайцы прямо ѣдятъ иногда мясистую оболочку плода (на Бандѣ я самъ видалъ это), а самимъ «орѣхомъ» совершенно пренебрегаютъ въ домашнемъ обиходѣ.

Я пробылъ на Бандѣ двое сутокъ—осматривалъ мускатныя плантаціи, взбирался на Гунунгъ-Апи, бродилъ по городку, шатался по острову и, наконецъ, часа по два ежедневно ѣздилъ по морю съ планктонной сѣткой.

Городъ Банда расположенъ на южной оконечности островка Банды Нейры. Онъ, какъ и всѣ города Инсулинда, дѣлится на европейскій, арабскій, китайскій и туземный кварталы. Китайская и арабская части города представляютъ собою торговый центръ — здѣсь расположены всѣ лавки, всѣ склады. Здѣсь же находится и пароходная пристань съ прилегающими къ ней сооруженіями.

Въ европейскомъ кварталѣ находится домъ ассистентъ-резидента и его контора. Какъ и въ Амбоинѣ, вся эта часть города утопаетъ въ зелени — на берегу моря неподалеку отъ протестанской церкви расположенъ небольшой скверъ изъ казуариновыхъ деревьевъ. Здѣсь же — остатки стариннаго форта (Fort Belgica), построеннаго еще португальцами, теперь уже заброшеннаго. Новое укрѣпленіе построено на возвышенности, господствующей надъ городомъ. Изъ города открывается дивный видъ на море, на Банду Лонтаръ и на Гунунгъ Апи.

Окрестности города чрезвычайно живописны — самъ городъ расположенъ на берегу моря у подошвы горы, покрытой богатой растительностью. Прогулка вверхъ по склону горы, носящей названіе Papenberg'a, по хорошей тропинкѣ должна быть, мнѣ кажется, восхитительна съ точки зрѣнія туриста — но до крайности скучна для натуралиста, какъ и вообще весь архипелагъ Банды. Нигдѣ здѣсь не встрѣтишь ни звѣря, ни птицы, ни насѣкомаго — фауна этихъ островов чрезвычайно бѣдна. Изъ млекопитающихъ, говорятъ, еще водится въ уцѣлѣвшихъ остаткахъ лѣса кускусъ *(Phalanger maculatus)*, но попадается онъ уже не часто, да нѣсколько породъ летучихъ мышей. Птицъ тоже совсѣмъ почти нѣтъ. За двое сутокъ пребыванія здѣсь я видалъ лишь пару крупныхъ голубей (*Carpophaga concinna*), питающихся цвѣтомъ мускатныхъ орѣховъ, ласточекъ, да еще какихъ то двѣ, три мелкихъ неприглядныхъ пичужки. Мѣстныхъ жителей тоже встрѣчаешь не часто. Какъ я уже сказалъ, аборигеновъ страны уже давно нѣтъ на Бандѣ. Большинство ихъ уничтожено голландцами, часть выселилась, а остальные смѣшались съ пришлымъ элементомъ. Это смѣшеніе происходило еще и до голландцевъ — во времена португальскаго владычества. Туземцы — папуасы мѣшались и съ португальцами, и съ голланд-

цами, и съ китайцами, и съ малайцами — въ результатѣ получился крайне оригинальный типъ туземца съ очень темной кожей, курчавыми волосами, но полуевропейскимъ складомъ лица.

Въ первый же день моего пребыванія на Бандѣ, я сдѣлалъ визитъ представителямъ крупнѣйшей торговой фирмы въ Инсулиндѣ — арабамъ Baâdilla. Эта фирма заслуживаетъ болѣе подробнаго ознакомленія съ нею. Она состоитъ изъ трехъ братьевъ арабовъ, крупнѣйшихъ капиталистовъ, пользующихся громаднымъ вліяніемъ и извѣстностью въ Инсулиндѣ.

Ихъ главное занятіе — ловля жемчуга и жемчужныхъ раковинъ. Промыслъ этотъ поставленъ братьями Baâdilla на широкую ногу и ловли даютъ огромные доходы. Интересна и характерна исторія фирмы. Начали братья Baâdilla съ торговли мускатнымъ орѣхомъ и райскими птицами, трепангомъ и гнѣздами саланганъ, черепахой и перламутровыми раковинами. Энергичные арабы объѣхали на жалкой ладьѣ почти всѣ острова Папуасіи, по мѣсяцамъ жили среди папуасовъ Новой Гвинеи, добывая въ ея первобытныхъ лѣсахъ мускатный орѣхъ и шкурки парадизокъ. Средства понемногу росли, дѣло расширялось и въ настоящее время фирма уже работаетъ съ массою большихъ парусныхъ шкунъ. У нея насчитываютъ до тысячи рабочихъ, сотни человѣкъ безпрерывно находятся на жемчужныхъ ловахъ. И нужно отдать должное Baâdilla — это не только промышленники, но и вполнѣ интеллигентные люди. Во время своихъ скитаній по островамъ они собрали очень интересныя этнографическія коллекціи, представляющія крупный интересъ для любого европейскаго музея.

Главные жемчужные промыслы Baâdill'ы находятся на островахъ Ару, Салавати, Вайгіу, Джилоло и Сульскомъ архипелагѣ. Главный доходъ получается не отъ жемчуга, а отъ перламутра — хорошія жемчужины вещь болѣе или менѣе случайная, а сами раковины (*Avicula margaritifera*) цѣнятся очень дорого и добываются въ огромномъ количествѣ. Каждая шкуна работаетъ съ водолазнымъ снарядомъ. По словамъ Baâdill'ы за каждую такую шкуну фирма платитъ голландскому правительству за право ловли около 500 flor. Кромѣ того крупныя суммы уплачиваются туземнымъ раджамъ и старшинамъ («orangkaja») тѣхъ острововъ, у береговъ которыхъ производятся ловли, за исключительное право промысловъ.

Несмотря на огромные расходы — фирма имѣетъ громадные барыши. Цѣны на жемчужницы необыкновенно высоки. Продаются раковины на вѣсъ и цѣна средней величины раковины доходитъ до 2—5 flor. а ихъ добываются десятки тысячъ ежегодно, не считая жемчуга, который тоже въ большой цѣнѣ. Среднимъ числомъ добывается 1—2 хорошихъ жемчужины въ мѣсяцъ — недавно между прочимъ на Ару была добыта жемчужина, оцѣненная въ 15000 fl. За эту жемчужину фирма получила въ обмѣнъ пре-

красную парусную шхуну, на которой свободно можно совершать путешествія черезъ океанъ.

Братья Baâdilla приняли меня чрезвычайно радушно. Всѣ они говорятъ превосходно по голландски и ужъ конечно по малайски. Къ моему удовольствію я узналъ, что на тотъ пароходъ, на которомъ ѣду я, изъ Банды садится одинъ изъ братьевъ Baâdilla — Nanan, завѣдующій жемчужными ловами на островахъ Ару, чтобы ѣхать въ Добо. Онъ обѣщалъ оказать мнѣ всякое содѣйствіе и прямо очаровалъ своею любезностью. Думаю, что рекомендательное письмо министра колоній сыграло здѣсь не малую роль. Baâdilla относятся очень внимательно къ рекомендаціямъ голландскихъ властей.

Съ большимъ интересомъ осматривалъ я небольшой музей, устроенный братьями Baâdilla при своей торговой конторѣ. Здѣсь собрана прекрасная коллекція оружія, одежды, украшеній, утвари туземцевъ различныхъ мѣстностей Новой Гвинеи, Салавати, Ару, Веттера и т. п. Тутъ же стоятъ банки съ различными представителями морской фауны, высушенныя горгоніи, куски различныхъ коралловъ и всевозможнѣйшія раковины. Зоологическая коллекція, впрочемъ, очень не велика и носитъ чисто случайный характеръ.

Гораздо интереснѣе для меня былъ осмотръ небольшого звѣринца, устроеннаго во дворѣ дома. Здѣсь въ большихъ деревянныхъ клѣткахъ жили превосходные экземпляры большой райской птицы (*P. apoda*) съ Ару и папуасской парадизки *(P. minor)*, дивные вѣнценосные голуби (*Goura*) и кускусы. Райскія птицы, по словамъ Baâdilla, живутъ у него уже около двухъ лѣтъ и охотно ѣдятъ бананы. На видъ онѣ совершено здоровы, очень веселы и довольно ручныя. Впрочемъ, теперь райскихъ птицъ можно видѣть живыми и у насъ въ Европѣ. Я любовался ими всего за мѣсяцъ до чтенія послѣдней корректуры настоящей статьи во время посѣщенія Берлинскаго Зоологическаго Сада. Тамъ живетъ пара аруанскихъ парадизокъ.

Съ интересомъ осматривалъ я также коллекцію жемчужинъ, добытыхъ фирмой и еще не распроданныхъ. Среди нихъ попадаются очень крупные, чрезвычайно цѣнные экземпляры.

Я довольно подробно остановился на описаніи фирмы Baâdilla, но я сдѣлалъ это съ цѣлью. Если кто либо изъ натуралистовъ зоологовъ захотѣлъ бы сдѣлать поѣздку на Молуккскіе острова съ цѣлью поработать на морѣ, то можно порекомендовать ему не пренебрегать Бандой. Здѣсь въ лицѣ братьевъ Baâdilla онъ найдетъ себѣ содѣйствіе, ничѣмъ не замѣнимое. Ему съ удовольствіемъ дадутъ хорошую удобную лодку, снабдятъ людьми, на многое укажутъ и много интереснаго разскажутъ, наконецъ, у

тѣхъ же Baâdilla можно найти помѣщеніе, такъ какъ чуть ли не половина домовъ въ европейскомъ кварталѣ — ихъ собственность.

Въ первый же день своего пребыванія на Бандѣ я совершилъ восхожденіе на Гунунгъ-Апи. Baâdilla далъ мнѣ свою лодку и малайца въ проводники. Мы переправились черезъ узенькій проливъ, отдѣляющій Банду Нейру отъ вулкана и черезъ полтора — два часа были уже на вершинѣ вулкана. Восхожденіе, несмотря на сравнительно небольшую высоту его — всего около 600 метровъ — довольно утомительно. Склоны вулкана очень круты, почва очень рыхла, нога въ ней утопаетъ чуть не по колѣна, скользитъ, а при всемъ томъ еще солнце печетъ невыносимо. Нужно совершать восхожденіе рано утромъ, а я его дѣлалъ въ два часа пополудни, т. е. въ самую жаркую часть дня.

У подошвы вулкана есть древесная растительность, но затѣмъ она исчезаетъ и за исключеніемъ отдѣльныхъ чахлыхъ деревьевъ, разбросанныхъ кое гдѣ, склоны вулкана покрыты низкимъ кустарникомъ, жалкаго вида папортниками и травой.

На самой вершинѣ растительность совершенно исчезаетъ и приходится взбираться вверхъ по голымъ камнямъ и вулканическому песку. Кратеръ не великъ; во многихъ мѣстахъ изъ расщелинъ въ землѣ вылетаютъ горячіе пары и сѣрнистый газъ. Края кратера во многихъ мѣстахъ покрыты желтымъ налетомъ кристаллической сѣры, или вѣрнѣе хлористаго желѣза, какъ это имѣетъ мѣсто на кратерѣ Везувія. Рѣзкой дѣятельности вулканъ не проявляетъ, и днемъ, стоя у края кратера, не видно даже дыму. Но чуть сталъ накрапывать дождикъ, какъ онъ повалилъ густыми клубами.

Съ вершины вулкана открывается дивная панорама на весь архипелагъ и, пожалуй, если стоитъ совершать восхожденіе на Гунунгъ Апи, то скорѣе изъ за этой панорамы, чѣмъ для осмотра самого кратера.

Я воспользовался двухдневнымъ пребываніемъ на Бандѣ, чтобы немного поработать въ бухтѣ. Она очаровательна. Это прямо озеро въ горахъ — настолько хорошо защищена она со всѣхъ сторонъ гористыми островами.

Планктонъ оказался довольно бѣденъ животными организмами во время дневной экскурсіи, зато взявъ нѣсколько пробъ ночью я былъ прямо пораженъ богатствомъ и разнообразіемъ формъ. Я наполнилъ всѣ свои банки сифонофорами, ктенофорами, мелкими медузами, и др. Среди мелкихъ организмовъ здѣсь найдены были два экземпляра очень маленькаго гидроиднаго полипа, снабженнаго однимъ единственнымъ небольшимъ щупальцемъ. Этотъ гидроидъ чрезвычайно напоминаетъ открытый Мережковскимъ на Бѣломъ морѣ *Monobrachium parasiticum*, детально описанный Ю. Вагнеромъ. По возвращеніи я сдѣлалъ изъ него серію продольныхъ и поперечныхъ

срѣзовъ и нашелъ, что по своей организаціи и гистологическому строенію найденная форма почти неотличима отъ упомянутой. Но *M. parasiticum* найденъ живущимъ колоніями исключительно на моллюскѣ *Tellina*, мой же гидроидъ плавалъ на поверхности въ планктонѣ, прикрѣпившись къ небольшому кусочку водоросли. Я думаю, что найденный на Бандѣ *Monobrachium* долженъ быть выдѣленъ на основаніи біологическихъ признаковъ въ особый видъ, которому я даю пока провизорное названіе *M. moluccanus* sp. nov.

Вообще же планктонъ по своему характеру почти не отличался отъ амбоинскаго, за исключеніемъ развѣ бо̀льшаго количества крупныхъ формъ, что быть можетъ объясняется временемъ дня — я никогда не планктонировалъ на Амбоинѣ ночью.

Для драгировокъ Банда менѣе удобна, чѣмъ Амбоина благодаря сравнительно большимъ глубинамъ. Но коралловые сады Банды, пожалуй, еще болѣе восхитительны — благодаря полному спокойствію воды въ бухтѣ, отовсюду защищенной отъ вѣтровъ.

Черезъ двое сутокъ по прибытію въ Банду «General Pel» отошелъ отъ пристани и взялъ курсъ на NO, направляясь къ восточной оконечности Серама.

Если посмотрѣть на карту Индо-Австралійскаго Архипелага, то легко увидѣть, что отъ восточной оконечности громаднаго острова Серама простирается въ юго-восточномъ направленіи цѣлый длинный рядъ мелкихъ острововъ, составляющихъ въ совокупности почти непрерывную дугу — это группы острововъ Горамъ, Матабелло etc. Крайній изъ этихъ острововъ и, пожалуй, самый незначительный по величинѣ прилегаетъ совсѣмъ близко къ Сераму. Это и есть островъ Гиссеръ, къ которому направился нашъ пароходъ, выйдя изъ Банды.

Мы стояли у Гиссера всего шесть, семь часовъ, но этого было вполнѣ достаточно, чтобы ознакомиться съ характеромъ этого островка. Гиссеръ столь незначителенъ, что я свободно обошелъ его кругомъ по берегу моря въ два часа.

Островъ представляетъ изъ себя довольно типично выраженный коралловый атоллъ съ низкими берегами и небольшой лагуной внутри. У входа въ лагуну стоитъ жалкая деревушка, населенная туземцами. Это единственное селеніе на островѣ, очень пустынномъ и скучномъ. Древесная растительность здѣсь почти отсутствуетъ; лишь въ селеніи и его ближайшихъ окрестностяхъ ростутъ хлѣбныя деревья, жалкаго вида кокосовыя пальмы, пинанги и т. д.

Вся остальная поверхность острова густо покрыта кустарными породами, среди которыхъ нерѣдко можно встрѣтить представителей семейства панданусовыхъ. Особенно много панданусовъ оригинальнаго вида ростетъ

по берегу моря. Онъ весь покрытъ прекраснымъ бѣлымъ коралловымъ пескомъ, изъ котораго всюду видны торчащіе края огромныхъ раковинъ *Tridacna*. Нѣкоторыя раковины такъ велики, что ихъ съ трудомъ можно выкопать изъ песку, которымъ онѣ постепенно засыпаются. Всюду на пескѣ масса разнообразнѣйшихъ раковинъ. Особенно часто попадаются красивыя *Strombus*, *Cypraea*, *Pterocera*, различныя *Conus*, *Voluta*, *Oliva*, оригинальныя *Malleus*, крупныя *Pecten*, *Arca*, *Fissurella* и др.

По берегу цѣлыми стадами движутся мелкіе раки отшельники, живущіе въ раковинкахъ *Turbo*. Очень характерны также сухопутные крабы. Они окрашены въ однотонный желтый песочный цвѣтъ и неподвижно сидящее животное неотличимо отъ берегового песку. Бѣгаютъ эти крабы чрезвычайно быстро и мнѣ не безъ нѣкотораго труда удалось поймать нѣсколько штукъ ихъ.

Море вокругъ острова довольно мелководно, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ мели простираются на большія пространства.

У самаго берега можно набрать довольно много *Clypeastridae*, *Ophiuroidea*, крупныхъ морскихъ звѣздъ (много *Linckia*), ярко окрашенныхъ крабовъ.

Ни млекопитающихъ, ни птицъ на островѣ не видно, да ихъ вѣроятно и нѣтъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ представителей голенастыхъ и водоплавающихъ.

Сдѣлавъ экскурсію по берегу моря я вернулся въ деревню. Меня окружила толпа туземцевъ. Ихъ любопытству положительно не было предѣловъ. Въ особенности назойливы ребятишки, въ большинствѣ случаевъ совершенно голые. Взрослые туземцы тоже почти вовсе обнажены — за исключеніемъ узкаго куска матеріи, обвертывающей бедра, все ихъ тѣло совершенно открыто. Женщины болѣе щепетильны насчетъ костюма, но и ихъ стыдливость развита далеко не въ надлежащей мѣрѣ.

Туземцы Гиссера носятъ всѣ признаки папуаскаго происхожденія. Въ этнографическомъ отношеніи они, повидимому, не отличимы отъ жителей Серама. Впрочемъ, несомнѣнно, гиссерцы суть ни что иное, какъ выходцы съ этого громаднаго острова, находящагося отъ Гиссера всего на разстояніи какихъ нибудь 3 часовъ пути на лодкѣ.

Они очень темны, ихъ волосы курчавы; на ногахъ и рукахъ мужчины, какъ и женщины, зачастую носятъ металлическіе, иногда серебрянные браслеты. Ихъ хижины построены на сваяхъ, довольно высоко надъ землей. Языкъ туземцевъ — языкъ серамезцевъ — одно изъ мало изученныхъ нарѣчій альфуровъ Серама, съ которымъ здѣшніе туземцы имѣютъ постоянныя сношенія. Частыя сношенія съ китайцами и малайцами, близость голландской администраціи наложила, конечно, на нихъ извѣстный отпечатокъ.

Гиссерцы, разумѣется, въ настоящее время по своимъ нравамъ и образу жизни уже не имѣютъ ничего общаго съ серамезцами-альфурами срѣзывателями головъ.

Передъ отходомъ парохода я забѣжалъ къ единственному европейцу, случившемуся на островѣ, къ голландцу торговцу шкурками райскихъ птицъ. Я говорю къ «единственному», потому, что мѣстный администраторъ Posthouder былъ по происхожденію амбоинецъ. Мой новый знакомый собирался садиться на нашъ пароходъ, чтобы ѣхать въ Факфакъ, гдѣ онъ долженъ былъ получить отъ своихъ охотниковъ добытыя ими шкурки парадизокъ. Онъ уже много лѣтъ промышляетъ этимъ товаромъ, имѣетъ собственную парусную барку, на которой совершаетъ частыя поѣздки по берегамъ Новой Гвинеи, вымѣнивая райскихъ птицъ у папуасовъ и оставляя въ разныхъ мѣстахъ своихъ охотниковъ малайцевъ на нѣсколько мѣсяцевъ для промысла. Въ его домѣ въ Факфакѣ я видѣлъ нѣсколько громадныхъ сундуковъ, биткомъ набитыхъ довольно плохо сдѣланными шкурками различныхъ *Paradiseidae* съ Новой Гвинеи. Среднимъ числомъ по его словамъ онъ отправляетъ въ Европу до 2000 шкурокъ ежегодно, продавая ихъ на мѣстѣ въ Гиссерѣ по самымъ различнымъ цѣнамъ, смотря по виду. Такъ, маленькая *Cicinnurus regia* стоитъ у него отъ 0.40 fl. до 0.80 fl., *Paradisea apoda* съ Ару, доставляемая ему Baâdill'ой и китайскими торговцами — 15 fl., Ново-Гвинейская *P. papuana* — 10 fl. *Seleucides alba* — 3 fl.

Кромѣ райскихъ птицъ этотъ голландецъ торгуетъ еще шкурками вѣнценосныхъ голубей (*Goura*), трепангомъ, саланганами и, наконецъ, мускатнымъ орѣхомъ.

Отойдя отъ Гиссера «General Pel» направился вдоль береговъ Серама. Этотъ островъ меня крайне интересовалъ — онъ доступенъ голландцамъ лишь въ нѣкоторыхъ береговыхъ пунктахъ, куда отъ времени до времени заходятъ ихъ суда (Boulah baai, Wahaai). Вся центральная часть Серама представляетъ собою почти во всѣхъ отношеніяхъ terra incognita. Лишь отдѣльныя лица временами проникаютъ туда съ различными цѣлями, которыхъ не всегда достигаютъ.

Островъ очень гористъ и почти сплошь покрытъ громаднѣйшими лѣсами. Населеніе горъ — альфуры — дикари и совершенно не поддаются культурѣ. Главное препятствіе къ ихъ сближенію съ европейцами представляетъ ужасный обычай среди туземцевъ — обычай срѣзыванія головъ, всюду на островѣ распространенный. Этотъ странный обычай составляетъ, впрочемъ, общую черту всѣхъ дикихъ народовъ Малайскаго Архипелага. Онъ существуетъ у даяковъ Борнео, у альфуровъ Джилоло, среди папуасовъ Новой Гвинеи, кое гдѣ на Архипелагѣ Тенимбера, на Серамѣ и т. д. Обычай срѣзыванія головъ среди туземцевъ не имѣетъ характера преступленія,

хотя и внушаетъ нѣкоторое отвращеніе у болѣе культурныхъ собратій. Такъ островитяне, воспріявшіе нѣкоторую долю культуры на томъ же Серамѣ, а именно, живущіе вблизи морского побережья, уже боятся своихъ дикихъ собратій и, называя себя общимъ именемъ «orang Seram» (серамезцы), зовутъ горныхъ дикарей «orang alfur», что равнозначно названію дикаря.

Какъ извѣстно, обычай срѣзыванія головъ освященъ вѣками и несомнѣнно въ былыя времена былъ присущъ всему населенію Малайскаго Архипелага. За это, мнѣ кажется, говоритъ существованіе его въ столь изолированныхъ областяхъ и у столь различныхъ племенъ, какъ даяки Борнео, альфуры Серама и папуасы Новой Гвинеи. Ни одна дѣвушка не возьметъ себѣ въ мужья человѣка, не добывшаго себѣ человѣческой головы — до этого времени онъ не считается мужчиной и эту дѣвушку поддержатъ ея односельчане. И жаждущій брака туземецъ устраиваетъ засаду, или убиваетъ въ открытомъ бою — это безразлично, здѣсь цѣль оправавдываетъ средство — своего же соотечественника и приноситъ его отрѣзанную голову своей невѣстѣ, которая только тогда становится его женой. Для дѣвушки нея отрѣзанная голова, принесенная женихомъ, является какъ бы аттестатомъ зрѣлости ея возлюбленнаго. Этотъ ужасный обычай можетъ существовать, казалось бы, только у самыхъ безнравственныхъ, кровожадныхъ дикарей, на самомъ же дѣлѣ оказывается, что на Борнео, напримѣръ, даяки, отчаянные срѣзыватели головъ, въ нравственномъ отношеніи не только ни чуть не хуже, но прямо гораздо выше своихъ болѣе культурныхъ соплеменниковъ, de jure уважающихъ неприкосновенность чужой головы, насколько это уваженіе вообще возможно въ глухихъ дебрахъ дѣвственныхъ лѣсовъ.

Въ настоящее время голландское правительство безсильно сдѣлать что либо для искорененія на Архипелагѣ этого обычая. Срѣзыватели головъ это своего рода сектанты, притомъ сектанты, живущіе въ недоступныхъ для голландскихъ администраторовъ дебряхъ. Кромѣ того, бороться съ этимъ обычаемъ — значитъ принимать временами суровыя мѣры, а это совсѣмъ не въ духѣ голландской колоніальной политики. По отношенію къ дикарямъ, даже къ каннибаламъ голландцы придерживаются правила: «тамъ, гдѣ тебя трогаютъ, туда не зачѣмъ и ходить». Наконецъ, для успѣховъ колонизаціи опасности срѣзыватели головъ пока не представляютъ — гдѣ они существуютъ, тамъ даже нѣтъ и намека на цивилизаторскія нотуги голландскихъ культуртрегеровъ. Голландцы едва въ состояніи поддерживать при своихъ средствахъ status quo на Явѣ и Суматрѣ, на которыхъ держится вся современная колоніальная нидерландская торговля. Остальныя части колоній въ Инсулиндѣ ждутъ своей очереди — на нихъ обращается вниманія ровно настолько, чтобы сохранить настоящее положеніе вещей. Если въ эти дебри

постепенно и проникаютъ отголоски какой нибудь цивилизаціи, то они заносятся не голландцами — а китайцами и малайскими купцами, которые вовсе и не задаются въ принципѣ культурными задачами, а просто набиваютъ свои карманы. Эти культуртрегеры при случаѣ и сами срѣжутъ чужую голову безъ всякаго принужденія со стороны своихъ невѣстъ.

Изъ Гиссера по росписанію «General Pel» былъ долженъ зайти въ мѣстечко Boulah-Baai на островѣ Серамѣ. Но почему то мы не заходили туда. Не доходя до Boulah-Baai, пароходъ нашъ остановился въ виду береговъ острова. Повидимому командиру судна были даны какіе то спеціальныя инструкціи посѣтить этотъ пунктъ побережья. Отъ парохода отвалилъ паровой катеръ, на которомъ отправились на берегъ самъ капитанъ, одинъ изъ его офицеровъ и два пассажира — какіе то голландскіе администраторы. Я тоже попросилъ разрѣшенія воспользоваться одной изъ пароходныхъ шлюпокъ, чтобы съѣхать на берегъ. Произошло колебаніе, но рекомендательное письмо министра колоній сдѣлало свое дѣло — я получилъ и шлюпку и двухъ гребцовъ. Вмѣстѣ со мной за компанію поѣхалъ одинъ изъ малайцевъ Baâdill'ы, хорошо знавшій берега Серама. Онъ руководилъ нашей поѣздкой, которая обѣщала быть интересной. — Въ нашемъ распоряженіи былъ цѣлый день — на пароходѣ намъ сказали, что раньше ночи «General Pel» не двинется въ дальнѣйшій путь, такъ какъ у командира де много дѣлъ на берегу.

Отчаливъ отъ парохода, мы рѣшили, добравшись до острова, проѣхать вдоль берега до устья небольшой рѣчки, гдѣ по словамъ моего чичероне, одного изъ малайцевъ Baâdill'ы, водится много крокодиловъ. Намъ пришлось, пожалуй, не меньше часу добираться до берега. Передъ нашими глазами по мѣрѣ того какъ мы плыли вдоль береговъ — все время разстилалась однообразная, необъятная ширь дѣвственныхъ лѣсовъ. Лишь узкая береговая полоса острова сравнительно обнажена отъ лѣсной чащи — она покрыта густымъ кустарникомъ, кривыми гигантскими панданусами и огромной жесткой травой. Вдали же вдоль всего берега, на сколько хватаетъ глазъ, виднѣются горы, покрытыя съ верху до низу, какъ шапкой дѣвственнымъ лѣсомъ.

Около двухъ часовъ шли мы такъ подъ парусомъ вдоль берега, пока, наконецъ, не достигли цѣли. Лодка наша вошла въ маленькую природную бухточку—восхитительное мѣстечко, какое только можно себѣ представить. Съ сѣверной стороны бухты въ море впадаетъ довольно незначительная рѣчка, образующая при своемъ устьѣ рядъ обширныхъ болотъ, покрытыхъ тростникомъ, высокимъ кустарникомъ и ризофорами. По берегу моря далеко вглубь бухты простирается обширная площадь мангровъ—тѣ же *Risophora*, *Kandelia*, *Avicennia* и другія, мнѣ неизвѣстныя деревья, корни которыхъ обра-

зуютъ надъ водой такую густую чащу, что мѣстами по ней не добраться до берега. Намъ пришлось причалить лодку къ этимъ мангровамъ и затѣмъ уже пѣшкомъ, перелѣзая черезъ корни и стволы деревьевъ, добрались мы до болотистаго берега рѣчки.

Рѣка течетъ въ сѣверо-западномъ направленіи — при устьѣ она стѣснена съ двухъ сторонъ довольно высокими лѣсистыми холмами, образующими долину, шириною около полуверсты. Мы едва могли выбрать сухое мѣстечко, чтобы присѣсть, напиться чаю и закусить имѣвшимся въ нашемъ распоряженіи консервами, которыми я предусмотрительно запасся, уѣзжая съ парохода.

Изъ лѣсу доносились раздирающіе, рѣзкіе крики какаду. Этихъ птицъ я именно здѣсь впервые увидалъ на волѣ и такихъ красавцевъ, какъ здѣсь на Серамѣ, потомъ мнѣ уже не приходилось больше видѣть. Впослѣдствіи на Ару, въ Новой Гвинеѣ я видалъ массу какаду, но тѣ какаду были и мельче серамскихъ и болѣе скромно оперены. Серамскій *Cacatua moluccensis* необыкновенно красивъ — это огромная птица величиною съ ворону, съ чрезвычайно рыхлымъ опереніемъ, нѣжно-розоваго цвѣта. Его огромный, ярко красный хохолъ невольно обращаетъ на себя вниманіе.

Ихъ было много, этихъ красавцевъ какаду, около мѣста нашего привала; изъ жадности коллекціонера я убилъ одного изъ нихъ, но потомъ очень сожалѣлъ объ этомъ безполезномъ убійствѣ — мнѣ нельзя было воспользоваться его шкуркой.

Къ намъ временами подлетали цѣлыя стаи маленькихъ ярко красныхъ попугаевъ — лори; трудно себѣ представить, какъ хороши эти птички, веселыя, изящныя, блистающія своимъ богатымъ оперэніемъ — когда онѣ, усѣвшись на деревѣ, гдѣ нибудь на лѣсной полянѣ, затѣютъ свои игры и возню, сопровождаемую громкими, рѣзкими криками, свистомъ и веселымъ щебетаньемъ.

Вообще же, нужно замѣтить, птицъ въ лѣсу не много — ихъ мало слышно и почти совсѣмъ не видно. Насѣкомыхъ тоже не замѣтно, кромѣ развѣ мошекъ и комаровъ, которыхъ здѣсь зато колоссальное количество. Туземцы увѣряютъ, что бываетъ время, когда эти докучливыя насѣкомыя совершенно исчезаютъ, но по крайней мѣрѣ въ періодъ моего посѣщенія Серама ихъ было такое множество, они были такъ нестерпимо докучливы и надоѣдливы, что вся прелесть нашей поѣздки какъ то стушевывалась. Путешественнику по Сераму, думаю я, придется считаться съ этимъ врагомъ, онъ далеко не такъ безвреденъ — не говоря уже объ избитой опасности заболѣть маляріей, я слышалъ, что укусами этихъ милліоновъ мошекъ обусловлены чисто мѣстныя заболѣванія, очень непріятныя, а подчасъ и не безопасныя.

На Индо-Австралійскомъ Архипелагѣ вообще не мало такихъ мѣстъ, гдѣ будущимъ изслѣдователямъ придется потратить много энергіи на борьбу съ этимъ бичемъ. Мнѣ разсказывали, напр., туземцы съ острова Борнео, что временами при поѣздкахъ на лодкѣ по мѣстнымъ рѣкамъ, люди доходятъ по ночамъ прямо до полнаго истощенія силъ въ борьбѣ съ мушкарой, въ борьбѣ совершенно безрезультатной, если не употреблять одного изъ радикальнѣйшихъ средствъ — кисейнаго полога, которымъ необходимо плотно закрываться передъ сномъ.

Мы провели цѣлый день въ окрестностяхъ устья рѣчки, ловя рыбу, собирая насѣкомыхъ, бродя по лѣсу и болоту съ ружьемъ. Хожденіе по здѣшнимъ болотамъ вещь, если быть можетъ и не опасная, то все же очень непріятная. Ежеминутно рискуешь столкнуться съ крокодиломъ. Этихъ пресмыкающихся здѣсь громадное количество. Ихъ зачастую видишь то здѣсь то тамъ растянувшимися на травѣ, лежащихъ подобно бревнамъ на грязи у воды. Всѣ видѣнные мною экземпляры не превышали $2^1/_2$—3 аршинъ, но по разсказамъ туземцевъ на Серамѣ встрѣчаются иногда крокодилы прямо гигантскихъ размѣровъ. Мѣстный крокодилъ принадлежитъ къ виду *Crocodilus porosus*, распространенному всюду на Малайскомъ Архипелагѣ, въ Австраліи и нѣкоторыхъ островахъ Полинезіи. Интересной біологической особенностью этого животнаго является то, что оно живетъ не только въ прѣсной, но и соленой водѣ. Его встрѣчаютъ иногда въ морѣ, зачастую даже довольно далеко отъ береговъ.

Этотъ же видъ крокодила встрѣчается и на Явѣ, около Батавіи, напримѣръ, но тамъ онъ далеко не такъ обыкновененъ, какъ на Серамѣ Въ болотахъ около Priok'а я за весь день видѣлъ всего двухъ крокодиловъ, тогда какъ здѣсь, едва слѣзши съ лодки, пробираясь по корнямъ мангровъ къ берегу, мы встрѣтили что то около десятка этихъ пресмыкающихся. Только здѣсь на Серамѣ я и видалъ много крокодиловъ. Ихъ, говорятъ, масса также на островѣ Батчанѣ, въ рѣкахъ Борнео, на Суматрѣ и другихъ мѣстахъ — но тамъ мнѣ быть не пришлось.

Мнѣ очень хотѣлось сдѣлать нѣсколько череповъ крокодила и мы организовали цѣлую охоту, надѣясь убить два, три экземпляра.

Въ моемъ распоряженіи были только нѣсколько патроновъ съ пулями Жевело и картечь.

На близкомъ разстояніи — шагахъ въ 10—15, небольшого крокодила можно свободно убить крупной картечью, если попасть въ глазъ, но это портитъ черепъ, а поэтому я стрѣлялъ изъ дробовика пулей, цѣлясь въ бокъ, или около головы въ шею. Послѣ двухъ выстрѣловъ крокодилъ бывалъ совершенно мертвъ.

Глава X.

Отъ Амбоины до Ару. На побережьи Новой Гвинеи. Острова Кей.

Отъ береговъ Серама «General Pel» шелъ на Новую Гвинею. Онъ долженъ былъ по контракту, заключенному Paketvaart'омъ съ голландскимъ правительствомъ, обойти два пункта на сѣверо-западной оконечности острова — папуасское селеніе Sekaar, лежащее въ югозападномъ концѣ Макъ-Клюрскаго залива и новый голландскій постъ Факъ-факъ, лежащій неподалеку отъ папуасской деревни Scroë.

Новой Гвинеѣ абсолютно не повезло — если въ настоящее время есть еще страна, настоятельно ожидающая изслѣдователя — такъ это Новая Гвинея. Все, что мы знаемъ о внутренности этого громаднаго острова, уступающаго по своей величинѣ развѣ лишь одной Гренландіи, крайне отрывочно, всѣ изслѣдованія носятъ болѣе или менѣе случайный характеръ. До сихъ поръ за малыми исключеніями изслѣдователи и путешественники даже не пытались проникнуть далеко за предѣлы береговой линіи. Внутренность острова до сего времени представляетъ собою въ полномъ смыслѣ слова terra incognita. Смѣло можно сказать, что на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ въ настоящее время уголка менѣе извѣстнаго, менѣе изученнаго, настолько заброшеннаго европейской наукой, какъ эта колоссальная площадь, во многихъ отношеніяхъ обѣщающая дать громадный матеріалъ огромной важности для науки.

Какъ извѣстно, весь островъ раздѣленъ въ политическомъ отношеніи между тремя государствами — Голландіей, Германіей и Англіей. Вся западная половина составляетъ собственность Голландіи — остальная половина подѣлена почти поровну между двумя другими державами такимъ образомъ, что англичанамъ принадлежитъ южная, нѣмцамъ, — сѣверная части этой восточной половины. Голландская половина острова простирается до 141° В. Д. (отъ Гринвича) и въ административномъ отношеніи составляетъ часть Тернатскаго резиденства — de facto же голландцы владѣютъ пока лишь небольшими пространствами береговой полосы, расположенными близъ нѣкоторыхъ пунктовъ, изрѣдка, но регулярно посѣщаемыхъ голландскими судами. Таковы нѣсколько селеній по берегамъ Гильвичскаго залива—Humboldsbaai, Doreh, Roon, Ansoes, Djamnah, Tanah-Merah; Sorong — лежащій противъ острова Салавати, Sekaar, Факъ-факъ и Мероке — составляющій границу между Голландскими и Британскими владѣніями. Да и этотъ рядъ названій въ сущности составляетъ пустой звукъ. За исключеніемъ Мероке, занятаго военнымъ отрядомъ и Факъ-фака, гдѣ также голландцы держатъ небольшой гарнизонъ — остальные пункты въ совокупности едва ли насчитываютъ среди

своихъ постоянныхъ жителей десятокъ европейцевъ; да и въ пунктахъ, занятыхъ военными отрядами, голландскіе администраторы de facto находятся въ осадномъ положеніи, не осмѣливаясь выйти за предѣлы пяти верстъ отъ своей резиденціи. Мое описаніе посѣщенія Sekaar'а дастъ понятіе о томъ, что представляютъ изъ себя посѣщаемые, т. е. контролируемые, иначе говоря, голландскими судами пункты, и какую роль играютъ тамъ голландцы. Упомяну еще, кстати, для дополненія характеристики современнаго положенія на Новой Гвинеѣ объ одномъ случаѣ, происшедшемъ всего за два года до моего посѣщенія острова въ одномъ изъ пунктовъ, тоже раньше посѣщавшихся голландскими пароходами, а именно Sileraka, теперь уже оставленномъ (рядомъ съ нимъ учрежденъ новый постъ — Мероке). Тотъ же самый пароходъ, на которомъ совершалъ путешествіе и я — «General Pel», подойдя къ Sileraka, остановился верстахъ въ шести отъ берега и сдѣлалъ обычный пушечный салютъ. Затѣмъ онъ долженъ былъ уходить, ибо все, что отъ него требовалось, было уже сдѣлано. Но на этотъ разъ капитанъ, уступая просьбамъ нѣсколькихъ фотографовъ любителей изъ офицерскаго персонала — разрѣшилъ спустить катеръ и на немъ къ берегу отправились трое служащихъ на пароходѣ голландцевъ съ цѣлью сдѣлать въ селеніи нѣсколько фотографическихъ снимковъ. Едва катеръ подошелъ къ берегу и офицера сошли на берегъ, какъ на нихъ набросилась толпа папуасовъ и уволокла въ лѣсъ. Катеръ поспѣшилъ уйти къ пароходу, а пароходъ ушелъ въ Амбоину. Въ результатѣ командиръ получилъ выговоръ отъ генералъ губернатора; было рѣшено никогда не заходить въ Sileraka, а теперь этотъ пунктъ и совсѣмъ вычеркнутъ изъ числа селеній, находящихся подъ прямымъ голландскимъ контролемъ. Теперь рядомъ учрежденъ новый постъ Мероке; въ немъ живетъ резидентъ, контролеръ и солдаты, но и этотъ постъ содержится не для какихъ либо культурныхъ задачъ, а просто съ цѣлью имѣть на своей границѣ военный отрядъ для охраны флага и поддержанія престижа передъ сосѣдями англичанами.

Можно, мнѣ кажется, назвать нѣсколько причинъ, объясняющихъ современное состояніе культуры на Новой Гвинеѣ, именно ея голландской части, наиболѣе дикой и заброшенной.

Первая, это — климатъ острова. Побережья Новой Гвинеи настоящій разсадникъ всевозможныхъ эпидемическихъ заболѣваній. Страшная «бери-бери», изнурительная малярія — свирѣпствуютъ всюду на берегахъ острова и въ значительной степени препятствуютъ колонизаціи даже сравнительно удобныхъ въ остальныхъ отношеніяхъ мѣстностей. Первые годы по занятіи Мероке почти ежемѣсячно въ Амбоину привозили оттуда десятки солдатъ, заболѣвшихъ «бери-бери». Громадный процентъ ихъ погибалъ при малѣйшемъ недосмотрѣ. Эта ужасная болѣзнь составляетъ главнѣйшее препят-

ствіе для европейцевъ колонистовъ заводить частыя сношенія на продолжительное время съ папуасами.

Второе препятствіе — свирѣпость туземцевъ, ихъ абсолютная дикость и варварство. Особенно свирѣпы папуасы юго-западнаго побережья — начиная отъ Etna bay и до самаго Мероке — эти дикари находятся до сего времени въ состояніи крайняго варварства и во многихъ мѣстахъ не чужды даже каннибализма. Все это побережье старательно избѣгается голландцами и сношенія съ папуасами поддерживаются лишь малайскими прау, китайскими торговцами и изрѣдка ловцами жемчуга. Мой знакомый Baâdilla, между прочимъ, впродолженіи многихъ лѣтъ работалъ въ этихъ негостепріимныхъ мѣстахъ, отвозя своихъ охотниковъ за райскими птицами во многіе пункты побережья, гдѣ тѣ жили по мѣсяцамъ, ведя жизнь полную приключеній среди первобытныхъ лѣсовъ и свирѣпыхъ дикарей [1]).

Эти двѣ причины — климатъ и негостепріимство туземцевъ въ значительной степени объясняютъ современное положеніе вещей на островѣ. Но есть еще и третья причина тоже не маловажная — эта причина заключается въ томъ отношеніи къ Новой Гвинеѣ, которое проявляетъ къ ней голландское правительство. «Очередь Папуасіи еще не настала», говорилъ мнѣ одинъ изъ видныхъ колоніальныхъ администраторовъ въ Бейтенцоргѣ: «теперь мы колонизировали Яву и уже добились большихъ результатовъ на Суматрѣ, скоро примемся за Борнео, а тамъ дойдетъ когда нибудь очередь и до Новой Гвинеи». Кромѣ Явы и Суматры всѣ остальныя колоніи не только не окупаются, но прямо приносятъ голландцамъ убытокъ. А между тѣмъ все говоритъ за то, что Новая Гвинея богатѣйшая страна — трудно даже представить себѣ, какія минеральныя, напр., богатства могутъ быть открыты въ горныхъ кряжахъ, изъ которыхъ нѣкоторые покрыты снѣгами (Снѣговой хребетъ). Флора голландской половины острова тоже почти неизвѣстна, или во всякомъ случаѣ изучена очень мало, тогда какъ нѣмцы въ своей части нашли большое количество цѣнныхъ древесныхъ породъ, предпринявъ изслѣдованіе лишь береговъ. Нужно, вообще, отдать должную справедливость какъ нѣмцамъ, такъ и англичанамъ. И тѣ и другіе много работаютъ для изслѣдованія своей половины острова. Тамъ колонизація, если и не поставлена пока на должную высоту — то все же de facto она уже суще-

1) Наиболѣе часто посѣщаемыми промышленниками мѣстностями являются Etna bay, Kaimana, Kaimera, Aiduma, Pisang bay. Изъ европейцевъ нѣкоторые изъ нихъ посѣщались въ послѣднее время съ научными цѣлями. Такъ, въ Pisang bay работалъ одинъ экскурсантъ, голландецъ Dumas, ѣздившій туда изъ Гиссера на парусной лодкѣ, въ одинъ изъ этихъ пунктовъ ѣздилъ съ острововъ Кей на Туаля нѣмецкій коллекторъ Кюнъ, который имѣлъ столкновеніе съ туземцами и былъ вынужденъ уѣхать обратно; южнѣе Etna bay прожилъ недѣлю я на обратномъ пути съ Тенимбера, но также, какъ будетъ видно дальше, неудачно.

ствуетъ. Во многихъ пунктахъ побережья функціонируютъ уже промышленныя общества, ростутъ европейскія селенія и торговыя станціи — работаютъ научныя экспедиціи, предпринимаются всестороннія изслѣдованія во многихъ пунктахъ.

Впрочемъ, все это существуетъ лишь на побережьи — внутренности Новой Гвинеѣ еще долго суждено ждать своего Стэнли. Путешественнику, рѣшившемуся предпринять путешествіе внутрь острова, придется преодолѣть трудности значительно большія, чѣмъ тѣ, которыя встрѣтили первыхъ европейскихъ піонеровъ въ центральной Африкѣ. Одно изъ главныхъ затрудненій для изслѣдователя, на мой взглядъ, составитъ отсутствіе удобныхъ путей передвиженія. На Новой Гвинеѣ нѣтъ, за исключеніемъ Fly и рѣки И. Августы, большихъ рѣчныхъ путей и въ этомъ отношеніи голландская, и какъ разъ самая неизслѣдованная, часть острова находится въ наихудшихъ условіяхъ. Путешественнику придется двигаться пѣшкомъ черезъ дѣвственные лѣса, представляющіе мѣстами непроходимую чащу, и нести съ собою большіе запасы провіанта, что крайне трудно въ виду отсутствія носильщиковъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ придется имѣть на каждомъ шагу дѣло съ кровожадными дикарями и считаться съ убійственнымъ климатомъ.

Въ оффиціальныхъ кругахъ на Явѣ я слышалъ, что въ недалекомъ будущемъ на Новую Гвинею снаряжается научная экспедиція, предполагающая пройти островъ поперекъ отъ Gilvinsch bay до Merauke; но сами организаторы экспедиціи, повидимому, мало вѣрили въ то время въ успѣхъ предпріятія. Слышалъ я также, будто одно коммерческое общество предполагаетъ заняться эксплуатаціей цѣнныхъ деревьевъ на нѣкоторыхъ пунктахъ побережья.

Но все это пока въ проэктѣ и воображеніи. А пока голландцы посылаютъ лишь, да и то нечасто, свои пароходы къ тѣмъ береговымъ пунктамъ, гдѣ съумѣли пристроиться энергичные малайскіе и китайскіе торгаши. Подъ ихъ вліяніемъ окрестные туземцы уже стали понемногу воспринимать тѣ капли культуры, удѣлить которыя оказалось возможнымъ для самихъ невольныхъ культуртрегеровъ. Но и этихъ успѣховъ пока достаточно и голландцы должны быть очень благодарны своимъ добровольнымъ помощникамъ. Вопервыхъ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ побережья началъ прививаться среди туземцевъ папуасовъ малайскій языкъ — тотъ lingua franca, который служитъ при торговыхъ сношеніяхъ одинаково, и для разнообразныхъ племенъ малайской народности, обитающихъ на Архипелагѣ, и для китайцевъ, зачастую не знающихъ родного языка и не видавшихъ Китая, для арабовъ и, наконецъ, для европейцевъ, входящихъ въ сношенія съ туземцами.

Во вторыхъ, привыкнувъ въ виду китайцевъ и малайцевъ, папуасамъ не трудно будетъ перестать смотрѣть какъ на какихъ то варваровъ, и на бѣлыхъ.

Словомъ, хоть на нѣсколькихъ пунктахъ этого побережья завязались сношенія съ туземцами. Къ числу такихъ мѣстъ принадлежитъи Sekaar, къ которому направился нашъ пароходъ, отойдя отъ Серама.

Послѣ девятичасового перехода «General Pel» вошелъ въ Макъ Клюрскій заливъ, на южномъ берегу котораго расположена деревушка Sekaar. Мы шли теперь вдоль гористаго берега Новой Гвинеи, сплошь покрытаго лѣсами. Вдоль береговой линіи разсѣяны сотни мелкихъ островковъ, тоже снизу доверху покрытыхъ богатой растительностью. Я смотрѣлъ на эти мрачно синѣющія вдали, обширныя лѣсныя дебри и въ душѣ шевелилось страстное желаніе пожить ихъ своеобразною жизнью, разгадать хотя часть скрытыхъ въ нихъ тайнъ. Въ моемъ воображеніи эти лѣсныя дебри одухотворялись и я смотрѣлъ на нихъ съ особымъ уваженіемъ и благоговѣйнымъ трепетомъ. Дѣйствительно, много ли осталось на земномъ шарѣ уголковъ, съумѣвшихъ охранить свои заповѣдныя тайны отъ взоровъ и посягательствъ европейца, умѣющаго всегда съ неподражаемымъ мастерствомъ опошлить природу при малѣйшей уступкѣ съ ея стороны! Дикій, глухой край! Спустя нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ удалось побывать въ одномъ изъ самыхъ глухихъ уголковъ побережья Новой Гвинеи и никогда въ жизни не чувствовалъ я себя столь подавленнымъ и удрученнымъ окружающей обстановкой. Какъ никто понялъ я тамъ всю цѣну и значеніе подвига Миклухи Маклая, прожившаго полтора года въ одиночествѣ среди каннибаловъ, лицомъ къ лицу съ дикой дебрью. Ни Стэнли, ни Пржевальскій, столь популярные и справедливо, конечно, прославленные не могутъ равняться съ этимъ скромнымъ работникомъ, почти забытымъ въ своемъ отечествѣ. А между тѣмъ, если кому въ наши времена можетъ быть приписано истинное геройство, то именно Маклаю, одному изъ крупнѣйшихъ путешественниковъ и энергичнѣйшихъ дѣятелей прошлаго вѣка.

Рано утромъ мы уже подошли къ Sekaar'у. Меня разбудили пушечные выстрѣлы, грохотавшіе съ носовой части судна. «General Pel» остановился на разстояніи 2—3 верстъ отъ берега въ открытомъ морѣ. Береговыя горы, покрытыя лѣсами, синѣли вдали на всемъ протяженіи береговъ. Въ бинокль можно было различить неясныя очертанія маленькой деревушки, построенной какъ бы на самой водѣ. Это и былъ Sekaar.

Съ парохода спустили паровой катеръ и я воспользовался приглашеніемъ знакомаго офицера съѣхать съ нимъ на берегъ и присутствовать при переговорахъ съ мѣстнымъ князькомъ-раджей. Этотъ визитъ не мало интересовалъ меня самъ по себѣ, но не менѣе заманчива была перспектива

познакомиться съ мѣстностью и сдѣлать нѣсколько фотографическихъ снимковъ.

Два слова о Секарѣ. Sekaar въ настоящее время лишь номинально принадлежитъ голландцамъ. Управляется онъ туземнымъ «королемъ», въ свою очередь также не менѣе номинально правящимъ огромною площадью этой части острова. Меня очень интересовалъ этотъ туземный князекъ, съ которымъ голландцамъ невольно приходится считаться. Несомнѣнно, политика ихъ по отношенію къ нему хорошо продумана и вполнѣ раціональна. Конечно, словъ нѣтъ, достаточно одного батальона солдатъ, чтобы очистить берегъ Sekaar'а отъ посягательствъ десятка подобныхъ папуасскихъ «королей», но спрашивается, что бы изъ этого вышло? Пришлось бы постоянно держать здѣсь солдатъ и перестать даже надѣяться на сношенія съ туземцами, а этимъ самымъ еще на десятки лѣтъ отдалить осуществленіе мечты культивировать край на столько, чтобы имѣть возможность завязать хотя бы ничтожныя торговыя операціи и упрочить этимъ свое вліяніе и дальше. Наконецъ, содержаніе военной силы обошлось бы не дешево для колоніальнаго правительства, которое не получаетъ съ края ни одного цента дохода. Теперь же дѣло обставилось несравненно лучше. Край подъ вліяніемъ малайцевъ и китайцевъ, завязавшихъ на берегу сношенія съ туземцами подъ покровительствомъ короля, медленно, постепенно, но все же цивилизуется. Туземцы постепенно теряютъ многія изъ своихъ варварскихъ замашекъ — въ окрестностяхъ Секаара уже теперь не слышно о каннибализмѣ, прекратились убійства. — Начали понемногу появляться въ Секаарѣ папуасскія прау изъ дальнихъ прибрежныхъ деревень, словомъ голландской администраціи остается лишь радоваться и всячески стараться поддержать дружбу съ Секарскимъ раджей, передъ которымъ голландцы въ дѣйствительности и разыгрываютъ комедію, располагая его въ свою пользу. Недалекій раджа не видитъ политики своихъ «друзей», а быть можетъ и старается не видѣть. Впрочемъ, выгоды дѣлать ихъ врагами ему тоже нѣтъ расчета. Словомъ, событія идутъ своимъ чередомъ — раджа подготовляетъ почву для голландцевъ; голландцы поддерживаютъ раджу, задаривая его и получая за подарки все новыя и новыя льготы. До сихъ поръ въ Sekaar'ѣ не жилъ ни одинъ европеецъ, голландцы не держали даже здѣсь своего Posthouder'а; въ настоящее же время, т. е. во время моего тамъ пребыванія, по просьбѣ резидента раджа въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Секаара уже расчищалъ дѣвственный лѣсъ и строилъ для голландцевъ нѣсколько деревянныхъ хижинъ, гдѣ долженъ былъ поселиться голландскій чиновникъ.

Нашъ катеръ присталъ къ одной изъ свайныхъ построекъ, отличающейся бо́льшими размѣрами сравнительно съ остальными. Здѣсь мѣстными торгашами устроено подобіе сарая — склада всѣхъ товаровъ, которые гру-

зятся на пароходы. На пристани уже шла дѣятельная работа. На лодки складывали тюки трепанговъ, ящики съ шкурками райскихъ птицъ, мускатный орѣхъ — все это торопились доставить на пирогахъ на пароходъ обосновавшіеся въ деревушкѣ малайскіе купцы и китайцы.

Одинъ изъ мѣстныхъ малайцевъ взялся провести меня по деревнѣ. Секааръ имѣетъ крайне оригинальный видъ. Это типъ деревни, построенной надъ водой на сваяхъ. Всѣ дома стоятъ прямо на морѣ; они построены на большихъ столбахъ, возвышающихся сажени на двѣ, на три надъ поверхностью воды. Сообщеніе между хижинами поддерживается при помощи жердей и балокъ, которыя подчасъ столь тонки, что итти по нимъ довольно опасно. Зачастую подъ ногами жерди эти трещатъ и при малѣйшей неосторожности рискуешь провалиться въ воду, гдѣ все дно къ тому же почему то утыкано острыми кольями. Вообще прогулка при такихъ условіяхъ по деревнѣ не показалась мнѣ особенно пріятною. Грязь всюду невѣроятная — вода подъ деревней чрезвычайно загрязнена всякими отбросами и издаетъ ужасный запахъ гнили. Хижины — просто жалкія лачуги, крытые пальмовыми листьями большіе шалаши. Ихъ стѣны представляютъ собою наваленые другъ на друга вороха саговыхъ листьевъ, скрѣпленныхъ шестами, благодаря чему получается родъ щитовъ. Внутренность хижинъ производитъ странное впечатлѣніе на новичка — нѣтъ намека на самую примитивную мебель. Люди валяются на полу, подстеливъ подъ себя вороха все тѣхъ же пальмовыхъ листьевъ, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ домахъ сдѣланы подобія циновокъ. Внутри хижины царитъ полумракъ — ни оконъ ни дверей нѣтъ; одна стѣна въ домѣ просто отсутствуетъ совершенно. Такимъ образомъ папуасское жилище въ Секаарѣ представляетъ просто подобіе большого шалаша, построеннаго надъ водой.

Домъ «короля» выдѣляется среди прочихъ хижинъ своей величиной и претензіей на изящество. Въ немъ устроено нѣкоторое подобіе веранды, завѣшанной со стороны моря, на которое она выходитъ, большимъ кускомъ бѣлой ткани.

Въ хижинахъ почти никого не было видно кромѣ ребятишекъ совершенно голыхъ. Все населеніе деревни вылѣзло изъ своихъ норъ поглазѣть на пароходъ. Нѣкоторые папуасы при моемъ появленіи у своихъ хижинъ молча вставали и уходили, а женщины испуганно забивались въ самые темные уголки и выглядывали оттуда, какъ звѣри.

Вообще туземцы внушаютъ своею наружностью мало довѣрія. Видѣнные мною папуасы средняго роста, съ очень темной матовой кожей и шапкой курчавыхъ волосъ на головѣ. Они совершенно голые за исключеніемъ узенькаго пояса, прикрывающаго нижнюю часть живота. На рукахъ

и ногахъ у большинства браслеты изъ кости, состоящіе изъ двухъ скрѣпленныхъ вмѣстѣ полукруглыхъ кабаньихъ клыковъ.

Мы оставались въ деревнѣ не болѣе двухъ, трехъ часовъ — нашъ катеръ долженъ былъ отправиться вдоль берега искать «короля», которому офицеру парохода нужно было сдѣлать визитъ и представить для подписи нѣкоторыя бумаги, связанныя съ вопросомъ о посѣщеніи Секаара голландскимъ судномъ. Раджа оказался въ отлучкѣ. Онъ жилъ въ это время на берегу моря въ лѣсу верстахъ въ пяти отъ Секаара, лично слѣдя за расчисткою лѣса для новыхъ построекъ. Катеръ не могъ подойти къ самому берегу — раджа выслалъ за нами двѣ прау, на которыхъ мы и переправились на берегъ, гдѣ насъ встрѣтилъ самъ раджа. Это былъ старикъ очень непрезентабельной наружности, одѣтый въ старое, грязное малайское платье и съ красной турецкой феской на головѣ. Его окружали человѣкъ десять туземцевъ по наружности малайцевъ съ несомнѣнной примѣсью папуаской крови. Самъ раджа по типу не папуасъ. Я думаю, что онъ принадлежитъ къ тѣмъ выходцамъ изъ Джилоло (Halmaheira), или Серама, которые заняли нѣкоторые пункты Новогвинейскаго побережья и упрочились на немъ. Постепенно папуасское населеніе мѣшалось съ пришельцами и образовали расу, разобраться въ генеалогіи которой не легко. Какъ я замѣтилъ, большинство туземцевъ Секаара принадлежитъ именно къ этому смѣшанному типу. Типичные папуасы, видѣнные мною въ деревнѣ — случайный элементъ здѣсь — это жители окрестныхъ горъ и лѣсовъ, имѣющіе мало сношеній съ секарцами.

Оффиціальности были окончены въ двѣ минуты. Раджа насъ пригласилъ было въ какой то темный шалашъ, но мы отказались и объясненія происходили на лѣсной полянѣ. Разговоръ велся на малайскомъ языкѣ, которымъ раджа, конечно, владѣлъ свободно. Когда ему были представлены для подписи бумаги, онъ съ чисто обезьяньими ужимками внимательно ихъ разсматривалъ, хотя онѣ были написаны на неизвѣстномъ ему языкѣ, и въ заключеніе при одобрительныхъ восклицаніяхъ окружающихъ поставилъ синимъ карандашемъ, предусмотрительно запасеннымъ офицеромъ, какой то знакъ вродѣ креста, долженствующаго изображать его подпись. Раджа оказался совершенно безграмотнымъ, равно какъ и всѣ его приближенные.

Вообще вся процедура аудіенціи у раджи была крайне комична. Съ одной стороны изящный голландскій офицеръ, являющійся представителемъ европейской культуры — въ роли просителя; съ другой грязный туземецъ, безграмотный, полудикій варваръ — въ роли самодовольнаго владыки — «отпускающаго и разрѣшающаго».

Къ моему удовольствію «General Pel» уходилъ изъ Sekaar'a всего лишь черезъ двое сутокъ и я могъ остаться у раджи цѣлыхъ два дня. Катеръ ушелъ, а я помѣстился въ шалашѣ у раджи.

Кругомъ — огромный лѣсъ, вначалѣ довольно рѣдкій, но чѣмъ глубже отъ берега, тѣмъ становящійся все глуше и, наконецъ, превращающійся въ такую чащу, что ходить безъ топора или ножа становится невозможнымъ. Въ окрестностяхъ Секара довольно много райскихъ птицъ (почти исключительно *Paradisea minor* и *Cicinnurus regius*), но мнѣ, конечно, не удалось на нихъ полюбоваться благодаря короткости срока моего пребыванія здѣсь. Я впослѣдствіи познакомился съ этими птицами на островахъ Ару и на Новой Гвинеѣ — южнѣе Etna bay. Зато я съ большимъ успѣхомъ экскурсировалъ съ сачкомъ, собирая насѣкомыхъ. Я поймалъ превосходный экземпляръ *Ornithoptera pegasus*, очень похожую на амбоинскую *O. priamus* и аруанскую *O. arroana*. Этихъ дивныхъ бабочекъ много видишь летающими въ лѣсу, но поймать ихъ удается съ трудомъ. Изъ жуковъ бросаются въ глаза оригинальные *Cicindellidae* и блестящіе *Buprestidae*. Крупныхъ жуковъ я не встрѣтилъ, но мелкихъ удалось набрать довольно большое количество, хотя особеннаго разнообразія среди нихъ тоже не было. Изъ насѣкомыхъ, пожалуй, чаще всего встрѣчались мнѣ мелкія *Acridiidae*, личинки фасмидъ и разнообразныя *Hymenoptera* — изъ нихъ нѣкоторыя чрезвычайно яркихъ цвѣтовъ.

Птицъ въ лѣсу масса — изъ крупныхъ я видѣлъ лишь попугаевъ какаду, голубей *(Carpophaga)*, изящныхъ зимородковъ *(Alcedo* и *Tanysiptera)* и др.

Вообще для натуралиста систематика и коллектора, желающаго поэкскурсировать въ Ново Гвинейскихъ лѣсахъ, можно порекомендовать имѣть въ виду Sekaar и Факъ-факъ. Въ Sekaar'ѣ можно устроиться съ помощью раджи La Kutei сравнительно довольно сносно, а въ Факъ-факѣ даже и весьма сносно въ домѣ одного изъ живущихъ тамъ голландцевъ. Основавъ здѣсь свою квартиру, можно совершать различныя, довольно отдаленныя экскурсіи по берегу моря. Углубляться далеко въ горы представится мало возможности — это вещь не безопасная, а подчасъ и весьма таки рискованная, но въ окрестностяхъ Sekaar'a и Факъ-фака вполнѣ осуществимая. Вообще я думаю, что для перваго ознакомленія съ голландской Новой Гвинеей Sekaar, Факъ-факъ, Sorong и Doreh — являются наиболѣе удобными пунктами.

Изъ Sekaar'a «General Pel» пошелъ въ Факъ-факъ. На старыхъ картахъ Новой Гвинеи этого пункта совсѣмъ нельзя отыскать. Это новое поселеніе — административный голландскій пунктъ — выстроено неподалеку отъ папуасскаго селенія Scroë, лежащаго на южномъ берегу того полуострова, на сѣверномъ побережьи котораго находится Секааръ. Полуостровъ этотъ сравнительно очень узокъ и оба селенія лежатъ на одномъ меридіанѣ, такъ что сухимъ путемъ, если отправиться на прямикъ, отъ одного пункта до другого рукой подать. Морской переходъ занялъ тоже немного времени.

Черезъ восемь часовъ по отходѣ изъ Секаара «General Pel» уже былъ въ виду Fac-Fac'a.

Въ настоящее время Fac-Fac является однимъ изъ крупнѣйшихъ центровъ въ голландской Новой Гвинеѣ. Здѣсь живетъ голландскій контролеръ, содержится отрядъ солдатъ и вообще селеніе носитъ характеръ болѣе или менѣе культурный по сравненію съ Sekaar'омъ и другими пунктами Новогвинейскаго побережья. Здѣсь почему то голландская администрація устроила тюрьму для преступниковъ малайцевъ, которые живутъ въ Fac-Fac'ѣ относительно свободно. Ихъ употребляютъ на работы при постройкахъ и т. п.

Изъ европейцевъ кромѣ контролера, офицера-начальника отряда гарнизона, въ Fac-Fac'ѣ живетъ временами голландецъ торговецъ райскими птицами, имѣющій здѣсь свой домъ и нѣчто вродѣ торговой конторы. Во время моего посѣщенія Fac-Fac'a здѣсь жилъ уже долгое время одинъ голландскій профессоръ лингвистъ, изучавшій на мѣстѣ различныя нарѣчія папуасовъ.

Селеніе расположено по склону довольно крутой горы, состоящей изъ известняка; когда то она была покрыта растительностью, но теперь лѣсъ повырубленъ и на жалкихъ улицахъ селенія красуются лишь унылыя кокосовыя пальмы.

Окрестности Fac-Fac'a крайне живописны — береговые известковые холмы, круто спускающіеся къ морю, образуютъ естественную бухточку. Всѣ окрестныя горы покрыты сплошными лѣсами, еще не тронутыми руками человѣка, и лишь по берегамъ доступными европейцамъ. Никто изъ нихъ до сего времени не рѣшался проникнуть далеко въ ихъ нѣдра. Маленькая горсть европейцевъ изолирована de facto въ Fac-Fac'ѣ отъ внѣшняго міра. Контролеръ, не смотря на своихъ солдатъ, не въ силахъ распространить свою власть далѣе предѣловъ береговой полосы. Для поѣздокъ же вдоль береговъ у контролера въ распоряженіи находится небольшое паровое судно «Pioneer», стоящее у селенія. На немъ контролеръ совершаетъ зачастую довольно отдаленныя поѣздки, поддерживая внѣшній порядокъ въ доступныхъ его вліянію папуасскихъ деревняхъ.

Распространять же свое вліяніе вглубь страны голландцы и не стараются — эта задача пока имъ не по силамъ. А посему не далѣе какъ въ десяти верстахъ отъ резиденціи контролера и его солдатъ лѣса и горы хранятъ туже первобытную нетронутость, какъ и раньше. Тамъ господствуетъ право сильнаго и преступленія караются преступленіями.

Baâdilla предложилъ мнѣ совершить поѣздку на лодкѣ къ островку Тибу Серамъ, лежащему неподалеку отъ Факфака. Я съ радостью согласился. Мы прорѣзали бухту и поѣхали вдоль берега. Я съ интересомъ осматривалъ мощныя обнаженія известковаго плитняка, составляющаго береговые обвалы. Подобные же известковые пласты обнажены и на бере-

гахъ у Секаара. Тотчасъ за бухтой начинается лѣсъ, покрывающій снизу доверху горы и оглашаемый громкими криками сотенъ птицъ, перелетающихъ по деревьямъ. Особенно выдѣляются въ общемъ концертѣ рѣзкіе крики бѣлыхъ какаду—они то и дѣло цѣлыми стадами вылетали на опушку и я съ лодки застрѣлилъ одного для своей коллекціи.

Цѣлью нашей поѣздки, какъ я уже сказалъ, былъ небольшой островъ Тибу Серамъ, лежащій верстахъ въ трехъ отъ Fac-Fac'a. На большой лодкѣ мы съ трудомъ до него добрались. Море у береговъ такъ мелководно, что лодка наша ежеминутно становилась на мель и приходилось сталкивать ее при помощи шестовъ. Дно густо покрыто водорослями и камнями.

Островъ Тибу Серамъ невеликъ. Онъ весь покрытъ лѣсной растительностью и гористъ. Въ геологическомъ отношеніи островъ представляетъ собою отрѣзанную часть Новогвинейскаго материка — онъ сложенъ изъ того же плитняка, который можно наблюдать въ береговыхъ обнаженіяхъ Фака-фака. Мѣстами береговыя скалы настолько круто спускаются къ водѣ, что итти по берегу становится невозможнымъ. Всѣ плиты покрыты раковинами *Cirripedia* — мѣстами ихъ такъ много, что камня почти не видно — получается сплошная груда сросшихся другъ съ другомъ раковинъ.

На песчаной береговой косѣ расположена маленькая папуасская деревушка. Дома построены на очень высокихъ сваяхъ — одни на пескѣ, другіе надъ водою. У самаго берега стояло нѣсколько пирогъ. Въ одной изъ нихъ лежала цѣлая куча трепанговъ, издававшихъ ужасный запахъ гнили. При моемъ приближеніи обладательница этого богатства, безобразная папуаска, почти совершенно обнаженная, съ всклокоченными волосами, выскочила изъ лодки въ воду и молча отошла въ сторону.

Мы пробыли на островѣ недолго — съ судна намъ стали давать знать усиленнымъ гудѣніемъ объ отплытіи. Мы двинулись прямо на пароходъ, увозя съ собою съ Тибу Серама цѣлые вороха превосходныхъ орхидей, въ изобиліи ростущихъ на прибрежныхъ деревьяхъ, укрѣпившихся своими корнями въ расщелинахъ прибрежныхъ утесовъ. Нѣкоторые стволы прямо покрыты этими граціозными эпифитами. По словамъ Baâdill'ы въ былыя времена онъ доставлялъ изъ своихъ странствій между прочимъ и орхидеи въ Сингапуръ — при чемъ будто бы орхидеи съ Тибу Серама особенно цѣнились и ему платили за экземпляръ до фунта стерлинговъ.

Намъ предстояло теперь посѣтить еще одинъ пунктъ на пути къ островамъ Ару — именно мѣстечко Туаль на островахъ Кей.

Эти острова лежатъ западнѣе архипелага Ару и состоятъ изъ четырехъ группъ — группы малыхъ Кей, группы Koer (7 очень маленькихъ островковъ), группы Кей Тэнимберъ (3 острова, тоже совсѣмъ незначительныхъ) и, наконецъ, группы Tajandoe. Кромѣ этихъ четырехъ группъ остро-

вовъ въ архипелагѣ главное мѣсто занимаетъ большой островъ — Большой Кей — (Key besaar), простирающійся съ сѣвера на югъ въ видѣ довольно узкой полосы и лежащаго между 5°—6° Ю. Ш. На всемъ архипелагѣ голландцы имѣютъ два административныхъ центра — Туаль, на одномъ изъ острововъ группы Малыхъ Кей, и Элатъ, на западномъ берегу Большаго Кей. Въ Туалѣ имѣетъ свою резиденцію контролеръ, въ Элатѣ—Posthouder. Въ вѣдѣніи контролера Кей находится, кромѣ острововъ Кей, еще весь архипелагъ Ару, громадный архипелагъ Тиморлаутъ (Тенимберъ) и, такъ называемая, Юго-Западная группа острововъ, т. е. острова, лежащіе между Тенимберомъ и Тиморомъ (Бабберъ, Киссеръ, Летти, Даммеръ, Веттеръ, Рома и др.). Большинство острововъ (Ару, Тенимберъ, Веттеръ) управляемой области населено абсолютными дикарями, зачастую чрезвычайно воинственными (Тенимберъ) и мѣстами пользующимися самой плохой репутаціей. Правда, помощниками контролера являются подчиненные ему Posthouder'ы, но что значитъ одинъ европеецъ на такой огромной территоріи, какъ, напримѣръ, острова Ару съ ихъ громаднымъ населеніемъ, или Тенимберъ, населенный свирѣпыми дикарями и недоступный часто самому Posthouder'у? Впрочемъ, ни Ару ни Тенимберъ «еще не вошли въ сферу голландской колонизаціи» — ихъ время еще не пришло. Зато на островахъ Кей и главнымъ образомъ островахъ, прилегающихъ къ Туалю, уже сильно замѣтны успѣхи цивилизаціи. Туземцы Кей — папуасская раса — смѣшались съ малайскимъ элементомъ, арабами и китайцами, наводнившими острова. Появились христіанскіе миссіонеры и имѣютъ, какъ говорятъ, нѣкоторый успѣхъ среди населенія, уже ранѣе обращеннаго въ исламъ.

Коренные жители Кей — альфуры сохранились лишь въ горахъ Key Besaar'a. Этотъ большой островъ, покрытый лѣсами, до сего времени сохраняетъ свою первобытность. Описаніе Уоллэса въ его «Малайскомъ Архипелагѣ» относится именно къ Большому Кей.

Мнѣ удалось пробыть въ Туалѣ всего одинъ день, но я успѣлъ довольно хорошо ознакомиться съ характеромъ мѣстечка и его ближайшихъ окрестностей. Островъ гористъ и почва мѣстами сразу выдаетъ его коралловое происхожденіе. Онъ весь покрытъ лѣсомъ, довольно впрочемъ чахлымъ. Лѣса здѣсь около Туаля уже значительно повырублены — основавшійся въ Туалѣ лѣсопильный заводъ нѣмцевъ Кюна и Веба, имѣющій цѣлью эксплуатацію желѣзныхъ деревьевъ, очень распространенныхъ на островахъ, значительно очистилъ окрестности Туаля. Зато тѣже предприниматели начали разводить здѣсь плантаціи кокосовыхъ пальмъ, которыя насчитываютъ уже десятки тысячъ деревьевъ, со временемъ обѣщающихъ дать значительные доходы энергичнымъ предпринимателямъ.

Селеніе расположено по склону горы и состоитъ изъ довольно пра-

вильныхъ улицъ. Дома прилегающаго къ морю участка, населеннаго китайцами, по большей части двухъэтажные. Сразу видно, что мѣстное населеніе не боится здѣсь землетрясеній.

Въ центрѣ деревни стоитъ жалкое подобіе мечети. Это — деревянное четыреугольное зданіе, скорѣе похожее на сарай, чѣмъ на мечеть.

Домъ контролера расположенъ на вершинѣ горы. Рядомъ съ нимъ стоитъ домъ нѣмца плантатора и коллекціонера Кюна (Kühn). Этотъ натуралистъ уже много лѣтъ живетъ въ Туалѣ, собирая зоологическія коллекціи для Музея барона Ротшильда въ Трингѣ. Съ этою цѣлью онъ совершаетъ часто отдаленныя экскурсіи по островамъ — онъ работалъ на Новой Гвинеѣ, на островахъ Бутонѣ, Батчанѣ, Ару, Тенимберѣ, группѣ Баббера, на Буру, малыхъ Молуккахъ и многихъ другихъ мѣстахъ Малайскаго Архипелага. Посѣтитель Берлинскаго «Museum für Völkerkunde» можетъ видѣть, какъ много сдѣлалъ этотъ энергичный человѣкъ для этнографіи Малайскаго Архипелага. Большая часть коллекцій по этнографіи восточной части Инсулинда этого богатѣйшаго музея доставлена Кюномъ.

Чтобы ознакомиться съ характеромъ мѣстности я сдѣлалъ небольшую экскурсію по окрестностямъ, взявъ себѣ въ проводники случайно попавшагося на дорогѣ туземнаго мальчугана. Жители Кей говорятъ на особомъ нарѣчіи довольно благозвучномъ. Всѣ, или по крайней мѣрѣ, большая часть ихъ говоритъ по малайски, кромѣ, разумѣется, жителей горъ Большого Кей — альфуровъ, совершенныхъ дикарей и по своему внѣшнему виду и по нравственному уровню. Эти дикари зачастую пріѣзжаютъ въ челнокахъ на Малые Кэй — я видѣлъ нѣсколько человѣкъ ихъ въ лѣсу около Туаля. Это были дюжіе молодцы, почти абсолютно нагіе, съ темной кожей (почти черной) и густой взлохмаченной копной волосъ на головѣ. Они вооружены большими луками и очень длинными стрѣлами съ желѣзными наконечниками, усаженными зазубринами, крючками и шипами. Эти наконечники, равно какъ и желѣзные «клеваны», т. е. подобія косарей, вошедшіе въ употребленіе среди туземцевъ Кей и вытѣснившіе существовавшія когда то деревянные стрѣлы, (употребляющіеся и теперь всюду на Новой Гвинеѣ и Ару) привозятся на острова Кей туземцами острова Teour (изъ группы Горама), занимающимися кузнечными работами.

Я бродилъ по окрестнымъ лѣсамъ цѣлый день и нашелъ ихъ довольно интересными. Растительность мѣстами очень богата — много панданусовъ, Cycas, красивыхъ древовидныхъ папортниковъ, саговыхъ пальмъ, ротанговъ. Въ лѣсу очень много птицъ — я пришелъ къ вечеру на пароходъ, нагруженный голубями (очень крупный видъ *Carpophaga*) и нѣсколькими экземплярами оригинальнаго большенога (изъ Megapodiidae), довольно обыкновенными въ глуши лѣса. Эта птица (*Megapodius*) широко распространена

здѣсь — я подробно коснусь ея біологіи при описаніи моего пребыванія на островахъ Ару.

Насѣкомыхъ я не искалъ, а на глаза они въ тропикахъ сами не бросаются — зато ящерицъ всюду очень много, но все очень мелкіе виды и разнообразія среди нихъ мало.

Млекопитающихъ на островахъ Кей почти нѣтъ — за исключеніемъ летучихъ мышей и кускуса. Говорятъ, что въ лѣсахъ Большого Кей встрѣчаются маленькіе кенгуру, но на прочихъ островахъ это животное абсолютно не извѣстно. Интересно, что на Кей не водится ни одного вида райскихъ птицъ, живущихъ на сосѣднихъ островахъ Ару и въ Новой Гвинеѣ.

Я вернулся въ Туаль поздно вечеромъ часа за два до отхода парохода и съ трудомъ нашелъ лодку, которая меня доставила на бортъ. Съ наступленіемъ ночи «General Pel» отошелъ отъ Туаля и направился въ Добо на острова Ару, куда долженъ былъ прибыть къ слѣдующему полдню.

Мое путешествіе, занявшее около полуторыхъ недѣль со времени отъѣзда изъ Амбоины, приходило къ концу. Еще одна ночь и я долженъ былъ уже прибыть въ страну, куда такъ стремился еще съ дѣтства, зачитываясь талантливымъ описаніемъ этого волшебнаго края Уоллэса.

Изъ Добо «General Pel» шелъ въ Merauke и я, собираясь оставить пароходъ, чувствовалъ нѣкоторое волненіе. Когда на слѣдующій день начали показываться на горизонтѣ низменные лѣсистые берега Аруанскихъ острововъ, тревожное чувство усилилось. Меня ободряло лишь присутствіе Baâdill'ы, который долженъ былъ остаться въ Добо и на поддержку котораго я сильно разсчитывалъ.

Рано утромъ 17 Августа «General Pel» бросилъ якорь у береговъ Ваммара — одного изъ острововъ Аруанскаго архипелага.

Многоуважаемому Алексею Андреевичу Бялыницкому Бирулю от автора

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ. 1906. ДЕКАБРЬ. V СЕРІЯ.
Т. XXV, № 5.

(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg.
1906. Décembre. Ve Série. T. XXV, № 5.

ПО ОСТРОВАМЪ

ИНДО-АВСТРАЛІЙСКАГО АРХИПЕЛАГА.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ И НАБЛЮДЕНІЯ НАТУРАЛИСТА.

Часть III. На островахъ Ару.

К. Н. Давыдова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1908.

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ. 1906. ДЕКАБРЬ.
V СЕРІЯ. Т. XXV, № 5.

(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg.
1906. Décembre. Ve Série. T. XXV, № 5).

По островамъ Индо-Австралійскаго Архипелага. Впечатлѣнія и наблюденія натуралиста.

К. Н. Давыдова.

(Доложено въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія 22 сентября 1904 года).

ЧАСТЬ III. НА ОСТРОВАХЪ АРУ.

Глава XI.

Общій очеркъ географіи Аруанскихъ островов. Добо.

Архипелагъ Ару (Aroe) лежитъ между 5—7° Ю. Ш. и 130° В. Д. и расположенъ между островами Тенимберъ и юго-западнымъ побережьемъ Новой Гвинеи. Онъ состоитъ изъ четырехъ большихъ островов и цѣлой массы мелкихъ. Общее число составляющихъ архипелагъ островов достигаетъ очень значительной цифры. Изъ нихъ важнѣйшіе, кромѣ указанныхъ четырехъ (а именно — Вокама, Коброра, Майкора и Трангана, составляющихъ вмѣстѣ одну обширную — Tahna besaar т. е. «большую землю») — Варіалау, Уджиръ, Ваммаръ, Кола и др.

Туземцы, отличая всѣ островки архипелага отдѣльными названіями, не исключая самыхъ незначительныхъ, однако не дѣлаютъ этого по отношенію къ каждому изъ упомянутыхъ четырехъ большихъ островов. Послѣдніе носятъ, какъ я уже сказалъ, общее названіе «Tahna besaar», т. е. «большая земля»—и названія Wokam, Kobror, Maikor и Trangan извѣстны здѣсь главнымъ образомъ лишь для селеній, существующихъ подъ соотвѣтственными именами на этихъ островахъ.

Tahna besaar имѣетъ общее направленіе съ сѣвера на югъ, имѣетъ продолговатую конфигурацію и простирается въ длину приблизительно верстъ на 150, въ ширину же нигдѣ не превышаетъ 50—60 верстъ. По

устройству своей поверхности Tahna besaar представляетъ собою обширную холмистую равнину, покрытую громадными лѣсами.

Эта холмистая суша пересѣкается въ направленіи съ запада на востокъ узкими проливами, которые и дѣлятъ ее на четыре отдѣльныя части — острова — Вокамъ, Коброръ, Майкоръ и Транганъ. Проливы эти имѣютъ видъ каналовъ или рѣкъ и уже давно обратили на себя вниманіе Уоллэса, который и высказалъ мнѣніе, что эти проливы суть ничто иное, какъ бывшія рѣки, протекавшія по Новой Гвинеѣ, Аруанской Tahna besaar и сушѣ, когда то соединявшей ихъ, а нынѣ опустившейся. Согласно этой теоріи, вслѣдствіе процесса опусканія промежуточнаго перешейка, Аруанская суша была разъединена отъ Новой Гвинеи, а слѣдовательно русла этихъ рѣкъ оказались изолированными, наполнились соленой водой и сдѣлались узкими (около 100—200 саженъ ширины) проливами. Продолженіе этихъ каналовъ — рѣкъ Уоллэсъ находитъ въ устьяхъ нынѣ существующихъ новогвинейскихъ рѣкъ Утанамы и Вамукъ, впадающихъ въ море на побережьи Новой Гвинеи, противъ восточнаго берега Ару.

Берега аруанскихъ естественныхъ каналовъ возвышены, кое-гдѣ прямо скалисты. Tahna besaar, имѣющая, какъ уже было сказано, общее направленіе съ С. на Ю., дѣлитъ острова Аруанскаго архипелага на двѣ части— западную (западная половина самой Tahna besaar съ мелкими о-вами Wammar, Oedjir, Babi и др.) и восточную. Эта восточная часть архипелага состоитъ изъ безчисленнаго множества мелкихъ островковъ, носящихъ общее названіе «Blakang Tahna», т. е. «задняя земля», (точнѣе «спина земли», такъ какъ слово Blakang значитъ спина, Tahna — земля).

Въ промысловомъ отношеніи это самая богатая часть Ару. Здѣсь находятся чуть ли не лучшія въ предѣлахъ Нидерландской Индіи, а пожалуй даже и во всемъ мірѣ, жемчужныя банки; отсюда вывозится промышленниками огромное количество черепахи, трепанговъ, саланганьихъ гнѣздъ и т. п.

Въ то же время это — самая некультурная часть Архипелага. Европейцы почти никогда не заглядываютъ и не заглядывали сюда. Голландская администрація держитъ, правда, на островахъ Ару своего чиновника — Posthouder'a, но онъ живетъ далеко отъ Blakang Tahn'ы, въ западной части архипелага, на островкѣ Ваммаръ, въ селеніи Добо. Этотъ островокъ, лежащій на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ Wokam'a—сѣвернаго острова Tahna besaar—представляетъ единственный пунктъ архипелага, куда хоть изрѣдка заходятъ голландскія суда. Здѣсь, въ мѣстечкѣ Добо — небольшой деревнѣ — пріютилась колонія бугисовъ, бутонцевъ и макассарцевъ, предпринимающихъ время отъ времени поѣздки на своихъ лодкахъ въ Blakang Tahn'у, гдѣ эксплуатируютъ дикарей, вымѣнивая на водку, опіумъ и все-

возможный бакалейный хламъ цѣнные продукты тропическаго моря: жемчужныя раковины, черепаху и т. д.

Компанія этихъ головорѣзовъ въ сущности является полными хозяевами на Ару. Въ самомъ Добо власть, (хотя и номинальная, но все-же власть) голландскаго чиновника — единственнаго европейца на всѣмъ архипелагѣ — и его престижъ еще поддерживаются страхомъ передъ посѣщающими мѣстечко время отъ времени голландскими судами. Но само собой понятно, разъ дѣло коснется какихъ-либо осложненій, этотъ Posthouder безсиленъ: ему приходится уступать и глядѣть сквозь пальцы на все, что творится вокругъ. Да и въ сущности, что можетъ сдѣлать одинъ европеецъ противъ сотни вооруженныхъ бугисовъ — отчаянныхъ головорѣзовъ по натурѣ, пиратовъ по призванію и мошенниковъ по убѣжденію.

Покидая свой родной Целебесъ, всѣ эти искатели наживы имѣютъ весьма опредѣленныя и твердыя намѣренія. Помѣшать осуществленію этихъ проэктовъ одинъ человѣкъ, конечно, не въ силахъ, и въ результатѣ, живя съ ними въ одномъ селеніи, обѣ стороны заключаютъ между собою безмолвный договоръ — соглашеніе жить въ мирѣ, но зато и не мѣшать другъ другу. Начальнику края дается возможность формально исполнять свои оффиціальныя обязанности, а онъ съ своей стороны даетъ carte blanche другой сторонѣ и уже не вмѣшивается въ ея неоффиціальныя занятія.

Итакъ эта жалкая деревушка Добо, резиденція Posthouder'a, база бугисскихъ авантюристовъ въ ихъ разбойничьихъ экспедиціяхъ — до сихъ поръ единственный пунктъ на Архипелагѣ Ару, гдѣ можно найти намеки на отголоски «культуры». Въ Добо живетъ временами также представитель арабской фирмы Baâdilla, занимающейся ловлей жемчуга въ Аруанскихъ водахъ. Таково это пресловутое Добо, съ которымъ неизбѣжно придется имѣть дѣло каждому, кого судьба занесетъ на Аруанскіе острова.

Всѣ остальные острова населены туземцами — дикарями папуасскаго типа. Эти туземцы, говорящіе на нѣсколькихъ нарѣчіяхъ совершенно особаго языка («bahasa aroe»), повидимому, дѣлятся на много племенъ, часто сильно отличающихся одно отъ другого. Нужно замѣтить, что этнографія островов пока почти не затронута европейской наукой, а она обѣщаетъ дать много интереснаго. Да и во многихъ другихъ отношеніяхъ архипелагъ Ару въ полномъ смыслѣ слова представляетъ собою terra incognita. Европейскіе изслѣдователи лишь случайно посѣщаютъ эту интереснѣйшую страну. Со времени Уоллэса и голландскаго изслѣдователя Rosenberg'a, которымъ мы главнымъ образомъ обязаны лучшими очерками этого уголка Папуасіи, на Ару заѣзжало мимоходомъ четыре — пять натуралистовъ, преимущественно коллекціонеровъ, которые являлись лишь пассивными изслѣдовате-

лями, доставляя матеріалы въ европейскіе музеи и торговыя фирмы. Литература объ Аруанскомъ архипелагѣ очень небогата.

Меня живо интересовала эта страна—родина нѣкоторыхъ оригинальныхъ сумчатыхъ, великолѣпныхъ птицъ, среди которыхъ райскія птицы, казуары, черные какаду, оригинальные большеноги (Megapodiidae) уже давно манили мое воображеніе. Мнѣ хотѣлось воочію увидѣть всю прелесть, все величіе дѣвственной тропической природы, прочувствовать ея мощь, пожить ея своеобразной жизнью. Теперь эта мечта исполнилась. Я былъ на островахъ Ару.

Пароходъ подошелъ почти къ самому берегу островка Ваммара, на которомъ расположено селеніе Добо. Ваммаръ лежитъ на западной сторонѣ архипелага, недалеко отъ Вокама, отъ котораго онъ отдѣленъ лишь очень узкимъ проливомъ — шириною въ $1^1/_2$ — 2 версты.

Послѣ обычнаго грома пушекъ отъ парохода отвалилъ баркасъ и высадилъ на песчаный берегъ меня и Baâdill'у съ его малайцами. Багажъ выгрузили съ баркаса прямо на береговой песокъ. Два, три часа прошло въ выполненіи формальностей и наконецъ, «Général Pel» поднялъ якорь и ушелъ въ море, направляясь къ южному берегу Новой Гвинеи.

Съ помощію людей Baâdill'ы мой багажъ перетащили съ берега въ деревню, находящуюся тутъ же по близости, гдѣ и сложили въ какомъ-то полуразвалившемся сараѣ. Я немедленно отправился съ визитомъ къ мѣстному начальству — Posthouder'у, показалъ ему свои рекомендательныя письма и просилъ оказать содѣйствіе.

Прежде всего мнѣ, разумѣется, нужно было найти себѣ помѣщеніе въ деревнѣ; а потомъ нанять людей, необходимыхъ для работы.

Posthouder, несмотря на свое мизерное служебное положеніе, оказался человѣкомъ, претендующимъ на званіе важной особы.

Самыя громкія имена, которыя стояли на данныхъ мнѣ рекомендательныхъ письмахъ, произвели на него очень незначительное впечатлѣніе, скорѣе, пожалуй, не произвели никакого. Лишь послѣ моихъ настойчивыхъ просьбъ мѣстный администраторъ нашелъ возможнымъ поручить меня какому-то оборванному бугису, который, хотя и мало внушалъ мнѣ довѣрія, но поневолѣ сдѣлался моимъ чичероне въ поискахъ за помѣщеніемъ.

Послѣ довольно продолжительныхъ поисковъ помѣщеніе нашлось. Я съ помощью бугиса нанялъ за десять гульденовъ въ мѣсяцъ цѣлый домъ въ бугисскомъ кварталѣ.

Это былъ довольно обширный сарай, выстроенный изъ досокъ желѣзнаго дерева, полугнилой, безъ пола и потолка съ единственнымъ окномъ, безъ стеколъ, закрывающимся ставнемъ. Крытая пальмовыми щитами

крыша наполовину разъѣхалась, что впрочемъ было, пожалуй, и къ лучшему, ибо черезъ щели въ крышѣ внутрь дома проникалъ свѣтъ.

Немедленно въ домъ были перенесены мои ящики и я сдѣлался «гражданиномъ Добо».

Первое впечатлѣніе было неважное; главное меня смущало, что мои надежды на любезность голландской администраціи не оправдались.

Первый день пребыванія въ Добо пока я еще не освоился съ мѣстными условіями и даже не устроился, какъ слѣдуетъ, мнѣ пришлось въ полномъ смыслѣ слова голодать. Хлопоты заняли у меня чуть ли не весь день. Усталый, голодный я не могъ даже достать воды, чтобы напиться. Въ колодцахъ, которые указывали мнѣ бугисы, вода была настолько испорчена, что пить ее не было никакой возможности. Въ этихъ колодцахъ женщины стирали свои грязныя лохмотья, въ этой же самой водѣ плавалъ всякій хламъ.

Мнѣ не оставалось другого выхода, какъ итти просить воды для питья къ тому же Posthouder'у.

Меня еще не оставляла въ то время надежда, что нелюбезность мѣстнаго начальства только кажущаяся. Идя къ дому Posthouder'а я въ душѣ лелѣялъ мечту у него закусить или по крайней мѣрѣ напиться чаю. Но послѣ этого визита—мои надежды на гостепріимство Posthouder'а окончательно рухнули. Видя мое затруднительное положеніе, онъ не пригласилъ меня даже пообѣдать и вообще выказалъ явное пренебреженіе, выходящее, пожалуй, даже за рамки обыкновенныхъ правилъ вѣжливости. Я нарочно упоминаю объ этихъ мелочахъ, чтобы предупредить лицъ, думающихъ поѣхать въ эти дебри, заставить ихъ быть предусмотрительными и не надѣяться на черезчуръ усиленную предупредительность голландской администраціи. Въ этой глуши мелкая въ сущности административная сошка Posthouder — нѣчто въ родѣ нашего урядника — является почти царькомъ. Отъ его каприза и взгляда зависитъ многое. Захочетъ онъ — поможетъ; не захочетъ — путешественникъ, мало того, что будетъ предоставленъ самому себѣ, но долженъ будетъ даже въ душѣ благодарить того же Posthouder'а за то, что тотъ еще не старается ему умышленно вредить.

Итакъ я сдѣлался жителемъ Добо — своеобразнаго въ своемъ родѣ государства, существующаго на чисто анархическихъ началахъ. Въ сущности, что представляло изъ себя Добо во время моего туда прибытія? Голландцы мнѣ говорили на Явѣ, что это торговая станція, пунктъ, гдѣ сосредоточивается вся торговля съ туземцами Ару, складъ всѣхъ естественныхъ продуктовъ архипелага, наконецъ — резиденція Posthouder'а на островахъ Ару, т. е. въ своемъ родѣ административный голландскій центръ. На самомъ же дѣлѣ оказалось, что голландская администрація играетъ въ этомъ

«центрѣ» самую пассивную роль, и я, отвѣчая по совѣсти на предложенный вопросъ, опредѣлилъ бы Добо, какъ центръ эксплуатаціи туземцевъ и оплотъ произвола.

Главный контингентъ населенія Добо составляютъ выходцы съ Целебеса, затѣмъ, китайскіе торговцы и арабы. Слава бугисовъ и макассарцевъ, какъ пиратовъ, воровъ и разбойниковъ, отчаянныхъ игроковъ и плутовъ, принадлежитъ имъ по праву. Бутонцы и салейерцы не уступаютъ по своимъ основнымъ качествамъ первымъ. Что касается китайцевъ, то, какъ и вездѣ въ Инсулиндѣ, китайцы въ Добо—эксплуататоры чистѣйшей воды; каждый китайскій торговецъ здѣсь является эксплуататоромъ par excellence. Такимъ образомъ въ итогѣ оказывается, что въ Добо свила себѣ гнѣздо шайка темнаго люда съ сомнительнымъ прошлымъ, подозрительнымъ настоящимъ и весьма ясно опредѣлившимся будущимъ. Основной девизъ этой компаніи — зашибать деньгу, не останавливаясь ни передъ какими средствами. Задача эта проводится ею въ жизни съ необыкновеннымъ педантизмомъ. Настойчивость и упорство при приведеніи въ исполненіе своихъ плановъ по истинѣ дѣлаютъ честь разношерстному населенію Добо. Посмотримъ въ чемъ проявляется его дѣятельность.

Вся дѣятельность промышленниковъ, какъ я уже говорилъ выше, сосредоточивается въ восточной половинѣ Архипелага Ару, въ т. н. Blakang Tahn'ѣ.

Тамъ именно и добывается главнымъ образомъ и жемчугъ, и черепаха, и гнѣзда саланганъ, и пермалутръ, и трепанги.

Мѣстныя климатическія условія опредѣляютъ два періода въ году въ жизни селенія — періоды сѣверо-восточнаго и юго-западнаго муссоновъ.

Пока дуетъ сѣверо-восточный муссонъ, т. е. по направленію отъ Добо къ Blakang Tahn'ѣ, въ Добо остается лишь старый да малый. Все мужское населеніе, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, на парусныхъ лодкахъ устремляется на восточные острова въ завѣтную Blakang Tahn'у съ запасами опіума, водки, табаку, ситцевъ и всякой галантереи. Нѣсколько мѣсяцевъ идетъ усиленная дѣятельность въ Blakang Tahn'ѣ. Всякій пользуется временемъ, чтобы побольше наторговать, побольше намѣнять у туземцевъ-дикарей драгоцѣнныхъ продуктовъ, половчѣе надуть. Эксплуатація наивныхъ аруанцевъ достигаетъ своего апогея: лихорадочная страсть къ наживѣ охватываетъ всѣхъ—употребляется въ дѣло и хитрость, и наглость, и сила. Но вотъ наступила смѣна муссона; началъ дуть юго-западный вѣтеръ и вся ватага промышленниковъ, нагруженная добытыми товарами, возвращается въ Добо. Разбойничій набѣгъ конченъ — наступаетъ сезонъ бездѣлья и своеобразнаго отдыха.

Добытое добро — шкурки райскихъ птицъ, саланганьи гнѣзда, черепаха, перламутровыя раковины, жемчугъ и т. д. спускается китайскимъ торгашамъ здѣсь же въ Добо и переводится на чистыя деньги. Бугисъ можетъ теперь отдохнуть и удовлетворить свою главную страсть, страсть игрока.

Цѣлыми днями въ деревнѣ царитъ оживленіе. Уже съ утра все населеніе собирается на обширной полянѣ, передъ домомъ «капитана бугисовъ». Здѣсь происходятъ ежедневные пѣтушиные бои—любимая забава и единственное занятіе населенія Добо въ свободную часть года. Ежедневно десятки пѣтуховъ приносятся на арену и мучатся въ агоніяхъ. Разгоряченный бугисъ ставитъ все возрастающія ставки, заключаются часто крупныя денежныя пари—серебро кучами переходитъ изъ рукъ въ руки. Проигрываются дочиста деньги, имущества, семьи—все ставится на карту. Страсть игрока овладѣваетъ бугисомъ и доводитъ его или до рабства или до преступленія. Бугисъ проигрался; онъ хочетъ еще попытать счастье; денегъ нѣтъ — онъ воруетъ. Воровство не удалось — онъ грабитъ открыто; неудачный грабежъ — употребляется въ дѣло крисъ. Преступленіе совершено. Періодъ бездѣлья въ Добо совпадаетъ съ періодомъ грабежей, поджоговъ и убійствъ.

Что же дѣлаетъ голландская администрація для предупрежденія всего этого? Какія мѣры принимаются ею для защиты туземцевъ отъ произвола эксплуататоровъ?

Я не знаю, я не видѣлъ этихъ мѣръ, но знаю о возмутительныхъ фактахъ эксплуатаціи аруанцевъ и видѣлъ покровительственное отношеніе къ эксплуататорамъ голландскаго Posthouder'a. Я слышалъ о притѣсненіяхъ аруанцевъ со стороны бугисовъ, пріѣзжающихъ изъ Добо на промыселъ въ Blakang Tahn'y, слышалъ жалобы на вопіющія безчинства, совершаемыя надъ туземцами тутъ же рядомъ съ резиденціей голландскаго чиновника, который на все смотритъ сквозь пальцы. Не буду касаться личности — это не имѣетъ большого значенія. Каковы бы ни были личныя качества Posthouder'a, они мало помогутъ. Что можетъ сдѣлать здѣсь, въ этомъ притонѣ разврата и разбоя жалкая личность голландскаго чиновника, не опирающагося ни на какую реальную силу? Нужно войти и въ его положеніе. Въ его вѣдѣніи огромныя лѣсныя пространства, заселенныя невѣжественными туземцами, среди которыхъ происходятъ постоянныя кровавыя столкновенія. Поѣздки по этимъ дебрямъ отнимаютъ массу времени; приходится по недѣлямъ скитаться въ лодкѣ по островамъ, улаживая возникающія между племенами недоразумѣнія, приводящія временами къ кровопролитнымъ стычкамъ. Всюду и вездѣ должна была бы проявляться дѣятельность Posthouder'a; его функціи настолько сложны, что для акку-

ратнаго выполненія понадобилось бы не одинъ человѣкъ, а десятки, сотни лицъ.

Здѣсь же онъ совершенно одинокъ и по неволѣ принужденъ заботиться лишь о сохраненіи status quo и своей безопасности. До назначенія на о-ва Ару, Posthouder въ Добо былъ на архипелагѣ Тенимберъ и долженъ былъ послѣ трехъ — четырехъ мѣсяцевъ службы въ буквальномъ смыслѣ слова бѣжать; онъ, благодаря лишь случаю, спасся отъ шайки кровожадныхъ туземцевъ, сдѣлавшихъ нападеніе на него въ собственномъ домѣ, защищаемомъ двумя малайскими разсыльными—«почетной» охраной Posthouder'a.

На мое несчастье я попалъ въ Добо въ самый неблагопріятный для мирнаго обывателя сезонъ. Сѣверно-восточный муссонъ уже прекращался и все населеніе было въ сборѣ, ожидая благопріятнаго юго-западнаго вѣтра, чтобы двинуться къ Blakang Tahn'y. Смѣна муссона должна была наступить черезъ 2 мѣсяца и дѣлались усиленныя приготовленія къ предстоящему путешествію. Всюду на берегу замѣчалась лихорадочная дѣятельность: чинились старыя барки, строились новыя лодки. Впрочемъ, въ ожиданіи похода большинство населенія мѣстечка ровно ничего не дѣлало, если не считать за дѣло пѣтушинные бои, ежедневно съ утра до вечера привлекавшіе толпу къ дому бугискаго старшины. Но объ этомъ дальше.

Скажу теперь два слова о самомъ селеніи Добо. Это — очень незначительная по величинѣ деревушка; она построена на песчаной, длинной косѣ, примыкающей къ лѣсу, которымъ покрытъ весь островъ Ваммаръ. Почти въ центрѣ селенія находится небольшая площадь, занимающая всю ширину песчаной косы. Отъ площади, на которой помѣщается вполнѣ приличный домъ Posthouder'a, отходятъ во всѣ стороны улицы. Послѣднихъ всего три, четыре, не считая небольшихъ переулковъ. Деревня дѣлится на два квартала — китайскій, заселенный китайскими торгашами, и бугисскій. Къ бугисскому кварталу примыкаетъ небольшой поселокъ, населенный бутонцами и салейерцами. Кромѣ того, въ деревнѣ живетъ нѣсколько арабовъ и цѣлая колонія туземцевъ съ острововъ Кей, служащихъ на промыслахъ у Bâadill'ы. Эти островитяне извѣстны здѣсь, какъ хорошіе плотники; ихъ спеціальность — постройка лодокъ и довольно значительныхъ барокъ, на которыхъ туземные бугисы совершаютъ весьма отдаленныя поѣздки, по недѣлямъ проводя въ открытомъ морѣ.

Какъ и всюду китайскій кварталъ «Kampong tjina» сразу бросается въ глаза своимъ своеобразнымъ характеромъ. Деревянные досчатые дома, крайне неряшливые и неопрятные имѣютъ весьма убогій видъ какихъ-то сараевъ, тѣсно скучены, словно жмутся одинъ къ другому.

Какъ и вездѣ, въ китайскомъ кварталѣ въ Добо не увидишь ни одного дерева. Эта часть селенія имѣетъ самый унылый, неприглядный видъ.

Зато здѣсь царитъ вѣчное оживленіе. Въ китайскомъ кварталѣ сосредоточена вся торговля мѣстечка. Здѣсь что ни домъ, то лавка и притомъ съ самыми разнообразными товарами. Въ китайскихъ магазинахъ можно найти и рисъ, и саго, и сахаръ, и стеклярусныя бусы, и ножикъ, и карандашъ, и шкурки райскихъ птицъ, и жемчугъ плохого достоинства, и щитки черепахъ, и нитки, и иголки, и блестящія пуговицы, и всевозможныя дешевыя ткани. Словомъ китайскій кварталъ своего рода гостиный дворъ Добо. Нужно видѣть, съ какою жадностью смотрятъ на всѣ эти грошевыя побрякушки пріѣзжающіе изъ далека въ Добо для мѣновой торговли дикари — аруанцы!

Китайцевъ въ Добо сравнительно немного. Весь ихъ кварталъ состоитъ maximum изъ полуторыхъ — двухъ десятковъ домовъ. Въ періодъ дѣятельности на Ару многіе китайцы ничуть не уступаютъ въ своей энергіи бугисамъ. Часть ихъ также отправляется въ Blakang Tahn'у, но большинство все же предпочитаетъ сидѣть дома и поджидать кліентовъ къ себѣ въ Добо. Въ китайскихъ лавкахъ постоянно видишь туземцевъ, приносящихъ изъ лѣсовъ отдаленныхъ острововъ, райскихъ птицъ, саланганьи гнѣзда, а изъ Blakang Tahn'а черепаховыя пластинки, трепанги, жемчугъ и т. п. товары.

Все это отдается китайцамъ за безцѣнокъ, промѣнивается главнымъ образомъ на табакъ и опіумъ.

Какъ я скажу далѣе, распространеніе опіума, не смотря на запрещеніе голландскаго правительства, достигло огромныхъ размѣровъ. На Ару это одинъ изъ главныхъ двигателей мѣновой торговли и Posthouder смотритъ на это сквозь пальцы, соблюдая въ данномъ случаѣ, конечно, свои собственныя выгоды.

Китаецъ хладнокровенъ и спокоенъ въ своей дѣятельности. Онъ знаетъ, что вывезенное изъ Blakang Tahn'ы добро отъ него не уйдетъ; изъ рукъ того же бугиса оно перейдетъ въ концѣ концовъ въ его же руки и за тотъ же опіумъ — и не торопится.

Около дома Posthouder'а, по сосѣдству съ китайскимъ кварталомъ живутъ Baâdilla, около которыхъ группируется все арабское населеніе мѣстечка. Бугисскій кварталъ «kampong bougis» — рѣзкая противоположность китайскому. Онъ занимаетъ около трехъ четвертей всего селенія и состоитъ изъ ряда домовъ, построенныхъ на сваяхъ довольно далеко одинъ отъ другого. При каждомъ домѣ—дворъ, огороженный частоколомъ и обсаженный деревьями — главнымъ образомъ кокосовыми пальмами, бананами, ареками. Весь кварталъ имѣетъ такимъ образомъ видъ обширнаго сада, въ которомъ построены дома.

Въ бугисскомъ кварталѣ имѣется даже небольшая «мечеть». Это зда-

ніе по своей убогости мало чѣмъ отличается отъ прочихъ. Это — просто на просто деревянный квадратный сарай съ небольшой надстройкой наверху, увѣнчанной длиннымъ шестомъ. Никакихъ эмблемъ ислама на этой мечети нѣтъ, даже обычный полумѣсяцъ отсутствуетъ.

Главнымъ сборнымъ пунктомъ, своего рода клубомъ Добо является домъ бугисскаго старшины — «капитана бугисовъ». Здѣсь имѣется обширный дворъ, огороженный частоколомъ — мѣсто обычныхъ въ селеніи пѣтушиныхъ боевъ, о которыхъ я уже упоминалъ выше. Пѣтуховъ въ Добо множество: чуть ли не каждый бугисъ, китаецъ, бутонецъ, арабъ имѣетъ по нѣсколько штукъ ихъ. Пѣтушиные бои—любимое развлеченіе населенія; оно придаетъ особую физіономію мѣстечку. Въ періодъ моего пребыванія здѣсь ежедневно на аренѣ истязалось при восторженномъ завываніи разгоряченной игрой толпы до десятка пѣтуховъ. Несчастныхъ птицъ приносятъ на дворъ капитана бугисовъ въ деревянныхъ клѣткахъ. До начала состязанія пѣтуховъ испытываютъ, т. е. узнаютъ, выказываютъ ли они желаніе и намѣреніе драться или нѣтъ. Для этого двухъ птицъ подносятъ другъ къ другу. Задорный пѣтухъ сразу нахохливается и лѣзетъ въ драку, вырываясь изъ рукъ своего хозяина. Птицу, не обнаруживающую желанія вступать въ состязаніе, снова сажаютъ въ клѣтку и къ желающему драться пѣтуху подбираютъ другого противника. Передъ боемъ къ ногѣ птицы привязываютъ остро-отточенный ножъ, лезвіе котораго достигаетъ до $1^1/_2$ вершковъ въ длину. У каждаго обладателя пѣтуховъ имѣется цѣлый наборъ такихъ ножей. Оригинальное и отвратительное вмѣстѣ съ тѣмъ зрѣлище представляетъ собою картина, когда передъ боемъ бугисъ прехладнокровно пробуетъ ножъ, выбирая среди своей коллекціи лучшее лезвіе для пѣтуха. У раненой птицы, бьющейся въ агоніи, чтобы не терять времени даромъ, огорченный хозяинъ прехладнокровно отрѣзаетъ ногу вмѣстѣ съ ножомъ, чтобы послѣ, дома, на досугѣ ножъ отвязать.

Это варварское зрѣлище запрещено голландской администраціей всюду въ колоніяхъ. Но въ Добо никому и въ голову не приходитъ налагать свое veto на пѣтушиные бои. Даже Posthouder со скуки принимаетъ въ нихъ участіе. Я самъ былъ тому свидѣтелемъ неоднократно.

Въ толпѣ, окружающей арену - площадку, покрытую пескомъ, — на которую выпускаются бойцы, заключаются пари за того или другого пѣтуха. Къ какимъ результатамъ приводитъ зачастую этотъ своеобразный тотализаторъ, читатель знаетъ изъ предъидущихъ страницъ.

Глава XII.

Природа о. Ваммара. Мои экскурсіи въ окрестностяхъ Добо.

Въ первые дни моего пребыванія въ Добо дулъ сильнѣйшій вѣтеръ; на морѣ бушевалъ штормъ, такъ что о драгировкѣ или планктонированіи нечего было и думать. Я употребилъ эти дни на общее ознакомленіе съ природой острова Ваммара, а главнымъ образомъ, конечно, ближайшими окрестностями Добо. Ежедневно, съ ранняго утра уходилъ я на экскурсію въ лѣсъ и возвращался лишь къ вечеру, нагруженный добычей—птицами, насѣкомыми, гадами и т. п.

Я уже говорилъ, что Добо расположено на песчаной косѣ, примыкающей къ лѣсу, которымъ покрытъ весь островъ. Сейчасъ же за деревней начинается обширная площадь мангровъ, которыя тянутся на разстояніи нѣсколькихъ сотъ саженъ вдоль морского берега, довольно широкой полосой. Эти мангровы представляютъ крайне оригинальное зрѣлище. Въ періодъ сѣверо-западнаго муссона онѣ совсѣмъ обнажены и только болотистая почва, кое-гдѣ высохшая и растрескавшаяся, указываетъ ясно на то, что временами здѣсь подолгу стоитъ вода.

Выйдя изъ деревни на берегъ моря и пройдя мангровами нѣсколько сотъ шаговъ по направленію вглубь острова, вы вступаете въ сухой лѣсъ, довольно низкорослый, но представляющій собою мѣстами такую густую чащу, что пробираться въ немъ дѣлается подчасъ прямо немыслимымъ безъ ножа.

По мѣрѣ удаленія отъ Добо вглубь острова лѣсъ дѣлается все величественнѣе. Деревья становятся все большихъ и большихъ размѣровъ, на ихъ стволахъ начинаютъ въ изобиліи попадаться эпифиты. Особую красоту придаютъ лѣсу ліаны, достигающія подчасъ огромныхъ размѣровъ. Чисто тропическій колоритъ придаютъ растительности также громадныя роскошныя *Cycas*, *драцены*, *древовидные папортники*, оригинальные *панданусы*. Вообще, нужно сказать, разнообразіе растительныхъ формъ въ здѣшнихъ лѣсахъ поразительное. Нигдѣ въ посѣщенныхъ мною мѣстностяхъ Малайскаго Архипелага я не видалъ болѣе пышнаго развитія флоры, какъ на островахъ Ару. Тотъ, кто будучи въ тропикахъ, имѣлъ возможность видѣть лишь скучные по своему однообразію и безжизненности лѣса Явы, не получилъ, разумѣется, ни малѣйшаго представленія о величіи и красотѣ настоящаго тропическаго лѣса.

Лѣсъ, покрывающій всю поверхность острова Ваммара, очень удобенъ для экскурсій. Онъ далеко не вездѣ представляетъ собою сплошной чащи, что дѣлало бы экскурсіи подчасъ весьма затруднительными, а изобилуетъ

обширными полянами, прогалинами, свѣтлыми лужайками. На этихъ полянахъ, густо заросшихъ высокой травой или кустарникомъ, несомнѣнно когда-то стоялъ громадный вѣковой лѣсъ, частью уже повырубленный, частью же, повидимому, выгорѣвшій. До сихъ поръ можно кое гдѣ видѣть на такихъ лужайкахъ отдѣльно стоящія группы деревьевъ. Эти рѣдко стоящіе лѣсные великаны даютъ въ жаркое время дня пріютъ стадамъ мелкихъ зеленыхъ попугаевъ и бѣлыхъ какаду, любящихъ полетать на освѣщенныхъ солнцемъ лѣсныхъ полянахъ.

Вообще, нужно сказать, птицъ въ лѣсу множество — прямо стонъ стоитъ отъ птичьихъ голосовъ: однѣ свистятъ, другія стрекочатъ, третьи, какъ напр. большинство попугаевъ, кричатъ рѣзко, пронзительно. Обиліе птицъ привело меня, помню, въ восхищеніе на первой же экскурсіи.

Особенно многочисленны всюду плодоядные голуби *(Carpophaga)*, крупные бѣлые какаду *(Cacatua triton)*, чрезвычайно разнообразные пестрые попугаи и яркіе лори. Мнѣ очень хотѣлось увидѣть большихъ черныхъ *Microglossus aterrimus* — арара какаду, но на Ваммарѣ я ихъ не встрѣчалъ; зато этихъ оригинальныхъ птицъ очень много на сосѣднихъ большихъ островахъ — Вокамѣ, Коброрѣ и другихъ, гдѣ впослѣдствіи я съ ними и познакомился.

Экскурсируя по лѣсу, даже около самаго Добо я нерѣдко натыкался на оленей, но видѣть ихъ пришлось здѣсь всего раза два — три. Обыкновенно лишь слышишь трескъ вѣтвей въ чащѣ подъ ногами вспугнутаго звѣря. Очень часто я имѣлъ въ рукахъ прекрасные образчики шкуръ мѣстныхъ оленей, но по случайности ни одна изъ нихъ не дошла до Россіи. Судя по литературнымъ даннымъ аруанскій олень принадлежитъ къ формѣ, распространенной на всей Папуасіи и Молукамъ — *Rusa moluccana*.

Изъ другихъ млекопитающихъ, живущихъ на Ару, около Добо много лишь летучихъ мышей. Ни *кускусъ*, ни *кенгуру* на Ваммарѣ мнѣ не попадались; съ ними я познакомился во время предпринятаго мною впослѣдствіи путешествія въ глубь острова Коброра и въ лѣсахъ Вокама.

Послѣ бѣдныхъ птицами Явы и Амбоины лѣса Ару производятъ сильное впечатлѣніе и я съ непередаваемымъ наслажденіемъ бродилъ съ ружьемъ по окрестностямъ Добо, стрѣляя птицъ. Часть ихъ, какъ напр. многочисленные голуби, шла на пополненіе моего провіанта, остальные экземпляры препарировались. Въ первые три дня экскурсій я приготовилъ 62 шкурки, принадлежащихъ къ 21 виду. Но лишь позже на Вокамѣ и Коброрѣ я въ полной мѣрѣ ознакомился съ орнитологической фауной Аруанскаго Архипелага. На Ваммарѣ я никогда не встрѣчалъ многихъ изъ тѣхъ диковинъ, которыя по справедливости составляютъ гордость папуасской фауны — *райскихъ птицъ*, *казуаровъ* и оригинальныхъ *Megapodiidae*.

Фауна *Reptilia* на Явѣ, повидимому, гораздо богаче, чѣмъ на Ару. Я по крайней мѣрѣ, усердно гоняясь за каждой ящерицей и змѣей, собралъ около Добо всего лишь шесть, семь видовъ Lacertilia и всего около пяти экземпляровъ Ophidia. Крупныхъ змѣй здѣсь я не встрѣчалъ ни разу. Зато, немного времени спустя, въ лѣсахъ Вокама и Коброра мнѣ случалось неоднократно натыкаться на громадныхъ пиѳоновъ—иногда достигающихъ здѣсь, какъ говорили мнѣ, до десяти аршинъ длины.

Очень богато представлена въ окрестностяхъ Добо фауна насѣкомыхъ. Конечно, на экскурсіяхъ бросаются въ глаза главнымъ образомъ лишь Lepidoptera. Представители остальныхъ отрядовъ—*Orthoptera*, *Diptera*, *Coleoptera*, *Hymenoptera* и др. не производятъ впечатлѣнія при поверхностномъ наблюденіи. Можно бродить по лѣсу цѣлый день и не встрѣтить ни одного крупнаго жука, да и вообще долженъ отмѣтить, что по крайней мѣрѣ въ періодъ моего пребыванія на Ару жуковъ было довольно мало и большинство изъ встрѣченныхъ и собранныхъ формъ не бросались въ глаза ни своей величиной, ни яркой окраской. Крупныя Orthoptera тоже были положительно рѣдки и такихъ эффектныхъ формъ, какъ Phyllium и великолѣпныя Pseudophillidae (Cleandrus), Cyphocrania, окрестностей Бейтензорга на Явѣ и т. п. я никогда не встрѣчалъ нигдѣ, ни на Молуккахъ, ни на Новой Гвинеѣ, ни здѣсь на Ару.

Изъ Orthoptera, почему либо обращающихъ на себя вниманіе, назову лишь огромныхъ *Mecopoda*, довольно обыкновенныхъ мѣстами въ лѣсу въ ближайшихъ окрестностяхъ Добо. Итакъ, повторяю, эффектныхъ жуковъ и прямокрылыхъ въ лѣсахъ Ваммара наблюдать часто мнѣ не удавалось. Зато мелкихъ формъ огромное количество, въ особенности Orthoptera.

Пожалуй нигдѣ я не видалъ такого количества большихъ, красивыхъ бабочекъ, какъ на Ару. Такія дивныя формы, какъ аруанская *Ornithoptera arroana (O. poseidon)* встрѣтить можно въ лѣсу постоянно. Эта замѣчательная по красотѣ Ornithoptera (*Уоллэсъ*, равно какъ и *Rosenberg* называетъ ее O. poseidon) очень близка къ *O. pegasus* о-вовъ Кей и Новой Гвинеи и *O. priamus* съ Амбоины.

Не смотря на то, что *Ornithoptera arroana* встрѣчается въ окрестностяхъ Добо, какъ и всюду на Ару, часто, добыть хорошіе экземпляры ея далеко не легко. Летаютъ эти бабочки чрезвычайно быстро и очень высоко надъ землей.

Въ лѣсу не рѣдки и другія великолѣпныя бабочки: здѣсь въ тѣнистыхъ уголкахъ такъ же, какъ и въ Амбоинскихъ чащахъ лѣниво порхаютъ свѣтлыя, большія *Hestia* (*H. durvillei*), дивная *Papilio ullysses* и т. п. Вообще отмѣтимъ, что фауна аруанскихъ Lepidoptera въ большинствѣ случаевъ представлена формами или тождественными, или же очень родствен-

ными съ амбоинскими. Общее сходство формъ бросается сразу въ глаза даже неспеціалисту.

По просьбѣ А. А. Бялыницкаго-Бируля я особенно усердно охотился за *скорпіонами*, но очень немного прибавилъ матеріалу къ своимъ яванскимъ сборамъ. Аруанскіе скорпіоны далеко уступаютъ яванскимъ по своимъ размѣрамъ. Таково по крайней мѣрѣ общее впечатлѣніе. На Явѣ бросаются въ глаза гигантскія формы, какъ напр. *Scorpio indicus* — на Ару же быть можетъ и существуютъ крупныя формы, еще не открытыя или просто мнѣ неизвѣстныя, то все же я не думаю, чтобы такихъ крупныхъ формъ было много. На глаза, по крайней мѣрѣ здѣсь попадаются лишь очень мелкіе коричневые скорпіоны (*Hormurus*), очень похожіе между прочимъ на яванскихъ *Hormurus*. Лучшее мѣстонахожденіе скорпіоновъ на Ару и предѣлахъ посѣщенныхъ мною мѣстностей это—ближайшія окрестности Добо на о. Ваммарѣ, Samang на Вокамѣ и мелкіе острова Blakangtahna.

Около Добо скорпіоны довольно обыкновенны. Я находилъ ихъ зачастую на молодыхъ кокосовыхъ пальмахъ, забившимися между стволомъ и волокнистыми черенками погибшихъ нижнихъ листьевъ. Отобравъ отъ ствола черенокъ, находишь гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ прижавшагося *Hormurus* вмѣстѣ съ небольшими *Diplopoda*, свернувшимися въ плоскую спираль, маленькими *сколопендрами* и т. д.

Въ окрестностяхъ Добо я нашелъ между прочимъ довольно крупнаго скорпіона, который оказался новымъ видомъ, названнымъ А. А. Бирулей, описавшимъ его, *Opistocanthus dawydovi*. Эта форма заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Она относится къ тѣмъ животнымъ, географическое распространеніе которыхъ приводитъ въ тупикъ зоогеографовъ. Въ настоящее время извѣстно всего 3 вида этого оригинальнаго рода. Одинъ живетъ на Мадагаскарѣ, другой—въ Южной Африкѣ и третій, открытый мною, на Аруанскомъ Архипелагѣ. Конечно, много шансовъ за то, что со временемъ область распространенія этого рода, по мѣрѣ расширенія нашихъ зоогеографическихъ свѣдѣній, тоже расширится. Но пока мы имѣемъ дѣло съ трудно объяснимымъ явленіемъ и такихъ явленій въ настоящее время такъ много, что есть настоятельная необходимость въ удовлетворительной гипотезѣ для объясненія.

Начиная коллектировать въ Добо, я сильно надѣялся на ребятишекъ, которые являются незамѣнимыми помощниками для натуралиста, напр. на Явѣ. Но я сильно ошибся въ своихъ разсчетахъ. Не смотря на всѣ мои обѣщанія, подарки, просьбы, я почти ничего не получилъ цѣннаго отъ мѣстныхъ жителей во время моего пребыванія въ Добо. Ихъ лѣность не поддается описанію. Въ началѣ, правда, мысль получать за каждую живность мелкую монету всѣмъ очень понравилась. Съ десятокъ бугисскихъ мальчугановъ

изъявили полную готовность мнѣ помочь и разобрали стеклянныя банки, которыми я имѣлъ неосторожность ихъ снабдить; но этимъ дѣло и ограничилось— банокъ я обратно такъ и не получилъ, равно какъ и ни одного животнаго. Случалось, правда, приносили мнѣ ничего не стоющихъ морскихъ звѣздъ, небольшихъ морскихъ рыбокъ, мелкихъ сколопендръ, пауковъ, но за каждую вещь просили прямо до глупости смѣшныя цѣны, чуть ли не по гульдену за штуку и съ презрѣніемъ отворачивались, когда я предлагалъ имъ мелкія мѣдныя монеты. Съ сожалѣніемъ вспоминалъ я здѣсь мое первое путешествіе на берега Мертваго моря, гдѣ въ каждомъ арабѣ находилъ я сотрудника, или моихъ помощниковъ въ Бейтенцоргѣ, гдѣ каждый мальчуганъ, даже дѣвочка цѣлые дни бродили, ловя ящерицъ, мелкихъ змѣй, отыскивая насѣкомыхъ, за которыхъ платитъ пріѣзжій «бѣлый человѣкъ».

Каждый натуралистъ, желающій собрать тамъ небольшую зоологическую коллекцію можетъ такимъ образомъ, не выходя изъ лабораторіи пріобрѣсти сотни разнообразныхъ рептилій, насѣкомыхъ и т. п. легко добываемыхъ животныхъ. Въ Добо же надѣяться на помощь мѣстнаго населенія нельзя.

Черезъ день послѣ моего прибытія въ Добо я уже устроилъ въ своемъ домѣ походную лабораторію. Небольшое затрудненіе вышло со столомъ для работы съ микроскопомъ. Тотъ столъ, который далъ мнѣ Baâdilla оказался черезчуръ субтильнымъ и ужасно неустойчивымъ. Долго думать было нечего—два проходившіе мимо моего дома бугиса по моей просьбѣ сколотили подобіе стола изъ досокъ, ножки его вкопали въ землю, около двери дома устроили изъ бамбуковыхъ палокъ навѣсъ для предохраненія отъ солнца, и въ моемъ распоряженіи оказался прекрасный столъ прочный и ужъ конечно очень устойчивый. За лодкой дѣло также не стало. За деревней нѣсколько десятковъ туземцевъ съ о-вовъ Кей строили для Baâdill'ы цѣлую флотилію судовъ разныхъ величинъ. Одно изъ нихъ — совершенно готовую къ моему пріѣзду большую лодку Baâdilla любезно предоставилъ въ мое распоряженіе и даже далъ гребца.

Тотчасъ же, какъ только явилась возможность, я принялся за работу.

Планктонъ оказался очень богатымъ количественно, но однообразнымъ, и состоялъ почти исключительно изъ личинокъ *Crustacea*, мелкихъ *нереидъ* изъ *Polychaeta*, небольшихъ *Chaetognatha*, ктенофоръ *(Cydippidae)*, мелкихъ гидроидныхъ медузъ (въ особенности много попадалось всегда *Obelia*) *Appendicularia* (всѣ аппендикуляріи, собранныя здѣсь оказались, какъ и амбоинскія, по изслѣдованію В. В. Заленскаго *O. rufescens Fol*) и т. п.

Здѣсь же въ Добо я нашелъ въ планктонѣ крайне интереснаго червя изъ группы *Archiannelides*. Эта форма, очень похожая на извѣстные виды *Polydordius*, рѣзко отличается однако отъ послѣднихъ тѣмъ, что является

формой пелагической и кромѣ того у нея половые продукты развиваются исключительно въ задней части туловища. Половозрѣлыя особи плаваютъ по поверхности воды и, что интересно, задняя часть туловища ихъ, наполненная яйцами, автотомируетъ и носится по водѣ отдѣльно отъ остального червя, который, повидимому, опускается на дно. Этого интереснаго червя я назвалъ *P. epitocus* mihi и нѣкоторыя біологическія наблюденія надъ нимъ опубликовалъ въ «Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ» 1905[1]).

Очень продуктивными оказались экскурсіи по берегу моря въ періодъ отлива. Приливы и отливы чрезвычайно рѣзко выражены всюду на о-вахъ Малайскаго архипелага. Около Добо въ періодъ отлива дно обнажается на огромное разстояніе отъ берега, что̀ даетъ возможность цѣлыми часами бродить по илу и камнямъ, собирая всевозможные продукты морской фауны и флоры. Я ежедневно предпринималъ экскурсіи въ этомъ направленіи и почти всегда возвращался съ богатой добычей. Особенно богаты бывали сборы иглокожихъ: по всей обнаженной площади дна еще издали съ берега видишь огромныхъ яркокрасныхъ морскихъ звѣздъ, вооруженныхъ колючими иглами и шипами на спинной сторонѣ диска. Эта форма астеридъ — *Pentaceras turritus*, повидимому, широко распространена во всѣхъ моряхъ Индо-Австралійскаго Архипелага: я встрѣчалъ этихъ красивыхъ иглокожихъ на Молуккахъ, у береговъ Новой Гвинеи, на Тенимберѣ и близъ о-вовъ Кей.

Вторая очень обыкновенная форма астеридъ — это обычная повсемѣстно въ Индійскомъ океанѣ *Linckia*, извѣстная своею способностью давать такъ называемыя «кометныя формы».

Изъ остальныхъ классовъ Echinodermata въ полосѣ отлива около Добо можно постоянно найти довольно крупныхъ *Crinoidea (Comatula)* повидимому, тождественный съ амбоинскимъ видъ), многочисленныхъ *Ophiuroidea*, зачастую довольно крупныя формы (*Ophiothrix*, *Ophiomyxa*, *Amphiura* etc) и *Echinoidea*. Изъ послѣднихъ назову между прочимъ *Diadema*, *Echinometra*, *Heterocentrotus*, оригинальныхъ *Leiocidaris* съ ихъ рѣдкими иглами, *Echinothrix*, мелкихъ, плоскихъ *Laganum* и др.

Особенно богаты животною жизнью обнаженные коралловые рифы, поросшіе водорослями, губками, актиніями, разнообразнѣйшими *Bryozoa* и гидроидами. Стоитъ разбить кусокъ такого рифа, чтобы собрать цѣлую коллекцію самыхъ различныхъ животныхъ. Въ пустотахъ прячутся десятки разныхъ *Crustacea*—креветки, крабы причудливыхъ формъ, мелкія *Isopoda*, *Amphipoda*. Тутъ же шевелятся комки сплевшихся въ клубокъ немертинъ.

1) К. Н. Давыдовъ. Научные результаты поѣздки на о. Яву и другіе острова Малайскаго Архипелага. Часть III. Къ морфологіи Архианнелидъ. Біологическія наблюденія надъ эпитокной формой Polygordius.

Во время своихъ экскурсій по обнаженному морскому дну я всегда ходилъ въ компаніи десятка туземныхъ ребятишекъ, ежедневно пользующихся отливомъ для сбора молюсковъ, главнымъ образомъ небольшихъ головоногихъ, мелкихъ крабовъ, служащихъ дополненіемъ къ обычному столу. Зачастую мальчуганамъ удается вытащить изъ подъ камня крупную голотурію или компаніей выловить руками изъ остающихся лужицъ нѣсколько рыбокъ. Вся добыча немедленно печется тутъ же на песчаномъ берегу и компаніей съѣдается.

Я очень мало драгировалъ около Добо. Драгировки всегда бывали мало продуктивны, хотя и не доставляли столькихъ хлопотъ и затрудненій, какъ въ Амбоинской бухтѣ. Кораллы не встрѣчаются около Добо въ такомъ количествѣ, какъ въ Амбоинѣ — я даже вообще довольно рѣдко ихъ встрѣчалъ здѣсь. Во всякомъ случаѣ такихъ коралловыхъ садовъ, какъ въ Амбоинѣ или Бандѣ — около береговъ Ваммара въ окрестностяхъ Добо нѣтъ и кораллы отнюдь не составляютъ характерной особенности мѣстныхъ водъ.

Періодъ моего пребыванія въ Добо былъ временемъ усиленной работы. Я былъ занятъ съ утра до вечера. Рано утромъ—лучшее время дня—до полудня я работалъ на морѣ и разбиралъ привезенный матеріалъ. Около полудня моя лабораторія закрывалась—все пряталось въ ящики. Микроскопъ и цѣнныя вещи каждый разъ относились въ домъ Baâdill'ы на храненіе—мѣсто вѣрное и надежное. Самъ я отправлялся въ лѣсъ, застрѣливалъ гдѣ нибудь по близости пару голубей, что не составляло труда, и, возвратившись черезъ часъ домой, дѣлалъ себѣ обѣдъ, состоящій почти всегда изъ свареннаго риса съ масломъ и мясомъ. Рисъ въ кастрюлѣ варился здѣсь же въ «комнатѣ», на кострѣ вмѣстѣ съ выпотрошеннымъ голубемъ и приправлялся масломъ, консервами котораго я запасся на Амбоинѣ. Послѣ плотнаго обѣда наступала очередь чая, и часамъ къ тремъ я уже бывалъ совершенно свободенъ и отправлялся на экскурсію въ лѣсъ, откуда возвращался лишь послѣ захода солнца — часамъ къ 7 вечера.

Пока мой малаецъ кипятилъ воду для чая, я обдиралъ птицъ, укладывалъ насѣкомыхъ и т. д. Эти работы занимали весь остатокъ вечера часовъ до 10, когда я ложился спать, чтобы часамъ къ пяти слѣдующаго дня быть уже на ногахъ. Меня будилъ малаецъ, который приготовлялъ уже къ этому времени лодку для работы на морѣ.

Такъ прошло двѣ недѣли. Этотъ режимъ скоро далъ себя почувствовать. Усиленная работа и постоянное напряженіе вызвали замѣтное утомленіе. Чувствовалась временами сильная потребность въ отдыхѣ.

Послѣ двухнедѣльнаго пребыванія на о. Ваммарѣ, я рѣшилъ немного отдохнуть, встряхнуться, какъ говорится. Мнѣ очень хотѣлось на время

покинуть Добо и ознакомиться съ природой другихъ острововъ Архипелага, поэтому я былъ очень обрадованъ, когда представился удобный къ тому случай. Мой большой пріятель орангъ кайя, (т. е. туземный старшина) Саманга — округа въ западной части острова Вокама, часто бывавшій у меня, пригласилъ меня посѣтить его деревню и пожить тамъ нѣсколько дней, обѣщая доставить возможность поэкскурсировать въ окрестныхъ дремучихъ лѣсахъ и между прочимъ поохотиться на райскихъ птицъ.

Селеніе Samang расположено на самомъ берегу моря и помимо экскурсій я стало быть, могъ продолжать свои научныя работы на морѣ въ новомъ для меня мѣстѣ.

Главной же приманкой для меня была, конечно, перспектива ознакомиться съ фауной этого почти неизвѣстнаго европейцамъ уголка Ару, пожить жизнью тропическаго лѣса.

Мои сборы были недолги. Запасъ пороху и дроби, двѣ шведскія жестянки со спиртомъ, ящичекъ съ реактивами, коробки для насѣкомыхъ, запасъ стеклянной посуды, фотографическій приборъ, чайникъ, котелокъ для варки пищи—вотъ все, что было мнѣ нужно для поѣздки. Думая пробыть вдали отъ Добо довольно продолжительное время, я взялъ между прочимъ съ собой половину припасенныхъ еще въ Амбоинѣ консервовъ масла[1]) и большой запасъ рису, пріобрѣтеннаго въ Добо, въ китайскихъ лавкахъ.

Въ назначенный день люди орангкайи перенесли весь этотъ багажъ на лодки и мы двинулись въ путь. Оригиналенъ былъ этотъ переѣздъ отъ Добо до Саманга. Мы съ орангкайей заняли почетныя мѣста въ самой большой лодкѣ. Впереди насъ, на недалекомъ разстояніи шли еще двѣ лодки; вся эта флотилія едва вмѣстила всѣхъ людей орангкайи, возвращавшихся къ себѣ домой изъ Добо. На каждой лодкѣ гребло до 10—15 человѣкъ, все тѣми же маленькими лопатками, которыя меня такъ возмущали на Амбоинѣ. На каждой лодкѣ помѣщался бубенъ и мѣдный «гонгъ», въ которые били попеременно палками двое изъ туземцевъ, помѣщавшихся одинъ — на носу, другой—на кормѣ. Гребцы ударяли своими веслами въ тактъ этой музыкѣ. Мѣрное, монотонное постукиванье гонговъ, унылая своеобразная пѣснь, которую затянули гребцы, производила на меня сильное впечатлѣніе, усиливавшееся довольно таки оригинальной наружностью гребцовъ.

Въ продолженіе 5—6 часовъ плыли мы вдоль берега острова Вокама. Самангъ лежитъ на зап. берегу этого острова. Добо отдѣленъ отъ Вокама

---

1) Я закупилъ въ Амбоинѣ два десятка коробокъ масла и нахожу, что это—необходимая часть походной кладовой при экскурсіяхъ. Консервы масла превосходно сохраняются въ запаенныхъ фунтовыхъ коробкахъ и не портятся впродолженіе 4—5 дней по откупоркѣ.

узкимъ проливомъ пожалуй не больше версты шириною. Намъ предстояло переплывъ проливъ, итти нѣкоторое время вдоль берега острова съ В на З, обогнуть его южный берегъ и направиться къ сѣверу.

Эта поѣздка доставила мнѣ истинное наслажденіе. Я любовался прибрежной растительностью, которая доходитъ до самаго уровня воды.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берегъ, вдоль котораго наши лодки шли на разстояніи не болѣе какъ въ 20—30 аршинахъ, образуетъ довольно высокіе утесы, обвитые ползучими растеніями и папортниками.

По большей же части берега этой части Вокама низменны и мѣстами покрыты коралловымъ пескомъ.

Нигдѣ я не замѣтилъ мангровъ, зато часто по берегу обращаютъ на себя вниманіе цѣлыя рощи стройныхъ кокосовыхъ пальмъ. Это дерево можно увидѣть лишь на берегу моря; подальше отъ берега въ лѣсу ихъ уже не найдешь. Нигдѣ на берегахъ аруанскихъ о-вовъ не видалъ я такого количества кокосовыхъ пальмъ, какъ именно здѣсь. Другимъ деревомъ, характернымъ въ этихъ мѣстахъ, является такъ наз. *казуарина* (Casuarina equisetifolia). Вдоль всего побережья Вокама море очень мелководно. Кое-гдѣ надъ водой высятся палки — вѣхи. Орангкайя говорилъ мнѣ, что эти вѣхи ставятся жителями окрестныхъ селеній, выѣзжающими иногда на рыбную ловлю. Кое-гдѣ орангкайя указалъ мнѣ ряды кольевъ, торчащихъ мѣстами надъ поверхностью воды; между этими кольями были натянуты довольно грубыя сѣти для ловли рыбы. Мѣстами на верхушкахъ такихъ кольевъ неподвижно сидѣли мелкія крачки (*Sterna bergii* Licht), на которыхъ одинъ изъ нашихъ гребцовъ — мальчуганъ довольно таки неудачно показывалъ свое искусство стрѣльбы изъ лука.

Глава XIII.

Въ Самангѣ. Экскурсія въ лѣса о. Вокама.

Послѣ шестичасового путешествія мы достигли Саманга. Самангъ — небольшая деревня; въ ней едва ли можно насчитать десятокъ хижинъ. Всѣ дома построены на сваяхъ, за исключеніемъ дома орангкайи Latetein'а, гостемъ котораго я сдѣлался.

Скажу два слова о моемъ хозяинѣ и его семействѣ. Во многихъ отношеніяхъ Latetein личность крайне интересная. Я до сихъ поръ не знаю, къ какой расѣ онъ принадлежитъ, и думаю, что самый опытный этнографъ сталъ бы въ тупикъ. Предполагаю, что малайской крови въ немъ больше, чѣмъ всякой другой. Этотъ орангкайя — начальникъ огромныхъ пространствъ Вокама и Blakang Tahn'ы, человѣкъ, пользующійся громад-

нымъ вліяніемъ среди туземцевъ. Его знаетъ на Ару каждый; во многихъ мѣстностяхъ орангкайю Саманга считаютъ чуть ли не королемъ и называютъ раджей.

Внѣ сомнѣнія Lateteien человѣкъ недюжиннаго ума, но этого качества еще мало; орангкайя—человѣкъ ловкій, а главное—это политикъ и дипломатъ, умѣющій найтись и вывернуться въ самыя трудныя минуты. Вспыхнула война между двумя селеніями или островами—Lateteien почти всегда сумѣетъ помирить враждующія стороны. Если эта попытка не имѣла успѣха, онъ спѣшитъ въ Добо, и предусмотрительно даетъ знать Posthouder'у; тотъ собираетъ бугисовъ, отправляется на расправу. Несогласія прекращены — Lateteien въ сторонѣ, и начальство довольно. А въ результатѣ орангкайя Саманга въ почетѣ и у голландской администраціи, цѣнящей помощь дипломатичнаго старшины, и среди туземцевъ, всегда находящихъ у «раджи», какъ его называютъ на Ару, дѣльный совѣтъ и ласковый пріемъ.

Орангкайя Саманга—человѣкъ не бѣдный. Часть Blakangtahn'ы находится въ его вѣдѣніи, а Blakangtahna центръ жемчужныхъ промысловъ. Издавна ведется здѣсь, что право ловить жемчужныя раковины покупается промышленниками у мѣстныхъ старшинъ (kapala). Такъ, богатая фирма Bâadilla ежегодно заключаетъ съ туземцами нѣкоторыхъ острововъ договоръ, по которому ему дается исключительное право добычи жемчужницъ. Договоръ, всегда очень выгодный для Bâadill'ы, обезпечивающій фирмѣ крупные барыши въ ущербъ туземнымъ князькамъ, заключается подъ сильнымъ давленіемъ ловкаго орангкайи Саманга — личнаго друга Baâdilla. Соблюдать интересы Bâadill'ы Lateteien'у, конечно, есть много смысла. Bâadilla у него въ долгу не останется. Услуга за услугу, а въ результатѣ обѣ стороны взаимно довольны.

Орангкайя Саманга человѣкъ совершенно безграмотный, но не смотря на это, въ своемъ родѣ культурный. Онъ всѣмъ живо интересуется и всегда старается чѣмъ-нибудь позаимствоваться у новаго, интереснаго для него человѣка. Цѣлыми вечерами разспрашивалъ онъ меня о Россіи, о нашей сѣверной природѣ, климатѣ, людяхъ, о нашихъ обычаяхъ, порядкахъ, о политикѣ. Видно было, что человѣкомъ руководитъ не праздное любопытство, а именно чувство любознательности.

Своими познаніями онъ меня зачастую удивлялъ. Модная въ то время война въ Трансваалѣ и событія 1900 года въ Китаѣ для него не были новостью. Онъ имѣлъ понятіе, хотя и до смѣшного превратное, о важнѣйшихъ государствахъ Европы, внимательно слушалъ мои разсказы объ европейской жизни, о современномъ состояніи европейской политики, и несомнѣнно весьма всѣмъ этимъ интересовался. Онъ живо схватывалъ часто довольно запутанныя и сложныя вещи; но когда однажды рѣчь зашла о

нашей зимѣ и я сталъ описывать картины нашей природы, лицо его выразило полное недоумѣніе.

Я долженъ былъ десятки разъ повторять свои разсказы все новымъ и новымъ слушателямъ, которые собирались въ домъ орангкайи посмотрѣть на бѣлаго человѣка, послушать его разсказы. Политичный хозяинъ, какъ ни страннымъ казался ему тотъ или другой фактъ, обыкновенно не говорилъ ни слова, но однажды одинъ старый туземецъ не вытерпѣлъ, сердито сплюнулъ жвачку бетеля и заявилъ, что онъ готовъ вѣрить чему угодно, но говорить о томъ, что вода можетъ сдѣлаться камнемъ, значитъ безсовѣстно лгать...

Самъ орангкайя зачастую заводилъ разговоръ о Голландіи и восторгу его не было предѣловъ, когда однажды, изобразивъ по его просьбѣ на бумагѣ относительную величину Голландіи и Россіи, я показалъ нарисованный мною кругъ величиною съ арбузъ и рядомъ едва замѣтную точку.

Очень интересовался мой собесѣдникъ Турціей. Я замѣтилъ вообще у многихъ малайцевъ стремленіе къ идеализаціи Турціи, о которой, кстати сказать, большинство изъ нихъ имѣетъ крайне смутныя, прямо наивныя представленія. Впрочемъ симпатіи малайцевъ-магометанъ къ оплоту ислама весьма понятны. Идея панисламизма очень сильна въ Инсулиндѣ. Разсѣянные повсюду на Архипелагѣ мусульманскіе агитаторы неустанно работаютъ въ этомъ направленіи. Нидерландская Индія — это царство ислама. Успѣхи христіанъ-миссіонеровъ прямо ничтожны по сравненію съ тѣмъ, чего достигли здѣсь мусульманскіе проповѣдники. Правда, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можно найти здѣсь, среди туземцевъ тѣхъ религіозныхъ фанатиковъ, которые фабрикуются въ природныхъ мусульманскихъ странахъ; религіозный фанатизмъ почти не коснулся апатичной малайской народности.

Исламъ для большинства малайцевъ Архипелага есть средство политическаго объединенія. Съ этой стороны исламъ есть огромная сила, съ которой несомнѣнно голландцамъ приходится и придется считаться въ будущемъ. Многіе дальновидные и умные раджи смотрятъ на важность распространенія и поддержанія въ различныхъ уголкахъ Нидерландской Индіи среди своихъ подданныхъ магометанства — именно съ этой точки зрѣнія. Объединеніе различныхъ племенъ и народностей, живущихъ столь изолированно на различныхъ островахъ Малайскаго Архипелага, возможно лишь на почвѣ религіозной.

Естественно, что при такомъ взглядѣ взоры и надежды всѣхъ магометанъ, недовольныхъ почему-либо голландскимъ управленіемъ, обращаются къ Турціи, какъ къ своей естественной покровительницѣ. Стремленіе къ Турціи поддерживается тайно многими арабами, старающимися разжечь религіозный фанатизмъ на почвѣ политической.

Самангъ, равно какъ и Добо являются оплотомъ магометанства на Ару. Впрочемъ, успѣхи мусульманской пропаганды среди аруанцевъ до сихъ поръ очень незначительны. Магометанами на аруанскихъ о-вахъ являются почти исключительно пришлые малайцы, обосновавшіеся на архипелагѣ, каковы бугисы, бутонцы, салейерцы и т. д. Самангъ для подобной пропаганды несомнѣнно болѣе удобный пунктъ, чѣмъ Добо, такъ какъ расположенъ въ мѣстности, населенной настоящими аруанцами, которыхъ уже нѣтъ около Добо.

Конечно, благодаря только вліянію орангкайи Samang'a, жители селеній сосѣднихъ острововъ Oedjir и Wasir, а также на о. Kola (къ сѣв. отъ Вокама) считаются магометанами.

Рядомъ съ мусульманской пропагандой на Ару идетъ проповѣдь христіанства. Миссіонерами, или какъ ихъ здѣсь называютъ «пандитами», являются амбоинцы, которые служатъ и учителями въ школахъ, устроенныхъ протестанскими общинами въ нѣкоторыхъ пунктахъ архипелага.

Нужно сознаться, что христіанство съ трудомъ прививается среди аруанцевъ: до сихъ поръ христіанскіе миссіонеры достигли, какъ меня увѣряли, нѣкоторыхъ успѣховъ лишь въ сосѣднихъ съ Добо селеніяхъ на о. Ваммарѣ—Wangil, Doerdjela и Fatoerei, въ нѣкоторыхъ прибрежныхъ пунктахъ о. Вокама (сел. Wokam, Djaboelingan и Toengoen), въ сел. Maikor на островѣ того же имени и въ двухъ селеніяхъ о. Трангана—въ Bindjina и Kongan. Таковы оффиціальныя свѣдѣнія, добытыя мною отъ контролера въ Кей.

Считаю справедливымъ и умѣстнымъ замѣтить отъ себя, что успѣхъ христіанскихъ миссіонеровъ, достигнутый ими среди населенія упомянутыхъ селеній тоже весьма таки призраченъ и существуетъ только на бумагѣ. Я видѣлъ много туземцевъ-«христіанъ», изъ Bindjin'ы, Djaboelingan'a и Kongan'a и думаю, что они недалеко ушли отъ своихъ сосѣдей альфуровъ по религіознымъ представленіямъ.

Аруанцы-дикари. Они, мнѣ кажется, не въ состояніи еще постигнуть такихъ сложныхъ и запутанныхъ понятій, какія имѣются и въ христіанствѣ, и въ исламѣ, и во всякой другой современной религіи. Я всегда старался добиться у аруанцевъ о томъ, чему они поклоняются и есть ли у нихъ вообще какія-либо опредѣленныя религіозныя представленія. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ удавалось добиться толку, да и то успѣхъ бывалъ невеликъ. Богъ и луна—вотъ предметы поклоненія у нѣкоторыхъ племенъ, поклоненія грубаго, чисто матеріалистическаго. Аруанецъ, какъ настоящій дикарь, чтитъ и поклоняется тому, чего боится или чему удивляется, а въ общемъ относится ко всему довольно-таки апатично. Я бы имѣлъ даже склонность думать, что аруанцы ничему не поклоняются и ничего не боятся. Думаю

я, что въ лучшемъ случаѣ, т. е. если аруанецъ понялъ самыя основныя положенія религій ислама или христіанства, то онъ можетъ считаться съ такимъ же правомъ христіаниномъ, какъ и магометаниномъ, ибо онъ усвоилъ только тѣ основы, которыя по существу въ обоихъ религіяхъ одинаковы.

Въ первый же день моего пребыванія въ Самангѣ я убѣдился, что это мѣсто очень удобно для коллектированія. Деревня расположена на плоскомъ песчаномъ берегу моря, на опушкѣ лѣса. Берегъ сѣвернѣе селенія начинаетъ подниматься и скоро падаетъ довольно высокими склонами къ морю. По нимъ отъ самой воды около Саманга начинается уже растительность. Сперва цѣлые ряды стройныхъ кокосовыхъ пальмъ, заросли казуаринъ, etc., а немного дальше опушка настоящаго, глухого лѣса.

По утрамъ, пока не жарко, кругомъ деревни стонъ стоитъ отъ птичьихъ голосовъ—гудятъ огромные плодоядные голуби *(Carpophaga concinna)*, пронзительно кричатъ бѣлые какаду *(Cacatua triton)*, попугаи—*Eclectus* и красивые, зеленые *Geoffroyus*. Изящныя лори летаютъ цѣлыми стадами по лѣсу. Мелкихъ птицъ всюду въ чащѣ лѣса и по опушкамъ множество—въ первую же экскурсію я возвратился обвѣшанный добычей.

Зато вначалѣ я нѣсколько разочаровался въ своихъ надеждахъ на хорошіе сборы насѣкомыхъ. Нѣкоторые отряды ихъ, напр. *Coleoptera* здѣсь почти совершенно отсутствовали; представители другихъ, какъ напр. *Orthoptera*, попадались на глаза тоже нечасто, крупныя же формы прямокрылыхъ и вовсе не попадались на глаза. Но, пробывъ въ Самангѣ два, три дня я увидалъ, что и насѣкомыхъ можно здѣсь собрать достаточное количество, въ особенности *Lepidoptera*. Пожалуй, нигдѣ на Ару я не встрѣчалъ такого количества большихъ, красивыхъ бабочекъ, какъ въ окрестностяхъ Саманга. На опушкахъ, ярко освѣщенныхъ солнцемъ, постоянно ловилъ я роскошныхъ *Ornithoptera*, красивыхъ *P. ulysses*, изящныхъ *P. polydorus*, *P. nicanor* Feld., *P. agamemnon* L., замѣчательныхъ по своимъ краскамъ *Hypolymnas bolina* L. — бархатно-черныхъ съ фіолетовыми пятнами — и другихъ *Nymphalidae:* изящныхъ *Parthenos*, яркихъ *Cethosia cydippe* L., *Lethe* и др.

Изъ мелкихъ бабочекъ, въ изобиліи встрѣчавшихся мнѣ во время экскурсій, назову различныхъ *Danaidae* — *Euploea*, *Idiopsis*, *Danais*, оригинальныхъ глазчатыхъ *Tenaris urania*, свѣтлыхъ *Pieridae* — *Tachyris* и др.

Очень богато также представлена была здѣсь фауна *пауковъ*. Разнообразіе формъ ихъ удивительное. Среди нихъ многіе блещутъ самыми яркими красками, иные бросаются въ глаза особыми придатками на абдоменахъ въ видѣ выростовъ, роговъ, бугорковъ и т. д. Въ особенности много было въ лѣсу маленькихъ, блестящихъ металлическими оттѣнками, скачущихъ паучковъ, живущихъ въ цвѣтахъ.

Вся жизнь здѣсь сосредоточена на опушкѣ лѣса и на лѣсныхъ полянахъ, ярко освѣщенныхъ солнцемъ.

Въ глухой, темной чащѣ лѣса рѣдко увидишь что-нибудь, зато, повторяю, на его опушкѣ жизнь кипитъ ключемъ: мелькаютъ яркія бабочки, скачутъ блестящіе паучки, въ кустахъ копошатся, неуклюже переползая съ вѣтки на вѣтку, мелкія сучко-подобныя *фасмиды*, летаютъ оригинальные рогатые *Centrotus*, трещатъ кузнечики, прыгаютъ съ листа на листъ быстрыя, какъ молнія цикады *Membracidae*.

Особенно усердно коллектировалъ я, какъ всегда, птицъ. Какъ уже было сказано выше, въ окрестныхъ лѣсахъ ихъ множество и каждая экскурсія съ ружьемъ давала мнѣ все новыя и новыя формы. Я добылъ здѣсь три вида зимородковъ, нѣсколько видовъ голубей (*Carpophaga concinna Wall*, *C. zoeae* и *Macropygia* spec.), нѣсколько видовъ попугаевъ (*Cacatua triton*, *Eclectus pectoralis*, *Geoffroyus aruensis*, *Trichoglossus* и др.), прекрасныхъ нектарницъ, мухоловокъ, (изъ послѣднихъ особенно характерна здѣсь роскошная *Monarcha*), сорокопутовъ и много другихъ. Ежедневно, словомъ, я добывалъ столько птицъ, что не успѣвалъ ихъ препарировать.

Въ первый же день моего пріѣзда въ Самангъ мой радушный хозяинъ орангкайя Latetein разослалъ своихъ людей по лѣсу искать токовищъ райскихъ птицъ. Но поиски ихъ не увѣнчались успѣхомъ. Оказалось, что вблизи отъ Саманга всѣ райскія птицы были уже задолго до моего пріѣзда перестрѣляны туземцами, ни одна изъ нихъ уже больше не «танцовала» [1]). Да и вообще нужно замѣтить, большія райскія птицы *(P. apoda L.)* въ окрестностяхъ Саманга встрѣчаются теперь рѣдко: здѣсь онѣ уже поуничтожены. Чтобы наблюдать ихъ, нужно отправляться или вглубь острова Вокама, или на Коброръ; главнымъ же образомъ *P. apoda* встрѣчается въ лѣсахъ Трангана. На Транганѣ—самомъ южномъ изъ острововъ «Tahna besaar» Ару, до сихъ поръ *P. apoda* не составляетъ рѣдкости. Впрочемъ и внутри острова Коброра, какъ я убѣдился въ томъ впослѣдствіи, большая райская птица встрѣчается въ довольно большомъ количествѣ.

Среди туземцевъ Ару большая райская птица извѣстна подъ именемъ «*fanéan*». Впрочемъ, этимъ именемъ зовутъ лишь самцовъ, самки носятъ другое названіе. Ихъ зовутъ «*gobak*».

Итакъ во время пребыванія въ Самангѣ мнѣ такъ и не удалось познакомиться съ райской птицей. Зато я встрѣтился здѣсь съ двумя другими оригинальными представителями аруанской орнитофауны — *казуаромъ* и *большеногомъ* (*Megapodius*).

---

1) Про токъ райскихъ птицъ малайцы иначе не говорятъ, какъ «dansa», что значитъ танцовать. Аруанцы называютъ токъ парадизокъ «чаккалеле».

На островахъ Ару встрѣчается нѣсколько видовъ казуара. Въ сочиненіи, Salvadori (Ornitologia della Papuasia e della Molucchi) приводится четыре вида. На мелкихъ островахъ эта птица, повидимому, не водится.

Правда Rosenberg упоминаетъ о томъ, что добылъ взрослую самку казуара въ лѣсахъ о. Wammer'a, но это было еще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ настоящее же время встрѣтить казуара около Добо вещь совершенно невозможная.

На мелкихъ островахъ Blakang tahn'ы этой птицѣ и вовсе негдѣ жить—тамъ для нея совсѣмъ неподходящія мѣстныя условія. Зато въ глухихъ лѣсахъ Tahna besaar казуаръ до сихъ поръ не составляетъ большой рѣдкости. Конечно, для того чтобы встрѣтиться съ этой птицей нужно итти вглубь лѣса; близко отъ селеній или отъ берега моря казуары не держатся. Это — жители глухихъ лѣсовъ, птицы крайне осторожныя. Въ непосредственной близости отъ Samang'a ихъ тоже, конечно, нѣтъ, но если углубиться въ лѣсъ на разстояніи полудня пути, т. е., сдѣлавъ путешествіе верстъ въ 10—12 въ одинъ конецъ по чащѣ, то можно надѣяться, если не увидѣть самихъ птицъ, то найти ихъ гнѣзда.

Въ окрестностяхъ Samang'a мнѣ такъ и не удалось встрѣтиться съ казуаромъ, зато въ послѣдствіи въ лѣсахъ Коброра я видалъ эту птицу и даже застрѣлилъ огромную самку.

Живя въ Добо и въ Самангѣ, я нерѣдко пріобрѣталъ у туземцевъ огромныя казуаровыя яйца. Ихъ цѣнность въ Добо достигаетъ 40 — 50 центовъ за штуку. Разспросивъ орангкайю, я узналъ, что добыть самому казуаровыя яйца довольно трудно, такъ какъ для этого необходимо сдѣлать болѣе или менѣе отдаленную экскурсію вглубь лѣса. Подобная экскурсія во всѣхъ отношеніяхъ давно уже прельщала меня и я не преминулъ ее осуществить на дѣлѣ. Орангкайя далъ мнѣ въ проводники и помощники двухъ туземцевъ и я отправился изъ Samang'a на сѣверо-востокъ вглубь Вокама.

Цѣлью моей экскурсіи было собрать на мѣстѣ матеріалъ для эмбріологіи *казуара* и *Megapodius*. Для этой цѣли орангкайя и далъ мнѣ въ помощники двухъ своихъ людей, спеціалистовъ по части разыскиванія яицъ казуара и большеноговъ.

Первоначально я предполагалъ отлучиться изъ Саманга дня на два, но, попавъ въ глушь тропическаго лѣса, увлекся новой обстановкой и значительно вышелъ изъ положенныхъ границъ. Моя экскурсія продолжалась около пяти сутокъ; все это время мы пробыли въ дѣвственномъ лѣсу, не встрѣтивъ ни одного людского жилья, ни одного осѣдлаго туземца.

Характеръ лѣса довольно однообразенъ. Большею частью онъ состоитъ изъ гладкоствольныхъ древесныхъ породъ, среди которыхъ видное мѣсто въ

количественномъ отношеніи занимаютъ различныя *акаціи*, мѣстами разнообразные *фикусы*, мѣстами *казуарины* съ ихъ оригинальною листвою. Зачастую можно встрѣтить въ лѣсу огромныя деревья толщиною въ нѣсколько обхватовъ, но по большей части древесные стволы сравнительноо не велики. Иногда даже цѣлыя обширныя площади заняты мелколѣсьемъ, очень напоминающимъ по внѣшнему виду наши подростающія березовыя, осиновыя или ольховыя рощи. Зато въ иныхъ мѣстахъ лѣса растительность достигаетъ необычайно пышнаго развитія — между лѣсными гигантами, каковы громадные *Sterculia*, оригинальные *Schizolobium*, *Eucaliptus*, *Albizzia*, обвитыми ліанами, густо покрытыми эпифитами, въ изобиліи встрѣчаются превосходные *Cycas*, роскошные *древовидные папортники*, изъ которыхъ нѣкоторые экземпляры достигаютъ въ высоту 15—20 аршинъ, и скорѣе походятъ на стройныя пальмы, чѣмъ на папортники; причудливые *панданусы*, низкорослыя *саговыя пальмы (Metroxylon)*. Въ лѣсной чащѣ встрѣчается не мало фруктовыхъ деревьевъ—я не разъ встрѣчалъ и *нанку (Artocarpus intergrifolia)* съ ея огромными плодами, покрытыми колючей кожурой, и *канаріевыя деревья* (*Canarium*), и дуріанъ *(Durio zibethinus)* и много другихъ, названій которыхъ я не знаю. Лишь кое гдѣ въ лѣсу попадаются полянки и прогалины— общій же характеръ ландшафта — густая чаща, по которой временами съ трудомъ можно двигаться — настолько густо переплетаются между собою ліаны и другія вьющіяся растенія, изъ за зелени которыхъ подчасъ бываетъ совершенно не видно древесныхъ стволовъ. Интересенъ здѣсь характеръ древесной листвы—нужно замѣтить, что разнообразіе формы листьевъ въ лѣсу удивительное—для новичка мѣстами лѣсъ производитъ впечатлѣніе огромнаго запущеннаго ботаническаго сада. Типичный тропическій лѣсъ главнымъ образомъ и характеризуется разнообразіемъ и богатствомъ составляющихъ его древесныхъ породъ. Господствующій цвѣтъ листвы— темно-зеленый или, наоборотъ, ярко-изумрудный. Въ большинствѣ случаевъ листья характеризуются изяществомъ формъ и красивыми очертаніями и, что характерно, — очень часто блестящею глянцевитою поверхностью. Листья нѣкоторыхъ деревьевъ поражаютъ своими размѣрами, достигая въ длину до полуаршина и болѣе при соотвѣтственной ширинѣ. Таковы, напримѣръ, листья нѣкоторыхъ фикусовъ и *Araceae*.

Однажды среди лѣса мы наткнулись на интересныя деревья, которыхъ туземцы, во время скитаній по лѣсамъ, старательно избѣгаютъ. Это были знаменитые «kakal momotin», о которыхъ мнѣ очень много разсказывалъ въ Самангѣ Latetein. По его словамъ, дерево «kakal momotin» чрезвычайно ядовито и опасно для человѣка: «достаточно пройти мимо этого дерева, чтобы умереть», говорилъ старикъ. Всѣ избѣгаютъ этихъ страшныхъ деревьевъ, только странствующіе по лѣсу дикари «orang hutang» знаютъ

средство даже безопасно отломить отъ kakal momotin'a куски коры или вѣтку. Услугами этихъ дикарей пользуются иногда осѣдлые туземцы, чтобы раздобыть кусокъ ядовитаго дерева. Это страшное средство употребляется ими въ войнѣ съ врагами. Однажды, по словамъ Latetein'a, цѣлое селеніе на одномъ изъ сѣверныхъ островов вымерло, благодаря тому, что сосѣди заразили рѣку, набросавъ въ воду кусочки kakal momotin, добытые отъ лѣсныхъ дикарей Вокама.

Въ сѣверной части архипелага, въ глуши лѣсовъ Wodo-wodo (или Godo-godo, не могу ручаться за произношеніе) растутъ особенно ядовитыя деревья «kakal momotin». Къ этимъ деревьямъ тамъ рѣдко кто возьмется даже провести—такой страхъ чувствуютъ туземцы передъ страшнымъ деревомъ. Мнѣ передавали, что даже другія деревья не могутъ расти въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ kakal momotin'омъ.

Я убѣжденъ, конечно, что приведенныя разсказы туземцевъ преувеличены; но что «kakal momotin» дѣйствительно ядовитъ, въ этомъ я ни мало не сомнѣваюсь.

Около деревьевъ, которыя я лично видѣлъ, лежали два трупа кабановъ, быть можетъ приходившихъ полакомиться ихъ корнями или молодыми побѣгами. Я намѣревался впослѣдствіи раздобыть листья и даже цвѣты этихъ деревьевъ, чтобы потомъ узнать, что это за растеніе, но мое намѣреніе такъ и осталось намѣреніемъ. Въ Wodo-Wodo я не попалъ, а около Саманга «kakal momotin» больше не встрѣчалъ. Въ другихъ же частяхъ Ару, повидимому, и вовсе никто не знаетъ этого дерева, или же оно быть можетъ, извѣстно тамъ подъ другимъ именемъ.

Обыкновенно мы двигались въ продолженіи пяти—четырехъ часовъ въ сутки, дѣлая въ общемъ никакъ не болѣе двухъ верстъ въ часъ. Мѣстами, когда лѣсъ становился рѣже, итти было легче и тогда мы подвигались довольно быстро. Къ полудню нашъ маленькій караванъ останавливался обыкновенно для привала и ночевки: приготовляли обѣдъ—варили рисъ, жарили убитыхъ птицъ, иногда оленину или кусокъ кабана, — по большей же части обѣдъ составляли большіе голуби—все тѣ же *Carpophaga*, очень многочисленные въ этихъ лѣсахъ. Остатокъ дня проходилъ въ экскурсіяхъ: аруанцы искали гнѣзда казуара или большеноговъ, я собиралъ насѣкомыхъ, стрѣлялъ птицъ, которыхъ здѣсь мѣстами множество. Вечеръ проводили у костра за кружками чая, который я быстро пріучилъ пить моихъ проводниковъ аруанцевъ. Работы всегда бывало достаточно — приходилось препарировать убитыхъ птицъ, укладывать собранныхъ насѣкомыхъ, набивать патроны, фиксировать собранный научный матеріалъ.

Я уже говорилъ, что одною изъ задачъ этой экскурсіи было собрать матеріалъ по эмбріональному развитію Casuarius. Вотъ почему мы

усердно искали ихъ гнѣзда. Найти гнѣзда казуара вовсе не легко, но все же за все время экскурсіи такихъ удачныхъ дней было четыре—было найдено пять гнѣздъ, причемъ всего навсего добыто было 17 яицъ.

Гнѣзда казуара, найденныя моими охотниками и осмотрѣнныя мною, помѣщались подъ деревьями въ очень глухихъ уголкахъ лѣса и были всегда хорошо скрыты между корнями большихъ древесныхъ стволовъ. Гнѣздо обыкновенно представляетъ собою ямку, вырытую, очевидно, самою птицею въ землѣ. Яйца лежатъ въ гнѣздѣ на сухихъ листьяхъ, ничѣмъ не прикрытыя. Какой нибудь правильности въ расположеніи яицъ въ гнѣздѣ я не могъ замѣтить. Въ этомъ отношеніи мои наблюденія не сходятся съ тѣми данными, которыя приводятся въ сочиненіи Salvadori. (*Salvadori*—Ornitologia della Papuasia e della Molucche).

Яйца прекраснаго зеленаго цвѣта съ очень крѣпкой, крупно зернистой скорлупой. Неровность послѣдней такъ велика (ея поверхность покрыта массой мелкихъ бугорковъ), что издали яйцо кажется пятнистымъ. Яйца довольно сильно разнятся между собой по величинѣ и по цвѣту—одни изъ нихъ очень темныя, густого зеленаго цвѣта, другія болѣе свѣтлыхъ оттѣнковъ. Свѣжія и сохраняемыя въ темномъ мѣстѣ, яйца сохраняютъ свѣжесть и яркость окраски, старыя же яйца, въ особенности очень долго лежавшія на солнцѣ, теряютъ свой цвѣтъ, дѣлаются грязно оливковыми и тускнѣютъ.

Всѣ добытыя яйца были сильно насижены—лишь одна серія, состоящая изъ четырехъ яицъ, дала мнѣ зародышей, находившихся на сравнительно ранней стадіи развитія.

Препарировка зародышей и фиксированіе матеріала производились, конечно, на мѣстѣ. По извлеченіи большихъ зародышей остатки содержимаго яицъ поѣдались моими аруанцами, которые вообще не прихотливы на пищу. Свѣжія же казуаровыя яйца и для меня составляли лакомство.

Мнѣ очень хотѣлось добыть самого казуара, или хотя бы даже посмотрѣть на него въ лѣсу, но эта задача оказалась въ высшей степени трудною и на этотъ разъ даже невыполнимою. Казуаръ—какъ я уже говорилъ выше, птица чрезвычайно осторожная и встрѣтиться съ нимъ въ лѣсу лицомъ къ лицу—большая случайность. Однажды, правда, мы вспугнули птицу, повидимому, съ гнѣзда, но такъ и не видали ея—слышенъ былъ только трескъ сучьевъ и тяжелый шумъ ея ногъ гдѣ то по близости. Впослѣдствіи въ лѣсахъ Коброра мнѣ все-таки удалось, но и то опять таки совершенно случайно встрѣтить казуара съ тремя маленькими, повидимому, недавно вылупившимися птенцами. Птенцовъ не безъ труда изловили туземцы, по проворству не уступающіе казуарятамъ, взрослую же самку мнѣ удалось застрѣлить картечью. Это былъ единственный случай, когда мнѣ случилось,

да и то впродолженіи не болѣе нѣсколькихъ секундъ, полюбоваться на волѣ царемъ пернатаго царства дѣвственныхъ аруанскихъ лѣсовъ.

Если въ лѣсахъ около Саманга трудно встрѣтиться съ казуаромъ, то зато нѣтъ ничего легче познакомиться съ другимъ характернымъ представителемъ аруанской авифауны — оригинальнымъ *джангулемъ*. Именемъ «*djangul*», а также «*sekaul*», на Ару туземцы называютъ одного изъ представителей большеноговъ—*Megapodiidae*, именно представителя рода *Megapodius*. Представители этой интересной группы живутъ исключительно въ Австралійской области, населяя лѣса сѣвернаго побережья Австраліи, островъ Новую Гвинею и прилегающіе острова. Они живутъ на всѣхъ островахъ Папуасіи—Вайгіу, Салавати, Ару, Кей, на островахъ Гильвичскаго залива и т. п. Нѣкоторые виды распространены на Молуккахъ и даже на Ломбокѣ и о. Целебесѣ. Въ сѣверной части послѣдняго извѣстенъ представитель Megapodiidae — интересный малео — *Megacephalon rubripes*. На западныхъ островахъ Малайскаго Архипелага — на Явѣ, Суматрѣ, Борнео — эти птицы совершенно отсутствуютъ.

Я встрѣтился мелькомъ съ этой птицей еще на о-вахъ Кей, здѣсь же на Ару имѣлъ случай познакомиться съ нею гораздо ближе. Это очень обыкновенная птица всюду на Аруанскомъ архипелагѣ. Она встрѣчается, какъ на островахъ Tahna besaar (на Вокамѣ и Коборѣ я встрѣчалъ ихъ всюду), такъ и на мелкихъ островахъ, гдѣ только есть лѣса. Не знаю, водятся ли большеноги на Blakang Tahna, но думаю, что можно рѣшить этотъ вопросъ утвердительно. Среди аруанскихъ малайцевъ-бугисовъ Добо эта птица извѣстна подъ именемъ «*bunbungan*». Ее знаетъ каждый обыватель Ару — старый и малый. Всѣмъ извѣстна эта оригинальная птица, кладущая несоразмѣрно огромныя яйца въ гнѣзда, подобныя курганамъ. Яйца эти составили бы лакомое блюдо для любого гастронома, не только для туземцевъ и, разумѣется, каждый изъ нихъ не пропускаетъ случая ими полакомиться.

На Ару живутъ два представителя семейства *Megapodiidae* — *Megapodius dupereyi* и *Talegallus kuvièri*. Первую зовутъ *djangul*, (въ Самангѣ *sekaul*[1])), а вторую *Kamur*.

Еще раньше, бродя въ лѣсу около Туаля на о-вахъ Кей, во время остановки на этихъ островахъ, я встрѣчалъ въ чащѣ огромныя кучи земли, листьевъ и всякаго мусора, нагроможденныхъ въ видѣ громадныхъ кургановъ. Курганы эти подчасъ достигли поистинѣ почтенныхъ размѣровъ — до десяти аршинъ въ діаметрѣ, при высотѣ въ три, четыре аршина. Эти

1) Названіе djangul болѣе употребительно, чѣмъ sekaul. Называли мнѣ большенога послѣднимъ именемъ лишь туземцы западнаго Вокама. *Rosenberg* тоже приводитъ лишь названіе djangul, совсѣмъ не упоминая второго туземнаго названія, которое ему осталось неизвѣстнымъ.

курганы къ моему изумленію оказались постройками птицъ. Предо мною, дѣйствительно, были гнѣзда сорныхъ куръ или большеноговъ, которыхъ туземцы Кей называли «*kwaat*». Не смотря на то, что я не разъ читалъ и слышалъ объ этихъ удивительныхъ сооруженіяхъ, мнѣ долго не вѣрилось, что предо мною гнѣзда птицы, а не курганы, насыпанные людьми. Только тогда, когда на моихъ глазахъ въ окрестностяхъ Саманга туземецъ, раскопавъ руками одно изъ такихъ гнѣздъ, вытащилъ изъ земли одно за другимъ три большихъ красивыхъ яйца — мои невольныя сомнѣнія разсѣялись.

Гнѣзда большеноговъ, эти огромныя кучи земли и мусора, строятся, (между прочимъ и по моимъ собственнымъ наблюденіямъ), не одною птицею, а цѣлымъ обществомъ ихъ. Это общественныя постройки. Десятки птицъ нагребаютъ при помощи своихъ сильныхъ ногъ охапки сухихъ листьевъ, земли, перегноя, сучьевъ и т. д. Въ эти то вначалѣ небольшія кучки самки кладутъ свои яйца. Начатое гнѣздо—куча не оставляется, а, наоборотъ, въ слѣдующемъ году сюда снова собираются на токовище десятки птицъ и продолжаютъ работу. Ежегодно размѣръ кучи все увеличивается, съ каждымъ годомъ гнѣздо растетъ и, наконецъ, достигаетъ поистинѣ гигантскихъ размѣровъ.

Положивши яйца птицы ихъ оставляютъ на произволъ судьбы. Внутри гнѣзда развивается теплота—на глубинѣ аршина въ центрѣ кучи мой термометръ Цельсія показывалъ въ трехъ случаяхъ 38,6°, обычно же температура доходитъ здѣсь до 40° С.

Подъ вліяніемъ развивающейся внутри мусорной кучи теплоты развитіе зародыша идетъ своимъ обычнымъ ходомъ. Вылупившіеся птенцы вылѣзаютъ изъ подъ земли благодаря своей собственной энергіи и тотчасъ же начинаютъ вести самостоятельный образъ жизни.

Несомнѣнно, требуются большія усилія со стороны птенца, чтобы выбраться наружу — яйца обыкновенно лежатъ довольно глубоко отъ поверхности земли. Мнѣ приходилось видѣть, какъ туземцы выкапывали ихъ съ глубины аршина и болѣе. При этомъ нужно еще замѣтить, что постройка гнѣзда вовсе не такая рыхлая, какъ это можно было бы иногда думать — я находилъ гнѣзда, почти цѣликомъ насыпанныя изъ земли, да притомъ еще земли, довольно сильно слежавшейся. При этомъ условіи птенецъ, вылупившійся изъ яйца, долженъ быть достаточно крѣпкимъ, чтобы выбраться изъ своей могилы на свѣтъ Божій. Было бы очень интересно провѣрить данныя нѣкоторыхъ наблюдателей, по изслѣдованію которыхъ птенецъ выходитъ изъ яйца уже вылинявшимъ. Дѣйствительно, есть серьезныя данныя предполагать, что линька у большеноговъ происходитъ во время пребыванія въ яйцѣ.

Одинъ изъ представителей Megapodiidae — *Megapodius wallacei*, живущій на Молуккахъ, не строитъ гнѣздъ холмовъ. Этотъ большеногъ для кладки яицъ приходитъ изъ лѣсу на берегъ моря и зарываетъ свои яйца въ песокъ.

Въ песокъ кладетъ яйца и целебесскій малео—*Megacephalon rubripes*.

Во время экскурсіи по лѣсамъ Вокама я собралъ значительный матеріалъ по развитію *Megapodius*; изъ одного только гнѣзда мои аруанцы выкопали до десятка яицъ. По изслѣдованіи многихъ гнѣздъ оказалось, что въ большинствѣ случаевъ всѣ яйца, содержавшіяся въ нихъ, были на разныхъ стадіяхъ развитія — въ однихъ находились уже хорошо развитые цыплята, въ другихъ едва можно было различить зачатокъ примитивной бороздки.

Яйца *Megapodius*, равно какъ и *Talegallus*, красиваго кирпично-краснаго цвѣта; окраска эта можетъ пропасть, если долго подвергать яйцо дѣйствію солнечнаго свѣта. Скорлупа яицъ очень ровная, матовая. Среди найденныхъ мною яицъ два яйца рѣзко отличались отъ остальныхъ своею совершенно бѣлой скорлупой. Замѣчу, что раньше я видѣлъ яйца *Megapodius* съ о. Амбоины. Яйца эти тоже были совершенно бѣлыя.

Форма яицъ правильно овальная. Размѣръ ихъ болѣе или менѣе постояненъ: длина яицъ по наибольшему діаметру колеблется въ предѣлахъ отъ 7,5 снм. до 8,5 снм.; по наименьшему — отъ 6 снм. до 6,5.

Яйца *Megapodius* и *Talegallus*, какъ я уже говорилъ, составляютъ лакомую пищу туземцевъ Ару. За ними охотятся и старый и малый. Яйца выкапываютъ изъ гнѣздъ сотнями — удивительно, какъ еще до сихъ поръ эти интересныя птицы не истреблены въ здѣшнихъ лѣсахъ. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онѣ уже сдѣлались рѣдкими, но вообще то, до сихъ поръ *Megapodius* является довольно обыкновенной птицей на Ару, равно какъ и *Talegallus*. Я лично встрѣчалъ, правда, *Talegallus* гораздо рѣже, чѣмъ *Megapodius*, но говорятъ, что мѣстами kamur еще обыкновеннѣе djangul'я; повидимому, это относится къ Трангану и Майкору.

Вообще говоря, я вынесъ впечатлѣніе, что увидѣть djangul'я въ лѣсу дѣло не легкое. Эта птица чрезвычайно осторожна и держится въ очень глухихъ уголкахъ лѣса, въ частыхъ кустарникахъ. Повидимому, она любитъ близость воды. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ одинъ голосъ утверждаютъ туземцы; да и мнѣ лично почти всегда случалось находить djangul'ей неподалеку отъ берега моря, или какого-нибудь ручейка. По нравамъ djangul напоминаетъ нашего глухаря или рябчика. Вспугнутый съ земли онъ немедленно садится на дерево и сидитъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не миновала опасность и только тогда спускается внизъ. Заставить слетѣть djangul'я съ земли дѣло очень нелегкое — онъ предпочитаетъ спасаться бѣгствомъ по густому кустарнику и взлетаетъ лишь въ случаѣ крайности.

Впослѣдствіи на Коброрѣ, около Ванумбай я по вечерамъ охотился на камуровъ съ аруанцемъ, который днемъ замѣчалъ деревья, на которыхъ разсаживались эти птицы на ночлегъ. Подойти къ сидящему камуру не представляетъ труда — зачастую случалось находить его сидящимъ очень низко на суку и безъ труда, конечно, застрѣлить. Камуръ издаетъ очень характерный крикъ, по которому туземцы сразу опредѣляютъ, гдѣ находится птица.

Туземцы стрѣляютъ большеноговъ изъ луковъ, но эта охота недобычливая. Гораздо болѣе удачными являются ихъ охоты при помощи всевозможныхъ ловушекъ, капкановъ и т. д. На этотъ счетъ они, правда, тоже небольшіе мастера, но все же ловятъ очень много птицъ. Въ особенности губительны бываютъ для большеноговъ ловушки, устраиваемыя вокругъ гнѣздъ-холмовъ. Ловушка состоитъ въ томъ, что гибкія вѣтви растущихъ кругомъ гнѣзда кустарниковъ пригибаются къ землѣ и укрѣпляются въ этомъ положеніи небольшой дощечкой; къ концу согнутаго прута прикрѣплена петля изъ ротанга. Птица, пробѣгая мимо, наступаетъ на адскую машину— прутъ съ петлей выпрямляется и несчастный djangul оказывается повѣшеннымъ. Замѣчу, что наши русскіе крестьяне-промышленники придумали, независимо отъ аруанцевъ, совершенно такой же капканъ, съ помощью котораго ловятъ не меньше тетеревей и куропатокъ, чѣмъ аруанскіе охотники большеноговъ.

Въ лѣсахъ Коброра мнѣ удалось наблюдать рѣдкое зрѣлище токовища большеноговъ и я составилъ себѣ представленіе о постройкѣ гнѣздъ.

Однажды вечеромъ туземецъ провелъ меня къ мѣсту тока—иначе я не могу назвать того явленія, которое наблюдалъ. Ночью съ сосѣднихъ деревьевъ съ шумомъ, тяжело хлопая крыльями, стали слетаться djangul'и. Нѣкоторыя птицы прибѣгали пѣшкомъ; въ общемъ на небольшомъ участкѣ лѣса набралось до двухъ десятковъ большеноговъ, поднявшихъ ужасную возню. Въ лѣсу было такъ темно, что видѣть что-нибудь къ сожалѣнію не удалось; на разсвѣтѣ же между деревьями на недалекомъ отъ меня разстояніи суетилось нѣсколько djangul'ей около небольшихъ кучъ сухихъ листьевъ и земли, возвышавшихся неправильными холмиками неподалеку другъ отъ друга. Такихъ холмиковъ я насчиталъ до пяти. Цѣлое утро кругомъ пихъ бѣгали возбужденныя птицы, взрывая вокругъ себя цѣлыя тучи земли и листьевъ. Все пространство, занятое нагребенными за ночь кучками мусора, занимало въ окружности около двадцати шаговъ — очевидно здѣсь было заложено основаніе для будущаго холмика-гнѣзда.

Очень обыкновенны въ лѣсахъ Вокама различные попугаи. Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ является громадный черный какаду *Microglossus aterrimus* Gm. — я скажу о немъ больше при описаніи своихъ странствованій

по лѣсамъ Коброра. Тамъ онъ, повидимому, болѣе обыкновененъ, чѣмъ на Вокамѣ, гдѣ я наблюдалъ эту птицу всего три, четыре раза.

Несравненно болѣе обыкновенны другіе попугаи — бѣлые *Cacatua triton*, не любящіе глухой чащи и предпочитающіе ей свѣтлыя лѣсныя поляны и берегъ моря, красивые *Eclectus pectoralis*, *Geoffroyus*, *Trichoglossus*, *Eos* и др.

Моя орнитологическая коллекція обогатилась двумя видами зимородковъ—красивыми *Tanysiptera hydrocharis* G. R. Gr. и *Sauromarptis gaudichaudii* Quoy et Gaimard, по справедливости считаемымъ самымъ обыкновеннымъ зимородкомъ на о-вахъ Ару. Эту птицу я зачастую наблюдалъ прыгающею по землѣ въ лѣсу—она ищетъ здѣсь слизняковъ, насѣкомыхъ, червей, которые составляютъ ея пищу. Туземцы Ару называютъ ее «kakerdirder» («kakerderdar» по Rosenberg'у).

На Ару водятся еще нѣсколько представителей *Alcedinidae* — *Syma torotoro* Less. («Tentenlare»), *Sauropatis chloris* Bodd., *Ceyx solitaria* Temm., *Alcyone pusilla* Temm. *Sauromarptis tyro* G. R. Gr.

Мнѣ эти зимородки не попадались, хотя, повидимому, вовсе не рѣдки здѣсь.

Типичными представителями мѣстной Вокамской орнитологической фауны являются различные голуби — крупные *Carpophaga concinna* Wall. *C. zoeae* Less., *C. mülleri* Temm., кромѣ того болѣе мелкіе виды голубей *Macropygia*, *Phlogenas*, *Myristicivora*, *Henicophaps* и др.

Глава XIV.

Экскурсія на о. Уджиръ. Снова въ Добо.

Возвратившись въ Самангъ изъ экскурсіи во внутренность Вокама, я принялся за прерванныя работы на морѣ. У Latetein'а оказалась цѣлая флотилія лодокъ разной величины, начиная отъ небольшихъ челноковъ и до большого парусного баркаса, способнаго выдержать значительный морской переходъ. Любезный хозяинъ предоставилъ въ мое распоряженіе любое судно изъ своей флотиліи и даже далъ человѣка.

Я ежедневно немного драгировалъ, но совершенно безъ успѣха; все, что попадалось въ драгу, не заслуживало вниманія. Микроскопа со мной не было; онъ остался въ Добо на храненіи у Baâdill'ы. Здѣсь между прочимъ я нѣсколько дней посвятилъ на опыты съ введеніемъ кармина и другихъ реактивовъ различнымъ безпозвоночнымъ, съ цѣлью изученія ихъ выдѣлительныхъ и фагоцитарныхъ органовъ.

Однажды орангкайя предложилъ мнѣ сопровождать его сыновей на

лежащій противъ Саманга островокъ Уджиръ. Цѣль этой маленькой экспедиціи, посылаемой орангкайей на островъ, была чисто охотничьяго характера. Въ домѣ нѣсколько дней чувствовался недостатокъ въ мясѣ (убитаго мною кабана Latetein, какъ истый мусульманинъ, ѣсть не сталъ), и рѣшено было раздобыть оленины, что легче всего было сдѣлать на Уджирѣ, изобилующемъ дичью.

Отъ Саманга до Уджира не больше трехъ часовъ пути на веслахъ. При хорошемъ вѣтрѣ мы добрались до острова менѣе, чѣмъ въ часъ на парусѣ. Наша лодка пристала къ песчаной береговой косѣ. Весь берегъ почти до самой воды былъ покрытъ лѣсомъ. Наша компанія выгрузила содержимое лодки на коралловый песокъ и перетащила въ лѣсъ, гдѣ все было спрятано въ укромномъ мѣстѣ.

На берегу не было видно и признаковъ жилья, какъ и вообще присутствія человѣка; тѣмъ не менѣе, вступивъ въ лѣсъ, были приняты «чрезвычайныя» мѣры предосторожности. Подобная предусмотрительность была вызвана стеченіемъ обстоятельствъ, весьма безпокоившихъ орангкайю и его семейство. Дѣло въ томъ, что на островѣ вспыхнула война между двумя селеніями, враждовавшими изъ-за вопроса объ орангкайѣ. Вражда перешла незадолго до моего прибытія въ Самангъ въ военныя дѣйствія, какъ это постоянно бываетъ среди этихъ полудѣтей-туземцевъ. Для нихъ война своего рода развлеченіе, не причиняющее особыхъ потерь.

Послѣ часовой ходьбы по лѣсу мы вышли на обширную лѣсную поляну. Большая часть этой луговины была занята топкимъ болотомъ («Djof», какъ его назвали мнѣ мои спутники), покрытымъ травою; по краямъ травяное болото переходило въ обширныя пространства грязи — черной, липкой, заваленной древесными гніющими стволами. Вся эта грязь была избита ногами оленей — всюду были видны слѣды ихъ копытъ, кучи помета.

По грязи ходили большія стада крупныхъ, бѣлыхъ утокъ. Это были особыя казарки—*Tadorna radjah* Garnot. Этихъ утокъ малайцы называли «bebeh utan» а туземцы Вокама называли ихъ *birual*. Rosenberg приводитъ другое мѣстное названіе «bursil», которое я не слышалъ. Вѣроятно, подъ этимъ именемъ *Tadorna radjah* извѣстна въ другихъ частяхъ аруанскаго архипелага. *Tadorna radjah* очень крупная утка — въ длину она достигаетъ болѣе полуаршина (0,520 метра). Она широко распространена въ восточной части Малайскаго архипелага (Новая Гвинея, Молукки, острова Папуасіи) и Австраліи. Здѣсь на Уджирѣ эти птицы почти не боятся человѣка; онѣ подпускаютъ на открытомъ мѣстѣ шаговъ на 30—40, послѣ чего только взлетаютъ, да и то, пролетѣвъ шаговъ сотню, сейчасъ же опускаются на болото. При такихъ обстоятельствахъ мнѣ не стоило, разумѣется, ни малѣйшаго труда настрѣлять до десятка этихъ большихъ птицъ

добрая половина которыхъ тутъ же на мѣстѣ была выпотрошена и нашла себѣ подобающее примѣненіе.

Пока готовился обѣдъ, я побродилъ по болоту съ ружьемъ. Мое вниманіе привлекли мелкіе кулички, перелетающіе парочками по болоту. Не безъ особаго труда мнѣ удалось убить двухъ изъ этихъ птицъ — одинъ оказался самцомъ *Tringa subarquata*, вполнѣ вылинявшимъ, въ яркомъ опереніи, другой же былъ нашъ обыкновенный *фифи*—*Totanus glareola*. Не буду говорить о томъ, какъ пріятно такъ далеко отъ Россіи увидѣть столь хорошо знакомыхъ пичужекъ.

Остатокъ дня мы провели въ лѣсу. Весь островъ, или по крайней мѣрѣ, добрая его половина, которую я самъ посѣтилъ, представляетъ изъ себя холмы, покрытые невысокимъ, но густымъ лѣсомъ, изобилующимъ фруктовыми деревьями. Изъ невиданныхъ мною раньше фруктовъ назову оригинальные «лоби-лоби» — нѣчто вродѣ вишень на видъ. Это небольшіе красные плоды, растущіе на невысокихъ развѣсистыхъ деревьяхъ. Ихъ очень любятъ многія птицы — попугаи и голуби въ особенности.

Птицъ въ лѣсу довольно много — за эту экскурсію я добылъ около десятка видовъ—изъ нихъ нѣсколько попугаевъ, причемъ одинъ видъ пестраго длиннохвостаго *Trichoglossus*, *Cyclopsittacus* и маленькій *Nasiterna* были новыми для моей коллекціи. Между прочимъ крошечный попугайчикъ *Nasiterna* больше нигдѣ на Ару во время моихъ дальнѣйшихъ странствованій мнѣ не встрѣчался.

Одна изъ оригинальнѣйшихъ птицъ, встрѣченныхъ нами въ глуши лѣса—это великолѣпная *Pitta* (*P. novae guineae*). Повидимому, мѣстами она очень обыкновенна на Ару: впослѣдствіи я въ большомъ количествѣ нашелъ эту птицу около Ванумбай, на Коброрѣ (Rosenberg между прочимъ также указываетъ на это мѣсто нахожденія этой птицы) и Таджонгъ Лалау на Вокамѣ.

Эта красивая птичка роскошнаго зеленаго цвѣта съ бархатной черной головой постоянно держится на землѣ, среди густого кустарника и временами добыть ее не совсѣмъ легко. Когда она бѣжитъ по сухимъ листьямъ, подергивая своимъ хвостомъ, подобно плискѣ, и въ глаза бросается ярко красное подхвостье и брюшко, то положительно невозможно не обратить на нее вниманія.

Туземцы Коброра называютъ эту птицу «*Kaberber*».

Изъ голубей упомяну крупнаго *Carpophaga concinna*, который туземцы зовутъ «*Koubela*». Глухое, заунывное, очень характерное воркованье этой птицы, похожее на глухой, протяжный стонъ — такъ часто приходится слышать въ лѣсу.

Особенно былъ я доволенъ, когда одному изъ моихъ спутниковъ уда-

лось застрѣлить превосходнаго самца черной райской птицы — *Manucodia atra* Less, которую я долго тщетно пытался добыть въ лѣсахъ Вокама. Птица эта, повидимому, вовсе не рѣдка вообще на Ару и мою неудачу я объясняю простой случайностью; впослѣдствіи на Коборѣ мнѣ раза два туземцы приносили этихъ птицъ живыми въ Ванумбай.

Родъ *Manucodia* въ настоящее время орнитологи относятъ къ сем. *Paradiseidae.* Среди райскихъ птицъ помѣщаетъ ее и Salvadori, а въ послѣднее время и Rotschild въ своемъ извѣстномъ обзорѣ *Paradiseidae.*

Wallace однако отказывается считать *Manucodia* за настоящую райскую птицу.

Родъ этотъ и близкій къ нему родъ *Phonigamnus* насчитываетъ всего около 5 видовъ, распространенныхъ кромѣ Ару, еще на Новой Гвинеѣ.

Птицы эти интересны въ анатомическомъ отношеніи, отличаясь отъ всѣхъ другихъ райскихъ птицъ строеніемъ своихъ «Luftröhren», на что еще обратилъ вниманіе Rosenberg.

Какъ и всюду на Ару, въ лѣсахъ Уджира не рѣдко можно встрѣтить гнѣзда «*djangul*'я» (*Megapodius duperreyi*), котораго, какъ я уже упоминалъ выше, мѣстные туземцы называютъ *Sekaul*'емъ. Найденныя нами два гнѣзда были сразу моими спутниками признаны старыми. Я просилъ все же попробовать покопаться и убѣдился въ справедливости предположеній моихъ со товарищей по экскурсіи. Гнѣзда дѣйствительно оказались уже оставленными птицами; не смотря на то, что нами была выкопана яма глубиною въ два фута, яицъ въ гнѣздѣ не оказалось. Зато, разрывая землю и перегной, я собралъ цѣлую банку довольно крупныхъ *Diplopoda*, двухъ видовъ — одинъ изъ нихъ похожъ на нашего *Julus*, другой — плоской формы, съ боковыми придатками въ каждомъ сегментѣ — очень похожъ на обыкновеннаго *Polydesmus.* Первая форма, какъ я замѣтилъ, всегда во множествѣ встрѣчается въ покинутыхъ гнѣздахъ *Megapodiidae*; ихъ нерѣдко можно выкопать изъ мусора съ глубины 1—1½ арш.

Очень удачными оказались и мои энтомологическіе сборы за этотъ день. Вся почва въ лѣсу усыпана опавшими сухими листьями темно-бураго цвѣта, среди которыхъ, если внимательно приглядываться, можно найти массу интересныхъ прямокрылыхъ.

Я добылъ массу мелкихъ Acridiidae (*Oxya*, *Oxyrrhupes*, *Euprepocnemis?*), нѣсколько экземпляровъ интересныхъ сверчковъ *Cardiodactylus* (сем. *Eneopteridae*) очень похожаго на *C. novae guineae*, но съ болѣе свѣтлой окраской, множество мелкихъ *Tettigidae*, оригинальныхъ *Mastacidae*, съ гребнями на спинѣ, придающими насѣкомымъ видъ шлемовъ. Здѣсь же нашелъ я поразительныхъ *фасмидъ* — сходство ихъ съ сухими полусгнившими сучками не поддается описанію. Среди этихъ же коричневатыхъ, су-

хихъ листьевъ, покрывающихъ землю, водится еще насѣкомое, поистинѣ могущее служить типичнымъ примѣромъ мимикріи. Это тоже фасмида бураго цвѣта, совершенно подходящая подъ общій колоритъ почвы. Ея тораксъ сильно сплющенъ въ дорзовентральномъ направленіи и по краямъ образуетъ широкія пластинчатыя каемки, свернутыя въ трубку, подобно скрутившимся краямъ сухого листа. Крылья, закрывающія брюшко, тоже бураго цвѣта съ ясно выраженными жилками, чрезвычайно напоминающими иннервацію высохшаго листа. Это насѣкомое нигдѣ больше мнѣ не попадалось. Поймалъ я его совершенно случайно, сгребая кучи сухихъ листьевъ для просѣиванія въ сачкѣ съ цѣлью набрать мелкихъ жучковъ. Случайно среди одного вороха листьевъ оказалось въ сачкѣ и описанное насѣкомое, до сихъ поръ остающееся неопредѣленнымъ.

Энтомологическимъ сборамъ сильно препятствовали мои спутники, которымъ я, конечно, довольно таки мѣшалъ, задерживая движеніе компаніи, стремившейся неудержимо впередъ. На мои остановки стали смотрѣть снисходительно только тогда, когда цѣль экспедиціи можно было считать на половину достигнутой: мнѣ удалось убить случайно выскочившаго на меня большого оленя, а молодому сыну орангкайи — пару молодыхъ телятъ.

Орангкайя давно уже разсказывалъ мнѣ о богатствѣ дичью лѣсовъ Уджира. Posthouder зачастую ѣздитъ туда изъ Добо охотиться за оленями.

Оленей въ лѣсу оказалось дѣйствительно много. Нигдѣ на Ару такого количества ихъ я ни раньше, ни позже не встрѣчалъ. Достигнувъ чащи лѣса, мы положительно каждые полчаса ходьбы стали вспугивать въ чащѣ одного за другимъ этихъ животныхъ; но видѣть ихъ удалось всего раза три, четыре за весь день. Обыкновенно поднятый въ лѣсу звѣрь бросается безъ оглядки въ густую чащу и въ одно мгновеніе исчезаетъ. Убитый мною старый самецъ съ небольшими вѣтвистыми рогами былъ вспугнутъ отдѣлившеюся отъ насъ партіею охотниковъ и, убѣгая внѣ себя отъ страха, наткнулся прямо на насъ, на небольшой открытой лѣсной прогалинѣ.

Аруанскій олень—небольшихъ размѣровъ принадлежитъ, повидимому, къ виду, широко распространенному на островахъ Папуасіи и Молуккахъ; онъ должно быть, относится къ виду *Rusa moluccana*. Туземцы называютъ его «*руза*» («rusa»). На Аруанскомъ архипелагѣ его можно встрѣтить всюду, какъ на большихъ островахъ, такъ и на мелкихъ островкахъ, покрытыхъ лѣсомъ.

За весь день нашихъ скитаній по лѣсу мы не встрѣтили ни одного туземца, не видали ни одного селенія. Орангкайя говорилъ мнѣ, что на западной сторонѣ острова расположено селеніе Уджиръ, но до него мы

такъ и не добрались. Было уже поздно, когда мои спутники повернули назадъ изъ боязни натолкнуться на непріятность отъ той или другой изъ враждующихъ сторонъ. При малѣйшемъ подозрительномъ шорохѣ въ лѣсу сопровождавшіе меня люди орангкайи Саманга вздрагивали и тревожно осматривались кругомъ. Послѣдствія показали, что подозрительность ихъ имѣла основанія. Уже подходя къ берегу, я услышалъ впереди крики; подбѣжавши къ своимъ компаніонамъ, отъ которыхъ я немного отсталъ, я нашелъ ихъ въ большой тревогѣ. Оказалось, что, пробираясь по лѣсу, они подверглись неожиданному нападенію: въ одного изъ туземцевъ была пущена изъ чащи стрѣла, пролетѣвшая надъ его головой и съ силою вонзившаяся въ дерево. Самого нападавшаго никто не видѣлъ — онъ такъ же безшумно скрылся, какъ и появился. Лишь счастливый случай спасъ нашего спутника отъ вѣрной смерти. Стрѣла была пущена со страшной силой; ея деревянный наконечникъ, сдѣланный изъ древесины пиванга, отличающейся твердостью металла и усаженный зазубринами, вошелъ вершка на два въ стволъ дерева. Принявъ всѣ возможныя мѣры предосторожности, продолжали мы путь. Къ моему немалому удовольствію лѣсъ скоро кончился и мы вышли на открытое мѣсто, а вскорѣ достигли и берега моря. Дальнѣйшій путь уже поздно вечеромъ шелъ вдоль береговой линіи по коралловому песку. На берегу, по которому мы направились теперь къ оставленной лодкѣ, растетъ много кокосовыхъ пальмъ, панданусовъ, драценъ и т. д. Мангровъ, столь характерныхъ для нѣкоторыхъ побережій Аруанскихъ острововъ, здѣсь я не видалъ.

Лишь поздно ночью добрались мы до своей лодки; она стояла на совершенно обнаженныхъ коралловыхъ рифахъ — благодаря уже давно наступившему отливу значительная часть берега была осушена. Отправляться до наступленія прилива въ Самангъ было затруднительно. Рѣшили ждать утра. Остатокъ ночи вся наша компанія провела у костра за дружеской бесѣдой. Я затянулъ вполголоса какую-то изъ русскихъ пѣсенъ. Гдѣ-то вдали на морскомъ берегу стали кричать кулички перевозчики *(T. hypoleucos)*; ихъ знакомые съ дѣтства крики невольно переносили мое воображенье на берега верховья родной Волги, воскресили въ памяти родные мотивы, родные звуки....

Инцидентъ въ лѣсу служилъ темою для разговоровъ. Мои спутники были увѣрены, что нападеніе не было дѣломъ случая; всѣ были того мнѣнія, что нападавшій былъ однимъ изъ туземцевъ, ненавидѣвшихъ орангкайю Саманга и его семью и поэтому нападеніе было сдѣлано изъ мести. Возбужденіе моихъ сотоварищей по поѣздкѣ долго не проходило; угрожающіе жесты и взгляды ясно говорили, что удайся имъ поймать противника, ждать пощады послѣднему было бы наивностью, и я въ душѣ порадовался

за бѣднягу. Кто знаетъ, быть можетъ, онъ былъ вынужденъ рѣшиться на этотъ шагъ силою обстоятельствъ. Самый актъ мести, если есть на лицо достаточныя причины — а сколько ихъ можетъ быть при столь сложныхъ и своеобразныхъ отношеніяхъ между полудѣтьми дикарями и шайкой эксплуататоровъ малайцевъ! — въ обстановкѣ дѣвственнаго лѣса получаетъ нѣкоторое право на существованіе, регулируя въ этой варварской странѣ до извѣстной степени отношенія между слабыми и сильными....

Разговоръ коснулся «военныхъ дѣйствій» на Уджирѣ. Мнѣ разсказали, что войны между туземцами на Ару происходятъ постоянно. Въ данное время, напримѣръ, шли одновременно двѣ войны — одна здѣсь на Уджирѣ, другая — въ Blakang Tahn'ѣ между жителями двухъ острововъ — Meriri и Watoeleï, двумя старинными врагами. По слухамъ на этотъ разъ враждовавшія стороны бились тамъ съ особеннымъ ожесточеніемъ и орангкайя Саманга, въ вѣдѣніи котораго былъ островъ Meriri, собирался въ скоромъ времени, по настоянію Posthouder'a, ѣхать туда для увѣщанія воюющихъ сторонъ.

Какъ я узналъ потомъ, недѣли двѣ спустя послѣ моего посѣщенія Уджира, въ селеніе того же имени направился самъ Posthouder, собравши въ качествѣ охраны до сотни бугисовъ, бутонцевъ и салейерцевъ изъ Добо.

Вооруженная банда отплыла изъ Добо на шхунѣ Baadill'ы и возвратилась назадъ съ толпою арестованныхъ «зачинщиковъ», которыхъ схватили на мѣстѣ, пользуясь ихъ полною беззащитностью. Людямъ, вооруженнымъ луками и стрѣлами трудно защищаться противъ нѣсколькихъ десятковъ ружей и топоровъ.

Захваченные туземцы были допрошены въ Добо Posthouder'омъ. Цѣлая толпа явилась изъ Уджира въ качествѣ свидѣтелей — орангкайя Саманга былъ въ ихъ числѣ. Судъ кончился быстро: нѣсколько человѣкъ были засажены въ сарай, выстроенный рядомъ съ домомъ Posthouder'a и называемый здѣсь тюрьмой. Двухъ-трехъ главныхъ зачинщиковъ продержали здѣсь до прибытія перваго судна, идущаго съ Новой Гвинеи въ Амбоину и отправили туда для отбыванія наказанія.

Таковы были результаты «войны» на Уджирѣ, въ разгаръ которой я былъ на этомъ островѣ.

Послѣ поѣздки на Уджиръ я возвратился изъ Саманга въ Добо, привелъ въ порядокъ собранный за эту экскурсію на Вокамъ научный матеріалъ и немного отдохнулъ, не предпринимая больше экскурсій, а лишь работая на морѣ съ драгой и въ особенности съ планктонной сѣткой.

Провизіи у меня было вдоволь; стоило выйти изъ деревни на часъ прогуляться съ ружьемъ, чтобы застрѣлить пару голубей, которые соста-

вляли превосходную приправу къ ежедневной порціи рису, бывшаго за моимъ столомъ и саго, которымъ меня снабжали за небольшую плату бугисы. Впрочемъ, мѣстныя саговыя лепешки для непривычнаго человѣка — вещь далеко не аппетитная и требуютъ наличія волчьихъ зубовъ.

Ежедневно ко мнѣ въ домъ приходила толпа бугисовъ, наглость которыхъ положительно не имѣла границъ. Эти типы приходятъ въ вашъ домъ, какъ въ свой собственный, и располагаются здѣсь черезъ чуръ подомашнему, внося съ собою всюду ужасную грязь и безпорядокъ. Они безцеремонно переворачиваютъ все въ домѣ, плюютъ не только на полъ, но и рѣшительно на всѣ вещи, которыя лежатъ по сосѣдству, внося съ плевкомъ непріятный запахъ бетеля, который они жуютъ, какъ жвачку, своими ярко красными отъ этой же жвачки зубами. Особенно несносны бывали посѣщенія большой толпы, — за однимъ человѣкомъ еще легко можно услѣдить, слѣдить же за толпой трудно и въ результатѣ послѣ каждаго посѣщенія у меня обнаруживалась пропажа то той, то другой вещи. Я обращался къ непрошеннымъ гостямъ съ просьбой совсѣмъ не посѣщать моего дома, говоря, что эти визиты меня безпокоятъ и т. д. На меня смотрѣли безучастными глазами и отвѣчали: «betul, tuan» (т. е. «твоя правда, господинъ») или «хорошо», но никто не выказывалъ желанія оставить меня въ покоѣ. Запереть дверь, выходящую на улицу было невозможно — это былъ почти единственный источникъ свѣта, если не считать обширныхъ дыръ на крышѣ. Пробовалъ я прибѣгать къ угрозамъ, — на меня смотрѣли по-прежнему чрезвычайно равнодушно. Оставалось одно средство — прибѣгнуть къ насилію противъ насилія, но мой малаецъ, видя однажды мое намѣреніе, убѣдительно сталъ просить меня не задѣвать бугисовъ. «Это люди самолюбивые», говорилъ этотъ малый: «если ты бугиса обидишь, онъ тебя пырнетъ ночью ножемъ». Слышавши эти увѣщанія, бугисы сочувственно качали головами и одобрительно сплевывали на полъ кровавокрасную слюну.

Я вѣрилъ моему слугѣ, видя, что дѣлается въ Добо, зная бугисовъ по разсказамъ Posthouder'а, ровно ничего не значащаго въ этомъ «разсадникѣ культуры», по просту разбойничьемъ притонѣ, который выдѣляется грязнымъ пятномъ среди идилически прекрасной обстановки сосѣднихъ дѣвственныхъ аруанскихъ лѣсовъ, къ счастью еще не затронутыхъ этой пресловутой культурой.

Не трудно понять, что при подобныхъ обстоятельствахъ работать было положительно невозможно — для работы нужно спокойствіе, а его то какъ разъ и не было. Я продолжалъ все же неизмѣнно каждый день ѣздить на лодкѣ съ драгой и планктонной сѣткой, бродить во время отлива по обнаженному морскому дну и даже выбиралъ время для работы съ микро-

скопомъ. Моя лабораторія въ Добо была крайне примитивна: на Амбоинѣ она была постоянной, здѣсь же приходилось, по окончаніи работы, все собирать со стола и тщательно прятать въ ящики, охраняемые моимъ малайцемъ, а зачастую прямо сдавать ихъ на храненіе въ домъ Baadill'ы. Подобное, чисто осадное положеніе крайне тяготило меня и я началъ вскорѣ по возвращеніи изъ Саманга подумывать о томъ, чтобы перебраться изъ Добо — единственнаго «культурнаго» центра на Архипелагѣ, куда-нибудь въ болѣе глухое, но зато спокойное убѣжище, гдѣ можно было бы поработать на свободѣ.

Ко мнѣ часто приходили пріѣзжавшіе въ Добо съ дальнихъ островов туземцы; они приносили иногда шкурки райскихъ птицъ *(Paradisea apoda* и *Cicynnurus regius)*, сносно приготовленныя, яйца *Megapodius* и казуаровъ. Все это я вымѣнивалъ у нихъ на купленные втридорога здѣсь же въ Добо у китайцевъ ножи, бусы, табакъ. Зная, что я пріобрѣтаю всѣ эти вещи у туземцевъ, аруанцевъ, шедшихъ ко мнѣ перехватывали по дорогѣ бугисы, вымѣнивали у туземца всѣ его товары и перепродавали ихъ мнѣ съ огромнымъ барышомъ. Въ Добо, напр., во время моего пребыванія тамъ, прямо установилась для меня такса: шкурка парадизки — 7—8 гульденовъ, яйцо казуара — 50 центовъ, яйцо малео — 20 центовъ и т. д.

Жалкое зрѣлище представляютъ собою наивные аруанцы въ Добо среди здѣшнихъ эксплуататоровъ — бугисовъ и китайцевъ. Ихъ прямо безсовѣстно обворовываютъ, не стѣсняясь въ пріемахъ. Черепаховые дорогіе щитки, шкурки райскихъ птицъ, часто недурныя жемчужины — все это вымѣнивается на табакъ и опіумъ, который, «тайно» отъ Posthouder'a, держится во всѣхъ лавчонкахъ въ Добо.

Эти наивные полуголые аруанцы разѣваютъ рты отъ удивленія и восторга при видѣ развѣшанныхъ надъ прилавкомъ стеклянныхъ бусъ, прескверныхъ ножиковъ, которымъ красная цѣна — гривенникъ, яркихъ грошевыхъ платковъ и т. п. хлама.

Иногда ко мнѣ заходила цѣлая толпа аруанцевъ, вооруженныхъ луками и цѣлыми пачками длинныхъ стрѣлъ. Въ противоположность бугисамъ они держали себя очень корректно, даже черезчуръ смирно, очевидно стѣсняясь въ непривычной обстановкѣ. Я охотно показывалъ моимъ гостямъ предметы, ихъ интересующіе, а если дарилъ имъ по стеклянной банкѣ, пробиркѣ или платку, восторгамъ толпы не было границъ. Часто я вымѣнивалъ у приходившихъ туземцевъ ихъ луки и стрѣлы — въ особенности послѣднія. Луками они дорожатъ, стрѣлы же отдаютъ охотно, такъ какъ изготовленіе ихъ не беретъ много времени, да и не стоитъ труда. Здѣсь въ Добо туземцы часто берутъ даже деньги, которыми совершенно пренебрегаютъ у себя дома.

Однажды ко мнѣ ввалила цѣлая толпа туземцевъ, только что прибывшихъ съ Blakang Tahna. Они притащили мнѣ цѣлый мѣшокъ раковинъ *Nautilus*. Въ нѣкоторыхъ раковинахъ заключались полусгнившіе остатки самого моллюска; гости разсказали моему малайцу, что это животное они часто ловятъ у себя дома и ѣдятъ. Я сталъ распрашивать ихъ о *Limulus*, подробно описавъ это животное. О *Limulus* они отозвались неопредѣленно. Дальше по разспросамъ оказалось, что около ихъ селенія, расположеннаго на восточномъ берегу о. Коброра, множество всевозможныхъ морскихъ животныхъ. Изъ ихъ разсказовъ было очевидно, что *Nautilus* въ этихъ мѣстахъ довольно обыкновененъ, и я сразу же рѣшилъ ѣхать попытать счастья въ Blakang tahna.

Моя главная цѣль была, конечно, поработать надъ *Nautilus* и попытаться отыскать ихъ яйца. A priori можно было сказать, что если *Nautilus* въ этихъ мѣстахъ обыкновененъ, и если условія работы тамъ хороши, на что я могъ надѣяться, такъ какъ вся эта часть моря отъ Ару до Новой Гвинеи очень мелководна, какъ мнѣ сообщилъ Baadilla, знающій эти моря превосходно, то я имѣлъ нѣкоторые шансы на успѣхъ. Наконецъ, я могъ надѣяться найти *Limulus*, который меня крайне интересовалъ съ точки зрѣнія изслѣдованія, какъ его эмбріологіи, такъ и физіологіи. Мнѣ хотѣлось изслѣдовать между прочимъ его выдѣлительную систему по методу физіологическихъ инъекцій — мечта покойнаго А. О. Ковалевскаго передъ его сборами на Яву....

Впрочемъ, если бы даже я въ Blakang Tahna не нашелъ ни *Nautilus*, ни *Limulus*, я ровно ничего не терялъ, отправляясь въ эти мѣста. Уже одно то обстоятельство, что я могъ покинуть Добо несказанно меня радовало. Наконецъ, я надѣялся увидѣть много для себя интереснаго на этомъ неизслѣдованномъ побережьи, поработать въ новомъ мѣстѣ и хорошо поэкскурсировать.

Я посовѣтовался съ Baâdill'ой. Тотъ одобрилъ мой планъ, далъ много дѣльныхъ совѣтовъ и даже взялся оберегать оставляемый мною домъ, для чего обѣщалъ прислать своего человѣка, который долженъ былъ день и ночь сторожить мои коллекціи и вещи.

Окончательно рѣшивъ отправиться въ такъ называемую Blakang tahn'у, для ознакомленія съ морской фауной восточнаго побережья Архипелага, я сталъ готовиться къ задуманному предпріятію. Время года для путешествія, нужно сознаться, было выбрано неудачно, но съ этимъ приходилось мириться. Дулъ сильный муссонъ съ востока, временами достигавшій размѣровъ настоящаго шторма. При этихъ условіяхъ двигаться на лодкѣ по каналу, отдѣляющему Вокамъ отъ Каброра — обычный путь къ Blakang Tahn'у — было крайне затруднительно. На парусахъ идти, конечно, было

немыслимо, такъ какъ вѣтеръ былъ встрѣчу; приходилось двигаться на веслахъ, а эта исторія чрезвычайно утомительная и крайне скучная.

Посовѣтовавшись съ Baâdill'ой, я рѣшилъ перебраться на лодкѣ черезъ проливъ, отдѣляющій Ваммаръ отъ о. Коброра, добраться до селенія Ванумбай, лежащаго на сѣверномъ берегу этого острова, и уже оттуда, заручившись содѣйствіемъ мѣстнаго туземнаго старшины, двинуться пѣшкомъ черезъ весь островъ, къ его восточному берегу, что̀ составляетъ разстояніе въ 60—70 верстъ.

Ни Baâdilla, ни Posthouder къ сожалѣнію не могли дать мнѣ никакихъ указаній относительно условій предстоящаго перехода по Коброру. Въ Ванумбай оба они бывали, но совершать путешествіе далеко вглубь лѣсовъ никому изъ нихъ не приходилось. По ихъ разсчетамъ предполагалось, что переходъ по лѣсу поперекъ острова займетъ около недѣли, принимая во вниманіе невозможность двигаться въ чащѣ всегда въ желаемомъ направленіи и, наконецъ, сами условія перехода.

Posthouder снабдилъ меня оффиціальнымъ письменнымъ предписаніемъ, обращеннымъ къ Ванумбайскому старшинѣ («kapala», т. е. голова). Въ письмѣ предписывалось старшинѣ оказывать мнѣ всякое содѣйствіе, найти вѣрныхъ людей, а въ особомъ постскриптумѣ, по моей спеціальной просьбѣ, было поставлено замѣчаніе о необходимости розыскать для меня въ лѣсу мѣсто тока райскихъ птицъ.

Сборы въ путь были окончены, оставалось ждать прибытія въ Добо какой-нибудь лодки изъ Ванумбай. На мое счастье случай не замедлилъ представиться. Я едва успѣлъ привести въ порядокъ все необходимое для предстоящаго путешествія, какъ отъ Baâdilla пришелъ малаецъ съ извѣстіемъ, что пріѣхали съ сѣвернаго Коброра аруанцы и на слѣдующій день ихъ прау идетъ уже обратно. Часъ спустя, ко мнѣ въ домъ явились мои будущіе спутники. Ихъ было десять человѣкъ. Все это были типичные аруанцы, почти совсѣмъ голые, съ копной волосъ на головѣ, изрядно грязные и вообще довольно таки сомнительной внѣшности.

Перспектива плыть одному въ обществѣ этихъ совершенно незнакомыхъ мнѣ людей мало мнѣ улыбалась. И тутъ меня выручилъ мой неизмѣнный Baâdilla. Онъ прислалъ мнѣ лично ему извѣстнаго человѣка, туземца съ о. Серама, который согласился сопровождать меня въ качествѣ слуги и компаньона. Этотъ добрый, честный малый, хотя и преизрядный лѣнтяй и неряха, все же былъ мнѣ весьма полезенъ впослѣдствіи, и я всегда съ благодарностью вспоминаю о доброй услугѣ моего друга Baâdill'ы.

Одинъ изъ явившихся аруанцевъ объяснялся довольно сносно по-малайски и мы направились къ Posthouder'у заключать условіе. Posthouder внушительно заявилъ моимъ спутникамъ о той карѣ, которая ихъ постиг-

нетъ въ случаѣ какого-либо казуса, случившагося по ихъ винѣ со мною во время пути. Затѣмъ я по-малайски вслухъ перечислилъ мои требованія, состоявшія въ томъ, чтобы меня доставили въ Ванумбай въ возможно быстрый срокъ, за что я обязуюсь уплатить десять аршинъ ситцу, десять пачекъ табаку, десятокъ ножей и столько же небольшихъ банокъ зеленаго стекла, которыя прельстили моихъ гостей во время посѣщенія моего дома. По заключеніи условія мой багажъ былъ перенесенъ въ лодку. Домъ мой въ Добо остался сторожить одинъ изъ людей Baâdill'ы; самъ же я вечеромъ, когда немного стихъ вѣтеръ, перебрался на прау и мы двинулись въ путь.

Глава XV.

Отъ Добо до Ванумбай.

Всю ночь мы шли вдоль восточнаго берега Ваммара. Къ утру пришлось остановиться — наступилъ отливъ и лодка стала на мель гдѣ-то неподалеку отъ берега въ густыхъ зарослях мангровъ. Мангровы тянутся въ этомъ мѣстѣ острова на огромное разстояніе отъ берега; думаю я, что по меньшей мѣрѣ пространство моря шириною въ версту занято здѣсь мангрововой формаціей. Вѣроятно это обусловливается господствовавшимъ въ то время восточнымъ муссономъ, который гонитъ воду на берега. Въ періодъ западнаго муссона, по всей вѣроятности, восточный берегъ обнажается въ значительной степени и, наоборотъ, наводняется западный. По крайней мѣрѣ около Добо, на далекомъ разстояніи отъ береговой линіи тянутся мангровы, растущія на совершенно сухой почвѣ, которая однако носитъ всѣ признаки періодическаго затопленія морской водой.

Въ высшей степени оригинальную картину представляетъ собою морской берегъ, заросшій мангровами. Это одинъ изъ характернѣйшихъ, одинъ изъ наиболѣе типичныхъ ландшафтовъ тропической природы.

Подъ именемъ мангровъ извѣстны растенія, принадлежащія къ различнымъ семействамъ, но обладающія одними и тѣми же біологическими приспособленіями къ однороднымъ условіямъ существованія.

Мангровы — деревянистыя растенія, свойственныя исключительно тропическимъ странамъ. Они особенно характерны для береговой флоры острововъ Малайскаго Архипелага. Эти оригинальныя деревья растутъ всюду по берегамъ моря и не только вблизи воды, на сушѣ, но тамъ гдѣ мелко, они спускаются и въ самое море, образуя цѣлые лѣса надъ поверхностью воды.

Всѣ мангрововыя деревья характеризуются одною общею особенностью — у всѣхъ у нихъ сильно развита система воздушно-водяныхъ

корней. Эти корни, вырастая по всему стволу дерева, дуговидно спускаются внизъ въ воду и концами укрѣпляются въ илистомъ днѣ.

Мангровы, въ которыхъ остановилась наша лодка, состояли почти исключительно изъ представителей сем. *Rhisophoraceae*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ твердые, упругіе корни представляютъ такую густую чащу, что пробираться среди нихъ нѣтъ никакой возможности. Всѣ мои попытки перейти на сушу были тщетны. Пройдя аршинъ 300—400, перелѣзая съ дерева на дерево по кривымъ, рогатымъ, чрезвычайно крѣпкимъ корнямъ, я забрался въ такую трущобу, что едва выпутался; мало того, потерялъ изъ виду лодку и только громкіе окрики моихъ спутниковъ помогли мнѣ снова добраться до нея.

Посѣщеніе мангровъ доставляло мнѣ всегда немало удовольствія. Очень много оригинальнаго въ этихъ растеніяхъ. Вотъ, напримѣръ, передъ вами цѣлыя заросли ризофоры *(Rhisophora mucronata)*. Ихъ стволы, поднимавшіеся когда то прямо изъ воды, давно сгнили и деревца, покрытыя крупными, плотными, словно кожистыми, темнозелеными листьями держатся лишь на своихъ воздушныхъ корняхъ. Впрочемъ, эти многочисленные корни-подпорки поддерживаютъ дерево еще, пожалуй, лучше, чѣмъ одиночный стволъ.

Эта ризофора между прочимъ одна изъ самыхъ интересныхъ мангровъ по тѣмъ удивительнымъ приспособленіямъ къ условіямъ существованія, которыя у нея имѣются. Она обладаетъ, между прочимъ, замѣчательными особенностями въ процессѣ прорастанія.

У этихъ растеній мы имѣемъ, въ сущности говоря, настоящее «живорожденіе». У всѣхъ растеній, какъ извѣстно, сѣмя въ извѣстномъ періодѣ развитія отдѣляется отъ материнскаго растенія и начинаетъ проростать свободно и самостоятельно — на новомъ мѣстѣ.

У ризофоры дѣло обстоитъ иначе.

У нея сѣмя прорастаетъ внутри плода еще въ то время, когда плодъ виситъ на вѣткѣ. Развивающійся ростокъ питается насчетъ материнскаго организма, для чего существуютъ особыя приспособленія, сравниваемыя Haberlandt'омъ съ плацентой млекопитающихъ. На деревѣ всегда виситъ масса такихъ плодовъ, изъ которыхъ торчатъ очень длинные стержни. Эти стержни, достигающіе иногда до метра въ длину, представляютъ собою не что иное, какъ проросшія сѣмена, — а именно ихъ подсѣмядольныя колѣна (т. наз. гипокотиль) — молодыя растеньица.

Это висящее изъ плода стержневидное подсѣмядольное колѣно достигаетъ, наконецъ, такой величины, что не можетъ уже оставаться внутри плода вслѣдствіе своей тяжести. Оно выскальзываетъ изъ него и падаетъ въ воду. И тутъ существуютъ приспособленія къ тому, чтобы молодое ра-

стеньице могло укрѣпиться въ илѣ. Стержень, висящій изъ плода, утолщенъ на своемъ свободномъ концѣ, направленномъ внизъ, а поэтому, выскочивъ изъ плода, онъ падаетъ въ воду отвѣсно и вслѣдствіе тяжести вонзается въ илистое дно, гдѣ и укрѣпляется.

Кромѣ *Rhisophora mucronata* живорожденіе наблюдается еще у двухъ мангровъ — *Aegiceris* и *Avicennia officinalis*.

Мы простояли въ мангровахъ нѣсколько часовъ. Не скажу, чтобы столь продолжительная остановка доставила мнѣ удовольствіе: подъ лодкой грязная, мутная, вонючая вода, сверху печетъ солнце, отъ котораго можно укрыться только подъ навѣсомъ, предусмотрительно устроенномъ нами еще до отъѣзда изъ Добо; но внутри этой импровизированной каюты такая духота, что предпочитаешь жариться на солнцѣ. Къ довершенію несчастья, съ гладкихъ стволовъ мангровъ, къ которымъ была привязана лодка, въ нее наползли цѣлыя арміи огромныхъ муравьевъ. Это послѣднее обстоятельство переполнило чашу моего терпѣнія, да повидимому и терпѣнія моихъ спутниковъ, — всѣмъ намъ, какъ это ни было непріятно, пришлось вылѣзти изъ лодки и пойти по мелководью вбродъ, а облегченную лодку туземцы потащили на буксирѣ въ открытое море черезъ тѣ же мангровы.

Къ вечеру вѣтеръ значительно стихъ и мы продолжали нашъ путь.

Весь вечеръ и всю ночь мы шли на веслахъ прямо на востокъ. Волненіе достигало въ открытомъ морѣ значительной силы — разстояніе въ 15—20 верстъ, отдѣлявшее насъ отъ Вокама мы прошли только къ утру. На разсвѣтѣ лодка пристала къ мангровамъ, окаймляющимъ Вокамское побережье. Мои аруанцы тотчасъ соскочили съ прау и разбрелись по водѣ съ гарпунами, охотясь за крабами, мелкой рыбешкой и моллюсками.

Гарпуны, о которыхъ идетъ рѣчь, въ большомъ употребленіи у туземцевъ Ару. Это ничто иное, какъ та же аруанская стрѣла, только съ нѣсколько видоизмѣненнымъ наконечникомъ. Гарпунъ имѣетъ видъ дротика, древко котораго сдѣлано изъ тростника и достигаетъ въ длину $1^1/_2$ — 2 метровъ. На концѣ къ палкѣ придѣланъ наконечникъ изъ очень твердаго дерева — обыкновенно изъ древесины пальмы пинанга. Этотъ наконечникъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ заостренныхъ палочекъ, снабженныхъ рядомъ зазубринъ и крѣпкихъ какъ желѣзо. Три или четыре отдѣльныхъ острія скрѣплены такимъ образомъ, что сходятся всѣ вмѣстѣ въ одной точкѣ своими тупыми концами, которые придѣлываются къ древку и наоборотъ, широко расходятся свободными остріями. Большую рыбу или другое животное бьютъ, какъ обыкновенной острогой; маленькая же рыба, крабъ и т. п. живность очень удобно ущемляется между остріями.

Къ полудню вода спала настолько, что лодка стояла прямо на сухомъ берегу. Отъ мангровъ на огромное разстояніе осушилась полоса морского

дна. Поговоривъ съ аруанцемъ, объяснявшимся по-малайски, я узналъ, что неподалеку отъ мѣста нашей стоянки лежитъ деревня Tandjong Lalau, куда его соотечественники думаютъ направиться запастись водой. Я рѣшилъ сопровождать ихъ. Мой малаецъ Тамба остался сторожить багажъ въ лодкѣ, я же, запасшись банками со спиртомъ и захвативъ съ собою ружье, отправился въ путь по обнаженному морскому дну.

Съ большимъ удовольствіемъ совершилъ я эту двухчасовую прогулку по обнаженнымъ камнямъ; къ концу ея всѣ банки, которыя несъ за мною одинъ изъ туземцевъ, были переполнены всякою живностью.

По пути я познакомился съ новыми для меня мангрововыми деревьями, а именно *Sonneratia* и *Avicennia*. У этихъ растеній существуетъ оригинальное приспособленіе къ воздушному дыханію. Нужно замѣтить, что вообще дыханіе растительныхъ органовъ, живущихъ въ болотной, стоячей водѣ очень затруднительно. У упомянутыхъ выше растеній существуютъ поэтому особые дыхательные корни, которые въ видѣ цѣлаго ряда вертикально стоящихъ кольевъ возвышаются надъ поверхностью воды. Эти дыхательные корни снабжены особыми воздухоносными полостями, по которымъ воздухъ проходитъ въ глубже лежащія части растенія.

Въ нѣкоторыхъ пунктахъ побережья по сосѣдству съ мѣстомъ нашей стоянки поднимался изъ воды цѣлый лѣсъ такихъ кольевъ, довольно длинныхъ и массивныхъ. Во время отлива все дно обнажалось и тогда въ зарослях мангровъ невозможно было долго оставаться — до того сильно чувствовался отвратительный запахъ остатковъ гніющихъ растеній, образующихъ на днѣ массу мягкаго ила, выдѣляющаго газообразные продукты разложенія.

Черезъ два часа неспѣшнаго пути по морскому берегу между корнями мангровъ мы дошли до мѣста назначенія.

Деревушка Tandjong Lalau лежитъ на низменномъ берегу Вокама, на юго-зап. его оконечности, неподалеку отъ входа въ проливъ-каналъ, отдѣляющій Вокамъ отъ Коброра. Селеніе состоитъ изъ десятка довольно таки убогихъ хижинъ, построенныхъ на невысокихъ сваяхъ близъ самой воды. Позади къ селенію примыкаетъ огромный дѣвственный лѣсъ, покрывающій всю эту часть острова. Лѣсъ этотъ сразу обратилъ на себя мое вниманіе: нигдѣ на Ару я не видалъ такого количества каучуковыхъ деревьевъ. Туземцы превосходно знаютъ особенность этихъ деревьевъ, но, повидимому, не имѣютъ понятія о примѣненіи каучука. Лишь въ нѣкоторыхъ уголкахъ Ару каучуковый сокъ употребляется въ дѣло — онъ идетъ на починку посуды: его употребляютъ также зачастую, какъ клей. Такъ, дальше при описаніи стрѣлъ мною будетъ упомянуто объ томъ примѣненіи, которое нашелъ себѣ каучукъ въ ихъ изготовленіи.

Въ селеніи царило необычайное оживленіе. Все мужское населеніе было за работой. Удивленный столь лихорадочной дѣятельностью туземцевъ, я обратился съ вопросомъ о причинѣ этого движенія къ одному изъ нихъ. Мнѣ тотчасъ же объяснилъ одинъ изъ туземцевъ, что населеніе готовится къ сраженію и потому укрѣпляетъ деревню.

Дѣйствительно, вся лѣсная поляна и прибрежная полоса, прилегающая къ деревнѣ, были уже наполовину окружены частой изгородью изъ бамбука и пальмовыхъ пипанговыхъ стволовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кучами лежали стрѣлы. Селеніе на слѣдующій день должно было подвергнуться нападенію и съ суши и съ моря со стороны аруанцевъ одной изъ сосѣднихъ деревень. Успѣхъ сраженія былъ весьма сомнителенъ: число жителей Tandjong Lalau было очень ограничено въ сравненіи съ «войскомъ» противника, но зато у одного изъ туземцевъ оказалось стариннѣйшее кремневое ружье, вымѣненное должно быть еще въ незапамятныя времена у какого-нибудь китайца-торгаша.

Мнѣ показали это оружіе съ торжествомъ. Я съ уваженіемъ осматривалъ его — это былъ въ своемъ родѣ рѣдкій археологическій образецъ оружія XVII вѣка. На немъ стояло клеймо французскаго мастера временъ одного изъ Людовиковъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что несмотря на обладаніе огнестрѣльнымъ оружіемъ, жители Tandjong Lalau были вынуждены уступить непріятелю и разбитые бѣжали въ лѣса. Правду сказать, я ничуть этому не удивился. Трудно было ожидать, чтобы хотя одна изъ многочисленныхъ надеждъ, возлагаемыхъ на показанное мнѣ ружье, оправдалась на дѣлѣ.

Вначалѣ я было расчитывалъ войти въ соглашеніе съ моими аруанцами, владѣльцами прау и пробыть въ Tandjong Lalau дня два — три, но въ виду подобныхъ осложненій рѣшилъ покинуть селеніе по возможности скорѣе. Правда, туземцы, желая увеличить свою боевую способность еще однимъ ружьемъ, предлагали мнѣ принять участіе въ предстоящемъ сраженіи, увѣряя, что я у нихъ буду въ полной безопасности. Но перспектива нарушать нейтралитетъ, разумѣется, меня ничуть не прельщала.

Мои спутники аруанцы нагрузились сорванными съ растущихъ въ изобиліи около деревни пальмъ кокосовыми орѣхами и направились обратно къ лодкѣ. Мнѣ же не хотѣлось возвращаться назадъ тѣмъ же путемъ. Рѣшили, что я, въ сопровожденіи двухъ изъ моихъ туземцевъ, пойдемъ пѣшкомъ черезъ лѣсъ, а лодка двинется въ путь вдоль берега, въ одномъ изъ пунктовъ котораго и будетъ насъ ждать. Мы сокращали дорогу; кромѣ того, перспектива экскурсіи въ новомъ лѣсу меня прельщала больше, чѣмъ однообразная поѣздка въ тѣсной, грязной лодкѣ.

Намъ пришлось сдѣлать верстъ 10 по лѣсу. Одинъ изъ мѣстныхъ

жителей взялся насъ проводить. Правда, въ лѣсу была натоптана тропинка, но ее легко было потерять изъ виду, до того мѣстами она была замаскирована нависшими сучьями, развѣсистыми папортниками и мелкимъ бамбукомъ. На каждомъ шагу попадались превосходные цвѣты орхидей. Обыкновенно въ тропическомъ лѣсу цвѣты не играютъ роли въ ландшафтѣ; здѣсь же среди темной листвы красивыя, яркія орхидеи невольно останавливали на себѣ вниманіе. Мы набрали ихъ цѣлую корзину.

Изъ птицъ, встрѣченныхъ на пути, отмѣчу между прочимъ *Microglossus aterrimum* — чернаго арара какаду (довольно обыкновенная птица въ этомъ районѣ по разсказамъ туземцевъ). Мы встрѣтили между прочимъ двухъ нелетающихъ молодыхъ. У птенцовъ голое пятно на щекахъ палеваго цвѣта. Хохолъ развитъ превосходно. Въ окраскѣ важное отличіе отъ взрослыхъ — замѣтная пестрота брюха: кончики перьевъ, покрывающихъ грудь и брюшко, свѣтлые, что въ общемъ даетъ впечатлѣніе поперечной пестроты.

Изъ другихъ попугаевъ во множествѣ, конечно, встрѣчаются въ лѣсу, равно какъ и около самаго селенія, *Geoffroyus*, *Cacatua triton*. Здѣсь бѣлые какаду далеко не такъ осторожны, какъ около Добо. Въ лѣсу они держатся большими стадами. Очень обыкновененъ здѣсь одинъ изъ типичнѣйшихъ попугаевъ Папуасіи — красивый *Eclectus pectoralis*. Ярко красныя самки этого попугая считаются туземцами за особый видъ. Его зовутъ «уайтау».

Кромѣ того, я видѣлъ въ лѣсу стада очень мелкихъ шилохвостыхъ попугайчиковъ, но добыть ни одного не удалось. Изъ другихъ птицъ укажу на два вида *Pitta*, добытые во время пути, роскошную «гоби-гоби» — *Cicynnurus regius* L. (красная царская райская птица) интересныхъ *Tropidorhynhus novae guineae* и нѣсколько штукъ голубей *Carpophaga concinna*.

Дважды во время перехода туземцы сворачивали съ тропинки и показывали мнѣ огромныхъ размѣровъ гнѣзда *Talegallus*. Одно изъ такихъ гнѣздъ существуетъ, по словамъ моихъ проводниковъ, уже около ста лѣтъ, ежегодно увеличиваясь въ размѣрахъ. Оно дѣйствительно было колоссальныхъ размѣровъ — не менѣе двухъ саженъ высоты и до 12 аршинъ въ діаметрѣ. Чтобы не задерживаться на пути, гнѣзда были оставлены нетронутыми; впрочемъ, туземцы увѣряли меня, что эти холмы уже съ нѣкотораго времени оставлены птицами, но зато раньше въ продолженіе десятковъ лѣтъ здѣсь собирали до двухъ сотъ яицъ въ лѣто.

Къ вечеру мы достигли берега и до поздней ночи ждали за костромъ нашей прау. Она немного запоздала, такъ что только подъ утро можно было тронуться въ путь.

Мы плыли теперь по узкому каналу, отдѣляющему Коброръ отъ Вокама. Это былъ одинъ изъ тѣхъ проливовъ, о которыхъ я уже имѣлъ случай говорить въ одной изъ предыдущихъ главъ.

Проливъ совсѣмъ напоминаетъ рѣку. Его ширина въ самомъ широкомъ мѣстѣ не больше 200 саженъ, а по большей части онъ гораздо ўже.

Коброрскій берегъ на большей части своего протяженія круто обрывается — во многихъ мѣстахъ видны отвѣсныя скалы. Вокамскій тоже возвышенъ, но спускается къ водѣ болѣе отлого, чѣмъ Коброрскій; мѣстами здѣсь даже видны низины.

По обѣимъ сторонамъ канала тянутся безпрерывные лѣса; оба берега покрыты ими сплошь. Кое гдѣ на скалахъ Коброра выдѣляются одиночныя кокосовыя пальмы.

Съ большимъ интересомъ совершилъ я этотъ переѣздъ по морскому каналу-рѣкѣ. Теченія въ немъ не замѣтно — если оно и существуетъ, то врядъ ли это теченіе сильно.

Мы шли на веслахъ впродолженіи часовъ десяти, двѣнадцати — все время подъ Коброрскимъ берегомъ. Повидимому, вдоль всего берега проливъ очень глубокъ. Въ полдень лодка подошла къ одному болѣе отлогому пункту побережья — аруанцы пристали къ камнямъ и заявили, что это и есть Ванумбай.

Я смотрѣлъ во всѣ глаза, но не видѣлъ даже признаковъ жилья. Оказалось, что селеніе расположено за грядами скалъ, скрывающихъ его отъ посторонняго глаза.

Одинъ изъ аруанцевъ вскарабкался наверхъ и скоро возвратился со старымъ туземцемъ. Это былъ мѣстный «kapala» — альфуръ Kamis.

ГЛАВА XVI.

Пребываніе въ деревнѣ Ванумбай.

Деревушка Ванумбай — то самое селеніе, въ которомъ жилъ нѣкогда Уоллэсъ во время своего путешествія по Аруанскимъ островамъ — лежитъ на южномъ берегу Ванумбайскаго пролива, на Коброрской его сторонѣ.

Ванумбайскимъ округомъ завѣдуютъ два туземныхъ старшины, альфуры Kamis и Meloko. Каждый изъ нихъ живетъ въ отдѣльномъ селеніи.

Какъ мнѣ сказали, подъ именемъ Wanumbai извѣстны нѣсколько селеній — иначе говоря, Wanumbai слово собирательное — мнѣ назвали четыре селенія, которыя всѣ вмѣстѣ туземцами называются Wanumbai. Одни селенія управляются однимъ kapala, другія — другимъ. Такъ, одна деревня Wanumbai — такъ называемая Kartotongai, гдѣ именно я и остановился, управляется Kamis'омъ, имъ же управляется и другое селеніе Uraiuni, тогда какъ два остальныхъ — Namarra и Majuni находятся въ вѣдѣніи у Meloko.

Значеніе и власть этихъ старшинъ «kapala» (kapala значитъ голова) совершенно ничтожно.

Альфуръ Kamis, старикъ, помнящій и Уоллэса и Rosenberg'a, отказался принять меня въ своемъ селеніи, отговариваясь тѣмъ, что «женщины будутъ тебя бояться». Какъ ни были страны эти доводы, я не сталъ особенно настаивать на своемъ, тѣмъ болѣе, что немного дальше къ востоку, на берегу пролива лежитъ селеніе, управляемое Meloko, гдѣ я и рѣшилъ остановиться.

Meloko — худой старикъ вышелъ на берегъ тотчасъ, какъ пристала лодка и завелъ съ моими спутниками-аруанцами длинную бесѣду, изъ которой я ничего не понялъ, такъ какъ она велась на аруанскомъ нарѣчіи. Послѣ этого онъ обратился ко мнѣ уже по-малайски и сказалъ, что радъ видѣть бѣлаго человѣка у себя, что построитъ для меня домъ и разошлетъ своихъ людей искать въ лѣсу «burung mati», т. е. райскую птицу. Я рѣшилъ прожить въ Ванумбай дней десять прежде, чѣмъ отправиться въ Blakang Tahna. Мои аруанцы продолжали путь по проливу: они направлялись въ селеніе, находящееся подъ властью kapala Sungi. Селеніе это лежитъ гдѣ то дальше къ востоку.

Я съ помощью моего слуги перетащилъ багажъ въ гору и мы очутились въ селеніи. Деревня расположена на крутомъ берегу моря, на довольно значительной высотѣ. Мужщинъ почти не было видно — всѣ были на охотѣ. Въ домахъ оставались однѣ женщины и дѣти. Съ первыхъ же шаговъ, сдѣланныхъ по деревнѣ, я убѣдился, что Kamis былъ правъ — женщины, почти совершенно обнаженныя, разбѣгались при моемъ появленіи врассыпную.

Ребятишки, игравшіе въ пыли, кричали и плакали навзрыдъ.

Перспектива служить въ продолженіи десяти дней пугаломъ для женскаго населенія меня, конечно, отнюдь не прельщала, и я рѣшилъ поселиться въ сторонѣ отъ селенія. Тотчасъ пятеро туземцевъ, которые откуда-то явились по зову kapala, принялись за работу и черезъ день одно изъ зданій было перенесено шаговъ за четыреста въ сторону отъ селенія. Работами руководилъ уже давно живущій въ Ванумбай бугисъ, который за постройку дома спросилъ съ меня пять гульденовъ.

Я нерѣдко ходилъ въ селеніе. Оно состоитъ всего изъ десятка домовъ, построенныхъ на столбахъ. Площадка, на которой строится хижина, поддерживается по крайней мѣрѣ 20—30 столбами высотою въ 2—3 аршина. Въ домъ ведетъ одна дверь, отъ которой къ землѣ спускается лѣстница.

Хижины построены изъ нетолстыхъ бревенъ, стоящихъ вертикально. Крыша, покатая на обѣ стороны, крыта пальмовыми листьями. Внутри хижина раздѣляется перегородкой, высотою въ человѣческій ростъ, на двѣ комнаты, въ которыхъ царитъ полумракъ — свѣтъ проходитъ въ домъ

лишь тамъ, гдѣ дверь, да щели въ потолкѣ и стѣнахъ, а также и черезъ полъ. Нужно замѣтить, что площадка дома, поддерживаемая сваями и служащая поломъ, состоитъ изъ ряда кольевъ, положенныхъ параллельно, но такъ не плотно, что между ними зачастую остаются очень значительные промежутки, иногда шириною въ вершокъ, даже два. Въ нѣкоторыхъ хижинахъ полъ покрывается циновкой, плетеной изъ листьевъ пандануса.

Посѣщая деревню я попутно знакомился съ бытомъ туземцевъ. Въ ней насчитывается до десяти домовъ. Въ большинствѣ домовъ живетъ по двѣ семьи. Мужчины почти всегда бывали въ отлучкѣ — въ деревнѣ оставались однѣ и дѣти женщины — которыя первые дни только разбѣгались при моемъ появленіи, но потомъ попривыкли и даже не особенно, повидимому, бывали въ претензіи, когда я заходилъ къ нимъ въ дома. Въ домахъ никакой мебели — ни стульевъ, ни табуретокъ, ни столовъ. Около дверей снаружи бываетъ иногда развѣшана хозяйственная утварь — грубая глиняная посуда, которую изготовляютъ сами туземцы. Въ качествѣ мелкой посуды имъ служатъ раковины и скорлупы кокосовыхъ орѣховъ.

Скоро у меня завелись знакомые. Почти все мужское населеніе окрестныхъ селеній перебывало у меня въ домѣ.

Мѣстная «администрація» тоже не оставила меня своимъ вниманіемъ.

Я имѣлъ случай познакомиться какъ съ Kamis, такъ и съ Meloko. Meloko жилъ недалеко отъ меня въ уединенной хижинѣ, отстоящей отъ селенія въ полуверстѣ и нерѣдко по вечерамъ заходилъ въ мою лачугу. Въ началѣ посѣщеніе столь оригинальнаго гостя меня занимало — онъ порядочно объяснялся по малайски и я съ охотою слушалъ его разсказы о мѣстныхъ обычаяхъ и нравахъ. Но разговоръ обыкновенно продолжался не болѣе часу — kapala просилъ меня каждый разъ угостить его водкой (иначе говоря 90° спиртомъ!) и напивался вдрызгъ. Послѣ трехъ визитовъ я пересталъ угощать своего гостя, тѣмъ болѣе что онъ уже сталъ приводить своего коллегу kapala Kamis, а тотъ одинъ разъ притащилъ еще двухъ своихъ друзей, такъ что вся компанія грозила выпить весь мой спиртъ.

Начались приставанія. Оба старшины ежедневно являлись ко мнѣ въ домъ, садились на полу рядомъ со мной и говорили безъ умолку, причемъ восхваляли до небесъ мои личныя качества, увѣряли, что въ ихъ странѣ я въ безопасности — причемъ каждая тирада кончалась смиреннымъ: «tuan, kasih sopi sadikit», т. е. «господинъ, дай немного водки». Не дождавшись моего отвѣта, оба гостя, несмущаясь, продолжали свои восхваленія, и снова слѣдовало: «дай пожалуйста водки». И такъ каждый вечеръ.

Водка, табакъ и опіумъ — въ этихъ странахъ всесильны. «Если бы ты привезъ съ собою чанду (опіумъ)», говорили мнѣ иногда Kamis и Meloko

въ отвѣтъ на мои сѣтованія на лѣность туземцевъ, ничего мнѣ не доставляющихъ: «аруанцы натащили бы тебѣ кучу всякихъ животныхъ».

Я былъ богатъ лишь запасомъ табаку, раздавалъ его направо и налѣво, но все же много животныхъ туземцы мнѣ не приносили. Они всегда просили «чанду».

Впослѣдствіи я видѣлъ, какое значеніе имѣетъ опіумъ здѣсь — за него бугисы и китайцы пріобрѣтаютъ прямо драгоцѣнныя вещи — за опіумъ имъ несутъ туземцы и черепаху, и жемчугъ, и саланганьи гнѣзда. Голландская администрація запрещаетъ ввозъ опіума на острова, но что можетъ сдѣлать запрещеніе при отсутствіи контроля. А возможенъ ли контроль на Ару? Posthouder въ Добо прекрасно знаетъ и видитъ эксплуатацію аруанцевъ при помощи пресловутаго чанду, но ему приходится на все глядѣть сквозь пальцы.

Въ общемъ я пробылъ въ Ванумбай около недѣли, приготовляясь къ путешествію черезъ лѣса Коброра въ Blakang Tahna. Эта недѣля прошла незамѣтно въ экскурсіяхъ, поѣздкахъ по проливу и т. д.

Окрестности Ванумбай оказались мало интересными. Кругомъ селенія тянутся вдоль берега и въ глубь Коброра невысокіе холмы, покрытые лѣсомъ. Близъ самого селенія лѣсъ сильно повырубленъ — мѣстность радіусомъ саженъ на 200 представляетъ собою унылый, обнаженный склонъ горы, на которомъ мѣстами торчатъ одиночныя печальныя хлѣбныя деревья и канàри. Вся почва здѣсь словно выгорѣла — кое гдѣ торчитъ чахлый кустикъ травы — по большей же части на глаза попадаютъ лишь камни. Камнями разныхъ размѣровъ усѣяны всѣ склоны холмовъ — многіе изъ нихъ, если не большинство, содержатъ въ себѣ хорошо сохранившіяся окаменѣлости — *Lamellibranchiata*, крупныхъ *Gasteropoda* и т. п. Такія же окаменѣлости въ изобиліи встрѣчаются въ слояхъ известняка, образующаго береговые утесы.

Въ полуверстѣ отъ селенія, на вершинѣ горы начинается настоящій лѣсъ, сперва довольно рѣдкій, но затѣмъ превращающійся въ сплошную чащу. Впрочемъ, крупныхъ, старыхъ лѣсовъ по близости отъ Ванумбай нѣтъ; здѣсь все мелколѣсье — старые же нетронутые лѣса начинаются верстахъ въ 5—8 къ югу отъ селенія. Къ каналу Ванумбайскій берегъ спускается почти отвѣсными утесами — лишь въ двухъ, трехъ мѣстахъ къ водѣ есть отлогій спускъ.

Вся эта часть Коброра изрѣзана глубокими оврагами, которые тянутся параллельно другъ другу по направленію съ юга на сѣверъ и представляютъ изъ себя какъ бы перпендикулярно расположенные отроги русла пролива, отдѣляющаго Коброръ отъ Вокама. Говорятъ, иногда въ извѣстное время года многіе изъ этихъ овраговъ наполнены водой и тогда являются

настоящими притоками главнаго канала. Когда я былъ въ Ванумбай воды въ этихъ оврагахъ почти не было.

Я изслѣдовалъ выходы известняковъ въ этихъ оврагахъ — ихъ коралловое происхожденіе мѣстами чрезвычайно ясно. Нѣтъ сомнѣнія, что вся поверхность Tahna besaar коралловаго происхожденія[1]).

Ванумбай — удобное мѣсто для изученія быта туземцовъ Ару. Это селеніе лежитъ на дорогѣ изъ Blakang Tahna въ Добо — сюда заходятъ зачастую аруанцы центральнаго Коброра, да, наконецъ, и сами жители окрестныхъ деревень представляли для меня большой интересъ съ этнографической точки зрѣнія.

Я внимательно приглядывался къ жизни туземцевъ. Добываніе пропитанія составляетъ у нихъ, разумѣется, главную заботу дня. Туземцы Ару ѣдятъ рѣшительно все, что попадается подъ руку. Ребятишки бродятъ по берегу моря, собирая ракушекъ; взрослые мужщины, вооруженные деревянными гарпунами, во время отлива тоже промышляютъ на обсохшемъ морскомъ днѣ себѣ завтракъ — мелкая рыбешка, крупные моллюски, трепанги, крабы — все это съѣдается.

Жители лѣсовъ мѣстами въ изобиліи имѣютъ подъ рукою плоды различныхъ деревьевъ, но около Ванумбай на фруктовыя деревья туземцу разсчитывать нельзя — по близости все, что есть быстро съѣдается, а отправляться далеко — неудобно. Въ такихъ мѣстахъ аруанцы разводятъ около селеній нѣчто вродѣ огородовъ, т. н. «Коббоны» («gutan» у ванумбайцевъ). Расчищается въ лѣсу поляна — деревья сжигаются, земля корчуется — разумѣется кое какъ. На расчищенной и раздѣланной полянѣ сажаются овощи. Около Ванумбай въ особомъ употребленіи два овоща, похожіе на картофель — т. наз. «оби» и «кла́ди». Есть и еще растеніе, плоды котораго замѣняютъ картофель — оно называется здѣсь «уру». Это просто одна изъ разновидностей оби.

Стебли этихъ растеній стелются по землѣ, иногда достигая въ длину многихъ аршинъ. Есть и древовидные «оби» ихъ зовутъ здѣсь «kai sa papu» (у малайцевъ «obi kaju»).

Кое гдѣ, но изрѣдка попадаются здѣсь бананы; вообще это растеніе не играетъ большой роли въ домашнемъ обиходѣ — туземцы Ару не достаточно культурны, чтобы разводить его около своихъ жилищъ.

Главнымъ пищевымъ продуктомъ для туземцевъ Аруанскаго архипелага является саго. Саговая пальма чрезвычайно распространена всюду въ здѣшнихъ лѣсахъ. О ея значеніи я уже имѣлъ случай говорить при своемъ

---

1) Отмѣчу, что Wallace также высказалъ взглядъ на коралловое происхожденіе Аруанскаго архипелага.

описаніи флоры Амбоины. Насколько велико значеніе саговой пальмы для жителя тропиковъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра.

Достаточно двухъ туземцевъ, чтобы обратить сердцевину одной саговой пальмы въ муку. Эта операція займетъ maximum недѣлю, полученнаго же саго хватитъ для пропитанія этихъ двухъ работниковъ впродолженіи minimum полугода.

Таковъ простой разсчетъ.

Въ каждой хижинѣ туземца Ванумбай всегда имѣется запасъ саговой массы, изъ которой время отъ времени пекутся лепешки.

Саго, оби и клади составляютъ вмѣстѣ съ frutti di mare главное пропитаніе аруанцевъ. Столъ ихъ разнообразится иногда яйцами казуара и djangul'я (большенога), плодами лѣсныхъ деревьевъ. Изрѣдка туземцу удается убить оленя или кенгуру, зато зачастую кто нибудь изъ членовъ семьи принесетъ къ обѣду застрѣленнаго голубя или какаду.

Около селенія совсѣмъ нѣтъ питьевой воды. За нею приходится туземцамъ ѣздить на лодкахъ на берегъ Вокама — т. е. переправляться черезъ каналъ. Тамъ находится хорошій источникъ прѣсной воды.

Недостатокъ прѣсной воды — больное мѣсто всего населенія архипелага. Въ сухое время года весь запасъ питьевой воды истощается, ручьи и водоемы съ накопленной дождевой водой пересыхаютъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ родниковъ, куда со всѣхъ окрестностей собираются и люди и животныя.

Быстро осмотрѣвшись, я приступилъ къ работѣ.

Ежедневныя экскурсіи съ ружьемъ мало пополнили мои орнитологическія коллекціи.

Въ ближайшихъ окрестностяхъ Ванумбай водится не много птицъ.

Красивыя *Pitta*, оригинальные зимородки *Tanysiptera hydrocharis* и др., интересныя мухоловки (*Monarcha* и др.), разнообразные голуби, попугаи (*Geoffroyus*, *Trichoglossus*, обычные всюду *Cacatua triton* и *Eclectus*) и т. д.

Одной изъ самыхъ характерныхъ мѣстныхъ птицъ является оригинальная «утренняя птица», Burung siang малайцевъ — *Tropidorhynchus novae guineae Müll.* Аруанцы зовутъ ее «наку».

Пѣніе наку настолько характерно, что всякій, кому случилось разъ ее услыхать, никогда его не забудетъ. Стоитъ о немъ вспомнить и эти звуки неотвязно стоятъ въ головѣ.

Съ самаго ранняго утра и до поздняго вечера, помню, доносились они до меня изъ дальняго лѣса, маня въ его чащу. На зарѣ это странное, оригинальное пѣніе слышно на очень большомъ разстояніи. На бумагѣ оно непередаваемо. Въ немъ есть и кваканье лягушки, и мяуканье кошки, и звучные, полные тона флейты. Tropidorhynchus очень обыкновенная птица повсе-

мѣстно на Ару — я наблюдалъ ее и на берегу моря и въ глуши лѣсовъ — впрочемъ, особенно часто птица эта встрѣчается неподалеку отъ жилыхъ мѣстъ. Она любитъ лѣсныя поляны со стоящими на нихъ эритриновыми деревьями (Erithrina) съ ихъ огромными ярко красными цвѣтами.

Около Ванумбай водится много джангулей *(Megapodius)*, а также камуровъ *(Talegallus)*.

Раза два сынъ Meloko водилъ меня на охоту за камурами. Эти птицы по вечерамъ на ночь садятся на деревья и къ нимъ легко подкрасться довольно близко.

Мѣстопребываніе птицъ мой проводникъ узнавалъ по особеннымъ характернымъ крикамъ, которые онѣ издавали, сидя на своихъ деревьяхъ.

Камуръ мало чѣмъ отличается отъ джангуля; у него желтыя ноги (а не красныя, какъ у джангуля) — это важный отличительный признакъ.

Неподалеку отъ деревни мнѣ показывали ихъ гнѣзда. Они нѣсколько иной формы, чѣмъ гнѣзда джангуля. Туземцы ихъ сразу отличаютъ. Въ яйцахъ различія я не замѣтилъ, хотя, впрочемъ, въ своихъ рукахъ много яицъ Talegallus не имѣлъ.

Talegallus въ общемъ значительно рѣже встрѣчается, чѣмъ Megapodius — по крайней мѣрѣ на Коброрѣ и Вокамѣ. Наоборотъ, на Транганѣ камуровъ, говорятъ, не меньше, чѣмъ джангулей. Тоже и на Майкорѣ.

Гнѣзда Talegallus достигаютъ иногда колоссальной величины — нѣкоторыя извѣстны туземцамъ уже впродолженіи многихъ десятковъ лѣтъ. Въ лѣсу постоянно встрѣчаешь уже давно оставленныя птицами курганы. Невольно подумаешь о томъ, что пройдутъ столѣтія и большеноги подобно моа, дронту будутъ стерты съ лица земли — что̀ несомнѣнно, принимая во вниманіе то безпощадное истребленіе яицъ, которое практикуется всюду, гдѣ только водятся эти интересныя птицы — но память о нихъ будетъ долго сохраняться. Подобно древнимъ египтянамъ, эти птицы оставляютъ послѣ себя сооруженныя при жизни пирамиды — курганы.

Меня всегда сопровождалъ по лѣсу молодой альфуръ — сынъ kapala Meloko. Онъ хорошо объяснялся по малайски и былъ очень мнѣ полезенъ, сообщая много интереснаго. Мой спутникъ порядочно стрѣлялъ изъ лука и не разъ приводилъ меня въ изумленіе, сбивая тупой стрѣлой съ большой высоты древесныхъ ящерицъ и птицъ. Впрочемъ, этотъ юноша являлся въ этомъ отношеніи исключеніемъ среди своихъ собратьевъ — большинству его сверстниковъ искусство стрѣльбы изъ лука плохо дается.

По вечерамъ въ моемъ домѣ собиралась компанія. Приходила мѣстная аристократія — полунагой бугисъ, опапуасившійся китаецъ, всю свою жизнь проведшій на Ару, и два завсегдатаи въ моемъ домѣ — Kamis и Meloko.

Заходили и еще человѣкъ пять, шесть аруанцевъ. Завязывалась бесѣда — я разспрашивалъ гостей, они забрасывали вопросами меня.

Въ селеніе иногда приходили туземцы дальнихъ деревень — изъ центра Коброра и съ острововъ Blakang Tahna. Они приносили китайцу и бугису шкурки парадизокъ и саланганьи гнѣзда.

Раза два гнѣздъ саланганъ притащили цѣлыя большія корзины — ихъ тамъ были сотни и тысячи. Гнѣзда вкладываются одно въ другое штукъ по десяти и протыкаются вмѣстѣ полоской ротанга — образуются небольшія связки. Стоимость этихъ, столь цѣнимыхъ китайцами лакомствъ очень высока. Въ Добо гнѣзда сортируются — отбираются самыя бѣлыя, первый сортъ, съ небольшой примѣсью постороннихъ веществъ — второй и т. д.

1 катти (немного менѣе фунта) гнѣздъ перваго сорта стоитъ въ Добо около 10 рублей, второго около 6, третьяго рубля 4 и наконецъ, самый плохой сортъ, темно бурыя, невзрачныя гнѣзда продаются рубля по 2 фунтъ.

Аруанцы называютъ саланганъ «манрумай». Ихъ добываютъ въ большомъ количествѣ въ пещерахъ около берега моря. Саланганы *(Collocalia)* живутъ во многихъ мѣстахъ Ару, по разсказамъ ихъ много на Коброрѣ (около селенія Lorang и Koitjabi), на Транганѣ, кое гдѣ на Blakang Tahna (близъ Badjarun), на Варіалау и др. мѣстахъ. Но классическая страна саланганъ — это, повидимому, Майкоръ.

Я попросилъ показать мнѣ ихъ гнѣзда и меня везли часовъ пять, шесть на лодкѣ по проливу, отдѣляющему Вокамъ отъ Коброра (на востокъ отъ селенія), пока не пришли въ ближайшее отъ Ванумбай мѣсто, гдѣ водятся саланганы. Обыкновенно эти птицы дѣлаютъ гнѣзда на самомъ берегу моря, здѣсь же колонія саланганъ живетъ верстахъ въ четырехъ, пяти отъ берега. Въ глубокомъ ущельѣ, покрытомъ лѣсомъ, находится довольно обширная пещера, образовавшаяся вслѣдствіе обсыпанія нижнихъ слоевъ толщи коралловаго известняка. Эта пещера, расположенная аршинахъ въ 5—6 отъ дна оврага, служитъ пріютомъ для небольшой колоніи Collocalia. Я насчиталъ здѣсь всего 26 гнѣздъ, но несомнѣнно, ихъ гораздо больше. Въ гнѣздахъ были уже молодые — не успѣлъ я оглянуться, какъ мой спутникъ, желая очевидно мнѣ угодить, сталъ выбрасывать птенцовъ изъ гнѣздъ, чтобы отломать самыя гнѣзда.

Гнѣзда, какъ мнѣ пояснили, были ниже самаго послѣдняго сорта, который только еще идетъ въ продажу, почему пещера, очевидно, и не эксплуатируется.

Во время моего пребыванія въ Ванумбай случилось небольшое землетрясеніе. Толчекъ продолжался не болѣе секунды, но былъ все таки настолько чувствителенъ, что я ощутилъ его, сидя въ своемъ домѣ. Думаю, будь здѣсь каменная постройка, она бы развалилась.

Туземцы разсказывали мнѣ, что землетрясенія не рѣдки на Ару, но никогда не причиняютъ здѣсь никакихъ несчастій. При мѣстныхъ постройкахъ иначе и быть не можетъ.

Землетрясенія на Ару, мнѣ кажется, врядъ ли могутъ быть объяснены отголоскомъ вулканической дѣятельности; скорѣе ихъ причина кроется въ обвалахъ внутри толщъ коралловаго известняка, образующаго острова.

Два раза ходилъ я рано утромъ на токовища райскихъ птицъ (P. apoda), но оба раза неудачно. Ко времени моего пріѣзда въ Ванумбай, почти всѣ тока были уничтожены — оставались еще въ ближайшихъ окрестностяхъ селенія два самца, которые играли, но и они были въ достаточной степени напуганы.

Впрочемъ, гдѣ то далеко въ лѣсу на зарѣ ежедневно были слышны характерные крики парадизокъ; быть можетъ, подальше отъ деревни и можно было бы отыскать токовище, но у меня не было времени, тѣмъ болѣе, что туземцы обѣщали доставить мнѣ случай увидѣть хорошіе тока во время предстоящаго путешествія по Коброру.

Путешествіе это тѣмъ временемъ исподволь подготовлялось. Мой малаецъ нашелъ, наконецъ, туземцевъ проводниковъ, которые должны были служить одновременно и носильщиками. Каждому я долженъ былъ платить по полугульдену въ день за время перехода по лѣсу и по четверть гульдена во время пребыванія въ Blakang tahna.

Эта была главная часть снаряженія. Собраться было не долго. Въ одинъ вечеръ все было готово и 7 сентября на зарѣ мы двинулись въ путь.

ГЛАВА XVII.

Черезъ Коброръ въ Blakangtahn'у. Очеркъ природы Коброрскихъ лѣсовъ — фауна и флора Коброра.

Намъ предстояло пересѣчь весь Коброръ по направленію съ СЗ на ЮВ до деревни Koitjabi, расположенной почти въ центрѣ острова, откуда мы намѣревались итти прямо на востокъ къ селенію Werloi, лежащей на самомъ берегу моря.

Мы углубились въ лѣсъ и пробыли въ немъ около восьми сутокъ.

Путь отъ Ванумбай до Koitjabi нашъ маленькій караванъ прошелъ въ шесть дней, двигаясь часовъ по шести въ сутки. На этомъ переходѣ цѣлыя сутки были посвящены на остановку въ лѣсу для экскурсій и охоты за райскими птицами. Остановка эта была прямо необходима — мы порядкомъ устали и нуждались въ отдыхѣ. Дѣйствительно, многіе переходы были очень тяжелы — временами приходилось съ трудомъ прокладывать себѣ

дорогу среди непролазной чащи. Правда, мы употребляли всѣ усилія для того, чтобы при переходѣ пользоваться естественными дорогами, устроенными въ лѣсной глуши природой. Лѣсныя прогалины, русла рѣчекъ, овраги, все принималось во вниманіе. Чтобы облегчить дорогу, мы временами даже предпочитали удлиннить путь, идя не въ томъ направленіи, которое требовалось маршрутомъ, лишь бы обойти непролазныя трущобы, въ которыхъ можно выбиться изъ силъ, не достигнувъ большихъ результатовъ. Но все же такихъ дебрей не всегда возможно избѣжать и въ такіе несчастные дни мы совершенно падали отъ усталости, пройдя за весь день какихъ нибудь 5—8 верстъ.

Пройденная мною часть Коброра представляетъ собою очень неровную страну, изобилующую глубокими оврагами и ущельями, покрытую лѣсами. Въ сущности — это сплошной лѣсъ, кое гдѣ вырубленный, кое гдѣ повыгорѣвшій, мѣстами состоящій изъ гигантскихъ вѣковыхъ деревьевъ, мѣстами же представляющій собою частую, мелкую поросль. Изъ извѣстныхъ мнѣ древесныхъ породъ, составляющихъ Коброрскіе лѣса, я могу указать, между прочимъ, на различные *Ficus*, *Albizzia*, *Diospyros*, *Vitex*, *Canarium*, *Erithrina*, *Arthocarpus*, *Nephelium*, *Schrizolobium* и сотни другихъ неизвѣстныхъ мнѣ деревьевъ. Первые два дня мы шли мелколѣсьемъ — и временами я чувствовалъ себя гдѣ нибудь въ средней полосѣ Россіи—такъ похожи эти лѣса на наши заросли молодого осинника или ольхи съ ихъ гладкими, сѣрыми стволами. Именно такой характеръ носитъ большинство деревьевъ описанныхъ коброрскихъ лѣсовъ. Въ такихъ поросляхъ нѣтъ ни эффектныхъ эпифитовъ, ни ліанъ, которыя придаютъ типичной тропической растительности особый колоритъ и своеобразную прелесть. Лишь кое гдѣ попадающіеся на глаза эффектные вѣера цикусовъ, да изящные древовидные папоротники нарушаютъ иллюзію.

Ближе къ центру островъ покрытъ огромной площадью вѣкового дѣвственнаго лѣса, представляющаго мѣстами грандіозную картину какого то хаоса — сотни деревьевъ сломанныхъ, вырванныхъ съ корнями, нагромождены другъ на друга. Мѣстами образовались колоссальныя баррикады изъ стволовъ лѣсныхъ великановъ, на половину уже сгнившихъ, густо обросшихъ папортниками, обвитыхъ ротангомъ, оригинальной *Freycinetia* (изъ *Pandanaceae*), покрытыхъ орхидеями и другими эпифитами. На склонахъ такихъ баррикадъ растетъ густой кустарникъ и даже ютятся цѣлыя деревья. Все говоритъ о какомъ то ужасномъ ураганѣ, бурѣ, вообще катастрофѣ, пронесшейся десятки лѣтъ тому назадъ надъ этою частью острова.

Временами, какъ я уже говорилъ выше, намъ приходилось цѣлыми часами итти вдоль глубокихъ овраговъ и я не упускалъ случая изслѣдовать обнажающіяся по ихъ склонамъ каменистыя породы. Собранные мною

образчики ясно говорятъ о коралловомъ происхожденіи острова. Всѣ обнаженія, какъ и въ окрестностяхъ Ванумбай, состояли изъ бѣлаго, довольно плотнаго коралловаго известняка, частью почти аморфнаго, частью съ ясными слѣдами коралловаго происхожденія. Нерѣдко удавалось выкапывать прекрасно сохранившіеся остатки коралловъ *Astraea*, *Porites* etc. Въ куски коралловъ включены зачастую цѣлые комки остатковъ раковинъ *Gasteropoda*, *Pecten*, *Arca* и другихъ *Lamellibranchiata*.

На днѣ такихъ овраговъ мѣстами попадается вода, кое гдѣ въ лѣсу намъ случалось даже находить довольно обширные водоемы, наполненные дождевой водой, правда, достаточно уже испорченной, но все же довольно пригодной для питья. Конечно, было бы не малымъ рискомъ употреблять подобную воду сырой — да и вообще, за все время пребыванія въ тропикахъ я ни разу не пилъ сырой воды и, быть можетъ, этимъ значительно предохранилъ себя отъ различныхъ заболѣваній.

Въ общемъ наша маленькая компанія за все время пути не терпѣла особаго недостатка ни въ водѣ, ни въ провіантѣ и все время сохраняла прекрасное расположеніе духа.

Впереди каравана всегда шелъ проводникъ туземецъ — за нимъ двое аруанцевъ несли на бамбуковой жерди корзину съ моимъ багажемъ и наконецъ я со слугой малайцемъ замыкали шествіе.

Двигались мы настолько медленно, что всегда была возможность стрѣлять по пути попадавшихся птицъ и собирать насѣкомыхъ. Впрочемъ, насѣкомыхъ въ этихъ лѣсахъ — по крайней мѣрѣ въ тотъ періодъ года, въ въ который мы по нимъ проходили (сентябрь), — такъ мало, что о нихъ не стоило бы и вспоминать. Я говорю о нихъ, чтобы еще разъ отмѣтить ошибочность нашихъ ходячихъ представленій о богатствѣ тропическихъ лѣсовъ разнообразными яркими, крупными и эффектными жуками, прямокрылыми, бабочками и т. д. За шесть дней пути по лѣсу я собралъ всего 108 экземпляровъ различныхъ Insecta, при чемъ среди нихъ почти половину составляли различныя *Diptera* и *Hymenoptera*. *Coleoptera* и *Orthoptera* почти совершенно отсутствовали. Фауна *Lepidoptera*, правда, сравнительно очень богата количествомъ особей, но ловить въ глуши лѣса большинство бабочекъ для меня оказалось непосильною задачею — я находилъ болѣе продуктивнымъ гоняться за птицами.

Среди Lepidoptera[1]) особенно бросались въ глаза во время пути различныя *Ornithoptera* (*O. arroana*, *O. helena*), свѣтлыя *Hestia*, многочисленныя *Papilio* (*P. severus*, *P. agamemnon*, *P. ulysses*, *P. polydorus*, *P. nica-*

1) Сборы Lepidoptera любезно опредѣлены Н. Я. Кузнецовымъ, за что приношу ему свою благодарность.

nor), яркія *Nymphalidae* (*Parthenos sylvia* Cram., *Cethosia cydippe* L., роскошная *Hypolymnas bolina* L., *H. antilope* Cram., *Lethe*, *Mycalesis*, *Precis*, *Neptis heliodora* Cram.), *Athyma evanescens* Staud., *Doleschallia bisaltides*, Cram.), *Danaidae* (*Danais cursiri* Moore, *Euploea alba* Hübn., *Idiopsis chloris Feld.*), *Morphidae*, *Hypsidae* (*Hypsa monycta* Cram.), *Nyctemeridae* (*Nyctemera latistriga Walk.*), *Pieridae* (мелкіе виды *Tachyris*), *Sphingidae* (*Macroglossum assimile* Swains) и мног. др.

Hestia, различныя *Papilionidae*, роскошныя *Ornithoptera*, оригинальныя *Tenaris* съ ихъ глазчатыми нижними крыльями, и *Doleschallia* — вотъ наиболѣе характерныя бабочки Коброрскихъ лѣсовъ.

Особенно интересна мимикрирующая *Doleschallia*, замѣняющая здѣсь знаменитую *Kallima* Индійскихъ острововъ. Дѣйствительно, сложившая крылья *Doleschallia* удивительно подражаетъ сухому листу.

Эта бабочка сверху оранжеваго цвѣта и рѣзко бросается въ глаза, но стоитъ ей сѣсть на дерево и она исчезаетъ изъ глазъ. Стоитъ многихъ трудовъ, чтобы разглядѣть спокойно сидящую на вѣткѣ бабочку.

Изъ жуковъ довольно еще обыкновенны крупные Cerambicidae (среди нихъ огромный *Batocera* sp.), *Elateridae*, изумрудно-зеленыя — чрезвычайно изящныя и красивыя *Ischiopsopha*, *Lomaptera*, интересные тигровые жуки (*Arctiidae*), мелкіе короѣды — *Brentidae*, *Cicindellidae* и т. п.

Говоря о жукахъ, нельзя не упомянуть объ одномъ представителѣ группы *Cicindellidae*, очень обыкновенномъ на Коброрѣ—*Tricondyla aptera*. Этотъ жукъ удивительно похожъ по своему внѣшнему виду на очень крупнаго муравья. Сходство это до того разительно, что я долгое время не рѣшался хватать этихъ невинныхъ насѣкомыхъ руками, опасаясь укуса. Среди аруанскихъ животныхъ *Tricondyla* представляетъ, пожалуй, одинъ изъ лучшихъ примѣровъ мимикріи.

Самыми крупными представителями *Coleoptera* изъ встрѣченныхъ мною во время пребыванія на Коброрѣ являются громадный *Batocera*, достигающій 2 дюймовъ въ длину, различные *Lucanidae* и черные *Passalidae*. Послѣдніе чрезвычайно обыкновенны и ихъ можно собирать сотнями экземпляровъ.

Изъ пресмыкающихся въ лѣсу во время нашихъ странствованій мы видѣли раза два громадныхъ *игуанъ*. Это пресмыкающееся возбудило мой интересъ. Оно, какъ извѣстно, является характернымъ представителемъ фауны Южной Америки — до сихъ поръ ни одного представителя Iguanidae не было найдено ни въ Азіи, ни въ Африкѣ — только въ Австралійской области извѣстенъ одинъ видъ игуаны.

Аруанская игуана сѣрозеленаго цвѣта достигаетъ 2 футовъ въ длину. Эта ящерица по словамъ туземцевъ живетъ въ довольно большомъ коли-

чествѣ въ лѣсахъ Коброра — я лично застрѣлилъ два экземпляра этой ящерицы, но видѣлъ еще у туземцевъ нѣсколько экземпляровъ, но въ такомъ видѣ, что не могъ пріобщить ихъ къ моей коллекціи. Аруанцы, поймавъ игуану, отрубаютъ ей голову и ноги — въ такомъ видѣ приносили мнѣ туземцы заказанныхъ мною игуанъ и очень удивлялись, когда я ихъ не принималъ.

Изъ остальныхъ Reptilia на Коброрѣ нерѣдки *варены*. Я привезъ съ Ару два экземпляра этихъ ящерицъ — достигающихъ довольно почтенныхъ размѣровъ — одинъ изъ нихъ достигаетъ до полуторыхъ аршинъ въ длину. Аруанскій Varanus (*V. salvadorii* Peters et Doria) отличается отъ Яванскаго окраской спины. Она у него покрыта мелкими желтыми пятнами. Какъ и на Явѣ, варанъ Ару держится около воды.

Одинъ изъ экземпляровъ, котораго я препарировалъ былъ зараженъ крупными *Pentastomidae*.

Кромѣ игуаны и варана я собралъ во время путешествія по Коброру большое количество мелкихъ ящерицъ. Упомяну между прочимъ о тѣхъ, которыя особенно характерны для лѣсовъ Ару и Новой Гвинеи. Это — *Lygosoma* (нѣсколько видовъ — между прочимъ *L. albertisii* Peters et Doria) оригинальныя *Goniocephalus modestus* Meyer, *Gehyra variegata* Dumm. et Bibr., *Calotes tympanostriga* Gray., *Gecko* вр. и др.

Изъ змѣй на первомъ мѣстѣ, конечно, нужно поставить *пиѳона*. Эта огромная змѣя, достигающая нѣсколькихъ аршинъ, даже саженъ, въ длину, я два раза видѣлъ въ лѣсу, висящей подобно канату на сукахъ деревьевъ. На Малайскомъ Архипелагѣ туземцы зачастую и называютъ эту змѣю — змѣей ліаной.

Съ особеннымъ усердіемъ, какъ и всегда, я собиралъ птицъ.

Орнитологическая фауна Коброрскихъ лѣсовъ очень богата, но все же, долженъ замѣтить, особенно много новыхъ для себя формъ здѣсь я не встрѣтилъ. Большая часть была уже мнѣ хорошо извѣстна раньше. Характерными формами являются здѣсь, какъ и всюду на Ару, разнообразные голуби, зимородки (нѣсколько видовъ *Halcyon*, *Sauromarptis*, *Syma*, прекрасная *Tanysiptera*, *Ceyx*, *Alcedo*, *Alcyone*), разнообразныя *Muscicapidae*, *Turdidae*, *Laniidae*, роскошныя нектарицы (*Nectarinia*, *Arachnothera* и др.), и въ особенности попугаи.

Послѣднихъ множество. Тутъ всѣ представители этого семейства, начиная съ гиганта *Microglossus aterrimus* — чернаго арара-какаду, и кончая пигмеемъ *Nasiterna*.

Разнообразные лори (*Eos*, *Lorius*), бѣлые *Cacatua triton*, клинохностые *Trichoglossus*, зеленые *Geoffroyus*, наконецъ яркіе, крупные *Eclectus* — встрѣчались всегда во множествѣ.

Одинъ изъ наиболѣе типичныхъ попугаевъ Ару является оригинальный *Eclectus polychlorus*. — Ярко красныя самки и одинаково яркіе но зеленые самцы этого попугая всегда во множествѣ попадались намъ во время скитанія по лѣсамъ. Трудно и представить себѣ, не видѣвши, какъ дивно хороши эти птицы съ ихъ ярко краснымъ, зеленымъ и синимъ опереніемъ на темномъ фонѣ угрюмаго дѣвственнаго лѣса.

Eclectus — типичный житель Папуасіи. Эта крупная (около 0,5 метра въ длину) птица встрѣчается кромѣ Ару, на Кей, Новой Гвинеѣ, Новыхъ Гебридахъ, Соломоновыхъ островахъ и кое гдѣ на Молуккахъ.

Аруанскій *Eclectus* выдѣленъ Gray въ особую разновидность *E. polychlorus var. Aruensis* Gray, которую призналъ и Wallace, но по мнѣнію Salvadori выдѣленіе его не имѣетъ основаній. Туземцы Ару называютъ *Eclectus* «Woitau-Kuikui».

Самымъ любопытнымъ изъ всѣхъ попугаевъ, равно какъ и вообще, пожалуй, одной изъ самыхъ интересныхъ птицъ, встрѣченныхъ мною въ окрестностяхъ Ванумбай, а также и во время скитаній по лѣсамъ Коброра, является *Microglossus aterrimus* Gm., «алькай» на языкѣ аруанцевъ. Этотъ громадный черный какаду сдѣлался извѣстнымъ уже съ начала XVIII ст. Первые путешественники окрестили его неудачнымъ именемъ «Corbeau des Indes».

«Алькай» — очень крупная птица; въ длину самцы достигаютъ около 80 сант. (самки нѣсколько мельче самцовъ)[1]). Непропорціонально съ туловищемъ огромная голова попугая вооружена колоссальнымъ и чрезвычайно сильнымъ клювомъ. Можно сказать, что вся сила птицы сконцентрирована въ головѣ и клювѣ.

Microglossus aterrimus принадлежитъ къ числу птицъ особенно характерныхъ для орнитофауны Папуасіи. Онъ живетъ на Новой Гвинеѣ и прилегающихъ островахъ, а также въ лѣсахъ сѣверной Австраліи — именно на мысѣ Іоркъ. Сообщенія о нахожденіи чернаго какаду на Молуккахъ, а именно на о. Буру (Lesson) и Серамѣ (Finsch) оказались ошибочными.

«Алькай» въ довольно большомъ количествѣ населяетъ лѣса Tahna besaar на островахъ Ару. Я встрѣчалъ его на о. Wokam'ѣ и въ особенно большомъ количествѣ на Коброрѣ, гдѣ эта птица мѣстами очень обыкновенна. Излюбленнымъ ея мѣстопребываніемъ, повидимому, являются высокоствольные, густые лѣса, которыми покрыта почти вся поверхность Коброра. По моимъ наблюденіямъ алькай попадается здѣсь какъ въ глуши лѣса, такъ и на опушкахъ, поблизости отъ селеній, но въ окрестностяхъ,

1) Отмѣчу, что новогвинейскія птицы въ общемъ нѣсколько крупнѣе аруанскихъ.

напр., Добо, гдѣ имѣется обширная площадь лѣса, M. aterrimus, повидимому, не встрѣчается.

Главной пищей этого попугая являются плоды канаріевыхъ деревьевъ, которыя такимъ образомъ составляютъ одно изъ условій, благопріятствующихъ мѣстопребыванію описываемой птицы въ томъ или другомъ районѣ.

Нужна громадная сила клюва, чтобы раскусить твердую кожуру канаріеваго орѣха. Алькай справляется съ этимъ дѣломъ очень легко; помимо силы, его клювъ является спеціально приспособленнымъ для столь трудной манипуляціи, какъ добываніе зерна изъ такого твердаго и трудно доступнаго плода, какъ капари. Уоллэсъ подробно описываетъ всю сложную процедуру, которую для этого продѣлываетъ какаду — я тоже наблюдалъ ее у жившаго у меня молодого алькая и всегда изумлялся его силѣ и ловкости.

Черный какаду встрѣчается въ лѣсахъ Ару всегда въ одиночку. Онъ чрезвычайно остороженъ и подойти къ птицѣ на выстрѣлъ иногда очень трудно. На волѣ это довольно живая птица, она все время перелетаетъ съ дерева на дерево, оглашая лѣсъ своими меланхолическими, гортанными криками. Нужно замѣтить, что въ этомъ отношеніи алькай сильно отличается отъ другихъ попугаевъ, въ особенности отъ бѣлыхъ какаду. Тѣ наполняютъ весь лѣсъ своими душураздирающими криками — алькай, наоборотъ, обладаетъ довольно меланхолическимъ голосомъ.

За все время пребыванія на Ару, я ни разу не нашелъ гнѣзда *M. aterrimus*. Туземцы разсказывали мнѣ, что эта птица гнѣздится въ дуплахъ деревьевъ, откуда иногда добываютъ молодыхъ. Одного птенца между прочимъ я купилъ у туземца, думая привести въ Россію. Птица была очень меланхолична и околѣла доѣхавъ только до Сингапура. По словамъ Rosenberg'а молодые алькаи легко приручаются, прилетаютъ къ своему хозяину и т. д. Я лично нигдѣ не видалъ ручныхъ черныхъ какаду, да и вообще птица эта довольно рѣдко встрѣчается у любителей даже въ предѣлахъ Малайскаго Архипелага.

Одной изъ орнитологическихъ достопримѣчательностей Коброра, равно какъ, конечно, и вообще всего Аруанскаго архипелага, является большая райская птица — *Paradisea apoda* L.

Родъ *Paradisea*, установленный Линнеемъ, заключаетъ въ себѣ въ настоящее время 10 видовъ, распространенныхъ кромѣ Новой Гвинеи, на островахъ Ару, Baüriy, Batanta, Gemien, Mysol, Obi, Halmaheira, Fergusson.

Главный представитель рода — *P. apoda* L., извѣстный въ Европѣ уже цѣлыя столѣтія и описанный самимъ Линнеемъ, распространенъ лишь на архипелагѣ Ару. Его разновидность, отличающаяся отъ типичнаго *P. apoda typica* лишь меньшей величиной и извѣстная подъ именемъ *P. apoda novaeguineae* (Alb. et Salv.) живетъ въ южной Новой Гвинеѣ — по рѣкѣ Fly.

Да и на островахъ Ару P. apoda скоро трудно будетъ найти. Съ каждымъ годомъ она становится здѣсь все болѣе и болѣе рѣдкой птицей и время ея полнаго исчезновенія, несомнѣнно, относительно недалеко, если не будутъ приняты энергичныя мѣры къ прекращенію такого поголовнаго истребленія, которымъ на Ару занимается всякій, кто только въ состояніи держать въ рукахъ ружье, или лукъ. Истребляются парадизки безъ различія возраста и пола. Самцовъ туземецъ убиваетъ съ цѣлью продать или вымѣнять торгашу малайцу, который перепродаетъ шкурки скупщикамъ китайцамъ. Самокъ дикари не брезгуютъ бить для ѣды. Въ результатѣ на юго западномъ берегу о. Вокама, гдѣ по словамъ нѣкоторыхъ охотниковъ лѣтъ десять, пятнадцать тому назадъ P. apoda встрѣчалась въ довольно большомъ количествѣ, теперь ея уже нѣтъ — нужно итти далеко въ глубь острова, чтобы найти эти птицу. Въ окрестностяхъ Ванумбай, напримѣръ, (на островѣ Коброрѣ) гдѣ въ шестидесятыхъ годахъ Уоллэсъ нашелъ P. apoda въ огромномъ количествѣ — въ настоящее время она составляетъ уже прямо рѣдкость — мнѣ съ трудомъ удалось увидѣть здѣсь двухъ самцовъ, единственныхъ, которые токовали.

P. apoda по разсказамъ до сихъ поръ еще очень обыкновенна лишь на одномъ изъ острововъ Аруанскаго архипелага, а именно на большомъ островѣ Транганѣ — самомъ южномъ изъ острововъ Tahna besaar, а также кажется и на сосѣднемъ съ нимъ Майкорѣ.

По словамъ Posthoder'a въ Добо, Baâdill'ы и многихъ другихъ лицъ, хорошо знающихъ архипелагъ и промышляющихъ райскими птицами, на Транганѣ очень часто случается еще находить токовища, куда слетаются по нѣсколько десятковъ парадизокъ. Охотники утверждаютъ въ одинъ голосъ, что на Транганѣ для своихъ «чаккалеле», т. е. плясокъ, райскія птицы выбираютъ совсѣмъ низкія деревья, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ архипелага P. apoda всегда токуютъ на очень большой высотѣ. На Транганѣ мнѣ не удалось побывать — думаю, что это измѣненіе въ привычкахъ обусловливается какими нибудь специфическими мѣстными условіями.

При переходѣ черезъ лѣса Коброра я довольно часто слышалъ характерный, громкій крикъ райской птицы, легко передаваемый губами, если произносить съ извѣстной интонаціей слово *уок*, быстро слѣдующія одно за другимъ — уок-уок-уок-уок-уок...

Неподалеку отъ дер. Koitjabi мы встрѣтили партію туземцевъ, охотившуюся за райскими птицами. За нѣсколько фунтовъ табаку они согласились показать намъ мѣсто тока и на слѣдующее утро я убилъ двухъ превосходныхъ самцовъ P. apoda. Туземцы съ ночи привели меня на обширную лѣсную вырубку съ кое гдѣ возвышающимися отдѣльными деревьями. На одномъ изъ деревьевъ было устроено изъ вѣтвей подобіе шалаша (на

высотѣ 15—20 аршинъ отъ земли), куда мнѣ рекомендовали засѣсть, что я и исполнилъ безпрекословно. Ровно въ шесть часовъ утра — на разсвѣтѣ — на дерево стали слетаться райскія птицы — всего ихъ набралось 6 самцовъ и двѣ самки. Токъ происходилъ въ 20 аршинахъ отъ меня и я цѣлый часъ любовался всѣми его прелестями. Для танцевъ самцы выбираютъ преимущественно горизонтально расположенные суки, по которымъ бѣгаютъ съ громкими криками, хлопая крыльями и широко распустивъ кверху свои султаны. Я не видалъ, чтобы птицы дрались — онѣ просто бѣшено снуютъ, каждая на своемъ суку, подскакивая время отъ времени къ самкамъ, которыя въ данномъ случаѣ сидѣли на вершинѣ сосѣдняго дерева, обнаруживая несомнѣнные признаки агитаціи. Онѣ иногда подлетали къ самцамъ и садились на суки съ распущенными крыльями. Акта спариванія я не наблюдалъ. Изъ моихъ впечатлѣній натуралиста, вынесенныхъ за многочисленныя поѣздки, впечатлѣніе, полученное отъ тока райскихъ птицъ, несомнѣнно одно изъ самыхъ сильныхъ. Это сказочное зрѣлище, которое нужно самому видѣть, чтобы понять и оцѣнить по достоинству.

Описанный мною способъ охоты за райскими птицами — въ шалашахъ, выстроенныхъ на деревьяхъ — практикуется почти исключительно туземцами, вооруженными луками. Для охотника, стрѣляющаго изъ порядочнаго ружья, нѣтъ смысла продѣлывать всѣ эти головоломныя упражненія — гораздо цѣлесообразнѣе засѣсть подъ извѣстнымъ деревомъ и стрѣлять съ земли. Дистанція въ 50—60 аршинъ для мало мальски сноснаго ружья не представляетъ особыхъ затрудненій — слѣдуетъ только стрѣлять по райской птицѣ крупной дробью[1]). На Коброрѣ P. apoda называютъ «*Fanean*» — самокъ «*Gobak*». Туземцы охотятся за ними исключительно съ цѣлью вымѣнять шкурки въ Добо, или же пріѣзжему бугису — за табакъ, водку, опіумъ, бумажныя ткани и т. д. Я никогда не видѣлъ, чтобы у аруанца среди украшеній на оружіи, или въ головномъ уборѣ были перья райской птицы. Лишь изрѣдка, говорятъ, можно найти пучки перьевъ парадизки, украшающихъ щиты, но въ головныхъ украшеніяхъ онѣ положительно отсутствуютъ. Аруанцы вообще не чувствуютъ большой склонности украшать себя — рѣзкая противоположность съ сосѣдями — туземцами о. Тенимбера, которые по страсти къ украшеніямъ и по кокетству не уступаютъ любой европейской модницѣ, а также папуасами Новой Гвинеи, у которыхъ зачастую можно встрѣтить золотистые султаны P. papuana, воткнутые въ головные уборы.

Интересно, что на этихъ, сосѣднихъ съ архипелагомъ Ару, островахъ

1) Дальность разстоянія, плотность пера и крѣпость птицы заставляетъ меня думать, что нужно употреблять дробь не меньше №№ 1 или 2 англійскаго счета.

Тенимберъ туземцы страшно дорожатъ перьями райской птицы и покупаютъ ихъ за дорогую цѣну отъ продавцовъ малайцевъ, закупающихъ ихъ въ свою очередь на Ару.

Убиваютъ туземцы Ару большихъ райскихъ птицъ по большей части изъ луковъ, особыми стрѣлами. Стрѣлы эти отличаются отъ обыкновенныхъ, употребляемыхъ на войнѣ, или охотѣ по звѣрю, своими наконечниками. Иногда вмѣсто обычныхъ острыхъ зазубренныхъ деревянныхъ наконечниковъ на древко стрѣлы насаживается тупой деревянный шишакъ, который оглушаетъ птицу не портя шкурки. Чаще же для стрѣльбы райскихъ птицъ употребляется стрѣла, наконечникъ которой очень похожъ на наконечникъ тѣхъ гарпуновъ, которыми туземцы защемляютъ рыбу.

Вмѣсто одного острія такой наконечникъ состоитъ изъ 2 или чаще 3, которыя расположены въ видѣ вилки или (въ послѣднемъ случаѣ) такимъ образомъ, что всѣ три острія сходятся въ одной точкѣ въ мѣстѣ прикрѣпленія къ древку и расходятся свободными концами.

Такая стрѣла не можетъ пробить птицу насквозь, а вонзается только на незначительную глубину и портитъ шкурку гораздо менѣе, чѣмъ обыкновенная стрѣла.

Въ былыя времена шкурки райскихъ птицъ, приготовленныя туземцами, доставлялись въ Европу въ ужасномъ видѣ — безъ ногъ, безъ головы, но теперь аруанцы усовершенствовались въ таксидермическомъ искусствѣ. Пріобрѣтаемыя отъ аруанцевъ парадизки имѣютъ видъ вполнѣ приличныхъ, плоскихъ, не набитыхъ шкурокъ съ правильно уложенными крыльями и цѣлыми ногами. Ихъ недостатокъ — отсутствіе черепа въ головкахъ, который при препарировкѣ отрѣзается[1]).

Въ общемъ новогвинейскіе папуасы въ таксидермическомъ искусствѣ далеко отстали отъ аруанцевъ. Большинство шкурокъ, получаемыхъ отъ туземцевъ Новой Гвинеи находится въ ужасномъ видѣ — цѣлыми остаются только наиболѣе цѣнныя перья — всѣ остальныя части птицы порваны, измяты, поломаны.

Изъ другихъ видовъ *Paradiseidae* въ лѣсахъ Коброра очень часто встрѣчается маленькая *Cicynnurus regius L.* Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣса мы встрѣчали этихъ роскошно оперенныхъ, изящныхъ птичекъ десятками на ліанахъ, перекидывающихся съ дерева на дерево. Эта птица въ глуши Коброра очень довѣрчива, не пуглива. Она подпускаетъ къ себѣ человѣка на

1) Въ одномъ изъ засѣданія Отдѣленія Зоологіи и Физіологіи Имп. С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей, гдѣ я дѣлалъ сообщеніе о біологіи аруанскихъ птицъ и показывалъ приготовляемыя аруанцами шкурки райскихъ птицъ — нѣкоторые изъ присутствовавшихъ членовъ общества даже думали, что шкурки этихъ парадизокъ сдѣланы мною самимъ — въ такомъ хорошемъ онѣ были состояніи.

самое близкое разстояніе. Мнѣ случалось однимъ выстрѣломъ убивать по три, четыре птицы сразу. Туземцы Коброра, равно какъ и на Wokam'ѣ, называютъ эту парадизку «gobi-gobi» (по Forsten'у — «wowy-wowy» — по Wallace'у и Rosenberg'у — тоже «goby-goby»). Шкурки этой птички зачастую доставляются туземцами въ Добо, гдѣ вымѣниваются за безцѣнокъ — у скупщиковъ можно пріобрѣсти экземпляръ C. regius за 40—50 центовъ.

Кромѣ *P. apoda* и *C. regius* въ лѣсахъ Коброра встрѣчаются еще три формы райскихъ птицъ, а именно *Ptilonorhynchus*, *Aeluroedus* и *Manucodia atra*. Мнѣ не удалось увидѣть здѣсь ни той, ни другой, ни третьей. *Manucodia* я встрѣтилъ на Уджирѣ, гдѣ добылъ прекрасный экземпляръ самца (самки и самцы у этой парадизки въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ представителей Paradiseidae, не различимы). Во время пребыванія въ Ванумбай одинъ туземецъ мнѣ принесъ двухъ черныхъ райскихъ птицъ живыми.

Во время странствованія по Коброру мнѣ удалось осуществить свою давнишнюю мечту увидѣть казуара — этого царя аруанскихъ лѣсовъ, самаго крупнаго представителя животнаго царства Папуасіи.

На о. Коброрѣ въ его дремучихъ, глухихъ лѣсахъ казуаръ, повидимому, не составляетъ рѣдкости., но увидѣть его, разумѣется, нелегко. Мнѣ посчастливилось встрѣтить выводокъ молодыхъ казуарятъ съ маткой. Она бросилась въ чащу при появленіи моихъ спутниковъ и нечаянно наткнулась на меня. Я ударилъ ее на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ крупной дробью и убилъ наповалъ. Это была крупная самка; ея длина отъ клюва до пальцевъ ногъ была около $2^1/_2$ аршинъ.

Казуарята съ необыкновеннымъ проворствомъ и искусствомъ попрятались въ кустахъ, но черезъ двѣ, три минуты всѣ были переловлены. Мнѣ удалось доставить двухъ изъ нихъ въ Добо, таская всюду за собою въ корзинѣ. Впослѣдствіи они выдержали трудное путешествіе въ баркѣ на Новую Гвинею и на пароходѣ благополучно добрались до Одессы, гдѣ погибли отъ несчастной случайности. Кто то изъ посѣтителей, встрѣчавшихъ нашъ пароходъ, бросилъ въ клѣтку нѣсколько кусковъ селедки, которыя были съ жадностью проглочены птицами. Это обусловило ихъ гибель.

Скажу два слова о держаніи казуарятъ въ неволѣ. Я убѣдился, что эта птица можетъ быть чрезвычайно легко приручена. Она превосходно переноситъ морское путешествіе и довольно неприхотлива въ смыслѣ ухода. Уходъ требуется за самыми молодыми птенцами. Ночью ихъ необходимо держать въ теплѣ, окутывая ватой или сѣномъ; нужно быть также осторожнымъ при обращеніи съ табакомъ—табачнаго дыма птицы почти не выносятъ, равно какъ гибнутъ отъ самыхъ слабыхъ ударовъ по головѣ. Ѣдятъ казуарята въ неволѣ рѣшительно все, что есть подъ рукою—я давалъ имъ вареный и су-

хой рисъ, саговыя лепешки, хлѣбъ, фрукты, горохъ, кукурузу и т. д. Все съѣдалось съ одинаковой жадностью. Пуховые птенцы грязно-желтаго цвѣта съ сильно замѣтной рыжиной.—По спинѣ и бокамъ идутъ рѣзкія, черныя продольныя полосы. Такіе птенцы очень похожи на маленькихъ австралійскихъ эму, которые тоже полосаты. Эта полосатость у моихъ птенцовъ прошла приблизительно на исходѣ четвертаго мѣсяца по выходѣ изъ яйца (пойманные каузарята были приблизительно недѣльнаго возраста). Этотъ періодъ, повидимому, очень болѣзненъ для птицы—начинается линька, которая у моихъ питомцевъ протекала крайне своеобразно. Птенцы терлись обо всѣ углы и неровности своего помѣщенія, немилосердно щипали свое тѣло клювами и лапами. Въ результатѣ вся спина у птицы превращалась въ сплошную кровавую рану. Въ нѣсколько дней казуарята стали почти совсѣмъ голыми, но чрезъ нѣсколько дней на мѣсто содраннаго пуха они покрылись настоящими перьями. Въ Добо мнѣ впослѣдствіи приносили часто молодыхъ казуарятъ разнаго возраста—ихъ можно тамъ пріобрѣтать за небольшую сравнительно цѣну (отъ 50 ц. до 1 гульдена).

Въ восточной части Малайскаго Архипелага вообще не рѣдкость увидать у туземцевъ ручныхъ домашнихъ казуаровъ. Они расхаживаютъ по селенію, какъ прирученные журавли въ нѣкоторыхъ нашихъ русскихъ помѣстьяхъ, всюду сопровождая своего хозяина, къ которому привыкаютъ, какъ собака.

Скажу еще нѣсколько словъ о ночныхъ птицахъ аруанскихъ лѣсовъ.

Ихъ сравнительно немного. Я слышалъ нѣсколько разъ въ лѣсу позднею ночью какую то мелкую сову (вѣроятно *Noctua aruensis*), вечеромъ во время экскурсій по открытымъ лѣснымъ полянамъ спугивалъ *козодоевъ* (*Caprimulgus*)—ихъ на Ару нѣсколько видовъ.

Но самой интересной изъ ночныхъ птицъ Ару, является оригинальный козодой великанъ — *Podargus*, «гонгабуль» туземцевъ.

Родъ *Podargus*—одинъ изъ представителей сем. *Podargidae*, распространеннаго въ Австраліи, Тасманіи, Папуасіи, Филиппинахъ и вообще на Малайскомъ Архипелагѣ (нѣтъ на Целебесѣ!) и Бирмѣ, живетъ исключительно въ Австраліи и на Папуасскихъ островахъ. На Ару встрѣчаются два вида—*P. ocellatus* Q. G. и *P. papuensis* Q. и G.

Изъ млекопитающихъ въ лѣсахъ Коброра въ большомъ количествѣ живутъ *кенгуру*, *кускусъ*, нѣсколько породъ *летучихъ мышей*, *олени* и *дикія свиньи*.

Оленей (Cervus moluccanus?) въ лѣсахъ Коброра, говорятъ, много, но нашей компаніи не удалось здѣсь съ ними встрѣтиться и по моему мнѣнію на Коброрѣ это животное гораздо рѣже встрѣчается, чѣмъ на Вокамѣ, гдѣ я зачастую убивалъ его.

Дикихъ свиней (Sus aruensis) очень много около воды по близости отъ селеній. Въ глухихъ лѣсахъ я ни разу не встрѣчалъ кабановъ и, наоборотъ, около Ванумбай мнѣ зачастую случалось натыкаться на нихъ, равно какъ и на противоположной сторонѣ пролива. Здѣсь дикія свиньи держатся по близости т. наз. кобооновъ, т. е. лѣсныхъ вырубокъ, на которыхъ туземцы Ванумбай разводятъ неприхотливыя овощи — «оби» и «клади» — нѣчто вродѣ картофеля.

Изъ *летучихъ мышей* въ лѣсахъ много *Pteropus* sp. и нѣсколько мелкихъ формъ. Иногда, проходя по лѣсу, на нѣкоторыхъ деревьяхъ видишь по нѣскольку десятковъ *Pteropus*, висящихъ на сукахъ, какъ грозди плодовъ.

Нужно замѣтить, что фауна Аруанскихъ острововъ вообще очень бѣдна представителями млекопитающихъ. Какъ и вездѣ, въ Папуасской области наиболѣе типичные изъ здѣшнихъ Mammalia принадлежатъ или къ сумчатымъ, или къ летучимъ мышамъ.

Изъ сумчатыхъ на Ару извѣстны два вида *Cuscus*, *Perameles* (*P. doreyanus*), *Macropus* (*M. Brunii*), два вида *Phascogale* (*P. longicaudata* и *P. wallacei*), *Dactylopsila trivirgata* и *Petaurus ariel*.

Большинство этихъ животныхъ совершенно идентичны съ соотвѣтствующими сумчатыми Новой Гвинеи.

На сумчатыхъ Аруанскихъ о-вовъ стоитъ остановиться подробнѣе. Я довольно часто встрѣчалъ во время своего путешествія по Вокаму и Коброру двухъ очень характерныхъ для Ару представителей этого отряда — *кускуса* и *кенгуру*.

Кускусъ (*Cuscus* sp. div.) на Малайскомъ Архипелагѣ встрѣчается исключительно въ его восточной половинѣ — на Молукскихъ о-вахъ, Новой Гвинеѣ и о-вахъ Папуасіи. Я встрѣчалъ его на Амбоинѣ, Бандѣ, Кей и Ару. На Ару съ этими интересными животными мнѣ удалось ознакомиться довольно близко.

Кускусъ («кусу» малайцевъ, «медей» вокамцевъ, «моду» и «вангалъ» коброрцевъ) — очень обыкновенное животное на Аруанскихъ о-вахъ. Это житель лѣсовъ и на Ару ему есть гдѣ существовать. Не смотря, однако, на свою обыкновенность, кускуса далеко нелегко найти и наблюдать. Кускусъ умѣетъ чрезвычайно хорошо скрываться въ листвѣ деревьевъ, а кромѣ того. днемъ эти животныя спятъ и только съ наступленіемъ темноты вылѣзаютъ изъ своихъ убѣжищъ. Какъ-то разъ во время одной ночевки въ лѣсу мнѣ удалось наблюдать до десятка этихъ звѣрьковъ, прыгающихъ по деревьямъ и при свѣтѣ костра застрѣлить двухъ крупныхъ самокъ; въ сумкѣ одной находился довольно взрослый дѣтенышъ. Въ другой разъ, днемъ туземецъ нашелъ дупло, изъ котораго вытащилъ двухъ молодыхъ величиною съ мѣсячнаго котенка. Одного изъ нихъ мнѣ удалось довезти до Сингапура,

гдѣ онъ околѣлъ. Въ неволѣ кускусъ скучное животное, не доставляющее хозяину ни малѣйшаго удовольствія. Я его кормилъ молокомъ, которое звѣрекъ ѣлъ одинаково охотно, какъ днемъ, такъ и ночью. Цѣлыми днями молодые спятъ, забравшись въ темные, теплые уголки — по ночамъ же дѣлаются несносными во время путешествія, мѣшая спать. На видъ кускусъ крайне неуклюжее животное; оно лѣниво переступаетъ съ ноги на ногу и, наблюдая его въ неволѣ, никогда не скажешь, что это лѣнивое, медленно движущееся животное такъ проворно въ лѣсу.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ крайне характерномъ обитателѣ Аруанскихъ лѣсовъ, а именно о маленькомъ *кенгуру*. По словамъ Уоллэса это былъ первый кенгуру, привезенный въ Европу. Область распространенія его, повидимому, очень обширна въ предѣлахъ Папуасіи. Этотъ же самый видъ я видѣлъ на побережьи Новой Гвинеи. Wallace говоритъ, что на о-вахъ Кей — именно на Key Besaar (или Groot Key), тоже встрѣчается эта форма.

Аруанскій кенгуру («Pelandu» малайцевъ, «ajer» коброрцевъ)—маленькое животное величиною съ небольшого зайца, котораго оно очень напоминаетъ по нѣкоторымъ своимъ ухваткамъ. Онъ весь однотоннаго, сѣраго мышинаго цвѣта. Этотъ чрезвычайно граціозный и живой звѣрекъ въ большомъ количествѣ населяетъ нѣкоторыя лѣсныя площади на Ару, преимущественно Tahna besaar. На мелкихъ островахъ я его не встрѣчалъ и по распросамъ здѣсь это животное встрѣчается рѣдко.

На побережьяхъ Вокама и Коброра кенгуру водится въ большомъ количествѣ и во время перехода черезъ Коброрскіе лѣса нѣсколько разъ случалось убивать на обѣдъ этихъ звѣрьковъ, конечно, въ очень ограниченномъ количествѣ — настолько, насколько это было необходимо для пополненія нашихъ запасовъ.

Вообще же говоря, я вынесъ впечатлѣніе, что встрѣтить въ лѣсу кенгуру дѣло далеко не легкое и зависитъ всецѣло отъ счастливой случайности. Кенгуру — животное ночное; днемъ оно спитъ и въ это время забивается въ укромныя мѣстечки. Разсказываютъ, что эти звѣрьки цѣлыми стадами дѣлаютъ набѣги на посаженныя туземцами овощи, но мнѣ приходилось наблюдать кенгуру исключительно небольшими партіями — по два, по три звѣрька вмѣстѣ.

Встревоженное животное бѣжитъ очень быстро — получается впечатлѣніе, что звѣрекъ летитъ, вытянувъ назадъ заднія ноги и не прикасаясь къ землѣ. Застрѣлить звѣрька въ лѣсу на всемъ скаку дѣло очень не легкое — вспугнутое животное въ два, три прыжка скрывается въ кустахъ, гдѣ находится обыкновенно въ полнѣйшей безопасности.

Передъ моимъ отъѣздомъ съ Ару одинъ туземецъ принесъ мнѣ въ

Добо молодого кенгуру величиною съ небольшую кошку. Для этого звѣрька я сдѣлалъ бамбуковую клѣтку и довезъ его до Россіи. Кормилъ я его въ дорогѣ исключительно сырымъ картофелемъ и другими овощами. Въ Россіи кенгуру жилъ у меня въ Петербургѣ цѣлую зиму — но все время хворалъ и лѣтомъ умеръ. Въ неволѣ это животное мало интересно, очень грязно, неподвижно и, конечно, не стоитъ тѣхъ хлопотъ, съ которыми была сопряжена его доставка изъ Папуасіи въ Россію.

Упомяну еще о двухъ представителяхъ сумчатыхъ, живущихъ на Ару и между прочимъ въ лѣсахъ Коброра, но которыхъ наблюдать мнѣ лично не удалось. Это интересный *«лади»* — *Dactylopsila trivirgata* и *Petaurus ariel.* — Оба эти звѣрька, повидимому, рѣдки. Туземцы разсказывали мнѣ еще о какомъ то кускусѣ, живущемъ въ гротахъ — очень крупнаго роста.

Я охарактеризовалъ въ краткихъ чертахъ наиболѣе типичныхъ представителей лѣсной чащи Коброра — конечно, я не задавался цѣлью дать хотя бы даже поверхностный обзоръ фауны острова — а просто упоминаю о животныхъ, съ которыми пришлось встрѣтиться за время пребыванія въ лѣсахъ Коброра. Всѣ мои наблюденія имѣли случайный характеръ, собранныя коллекціи не всѣ еще обработаны, да и, наконецъ, фаунистика не входитъ въ кругъ моей компетенціи. Я стремился къ берегу манившаго меня моря, и если за время перехода по лѣсамъ собралъ кое какія коллекціи, то дѣлалъ это по традиціи, по привычкѣ натуралиста, любителя природы и вмѣстѣ съ тѣмъ страстнаго коллекціонера. Когда то я увлекался орнитологіей — и теперь по старой памяти я увлекся орнитологической фауной, но увлеченіе это отнюдь не имѣло за собою научнаго влеченія — всѣ тропическія формы были мнѣ черезъ чуръ чужды и, гоняясь за птицами, я ни мало не задавался какими либо опредѣленными орнитологическими задачами. Знакомясь съ жизнью тропическаго лѣса, я просто пополнялъ свое біологическое образованіе — я наблюдалъ въ природѣ тѣ формы, о которыхъ большинству моихъ собратьевъ по спеціальности приходилось лишь читать. Моя цѣль была *понять* этотъ новый для меня міръ и за все время пребыванія въ тропикахъ, гдѣ бы я ни былъ, эту цѣль я преслѣдовалъ, насколько былъ въ силахъ. Пребываніе на островахъ Ару дало мнѣ то, чего не могли дать ни Амбоина, ни тѣмъ болѣе Ява, гдѣ вся жизнь тропической природы сдавлена въ тискахъ европейской цивилизаціи, которая не всегда умѣстна съ точки зрѣнія натуралиста и въ Европѣ, а въ тропикахъ производитъ прямо жалкое впечатлѣніе.

Скажу два слова о своихъ морфологическихъ работахъ. Во время трудныхъ переходовъ по лѣсу условія работы, конечно, крайне неблагопріятны. Много цѣннаго матеріала гибнетъ, многое приходится пропустить изъ того, на что при другихъ условіяхъ нельзя не обратить вниманія. Въ особенности

неблагопріятны были условія для моихъ физіологическихъ работъ. Я не упускалъ случая, добывая интересные объекты среди насѣкомыхъ въ маломальски достаточномъ количествѣ, дѣлать надъ ними опыты съ физіологическими инъекціями съ цѣлью изученія фагоцитарнаго аппарата и выдѣлительной системы. Во время путешествія со мною всегда находилась захваченная изъ Петербурга серія маленькихъ цинковыхъ ящиковъ съ проволочными сѣточками на выдвижныхъ крышкахъ. Пойманныя животныя помѣщались каждое въ отдѣльный ящикъ и на ближайшемъ привалѣ имъ производились инъекціи. Небольшая походная лабораторійка всегда была у меня подъ руками и состояла изъ шприца, банки физіологическаго раствора, раствора сулемы, небольшаго запаса алкоголя и необходимыхъ веществъ для инъекцій.

Инъецированныя животныя выдерживались живыми впродолженіи нѣсколькихъ часовъ и затѣмъ на одномъ изъ слѣдующихъ приваловъ, смотря по обстоятельствамъ, умерщвлялись и фиксировались.

Всѣ эти манипуляціи даже при сноровкѣ и навыкѣ очень сильно стѣсняютъ движеніе, конечно, сопряжены всегда съ неизбѣжной возней, а подчасъ, даже при наличности всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, дѣлаютъ путешествіе прямо затруднительнымъ. Въ особенности онѣ даютъ себя чувствовать послѣ трудныхъ тяжелыхъ переходовъ по лѣсу, когда думаешь только о томъ, какъ бы поскорѣе поѣсть, да заснуть, а тутъ въ перспективѣ цѣлый рядъ манипуляцій, манипуляцій, которыя ничуть не затруднительны въ лабораторіи, но весьма таки неудобны въ лѣсной чащѣ, гдѣ нѣтъ ни стола, ни стула, гдѣ приходится дѣйствовать усталому и разбитому, гдѣ все мѣшаетъ работѣ — и вѣтеръ, и лѣсной шумъ, и масса другихъ мелкихъ обстоятельствъ, которыхъ здѣсь и не припомнишь.

Внутренность Коброра, повидимому, мало населена. Мы, по крайней мѣрѣ, не встрѣтили ни одного селенія по пути. Впрочемъ, нужно замѣтить, что мои спутники, повидимому, всячески уклонялись отъ встрѣчъ съ мѣстными жителями и всегда избѣгали проходить вблизи селеній.

Такъ, мы должны были, согласно данному мною маршруту, итти черезъ деревню Koitjabi, лежащую въ центрѣ Коброра, но миновали ее стороной. — Мои аруанцы заявили, что жители Koitjabi «очень злой народъ», что «у нихъ есть ружья».

Неподалеку отъ этой деревни, въ лѣсу мы повстрѣчали нѣсколько туземцевъ, они мнѣ дѣйствительно не понравились и я не особенно настаивалъ на посѣщеніи ихъ деревни.

Однажды я видѣлъ въ лѣсу крайне странныхъ людей, совершенно голыхъ, безъ всякихъ украшеній на ногахъ и рукахъ. Отсутствіе одежды, необщительность встрѣченныхъ аруанцевъ меня поразили. — На мой воп-

росъ одинъ изъ проводниковъ сообщилъ, что это «orang hutang»—лѣсные люди. Изъ разспросовъ оказалось, что здѣсь на Коброрѣ этихъ «лѣсныхъ людей» мало — они живутъ главнымъ образомъ въ лѣсахъ Вокама.

Я вспомнилъ разсказы орангкайи Саманга о вокамскихъ дикаряхъ. Онъ тоже называлъ ихъ «orang hutang» и разсказывалъ объ этихъ людяхъ много интереснаго.

«У этихъ людей», говорилъ онъ: «нѣтъ опредѣленныхъ жилищъ—они бродятъ по лѣсамъ или по одиночкѣ, или семьями. У нихъ нѣтъ никакой одежды — и мущины и женщины ходятъ голыми (это удивительно, такъ какъ даже самые грубые, дикіе папуасы изъ стыдливости прикрываютъ свои половыя части). Orang hutang боятся людей, они убѣгаютъ при приближеніи ихъ.

Не знаю, принадлежали ли встрѣченные мною коброрцы къ «орангутанамъ», описаннымъ Latetein'омъ, но во всякомъ случаѣ они рѣзко отличались отъ всѣхъ видѣнныхъ мною на Ару туземцевъ.

Latetein увѣрялъ меня, что вокамскіе «орангутаны»—потомки бѣлыхъ, когда то потерпѣвшихъ крушеніе у береговъ Ару. Это мнѣніе, повидимому, очень распространено среди вокамцевъ, но врядъ ли оно на чемъ-нибудь обосновано.

Глава XVIII.

На восточномъ побережьи Коброра. Blakang tahna.

Черезъ шесть дней пути по лѣсу, мы, наконецъ, достигли берега.

Трудно передать то радостное, веселое настроеніе, которое испыталъ я, когда съ вершины одного лѣсистаго холма увидѣлъ ярко освѣщенное солнцемъ зеленое море. Я чувствовалъ себя словно вышедшимъ изъ могилы на свѣжій воздухъ.

Лѣсъ окончился. Мы были на восточномъ берегу Tahna besaar. Передъ нами разстилалась ширь океана, въ которомъ съ высоты скалъ, нависшихъ надъ берегомъ, я различалъ тамъ и сямъ очертанія далекихъ островковъ.

Это и была знаменитая Blakang tahna!

Мы расположились лагеремъ на восточномъ берегу Коброра у самаго берега моря. Въ этомъ мѣстѣ берега очень круты. Масса скалъ, грандіозные утесы — все это дѣлаетъ мѣстность чрезвычайно живописной. На востокѣ видны многочисленные небольшіе островки. Эти острова въ видѣ длинной полосы окаймляютъ Tahna besaar съ востока, составляя т. наз. Blakang tahna.

Сперва я было думалъ переправиться на одинъ изъ этихъ острововъ и поселиться тамъ недѣли на двѣ, чтобы поработать въ окрестномъ морѣ. Но оказалось, что на ближайшихъ островахъ въ это время шла ожесточенная война между племенами, живущими на о. Мерири и Ватулей. Я не прочь бы былъ познакомиться съ характеромъ военныхъ дѣйствій на Аруанскихъ островахъ, но работать, живя все время въ центрѣ этихъ военныхъ дѣйствій, казалось мнѣ, было вовсе не безопасно и ужъ во всякомъ случаѣ не спокойно.

Было рѣшено остаться на берегу Коброра и лишь предпринимать экскурсіи на острова Blakang tahna.

Одинъ изъ ванумбайцевъ отправился въ какое то селеніе (кажется Werloi), откуда черезъ день возвратился въ сопровожденіи двухъ туземцевъ съ двумя довольно большими лодками. Этихъ туземцевъ съ лодками я нанялъ на двѣ недѣли за шесть фунтовъ табаку и нѣсколько ситцевыхъ платковъ. Лодки оказались очень удобными для экскурсій и намъ оставалось лишь устроиться, чтобы начать работу. Съ прибытіемъ двухъ верлойцевъ насъ стало шесть человѣкъ. Подъ руководствомъ моего малайца Тамбы, аруанцы въ одинъ день соорудили небольшую хижину и навѣсъ, хорошо предохраняющій и отъ солнца и отъ возможнаго дождя. Подъ навѣсомъ устроили прочный столъ для работы. Микроскопа со мной не было — я оставилъ его у Posthouder'а въ Добо. Это значительно облегчало работу — микроскопировать здѣсь все равно не пришлось бы, а микроскопъ очень связываетъ въ подобныхъ экскурсіяхъ — приходится всюду таскать его съ собою, беречь, смотрѣть, чтобы не украли столь дорогую вещь.

Небольшая лупа, вполнѣ достаточная для поверхностнаго ознакомленія съ добываемымъ матеріаломъ, была зато всегда со мной и вполнѣ меня удовлетворяла.

Работа закипѣла. Я исключительно занялся морской фауной и почти не поднимался на горы. Предъидущій переходъ по сплошнымъ лѣсамъ отбилъ охоту—на время по крайней мѣрѣ—бродить по лѣсу, да и море тянуло къ себѣ, обѣщая богатую добычу.

Мы прожили на берегу Коброра двѣ недѣли. За это время были совершены три экскурсіи на острова Blakang tahna, занявшія въ общей сложности пять дней; остальное же время работали на морѣ около мѣста нашей стоянки.

Работа была строго распредѣлена на каждый день: утромъ съ двумя аруанцами я отправлялся на работу, малаецъ стрѣлялъ голубей и другихъ птицъ. Во время отлива я работалъ на берегу, бродя въ полосѣ спада воды по морскому обнаженному дну, а затѣмъ, когда вода прибывала, ѣздилъ на лодкѣ съ планктонной сѣткой. Драгу мы потеряли въ первую же поѣздку, да, впрочемъ, она мало бы намъ пригодилась на этомъ каменистомъ днѣ.

Матерьяла для работы было достаточно.

Всюду на берегу прыгаютъ оригинальныя ползающія рыбки *Periophtalmus*. Ихъ здѣсь такое множество, что иногда случалось одновременно на большомъ камнѣ видѣть штукъ по 30 — 40 этихъ интересныхъ прыгуновъ, которые широко распространены всюду на Малайскомъ Архипелагѣ.

Поймать Periophtalmus далеко не легкая задача — случалось гоняться за ними часъ и два и уходить съ пустыми руками. Движенія рыбокъ удивительно быстры и неожиданны.

Periophtalmus легко взбирается на довольно высоко расположенные надъ водой вѣтви и корни мангровъ, но никогда не убѣгаетъ на большое разстояніе отъ воды, а держится около оставшихся послѣ отлива лужицъ, куда моментально прыгаетъ, увидя опасность.

Нигдѣ не видалъ я такого богатства фауны отлива, какъ здѣсь. Съ каждымъ шагомъ я наталкивался все на новыя для меня формы. Особенно богато представлена фауна Crustacea. Мелкихъ крабовъ разнообразныхъ видовъ можно было собирать сотнями экземпляровъ. Многіе изъ нихъ отличались яркостью окраски и причудливостью формъ. Нужно замѣтить, что эти крабы, будучи съ одной стороны интересными для меня, какъ натуралиста, тѣмъ не менѣе очень надоѣдали во время прогулокъ. Ходить приходится босикомъ и чуть ли не на каждомъ шагу испытываешь острую боль въ ногѣ — при малѣйшемъ неосторожномъ шагѣ ступню подчасъ пребольно ущемляетъ потревоженный крабъ, а зачастую и нѣсколько ихъ сразу.

Въ оставшихся послѣ ската воды лужицахъ можно было набирать, сколько вздумается, оригинальныхъ морскихъ ежей *Laganum laganum* L. сем. *Clypeastridae*. Это — оригинальная форма, сѣро-зеленоватой окраски, очень небольшихъ размѣровъ, почти правильной пятиугольной формы. Въ иныхъ мѣстахъ эти ежи скопляются прямо сотнями экземпляровъ. Ихъ красивые скелеты, имѣющіе видъ плоскихъ пятиугольниковъ, выбрасываются на берегъ и здѣсь иногда многіе десятки квадратныхъ саженъ толстымъ слоемъ усыпаны известковыми остатками этихъ животныхъ.

Кораллы въ этомъ районѣ побережья Коброра не образуютъ особенно большихъ банокъ — у самыхъ береговъ въ полосѣ отлива ихъ даже почти не видно. Зато здѣсь очень много красивыхъ ярко-красныхъ *Tubipora*. Такое скопленіе этихъ изящныхъ коралловъ я наблюдалъ раньше развѣ только у береговъ Краснаго моря, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *Tubipora* образуетъ цѣлыя подводныя скалы.

Пока я набиралъ въ свои банки мелкихъ *офіуръ*, *криноидей*, *Clypeastridae*, огромныхъ, почти прозрачныхъ *Synapta*, *Crustacea*, разнообразныхъ *Bryozoa*, крупныхъ *Terebellidae* etc, etc., мои спутники обыкновенно нагружали свои мѣшки слизняками. Ихъ охота всегда оказывалась необыкновен-

но добычлива. Подобнаго множества разныхъ *Mollusca* не вездѣ можно встрѣтить, даже и въ тропикахъ. Въ какія-нибудь десять-двадцать минутъ я однажды собралъ цѣлую коллекцію раковинъ, состоящую по крайней мѣрѣ изъ 50—60 видовъ. Главную массу моллюсокъ составляли красивыя *Cypraea tigris*.

Эти моллюски попадаются здѣсь на каждомъ шагу. Другія Cypraea, напр., C. *arabica* значительно болѣе рѣдки. *Cypraea tigris* живетъ въ очень мелководныхъ мѣстахъ. Я убѣдился, что этотъ моллюскъ можетъ жить днями совсѣмъ безъ воды, стоитъ лишь не держать его въ черезъ-чуръ сухомъ мѣстѣ. *Cypraea* былъ настолько многочисленъ, что я могъ при желаніи набрать въ какія-нибудь пять минутъ нѣсколько сотъ экземпляровъ этого красиваго моллюска.

Изъ другихъ *Gasteropoda* назову различныхъ *Oliva*, чрезвычайно красивыхъ *Harpa*, мелкихъ черныхъ *Nerita* (*N. exuvia* L. и *N. striata* Bunow). *Turbo*, *Terebra*, *Conus*, *Mitra*, *Cassis*, *Murex*, и множество другихъ формъ.

На ряду съ раковинами брюхоногихъ на берегу лежатъ прямо цѣлые склады раковинъ *Lamellibranchiata* — довольно крупные, ярко-окрашенные *Pecten*, обычная всюду *Arca*, *Pectunculus*, оригинальные молотообразные *Malleus*, огромныя *Tridacna* и др.

Здѣсь же я часто находилъ большія раковины *Nautilus*, выброшенныя на берегъ волнами.

Отмѣчу, между прочимъ, что особый характеръ береговому песку и галькѣ придаютъ здѣсь обломки прозрачной раковины *Placuna placenta*.

Я нерѣдко находилъ и вполнѣ цѣлые экземпляры этого моллюска, раковина котораго въ нѣкоторыхъ частяхъ Полинезіи, какъ говорятъ, замѣняетъ туземцамъ стекло. Изъ другихъ Mollusca назову, между прочимъ, огромныхъ *хитоновъ*, достигающихъ до 10 сант. въ длину (такіе гиганты, впрочемъ, рѣдки, но экземпляры въ 7—8 сант. очень обыкновенны), небольшихъ Cephalopoda *(Sepia, Octopus)*. На берегу нерѣдко можно встрѣтить плохо сохранившіяся раковины *Argonauta*, *Nautilus* и какихъ то громадныхъ *Sepia*. Мнѣ случилось найти одинъ экземпляръ раковины послѣдней, достигавшій 12 вершковъ въ длину, экземпляры же въ 6 — 8 вершковъ здѣсь очень обычное явленіе.

Какъ я уже говорилъ раньше, мнѣ хотѣлось отыскать въ Blakang Tahn'ѣ Nautilus.

Перспектива найти яйца этого интереснаго головоногаго и поработать надъ его эмбріологіей отчасти и заставила меня предпринять довольно трудное путешествіе на восточное побережье Аруанскихъ острововъ.

Nautilus представляетъ въ современномъ животномъ мірѣ выдающееся явленіе и возбуждаетъ, естественно, всеобщее вниманіе и интересъ. Имъ

одинаково интересуются какъ зоологи, такъ и геологи. Можно смѣло сказать, что этотъ моллюскъ составлялъ предметъ вожделѣній всѣхъ натуралистовъ, отправлявшихся на Молукки и на острова Полинезіи. И это вполнѣ понятно — наука настойчиво требуетъ выясненія эмбріональнаго развитія животнаго, дошедшаго до насъ съ Силлурійской эпохи — единственнаго оставшагося въ живыхъ представителя четырехжаберныхъ головоногихъ, когда то царившихъ въ моряхъ.

Изъ многихъ десятковъ видовъ *Nautilus*, извѣстныхъ намъ изъ пластовъ силлура, до насъ дошли лишь два, три вида, живущихъ въ теплыхъ частяхъ Индійскаго и Тихаго океановъ. Остальные же представители Tetrabranchiata—аммониты, какъ извѣстно, вымерли совершенно безслѣдно.

Детальныя изслѣдованія анатоміи Nautilus (*Lankester*, *Bourne*, *Owen*, *Haller*, *Willey)* дали многое для выясненія морфологіи этого четырехжабернаго головоногаго. Но эмбріологія его до сего времени остается совершенно неизвѣстной. Такой пробѣлъ будетъ понятенъ, если вспомнить, что и анатомическій то матеріалъ сталъ доступенъ лишь сравнительно въ недавнее время. Еще десять лѣтъ тому назадъ мягкія части Nautilus составляли значительную рѣдкость въ Европѣ, ими гордились музеи.

Раковины этого моллюска попадаются въ очень большомъ количествѣ на побережьи всѣхъ острововъ тропическаго пояса, лежащихъ въ Тихомъ и Индійскомъ океанахъ. Ихъ приноситъ теченіе, или просто выбрасываютъ на берегъ волны. Пустыя раковины Nautilus находили даже на восточномъ берегу Мадагаскара и въ Японіи, хотя область распространенія этого животнаго не заходитъ такъ далеко на сѣверъ и западъ, ограничиваясь, повидимому, водами Малайскаго Архипелага и западной части Полинезіи.

До сихъ поръ, главнымъ образомъ, Nautilus наблюдался живымъ на Филиппинахъ, на Молуккахъ, у береговъ Новой Гвинеи, около Ару (мои наблюденія), около Ново-Гебридскихъ острововъ и, наконецъ, у береговъ Новой Каледоніи.

Въ настоящее время мягкія части Nautilus перестали уже быть большой рѣдкостью — его анатомія уже достаточно изучена, біологія тоже въ общихъ чертахъ болѣе или менѣе извѣстна чѣмъ, мы обязаны англійскому изслѣдователю A. Willey и американцу Dean. Первый наблюдалъ этихъ головоногихъ у береговъ Новой Гвинеи и Ново-Гебридскихъ острововъ, второй на Филиппинахъ.

Наблюденія Willey особенно цѣнны. Этотъ натуралистъ отправился

---

1) Интересныя данныя о дюгонѣ и охотахъ на него въ предѣлахъ Малайскаго Архипелага сообщаетъ *Max Weber* въ своемъ отчетѣ о путешествіи на Siboga. (Siboga Expeditie. Part. I).

въ Полинезію со спеціальной цѣлью изслѣдовать эмбріологію Nautilus. Главной своей цѣли онъ не достигъ, ему удалось добыть сотни живыхъ Nautilus, но несмотря на всѣ усилія только одинъ разъ самка отложила яйца, которыя не развивались.

Но если Willey не удалось изучить исторію развитія Nautilus'а, то онъ обогатилъ науку рядомъ фактовъ надъ его образомъ жизни.

Это головоногое живетъ на днѣ, на разныхъ глубинахъ.

Туземцы ловятъ его въ особенныя норота, плетенные изъ прутьевъ.

Мясо употребляется въ пищу, совершенно какъ это дѣлаютъ жители береговъ Средиземнаго моря, которые ѣдятъ спрутовъ и другихъ головоногихъ.

Какъ я уже имѣлъ случай говорить (глава VIII, часть II), въ Амбоинскихъ водахъ *Nautilus* довольно рѣдокъ. Онъ появляется здѣсь лишь временами, а именно въ періодъ юговосточнаго муссона, т. е. въ лѣтніе мѣсяцы. Semon спеціально пріѣзжалъ на Амбоину, чтобы изслѣдовать исторію развитія этого животнаго, но проживъ здѣсь три мѣсяца, (декабрь, январь и февраль) не могъ достать ни одного экземпляра Nautilus. Я работалъ на Амбоинѣ въ іюлѣ и мнѣ рыбаки доставили ихъ нѣсколько штукъ живыми за сравнительно пустячную плату, что то по полгульдену за экземпляръ.

Я употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы отыскать живыхъ Nautilus въ водахъ Blakang Tahna.

Несомнѣнно, это животное здѣсь встрѣчается часто — его отлично знаютъ туземцы; однако я могъ раздобыть всего два экземпляра Nautilus — ихъ поймали въ сѣти туземцы о-ва Meriri и принесли мнѣ уже мертвыми.

Впослѣдствіи во время работъ у береговъ Новой Гвинеи (у юго-западнаго берега, неподалеку отъ Etna-bay) я имѣлъ возможность ближе ознакомиться съ Nautilus. Тамъ я нашелъ этого моллюска въ очень большомъ количествѣ.

Въ указанномъ мѣстѣ Nautilus встрѣчается около береговъ — онъ живетъ на глубинѣ 10 — 20 аршинъ и болѣе — хотя нерѣдко выходитъ и на болѣе мелкія мѣста.

Мнѣ пришлось убѣдиться въ томъ, что Nautilus даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ водится въ большомъ количествѣ, можно встрѣтить далеко не всюду. Нужно счастливо напасть на его убѣжище. Нерѣдко можно обслѣдовать большія пространства моря и не найти ни одного Nautilus, а гдѣ нибудь неподалеку случайно ихъ находишь впослѣдствіи десятки.

Очевидно такъ и было во время моихъ безплодныхъ попытокъ въ Blakang Tahn'ѣ.

Въ одномъ мѣстѣ рѣдко можно встрѣтить сразу много наутилусовъ. Они держатся обыкновенно или въ одиночку, или по двѣ, по три штуки вмѣстѣ.

Только одинъ разъ я видѣлъ плавающаго Nautilus — обыкновенно же приходилось наблюдать его на днѣ.

Къ такому же заключенію пришелъ и Willey, наблюдавшій Nautilus въ Полинезіи.

Впрочемъ, какъ мнѣ кажется, рѣшать вопросъ категорично въ томъ смыслѣ, что Nautilus — животное придонное, а не пелагическое — нельзя Возможно, что въ извѣстное время года Nautilus дѣлается пелагическимъ животнымъ.

Какихъ нибудь интересныхъ біологическихъ наблюденій надъ Nautilus сдѣлать мнѣ не удалось.

Несомнѣнно, это животное хищное. Въ желудкахъ добытыхъ Nautilus я всегда находилъ остатки животныхъ организмовъ — руки головоногихъ, панцыри ракообразныхъ, даже куски позвоночника рыбъ. Послѣднее обстоятельство, пожалуй, косвеннымъ образомъ говоритъ за то, что наутилусъ можетъ плавать, хотя, разумѣется, рыбъ онъ можетъ добыть и ползая по дну.

Еще менѣе удачны были мои старанія добыть *Limulus*. Въ это время года, по крайней мѣрѣ, въ сентябрѣ это животное, очевидно, здѣсь совсѣмъ не появляется у береговъ.

Повидимому, для изслѣдованія Limulus лучшее мѣсто въ Инсулиндѣ это Ява. На этотъ счетъ я уже сдѣлалъ указанія въ одной изъ предъидущихъ главъ, основываясь на словахъ Hoeven'a.

Мой коллега П. П. Ивановъ, ѣздившій на Яву послѣ меня, (въ 1906—1907 г.), дѣйствительно нашелъ Limulus на сѣверномъ берегу этого острова въ огромномъ количествѣ. Въ одной деревушкѣ провинціи Krawang (на В. отъ Батавіи) онъ имѣлъ подъ руками громадный эмбріологическій матеріалъ.

Я же видѣлъ лишь одиночныхъ Limulus — одинъ разъ въ Сингапурѣ, другой разъ въ Гиссерѣ (около о-ва Серама).

На Малайскомъ архипелагѣ его называютъ «mimie» (ми́ми), причемъ разные виды различаются туземцами (L. moluccanus, напр., называютъ mimie balancas).

Очень разнообразнымъ и интереснымъ оказался планктонъ. Помимо массы личиночныхъ формъ (личинки *Solmundella*, различныя трохофоры, изрѣдка *Actinotrocha*, *Tornaria*, личинки *Amphioxus*, различныхъ *Echinodermata*, *Mollusca* и всевозможныхъ *Crustacea)* въ планктонѣ особенно характерны — аппендикуляріи *(Oicopleura rufescens* Fol — исключительно),

мелкія *Pteropoda, Atlanta, Chaetognatha (Sagitta, Spadella draco)*, изрѣдка Salpae *(Salpa democratica mucronata* по опредѣленію В. Редикорцева).

Очень часто попадаются въ планктонѣ мелкія медузы (между прочимъ одна *Obelia,* различныя *Narcomedusae*, очень крупная форма *Solmundella* sp., характерная для всего Малайскаго архипелага), оригинальные *Annelides* (упомяну между прочимъ интересную *Sagitella*, найденную мною здѣсь).

Крупныхъ животныхъ въ планктонѣ я совсѣмъ не видалъ, за исключеніемъ огромныхъ медузъ. Сифонофоры, за исключеніемъ крошечныхъ *Dyphies*, отсутствуютъ совершенно.

Въ общемъ, планктонъ совсѣмъ не эффектенъ, но чрезвычайно интересенъ. Разбирая его, я нахожу теперь массу цѣннаго матеріала.

Здѣсь, между прочимъ, нашелъ я удивительную медузу (изъ *Narcomedusae*), которая отличается отъ всѣхъ Coelenterata строеніемъ своихъ половыхъ органовъ. У нея имѣется двѣ гонады, открывающіяся наружу на эксумбреллярной поверхности колокола. Само строеніе гонадъ чрезвычайно интересно — онѣ имѣютъ собственный эндотелій и выполнены особой мезенхиматозной тканью, среди перегородокъ которой лежатъ половые продукты.

Медуза эта, по моему мнѣнію, близко стоитъ къ знаменитой *Ctenoplana*, у которой гонады (сѣменники) тоже имѣютъ собственныя выводныя отверстія. Детальное изслѣдованіе о найденной формѣ я надѣюсь вскорѣ опубликовать въ одномъ изъ органовъ Академіи Наукъ.

Много матеріала для работы дали небольшія экскурсіи въ лодкѣ вдоль берега со скребкомъ. Тамъ, гдѣ трудно работать съ драгой, скребокъ незамѣнимъ; драгу же, кстати, я сразу здѣсь потерялъ.

Прибрежная фауна этой части Коброра очень богата различными Bryozoa *(Membranipora, Retepora, Flustra)*, мелкими колоніями гидроидовъ *(Campanularidae, Sertularia, Aglaophenia, Pennaria, Plumularia)*, яркими *Alcyonium, Xenia, Nephtya, Spongodes.*

Очень богато представлена фауна Echinodermata. Въ особенности эффектны голотуріи. Такихъ гигантскихъ *Synapta,* какъ здѣсь, я нигдѣ не видѣлъ. Натуралистъ, работавшій только въ европейскихъ моряхъ, не можетъ даже и представить себѣ такихъ колоссовъ — иногда можно видѣть экземпляры, достигающіе въ длину двухъ аршинъ и болѣе.

Бросается невольно въ глаза разнообразіе морскихъ стей.

Кромѣ рѣдкихъ сравнительно *Echinothuridae*, представители которыхъ живутъ на довольно большихъ глубинахъ, здѣсь въ очень большомъ количествѣ встрѣчаются плоскіе *Laganum*, интересные *Diadema, Salmacis, Echinothrix, Echinometra, Echinodiscus, Arachnoides, Leiocidaris, Pleurechinus* и мног. др.

Нѣкоторыя формы, какъ напр. *Laganum laganum L.*, попадаются такими массами, что ихъ впродолженіи 5 минутъ я однажды собралъ около 800 штукъ на пространствѣ 10—15 аршинъ.

Мѣстами всѣ камни у берега покрыты небольшими *Comatula* и различными офіурами.

Изъ морскихъ звѣздъ во множествѣ встрѣчается голубая *Linckia*, (очень крупная форма) и ярко красная *Pentaceros turritus L.*

Живя на самомъ берегу моря, я могъ въ достаточной степени ознакомиться съ характеромъ фауны позвоночныхъ Аруанскаго побережья.

Млекопитающихъ, кромѣ летучихъ мышей, здѣсь совсѣмъ я не видѣлъ. Кенгуру и кускусъ, обыкновенные въ лѣсахъ, совсѣмъ не встрѣчаются здѣсь.

Орнитологическая фауна тоже не богата. Нѣсколько видовъ мелкихъ куличковъ (среди нихъ обыкновенны какая то *Tringa* и *Actitis*), довольно много крачекъ *Sterna* sp.?, крупныя *чайки*, большіе хищники—*Pandion* sp., *Haliastur leucogaster*.

Очень характерны встрѣчающіеся во множествѣ *бакланы* — ихъ всегда можно видѣть въ морѣ, плавающими большими стаями.

Раза два вдали слышалъ я характерный крикъ кроншнепа, видѣлъ какую то *Ardea*.

Для болѣе полной характеристики мѣстной береговой авифауны упомяну еще о вóронѣ, довольно обыкновенномъ здѣсь. Этотъ воронъ—«gohl», какъ его называютъ туземцы (по Rosenberg'у) — единственный представитель рода Corax на Ару. Убитый мною экземпляръ не былъ опредѣленъ, но судя по литературнымъ даннымъ, аруанскій воронъ принадлежитъ къ роду *Macrocorax*, живущему на Ару и Вайгіу. Это, именно, *Macrocorax fuscicapillus* G. R. Gray.

Крикъ этой птицы не совсѣмъ похожъ на крикъ нашего ворона.

Упомяну еще о массѣ ласточекъ (*Hirundo* sp.), очень похожихъ на нашихъ H. rustica L. Онѣ чрезвычайно обыкновенны всюду на Архипелагѣ, а въ частности и здѣсь на морскомъ берегу.

Фауна болѣе разнообразна въ тѣхъ мѣстахъ побережья, гдѣ имѣется растительность. О лѣсѣ я не говорю; тамъ, гдѣ къ самому берегу подходитъ лѣсная заросль, фауна уже принимаетъ чисто лѣсной характеръ — но большія пространства берега покрыты довольно частыми порослями кустарника (*Hibiscus, Pandanus, Dracaena*, различныя *Euphorbiaceae*, мелкія акаціи).

Въ этихъ мѣстахъ я не разъ спугивалъ *козодоевъ (Caprimulgus)*, маленькихъ совъ *(Noctua)*. Здѣсь же довольно много мелкихъ птицъ.

Змѣй я совсѣмъ не видѣлъ на восточномъ берегу Коброра, изъ ящерицъ упомяну о мелкихъ *Lygosoma* sp?, очень обыкновенныхъ всюду, довольно

крупныхъ *Geckonidae* (*Gecko* sp?). Раза два видѣлъ въ кустахъ варана — *Varanus salvadorii* Peters. et Doria.

Туземцы увѣряли, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Blakang tahn'ы много крокодиловъ, но я ихъ не видалъ и даже не могу себѣ представить, гдѣ они здѣсь могутъ жить. Возможно, впрочемъ, что эти пресмыкающіяся являются сюда издалека—мѣстный крокодилъ *Cr. biporcatus*, какъ извѣстно, заплываетъ въ море далеко отъ береговъ.

Для характеристики мѣстной фауны упомяну еще, между прочимъ, о громадныхъ сколопендрахъ, которыя каждую ночь наводили на меня ужасъ. Эти отвратительныя животныя, достигающія въ длину до 5—6 вершковъ, залѣзаютъ къ вамъ въ домъ, не смотря на всѣ предосторожности, предпринимаемыя съ вечера и, разумѣется, невольно заставляютъ ночью долго ворочаться съ боку на бокъ подъ вліяніемъ вполнѣ естественнаго безпокойства. Впрочемъ, ни одного случая укушенія съ нами не было.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ побережья довольно обыкновенны, повидимому, огромные раки, знаменитые *Birgus latro*. Это ракообразное, совершенно приспособившееся къ жизни на воздухѣ, очень распространено въ Инсулиндѣ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Молуккскихъ о-вовъ его держатъ въ неволѣ, какъ у насъ куръ, для ѣды, откармливая кокосовыми орѣхами. (Max Weber. Siboga Expeditie. Monographie I, p. 59).

Я довольно долго держалъ одного Birgus, привязаннымъ за ногу. Но мнѣ такъ и не удалось видѣть, какъ этотъ гигантъ ударомъ клешня разбиваетъ кокосовые орѣхи. Плѣнникъ нѣсколько дней сидѣлъ, окруженный орѣхами, пока какъ его самого, такъ и орѣхи не украли аруанцы.

Научная работа отнимала у меня столько времени, что я не имѣлъ возможности ознакомиться съ характеромъ многочисленныхъ острововъ, раскинутыхъ вдоль восточнаго берега Аруанской Tahna besaar.

Мои экскурсіи обыкновенно не простирались дальше двухъ, трехъ верстъ отъ мѣста нашей стоянки.

Правда, за время пребыванія на восточномъ берегу Коброра въ Blakang tahn'ѣ, я много узналъ для себя новаго, но все же природа и характеръ самихъ острововъ Blakang tahn'ы остались для меня невыясненными вопросами.

Насколько позволяли обстоятельства, я не упускалъ случая знакомиться съ важнѣйшими проявленіями жизни этой интересной страны.

Съ утра до вечера около нашей стоянки появлялись все новыя и новыя прау блакангтанцевъ. Къ намъ пріѣзжали съ цѣлью посмотрѣть на рѣдкаго «бѣлаго» гостя — иногда съ отдаленныхъ острововъ.

Временами предпринимались сообща отдаленныя экскурсіи—туземцы, хорошіе ныряльщики, бывали мнѣ очень полезны.

Нѣсколько разъ ѣздилъ я съ туземцами сосѣднихъ острововъ Мерири и Ватулей на рыбную ловлю и даже принималъ участіе въ сборѣ жемчужницъ *(Avicula margaritifera)*.

Аруанцы Blakang tahn'ы — хорошіе моряки. Это и понятно — всю свою жизнь они проводятъ на водѣ. Впрочемъ, — строители судовъ они неважные. Имъ не хватаетъ для этого той степени культурности, благодаря которой достигли такихъ успѣховъ напр. жители о-вовъ Кей, превосходные кораблестроители.

Аруанскія прау грубы, неряшливо сколочены, но достаточно велики, чтобы вмѣстить десять, двадцать человѣкъ.

Носъ и корма выдаются высоко надъ бортами и украшены пучками волосъ, перьями казуара, и различными фантастическими рисунками, грубо вырѣзанными на деревѣ.

На такихъ лодкахъ аруанцы объѣзжаютъ весь архипелагъ, пользуясь при этомъ широкими парусами, темно коричневаго цвѣта, сдѣланными изъ волоконъ какого то растенія. Паруса эти имѣютъ видъ циновокъ, необыкновенно прочны и прекрасно исполняютъ свое назначеніе.

Кромѣ такихъ большихъ лодокъ, для мелкихъ поѣздокъ служатъ маленькіе челноки того типа, который принятъ всюду въ Инсулиндѣ, т. е. съ двумя прикрѣпленными по бокамъ бревнами.

Лодка — все для жителя Blakang tahn'ы. На ней онъ проводитъ большую часть дня. На ней онъ добываетъ себѣ пропитаніе, на ней же онъ отправляется въ Добо для продажи наловленныхъ сокровищъ. А ихъ не мало въ водахъ Blakang tahn'ы, которыя недаромъ славятся, какъ лучшее мѣсто, въ промысловомъ отношеніи.

Дѣйствительно, Blakang tahna прямо золотое дно для промышленниковъ. Мѣстныя воды чрезвычайно богаты перламутровыми раковинами *(Avicula margaritifera)*, дающими лучшій въ мірѣ перламутръ и превосходный жемчугъ, *черепахами*, доставляющими столь цѣнимыя пластинки, *трепангами* и т. п. промысловыми животными тропиковъ.

Все это, какъ я уже говорилъ выше, привлекаетъ въ эту обѣтованную для торговца страну — цѣлую толпу бугисовъ и китайцевъ изъ Добо. Здѣсь центръ дѣятельности флотиліи Baâdilla, который добываетъ въ Blakang tahn'ѣ большую и наиболѣе цѣнную часть своего жемчуга и перламутра.

Море, отдѣляющее острова Blakang tahn'ы отъ Новой Гвинеи, очень мелководно и въ этомъ отношеніи чрезвычайно благопріятно для туземцевъ, ловцовъ жемчуга. Не обладая, разумѣется, никакими водолазными приборами, аруанцы для добыванія со дна крупныхъ жемчужныхъ раковинъ пользуются большими камнями. Два туземца выѣзжаютъ на своей

прау въ море. На глубинѣ трехъ-четырехъ саженей они прекрасно видятъ все населеніе дна. Подъѣхавъ къ банкѣ жемчужницъ, они опускаютъ на дно корзину, огруженную камнемъ. Затѣмъ одинъ изъ ловцовъ, взявши въ обѣ руки[1]) большой камень, бросается въ воду. Дойдя до мѣста назначенія, онъ уцѣпляется одной рукой за какой-нибудь кусокъ рифа на днѣ, а другой впродолженіи почти минуты отрываетъ одну раковину за другой и складываетъ ихъ въ стоящую тутъ же корзину. Затѣмъ поднимается на поверхность воды и влѣзаетъ въ лодку, куда, совмѣстно съ товарищемъ, притягиваютъ нагруженную жемчужницами корзину. Затѣмъ въ воду бросается его компаньонъ и продѣлываетъ туже процедуру.

Такимъ простымъ способомъ аруанскіе ловцы жемчуга добываютъ порядочное количество жемчужницъ, которыя у нихъ за безцѣнокъ скупаетъ «въ сезонъ» наѣхавшая орда малайскихъ и китайскихъ торговцевъ.

Когда на архипелагѣ работаетъ флотилія судовъ Baâdill'ы, то мѣстные жители остерегаются въ виду его лодокъ производить свои манипуляціи. Дѣло въ томъ, что Baâdilla за крупную сумму пріобрѣтаетъ себѣ отъ туземныхъ старшинъ право исключительнаго пользованія жемчужными ловами. Разумѣется, подобныя сдѣлки совершаются келейно между Baâdilla и орангкайей, который зачастую живетъ внѣ сферы дѣятельности фирмы. Такъ, напр., за право исключительнаго пользованія жемчужницами Blakang tahn'ы Baâdilla платитъ орангкайѣ Саманга, который бываетъ въ Blakang tahn'ѣ разъ-два въ годъ. Изъ тѣхъ денегъ, которыя уплачиваются орангкайѣ, туземцы не видятъ ни одного цента — можно ли требовать, чтобы въ водахъ, имъ принадлежащихъ, Baâdilla одинъ пользовался тѣмъ, что можетъ дать туземцу возможность пріобрѣсти самыя необходимыя вещи для его домашняго обихода, которыя онѣ вымѣниваетъ за раковины, тайкомъ выловленныя у пріѣзжихъ торговцевъ?

Впрочемъ, и самъ орангкайя Саманга не прочь пріобрѣсти отъ туземцевъ Blakang tahn'ы хорошій экземпляръ жемчужины — во время моего пребыванія на Вокамѣ онъ предлагалъ мнѣ купить одну изъ его коллекціи за пустяшную цѣну — жемчужину величиною почти въ шпанскій орѣхъ, правда неправильной формы, онъ продавалъ за 100 гульденовъ (80 руб.).

Мелкій же жемчугъ совсѣмъ не цѣнится—за ситцевый платокъ можно вымѣнять у аруанца цѣлую рюмку его. Даже у китайскихъ купцовъ въ Добо такой жемчугъ не въ цѣнѣ. Зато хорошихъ жемчужинъ въ Добо не

---

1) По словамъ M. Weber'a, который наблюдалъ ловлю жемчуга на сѣверномъ берегу Аруанскихъ острововъ во время пребыванія тамъ экспедиціи Siboga, туземецъ ныряетъ тоже съ камнемъ, но держитъ этотъ камень оригинальнымъ образомъ. Онъ беретъ его entre le bras et l'avant bras en saisissant par la main une touffe de leurs cheveux opulents. (Siboga Expeditie Part. I, p. 124).

найти — ихъ сейчасъ отправляютъ въ Макассаръ и Батавію. Только въ конторѣ у Baâdilla видѣлъ я хорошій жемчугъ — нѣкоторыя жемчужины онъ цѣнилъ до 5000 — 6000 гульденовъ. Попадаются, правда рѣдко, еще болѣе дорогія жемчужины — такъ, въ обмѣнъ за одну жемчужину Baâdilla получилъ прекрасную парусную шкуну, оцѣненную въ 15000 гульденовъ. Объ этомъ я уже упоминалъ въ своемъ мѣстѣ.

Во время своего пребыванія въ Blakang tahn'ѣ я раза два, три ѣздилъ съ туземцами на ловы. Однажды даже пробовалъ самъ опускаться на дно съ камнемъ въ рукахъ, но больше 25 секундъ не могъ пробыть подъ водой — хотя и этого времени было достаточно, чтобы бросить общій взглядъ на характеръ дна. Въ тѣхъ раковинахъ, которыя я самъ доставилъ въ прау, не было жемчуга, но сами раковины такъ велики и хороши, что могутъ служить украшеніемъ любого музея и кабинета.

Въ водахъ Blakang tahn'ы водится много громадныхъ *черепахъ*, дающихъ цѣнные щитки, и масса рыбы. Черепахъ здѣсь, какъ и всюду на Малайскомъ Архипелагѣ, бьютъ особыми гарпунами. Такими же большими, очень тяжелыми гарпунами туземцы бьютъ крупную рыбу — напр., скатовъ.

Впрочемъ, аруанцы — неважные рыболовы; они не примѣняютъ тѣхъ интересныхъ и своеобразныхъ пріемовъ при рыбной ловлѣ, которые меня поражали на Молуккахъ. На Молуккскихъ островахъ туземцы дошли прямо до геніальности въ изобрѣтеніи различныхъ способовъ ловли. Тамъ, напримѣръ, ловятъ крупную рыбу при помощи вѣтренаго змѣя, сдѣланнаго изъ листьевъ пальмы. Къ такому вѣтреному змѣю привязываютъ на веревкѣ крючокъ съ насаженной на него приманкой, а змѣй запускаютъ съ лодки далеко въ море. Змѣй летаетъ надъ моремъ вдали отъ лодки, которая иначе отпугивала бы крупную, осторожную рыбу, и носитъ по поверхности воды крючекъ съ приманкой. Развѣ это не геніально?

А вотъ еще другой способъ. На Молуккахъ водятся интересныя рыбки, очень небольшихъ размѣровъ. Эти рыбки — *Photoblepharon palpebratus* Bodd. и *Anomalops katoptron* Blkr. — весьма обыкновенны у береговъ Банды, а также найдены и въ другихъ частяхъ Индійскаго и Тихаго океана — кое-гдѣ въ Полинезіи, около Целебеса и т. д.

Рыбки эти интересны въ томъ отношеніи, что онѣ обладаютъ особыми органами свѣченія, которые помѣщаются у нихъ подъ глазами. Эти поразительные органы стоятъ совершенно особнякомъ въ ряду подобныхъ образованій у другихъ рыбъ. Они представляютъ изъ себя складки кожи, имѣющія видъ дисковъ, которые по желанію рыбы могутъ выпятиться наружу, надвигаясь на глаза, или спрятаться подъ глазную орбиту.

Описанныя дискообразныя складки кожи, вылѣзая наружу, распространяютъ чрезвычайно сильный свѣтъ. Интенсивность свѣта столь ве-

лика, что въ темной комнатѣ можно, пользуясь имъ, читать крупный шрифтъ.

Туземцы знаютъ издавна этихъ удивительныхъ рыбокъ — одна изъ нихъ цѣлыми стаями плаваетъ по поверхности воды *(A. katoptron)*, другая живетъ на сравнительно небольшой глубинѣ, подъ камнями. Фактъ интересный, такъ какъ всѣ рыбы, обладающія свѣтящимися органами — обитатели большихъ глубинъ — все это представители абиссальной фауны.

Жители Банды, открывъ оригинальные органы свѣченія у этихъ рыбъ, воспользовались ими, какъ приманкой при ловлѣ крупной рыбы. Свѣтящихся рыбокъ насаживаютъ на крючки и пускаютъ въ море, гдѣ тѣ, плавая, привлекаютъ большихъ рыбъ, дѣлающихся добычей геніальныхъ рыболововъ.

Въ большомъ употребленіи на Малайскомъ архипелагѣ также особыя плавающія удилища. Такой аппаратъ представляетъ собою кусокъ дерева длиною приблизительно въ аршинъ. Къ одному концу этой деревяшки придѣланъ грузъ (камень) — верхній же конецъ, выступающій при плаваніи по водѣ надъ ея поверхностью, украшенъ орнаментомъ. Иногда этотъ верхній конецъ удилища изображаетъ птицу, змѣю или человѣческую фигуру.

Подобные же приборы для лова рыбы употребляются и туземцами Полинезіи.

Ихъ разбрасываютъ по морю, привязавши къ нимъ, разумѣется, крючки.

На Blakang tahn'ѣ рыбу ловятъ главнымъ образомъ сѣтями, или же бьютъ гарпунами мелкую рыбешку, оставшуюся послѣ спада воды на берегу.

Крупная рыба лишь рѣдко дѣлается добычей туземцевъ; по большей части они добываютъ одну мелочь.

Ихтіологическая фауна мѣстныхъ водъ очень богата, но все же, на мой взглядъ, въ этомъ отношеніи воды Blakang tahn'ы уступаютъ Молуккамъ. Разумѣется, я не могу взять на себя смѣлость настаивать на этомъ, но вообще у меня получилось болѣе сильное впечатлѣніе отъ Амбоинской бухты, чѣмъ отъ Аруанскихъ водъ. Между прочимъ отмѣчу, что такого разнообразія яркихъ и эффектныхъ формъ, которое поражаетъ натуралиста на Молуккахъ, здѣсь я не замѣтилъ.

Такія изящныя и ярко окрашенныя рыбы, какъ напр., представители сем. *Squamipennes* — *Chaetodon*, *Holacanthus*, *Hemiochus*, составляющіе украшеніе подводнаго міра Амбоины и Банды, здѣсь какъ то не бросаются въ глаза.

Изъ извѣстныхъ мнѣ формъ укажу на различныхъ *Gobius*, *Caranx*, оригинальныхъ *Tetrodon* (между прочимъ, одинъ видъ *Tetrodon*, *T. papua*

Blkr. живетъ на Малайскомъ архипелагѣ въ прѣсной водѣ), хорошо всѣмъ знакомыхъ *Lophobranchii*—*Syngnathus*, *Hippocampus* (у береговъ Новой Гвинеи водится, между прочимъ, интересный морской конекъ *Phyllopteryx taeniophorus* Gr., подражающій водорослямъ).

Раза два туземцы приносили мнѣ *прилипалъ* (Echeneis remosa L.) и большихъ *скатовъ*.

Неоднократно мнѣ случалось видѣть на морѣ летающихъ рыбъ — *Exocoetus*. Иногда ихъ бываетъ такое множество, и онѣ летятъ столь продолжительное время, что я пробовалъ стрѣлять по стаѣ изъ ружья и не безуспѣшно.

Въ мѣстныхъ водахъ водятся между прочимъ, огромная «пила рыба» — *Pristis*, а также *Xyphias*. Однажды наша компанія застрѣлила во время лова жемчужницъ одного изъ такихъ великановъ *Pristis* sp.? Въ длину рыба достигала около 8 аршинъ, при чемъ на пилообразный придатокъ приходилось 2 аршина! Такой гигантъ оказался довольно слабымъ на выстрѣлъ—достаточно было двухъ зарядовъ картечи, чтобы овладѣть добычей.

Такъ называемая «пила» этой акулы, усаженная громадными зубьями, иногда служитъ туземцамъ въ качествѣ оружія, играя роль палицы или топора. Самъ я не видѣлъ въ рукахъ аруанцевъ этого орудія нападенія, но впослѣдствіи лично убѣдился, что и новогвинейскіе папуасы пользуются пилой Pristis для военныхъ цѣлей.

Упомяну еще объ одномъ крупномъ животномъ, встрѣчающемся въ здѣшнихъ водахъ. Это интересный дюгонь, — *Halicore dugong* Q & G., котораго не рѣдко ловятъ и бьютъ туземцы, предпринимая за нимъ спеціальныя общественныя охоты. Это млекопитающее, какъ извѣстно, распространено во многихъ мѣстахъ Индійскаго океана (есть даже указаніи на то, что дюгонь встрѣчается въ Красномъ морѣ).

Мнѣ не удалось видѣть въ Blakang tahn'ѣ живыхъ дюгоней, но неподалеку отъ устья пролива, отдѣляющаго Вокамъ отъ Коброра, мы нашли на берегу кости этого млекопитающаго.

Глава XIX.

Этнографическій очеркъ Аруанскихъ острововъ.

Я отнюдь не собираюсь давать читателю какого-нибудь спеціальнаго, подробнаго очерка этнографіи. Для этого у меня мало данныхъ.

Я просто выдѣлилъ, чтобы не повторяться, въ особую главу нѣкоторыя свои личныя наблюденія надъ туземцами аруанскихъ острововъ.

Многое уже было мною сказано, такъ сказать, попутно при разсказѣ, въ предъидущихъ главахъ. Но многаго я совсѣмъ не касался.

Такъ, напримѣръ, я ничего не говорилъ ни объ одеждѣ, ни о вооруженіи, ни о наружности аруанцевъ.

Мною также совсѣмъ были опущены нѣкоторыя подробности ихъ семейной и общественной жизни и т. д.

Всѣ эти пробѣлы я и постараюсь заполнить въ этой главѣ.

Замѣчу, что многое о жизни туземцевъ Ару уже описано Уоллэсомъ въ его классической книгѣ «Малайскій Архипелагъ». Къ этому труду я и отсылаю читателя — онъ значительно пополнитъ мой разсказъ.

Я встрѣчался съ туземцами о. Вокама, Коброра, Ваммара и острововъ Blakang tahn'ы. На Коборрѣ и Blakang tahn'ѣ живетъ наиболѣе чистая раса аруанцевъ, тогда какъ на Ваммарѣ и Вокамѣ туземное населеніе, издавна приходя въ тѣсное соприкосновеніе съ прежними и теперешними колонизаторами архипелага — португальцами, малайцами и китайцами, значительно измѣнили свой типъ.

Повидимому на Корборѣ, Blakang tahn'ѣ, Вокамѣ и другихъ частяхъ Аруапскаго архипелага живетъ не одно, а нѣсколько, быть можетъ, даже много племенъ. По крайней мѣрѣ всѣ перечисленныя области населены туземцами, имѣющими свое собственное нарѣчіе, отличающимися между собою по внѣшнему виду, нравамъ и обычаямъ.

Жители Blakang tahn'ы изъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ племенъ наиболѣе сохранили папуасскій типъ. Ихъ вьющіеся, огромные, въ видѣ папахи волосы, часто хорошо выраженная горбатость носа, очень темный цвѣтъ кожи — все это признаки папуасской расы. Впрочемъ, на ряду съ типичными папуасами, здѣсь же на Blakang tahn'ѣ можно встрѣтить туземцевъ, скорѣе похожихъ на австралійцевъ, чѣмъ на новогвинейцевъ, а на Коборрѣ и Вокамѣ живутъ племена, несомнѣнно, малайскаго происхожденія. Когда впослѣдствіи мнѣ случилось быть на островахъ Тиморлаутъ (Тенимберъ), то мнѣ прямо бросилось въ глаза сходство между тамошними жителями и обитателями нѣкоторыхъ областей центра Коброра. Темно-коричневый цвѣтъ кожи и прямые, мягкіе, хотя и длинные волосы рѣзко отличаютъ ихъ во всякомъ случаѣ отъ типичныхъ меланезійцевъ.

Вообще нельзя не притти къ заключенію, что этнографія аруанцевъ гораздо болѣе сложна, чѣмъ это думалъ Wallace, и требуетъ долгаго и серьознаго изученія.

Большинство блакангтанцевъ хорошаго роста; нерѣдко я видѣлъ прямо гигантовъ. Коборрцы тоже роста выше средняго, тогда какъ вокамцы сравнительно невелики. Цвѣтъ кожи аруанцевъ въ общемъ довольно темный, у туземцевъ Blakang tahn'ы нерѣдко почти черный, у большинства

жителей остальныхъ острововъ архипелага болѣе свѣтлый, но все же въ среднемъ значительно темнѣе, чѣмъ у малайцевъ.

Одежда аруанцевъ крайне незатѣйлива — на тѣлѣ у нихъ нѣтъ ничего, кромѣ повязки вокругъ бедеръ. У нѣкоторыхъ туземцевъ повязка эта имѣетъ видъ короткаго фартука, у большинства же она только прикрываетъ половыя части. Для этой цѣли мущина пропускаетъ тряпку вдоль промежности и концы обматываетъ плотно вокругъ бедеръ. У женщинъ ихъ примитивная одежда почти всегда имѣетъ видъ фартука.

Въ качествѣ повязокъ аруанцамъ служатъ рогожи, сплетенныя изъ пальмовыхъ листьевъ, или платки, вымѣниваемые ими у малайцевъ — самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ — бѣлые, синіе, ярко красные, пестрые. У большинства платки эти такъ грязны и настолько выцвѣли, что производятъ впечатлѣніе старыхъ тряпокъ.

Чувство стыдливости очень развито у аруанцевъ — я никогда не видалъ совсѣмъ обнаженной женщины; мущины тоже никогда не ходятъ безъ своей повязки. Зато дѣти всегда бѣгаютъ голышами — какъ мальчики, такъ и дѣвочки.

Въ противуположность папуасамъ Новой Гвинеи аруанцы мало обращаютъ вниманія на украшенія своихъ прическъ.

Гребни, перья, палочки, которые папуасы втыкаютъ зачастую себѣ въ волосы, не въ модѣ у аруанцевъ. Гребни, сдѣланные изъ бамбука я еще иногда видѣлъ въ волосахъ у мущинъ, но перьевъ никогда[1]).

Да и вообще особой заботы о своихъ волосахъ аруанецъ не проявляетъ. Это не то, что новогвинейскій папуасъ, который, ложась спать, подкладываетъ себѣ подъ затылокъ полѣно, чтобы не смять во время сна свою прическу, или туземецъ Тенимбера, всю свою жизнь ухаживающій за волосами, придающій имъ желаемый цвѣтъ, мягкость и т. д.

Аруанецъ въ общемъ почти не заботится о своей наружности — нѣкоторые туземцы иногда даже до гола срѣзаютъ себѣ волосы, чего никогда не допустилъ бы тенимберецъ.

Нѣкоторые аруанцы, живущіе на Коброрѣ, носятъ оригинальную прическу. Свои длинные, пышные волосы они туго стягиваютъ и перевязываютъ надъ затылкомъ. Получаются спереди гладко зачесанные волосы, а сзади громадная, волнистая грива, иногда спускающаяся по плечамъ.

У туземцевъ Blakang tahn'a я всегда видѣлъ украшенія въ видѣ браслетовъ, колецъ, ожерелій. Браслеты довольно искусной работы. Они

---

1) Впрочемъ, Уоллэсъ (Малайскій Архипелагъ) упоминаетъ о туземцахъ Коброра, которые въ волосахъ носятъ большой подковообразный гребень, украшенный пукомъ пѣтушиныхъ перьевъ.

плетутся изъ волоконъ какого то растенія, причемъ волокна эти предварительно красятся растительными же соками. Въ результатѣ получается незатѣйливый, но хорошо выполненный рисунокъ — напр., по черному фону бѣлые треугольники или зигзаги. Иногда браслетъ дѣлается изъ волоконъ трехъ сортовъ — черныхъ, бѣлыхъ и желтыхъ. Наконецъ, на поверхность браслета нашиваются въ извѣстномъ порядкѣ мелкія раковины, по большей части бѣлыя Сургаеа и др. Раковины же служатъ и въ качествѣ пуговицъ на концѣ браслета. Лишь въ видѣ особаго шика аруанецъ застегиваетъ свой браслетъ настоящими пуговками, которыми его за немалую цѣну снабдилъ заѣзжій торговецъ бугисъ.

Браслеты дѣлаются различной ширины — отъ одного дюйма до 2 вершковъ. Иногда на руку надѣваются три, четыре браслета. На ногахъ аруанцы носятъ браслеты лишь въ видѣ исключенія. У нѣкоторыхъ жителей центральнаго Коброра я видѣлъ на ногахъ металлическія кольца и браслеты, сдѣланные изъ двухъ соединенныхъ вмѣстѣ кабаньихъ клыковъ.

На шеѣ аруанцы, въ особенности жители Blakang tahn'a, носятъ ожерелья изъ зубовъ кенгуру, акулъ или просто изъ красивыхъ раковинъ.

Женщины менѣе заботятся о своей наружности, чѣмъ мущины. Онѣ рѣдко бываютъ красивыми и хорошо сложенными — по большей части это маленькія, заморенныя созданія, неряшливыя, пугливыя, съ отвислыми грудями.

Дѣвушки, только очень молодыя, бываютъ стройны и женственны. Онѣ красиво и аккуратно причесываютъ свои пушистые волосы, (для чего у каждой всегда съ собою гребень) и очень часто вплетаютъ въ нихъ концы ожерелья, привязаннаго къ серьгамъ, какъ это уже описывалъ Уоллэсъ.

По другому описанному имъ способу ношенія ожерелья, (самъ я этого не видѣлъ), оно состоитъ изъ двухъ частей и проходитъ вокругъ груди отъ одного плеча подъ противоположную руку, такъ что обѣ нити ожерелья пересѣкаются на груди.

Ожерелье дѣлается изъ раковинокъ, зубовъ кенгуру, твердыхъ иглоподобныхъ перьевъ казуара и т. п.

Необходимымъ аттрибутомъ каждаго аруанца являются лукъ и стрѣлы. Трудно себѣ представить туземца безъ лука — съ нимъ онъ почти не разстается. Даже пріѣзжая въ Добо для обмѣна своихъ товаровъ на тамошнюю бакалею, аруанецъ разгуливаетъ по селенію съ лукомъ въ рукахъ.

Лукъ и стрѣлы составляютъ главное вооруженіе населенія Аруанскаго Архипелага. Луки аруанцевъ не отличаются отъ луковъ папуасовъ Новой Гвинеи и другихъ сопредѣльныхъ странъ. Они очень длинны — въ моей коллекціи луковъ, вывезенныхъ съ Ару, есть экземпляры, достигающіе

сажени въ длину и сдѣланные изъ крѣпкаго, упругаго дерева. Иногда луки дѣлаются изъ бамбука — бамбуковый стволъ раскалывается продольно по радіусамъ на нѣсколько пластинъ, шириною каждая въ вершокъ. Такая плоская бамбуковая пластина изгибается такимъ образомъ, что внутренняя ея поверхность, т. е. ограничивавшая внутреннюю полость бамбуковаго ствола—образуетъ внѣшнюю поверхность лука, тогда какъ его внутренняя поверхность, обращенная къ тетивѣ, образуется гладкой внѣшней стороной бамбука.

Часто луки дѣлаются изъ ствола арековой пальмы — эти луки, очень эластичные и упругіе, служатъ только для стрѣльбы птицъ. Они невелики и не настолько сильно бьютъ, чтобы употреблять ихъ для военныхъ цѣлей или для охоты по крупному звѣрю, напр. по оленю или кабану.

Для войны, наоборотъ, употребляются очень большіе луки, которые дѣлаются изъ особаго чрезвычайно крѣпкаго, упругаго дерева («mofuli»). Упругость этихъ луковъ настолько велика, что даже сильный человѣкъ, натягивая тетиву, употребляетъ значительное усиліе — я же, человѣкъ средней силы, не въ состояніи натянуть ее, держа, какъ это обыкновенно дѣлается при стрѣльбѣ изъ лука, — двумя пальцами. Мнѣ необходимо ухватиться за тетиву всей ладонью — только тогда лукъ подается.

Зато сила удара стрѣлы, пущенной изъ такого лука, — страшная. На разстояніи пятидесяти шаговъ стрѣла пробиваетъ насквозь дюймовую доску.

Чтобы не ослаблять лука, аруанецъ никогда не держитъ его натянутымъ — онъ сгибаетъ лукъ только тогда, когда ему нужно имъ пользоваться. Обыкновенно же тетива свободно болтается вдоль совершенно выпрямленной палки. Она укрѣплена на одномъ ея концѣ, другой же конецъ имѣетъ видъ кольца, передвигающагося свободно вдоль оси лука. Когда нужно употребить лукъ въ дѣло — его сгибаютъ настолько, что конецъ лука приходится на одномъ уровнѣ съ кольцеобразнымъ свободнымъ концомъ тетивы и тогда зацѣпляютъ послѣдній за особую зарубку на концѣ лука.

Когда минуетъ надобность, тетиву снова спускаютъ съ зарубки и лукъ выпрямляется. Такимъ образомъ лукъ имѣетъ обыкновенно видъ прямой палки.

Тетива дѣлается изъ коры ротанговой пальмы — очень эластичной и прочной. Иногда полоска ротанга расщепляется и скручивается въ видѣ веревки, иногда же тетива просто имѣетъ видъ узкой ленты.

Изъ лука стрѣляютъ очень длинными стрѣлами, разнообразіе которыхъ очень велико. Правда, разнообразны лишь наконечники — остальныя части стрѣлы мало варьируютъ.

Длина стрѣлъ колеблется въ предѣлахъ отъ $1^1/_2$ до 2 аршинъ.

Древко стрѣлы дѣлается почти всегда изъ легкаго тростника—тростникъ этотъ чрезвычайно удобенъ для такой цѣли. Онъ легокъ, проченъ и необыкновенно прямъ. Вырѣзавши тростниковую палочку, діаметромъ около $1^1/_2$ сант., туземецъ укрѣпляетъ на одномъ концѣ наконечникъ, на другомъ два пера.

Интересенъ способъ прикрѣпленія къ древку перьевъ. Осматривая богатую коллекцію стрѣлъ южноамериканскихъ индѣйцевъ, имѣющуюся въ Берлинскомъ «Volksmuseum», я былъ пораженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что аруанцы и бразильскіе индѣйцы, независимо другъ отъ друга, выработали одинъ и тотъ же способъ укрѣпленія перьевъ на стрѣлѣ.

Берется два пера (одинаково маховыя, или рулевыя). Каждое расщепляется вдоль по стержню, или просто у каждаго обрывается одна сторона.

Въ древкѣ стрѣлы, на разстояніи $2^1/_2$ — 3 дюймовъ отъ конца, просверливаются по бокамъ, другъ противъ друга двѣ дырочки.

Оси этихъ каналообразныхъ дырочекъ не перпендикулярны оси стрѣлы, а наклонены подъ угломъ впередъ — т. е. по направленію къ переднему концу, несущему наконечникъ. Въ каждую изъ этихъ дырочекъ вставляется утолщенный конецъ стержня приготовленнаго пера, а задній болѣе тонкій его конецъ остается свободнымъ. Затѣмъ, оба эти свободные конца плотно привязываютъ къ древку или ниткой или же волокнами пальмы и обмазываютъ смолой. Такимъ образомъ передніе концы перьевъ, будучи удержаны въ своемъ положеніи упругостью стержня, не позволяющей имъ выскочить изъ дырокъ, остаются прочно прикрѣпленными.

Тотъ же самый способъ прикрѣпленія перьевъ употребляется и индѣйцами Бразиліи.

Перья бываютъ различныхъ цвѣтовъ — но почти всегда не яркія — сѣрыя, пятнистыя, черныя (изъ хвостовъ черныхъ какаду) или темносинія (изъ крыльевъ попугая *Eclectus*). Поясокъ изъ нитокъ, которымъ укрѣплены свободные концы перьевъ на древкѣ, часто украшается ярко красными или изумрудно зелеными перышками попугаевъ, образующими бахромку кругомъ пояска, или кусочками тонкой, нѣжной коры какого то растенія, имѣющей глянцевитую поверхность ярко желтаго цвѣта.

Задній конецъ стрѣлы иногда разрисованъ: на гладкой, глянцевитой поверхности тростника вырѣзываются несложные рисунки, состоящіе изъ ряда колецъ, перекрещивающихся угловъ, крестиковъ и т. д.

Наконечники стрѣлъ чрезвычайно разнообразны. Ихъ дѣлаютъ главнымъ образомъ изъ дерева, затѣмъ изъ кости и, наконецъ, изъ металла. Металлическіе наконечники встрѣчаются чрезвычайно рѣдко — среди тысячъ стрѣлъ, которыя я видѣлъ на Ару, мнѣ попалась лишь одна съ желѣзнымъ наконечникомъ.

Для костяныхъ наконечниковъ употребляются главнымъ образомъ кости кабана и казуара. Наиболѣе часто такіе наконечники имѣютъ видъ плоскихъ ланцетовидныхъ пластинъ. Для приготовленія ихъ широкія кости раскалываются вдоль и края получающагося желоба стачиваются на камнѣ до тѣхъ поръ, пока кость не будетъ имѣть видъ болѣе или менѣе плоской пластинки.

Иногда такой пластинкѣ придаютъ зигзагообразный видъ — такіе костянные наконечники чрезвычайно напоминаютъ лезвія малайскихъ крисовъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что здѣсь сказалось вліяніе бугисовъ на художественные вкусы аруанцевъ.

Иногда для наконечниковъ стрѣлъ употребляются длинные, крѣпкіе и чрезвычайно острые шипы крупныхъ рыбъ — напр. нѣкоторыхъ акулъ. Стрѣлы съ такими наконечниками я видѣлъ на Blakang tahn'ѣ.

Но главнымъ образомъ въ качествѣ матеріала для наконечниковъ аруанцамъ служитъ дерево. Стрѣла съ деревяннымъ наконечникомъ наиболѣе распространенный типъ стрѣлъ на островахъ Ару.

Для наконечниковъ берутся самые твердые сорта древесины.

Особенно удобна и пригодна для этой цѣли древесина пинанга — арековой пальмы. Она крѣпка, какъ кость, и наконечникъ, сдѣланный изъ нея, не только не уступаетъ, но, пожалуй, даже превосходитъ костяной по нѣкоторымъ своимъ качествамъ.

Крѣпость такого наконечника настолько велика, что стрѣла, вооруженная имъ, вонзается глубоко въ дерево, пробиваетъ доску толщиною въ 2—3 сатиметра.

Рана отъ деревяннаго наконечника еще болѣзненнѣе, чѣмъ отъ костяного — такой наконечникъ, сломавшись въ тѣлѣ раненаго, оставляетъ въ органахъ и тканяхъ занозы, способствующія нагноенію и загрязненію раны.

Типы деревянныхъ наконечниковъ до крайности разнообразны, но во всѣхъ типахъ есть одна общая черта — присутствіе зазубринъ. Я не видѣлъ ни одного деревяннаго наконечника стрѣлы, у котораго не было бы зазубринъ. Зазубрины эти располагаются или по одной сторонѣ наконечника, или по двумъ сторонамъ, если наконечникъ плоскій (что чаще всего случается) или, наконецъ, если наконечникъ круглый въ поперечномъ сѣченіи, зазубрины дѣлаются въ видѣ колецъ, расположенныхъ рядами одинъ надъ другимъ по оси наконечника.

Зазубрины эти вырѣзываются изъ того же куска дерева, изъ котораго дѣлается наконечникъ—иначе говоря, онѣ не прикрѣпляются къ нему, какъ это бываетъ въ стрѣлахъ нѣкоторыхъ папуасскихъ племенъ на Новой Гвинеѣ, а составляютъ съ осью наконечника одно цѣлое.

Зазубрины имѣютъ видъ крючковъ, обращенныхъ своею выпуклою стороною къ острію стрѣлы, а вогнутою къ ея оперенному концу. Такой наконечникъ безъ препятствій входитъ въ тѣло при ударѣ, но зато вытащить его изъ раны невозможно. Крючья зацѣпляются за ткани, рвутъ ихъ и для того, чтобы они не мѣшали, приходится прибѣгнуть къ одному изъ двухъ средствъ — или увеличивать рану, или протаскивать древко стрѣлы насквозь.

Зазубрины очень велики по сравненію съ размѣрами самого наконечника. Ширина крючка почти равна ширинѣ осина конечника — такъ что, когда аруанецъ дѣлаетъ послѣдній, то онъ дѣлитъ приготовленную пинанговую пластинку продольно на три равныя части. Средняя—образуетъ ось наконечника, боковыя — зазубрины.

Впрочемъ, величина зазубринъ сильно варьируетъ — ближе къ острію онѣ меньше. Форма зазубринъ тоже самая разнообразная.

Пинанговый наконечникъ — самый распространенный типъ на Аруанскомъ архипелагѣ. Иногда, впрочемъ, пинангъ замѣняется бамбукомъ — бамбуковый цилиндръ раскалывается вдоль на двѣ части — концы желобковъ заостриваются и два наконечника готовы. На нихъ обыкновенно не дѣлается зазубринъ.

Бамбуковые наконечники значительно уступаютъ по своимъ качествамъ пинанговымъ и поэтому употребляются не часто.

Изъ чего бы наконечникъ не былъ сдѣланъ, онъ всегда представляетъ совершенно отдѣльную часть стрѣлы и лишь прикрѣпляется къ ней.

Способъ прикрѣпленія наконечника къ древку очень простъ. Конецъ его заостряется и втыкается въ полость тростниковой палки, составляющей древко. Для прочности поверхность тростника въ этомъ мѣстѣ очень аккуратно и плотно обматывается крѣпкими волокнами пальмы, или прочными нитками.

Стрѣлы носятся аруанцами прямо въ рукахъ — для ношенія ихъ туземцы не употребляютъ колчановъ.

Аруанцы никогда не отравляютъ наконечниковъ своихъ стрѣлъ; по крайней мѣрѣ я ни разу не слышалъ о какихъ бы то ни было ядахъ, употребляемыхъ для этой цѣли, хотя не упускалъ случая распрашивать о нихъ туземцевъ[1]).

---

1) Впрочемъ, на разсказы аруанцевъ полагаться нельзя и, быть можетъ, наконечники стрѣлъ пропитываются какими нибудь растительными веществами, вредно дѣйствующими на организмъ. Со мною былъ слѣдующій случай—упражняясь въ деревнѣ въ стрѣльбѣ изъ аруанскаго лука аруанскими же стрѣлами, я нечаянно всадилъ стрѣлу въ плечо своей сестрѣ. Стрѣла немедленно была извлечена и раненой оказана медицинская помощь — но дѣло принимало плохой оборотъ, можно было думать, что наконечникъ стрѣлы былъ не такъ безразличенъ, какъ это я думалъ раньше.

Я уже говорилъ, что лукъ и стрѣлы—неизмѣнные спутники аруанца. Это оружіе служитъ ему и на охотѣ и на войнѣ. На разстояніи пятидесяти-шестидесяти шаговъ во время сраженія аруанцы пробиваютъ стрѣлами своихъ противниковъ на вылетъ — такова сила удара и ловкость стрѣлка.

Впрочемъ, туземцы Ару не могутъ считаться хорошими стрѣлками изъ лука въ смыслѣ мѣткости—на охотѣ они безусловно безпомощны, если только разстояніе, отдѣляющее охотника отъ дичи, мало мальски порядочно, или если дичь двигается. Рѣдкому охотнику туземцу удается убить изъ лука оленя или кабана, а если удается, то лишь при охотѣ большими партіями.

Впрочемъ, я охотился съ однимъ корборцемъ, который стрѣлою почти безъ промаха билъ древесныхъ ящерицъ величиною въ 4—5 вершковъ, на разстояніи 15 — 20 аршинъ, но этотъ аруанецъ составлялъ положительно исключеніе. Большинству же стрѣлковъ, показывавшихъ мнѣ въ лѣсу свою ловкость, лишь послѣ долгихъ, безуспѣшныхъ стараній удавалось убить какаду или крупнаго лѣсного голубя.

Аруанцы не употребляютъ ни копій, ни дротиковъ, ни бумеранговъ; лукъ и стрѣлы — ихъ единственное нападательное оружіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ туземцы обзавелись огнестрѣльнымъ оружіемъ, полученнымъ въ обмѣнъ отъ малайскихъ купцовъ, но это уже является исключеніемъ. Ружье считается большою рѣдкостью на Ару, да и то только нѣкоторые счастливцы могутъ похвалиться тѣмъ, что пріобрѣтенное оружіе употребляется ими въ дѣло. Ружья, которыя я видѣлъ на Ару — годны скорѣе для археологическаго музея, чѣмъ для охоты или военныхъ дѣйствій — это почтенные образчики искусства французскихъ мастеровъ XVIII столѣтія.

Впрочемъ, въ иныхъ мѣстахъ туземцы отлично пользуются этими пищалями во время войны; такъ напр. въ центрѣ Коброра мѣстныя племена держали въ страхѣ своихъ сосѣдей. Они почти всѣ вооружены кремневыми ружьями.

На Blakang tahn'ѣ совсѣмъ нѣтъ огнестрѣльнаго оружія — до этихъ дебрей оно еще не дошло.

Аруанцамъ вовсе не извѣстно холодное оружіе. Лишь въ домашнемъ обиходѣ ими употребляются «клéваны» — подобія косарей, или большихъ массивныхъ ножей, которые съ успѣхомъ замѣняютъ роль топоровъ.

Нѣкоторые изъ туземцевъ, живущихъ внутри Коброра, въ качествѣ оборонительнаго оружія употребляютъ на войнѣ особые щиты, «djabi», какъ ихъ называютъ на Ару.

Эти щиты, продолговатой, четырехугольной формы, плетутся изъ прутьевъ или изъ ротанга и различнымъ образомъ украшаются.

Посреди щита продѣлывается довольно большое отверстіе, сквозь которое при ношеніи щита и стрѣльбѣ изъ лука продѣвается рука.

Надъ этимъ отверстіемъ устроенъ небольшой навѣсъ.

При стрѣльбѣ изъ лука стрѣла пускается черезъ это отверстіе въ щитѣ, такъ что во время сраженія туземецъ весь прикрытъ имъ.

Аруанцы очень добродушный, симпатичный народъ; это не то, что новогвинейскіе папуасы—дикіе, кровожадные, свирѣпые, готовые каждую минуту напасть на путешественника.

Но при всемъ своемъ добродушіи, аруанцы чрезвычайно воинственны.

Я уже имѣлъ случай говорить о постоянныхъ войнахъ, которыя ведутся на различныхъ островахъ Архипелага, между разными враждующими племенами.

Въ особенности сильно развиты воинственныя наклонности у туземцевъ Blakang tahn'ы.

Здѣсь слово война не сходитъ съ языка. Всюду говорятъ о войнѣ. Всегда гдѣ нибудь, между какими нибудь островами идетъ распря, оканчивающаяся вооруженнымъ столкновеніемъ. Впрочемъ, какъ я уже имѣлъ случай говорить, большого ущерба воюющимъ сторонамъ эти схватки не приносятъ—число убитыхъ рѣдко превышаетъ единицы и никогда не переходитъ за границы десятковъ.

Я уже имѣлъ случай коснуться религіозныхъ вѣрованій аруанцевъ, о тѣхъ успѣхахъ, или, вѣрнѣе неуспѣхахъ, которыми пользуются здѣсь магометанская и христіанская проповѣдь. Мнѣ остается еще сказать о тѣхъ церемоніяхъ и обрядахъ, которые обыкновенно связываются съ религіозными вѣрованіями, а именно объ обрядахъ погребенія.

Обряды эти чрезвычайно различны у разныхъ племенъ, населяющихъ острова Аруанскаго архипелага.

Оригиналенъ обрядъ погребенія у жителей Blakang tahn'ы. По покойникѣ близкіе справляютъ особые поминки. На этихъ поминкахъ каждый присутствующій подходитъ къ трупу, отщипываетъ отъ него ногтемъ маленькій кусочекъ и съѣдаетъ. Я былъ свидѣтелемъ этого оригинальнаго зрѣлища на одномъ островѣ, расположенномъ неподалеку отъ о. Meriri и въ началѣ не понималъ въ чемъ дѣло, пока мой малаецъ не объяснилъ мнѣ все подробно. Нужно добавить, что эти своеобразныя поминки совершаются не сразу послѣ смерти, а спустя три, четыре дня, когда уже трупъ успѣлъ въ значительной степени разложиться.

Въ другихъ мѣстностяхъ Ару, напр. около Ванумбай, покойника кладутъ въ выдолбленное дерево и зарываютъ въ землю — столь оригинальныхъ поминокъ, какъ въ Blakang tahn'ѣ, повидимому, нигдѣ въ другихъ частяхъ Аруанскаго архипелага не существуетъ.

Жители Blakang tahn'ы не имѣютъ обыкновенія закапывать своихъ покойниковъ въ землю, а кладутъ ихъ въ гроба, которые оставляютъ на воздухѣ. Гроба эти, представляющіе собою выдолбленные стволы деревьевъ, выставляются на особыхъ подпоркахъ, имѣющихъ видъ козелъ или рогатокъ, у самой воды моря. Здѣсь они стоятъ мѣсяцы и годы. Сперва отъ трупа распространяется сильное зловоніе, но климатическія условія дѣлаютъ свое дѣло — солнце, вѣтеръ, все это быстро превращаетъ трупъ въ сухую мумію. Иное дѣло въ дождливый сезонъ — сырость способствуетъ гніенію — воздухъ заражается, вѣроятно, ужасно.

Иногда гроба стоятъ на своихъ подпоркахъ очень долгое время. Чаще же во время сильныхъ вѣтровъ они падаютъ на землю, подхватываются волнами расходившагося моря и носятся по нему. Мнѣ не разъ приходилось находить человѣческіе черепа, прибитые волнами къ берегу.

Обычай оставлять тѣла умершихъ въ гробахъ на открытомъ воздухѣ— очень распространенъ у жителей восточныхъ острововъ Малайскаго Архипелага. Я самъ видѣлъ на островахъ Тенимберъ на берегу моря, въ лѣсу на подпоркахъ деревянные челноки, въ которыхъ тоже лежали еще не сгнившіе трупы.

Я никогда не упускалъ случая знакомиться съ мелочами жизни туземцевъ — приглядывался къ ихъ быту, разспрашивалъ о деталяхъ ихъ обыденной жизни.

Удивительно несложна эта жизнь.

Начиная съ самаго ранняго дѣтства аруанецъ все свое время проводитъ въ лѣсу или на берегу моря. Ребенокъ рано дѣлается самостоятельнымъ — съ пяти, шести лѣтъ мальчикъ уже бродитъ по чащѣ, стрѣляя изъ маленькаго лука саговыми стрѣлами ящерицъ, птицъ, или бродитъ по морскому дну собирая во время отлива ракушекъ, ловя рыбокъ, раковъ. Уже въ эти годы онъ знаетъ, что самъ долженъ заботиться о насущномъ хлѣбѣ. Его отецъ, если и убьетъ какую-нибудь дичину, сперва поѣстъ самъ и только если останется лишній кусокъ, принесетъ его семьѣ.

Девяти, даже восьмилѣтняго мальчика помолвливаютъ съ еще совсѣмъ маленькой дѣвочкой—иногда даже заключается между ними бракъ и крошечные супруги до достиженія половой зрѣлости живутъ невинными дѣтьми, бѣгая голышами по лѣсу, или валяясь въ пыли около домовъ своихъ родителей.

Я не видалъ и не слыхалъ о свадебныхъ обрядахъ, знаю только, что женихъ даетъ родителямъ невѣсты довольно большое приданое, иными словами покупаетъ себѣ жену. Денегъ аруанцы не признаютъ — въ качествѣ крупной денежной единицы у нихъ ходятъ мѣдные гонги («дава-дава»). Числомъ гонговъ опредѣляется зажиточность дома. Въ приданое дается обыкновенно 15 — 40 гонговъ, а иногда и больше, гонговъ 70, даже 100.

Цѣна одного такого гонга по словамъ людей компетентныхъ (китайскихъ купцовъ въ Добо) достигаетъ гульденовъ 6 — 40. Меня всегда удивляла несообразность этой денежной единицы. Гонги очень цѣнятся аруанцами— одинъ ванумбаецъ съ гордостью показывалъ мнѣ свои десять гонговъ, спрятанныхъ въ домѣ. Крупныя состоянія опредѣляются слоновыми клыками («siakan»), доставляемыми малайскими торговцами съ запада.

По наступленіи половой зрѣлости, супруги вступаютъ въ настоящія брачныя отношенія. Насколько я могу судить на основаніи детальныхъ разспросовъ, нарушенія супружеской вѣрности чрезвычайно рѣдки среди аруанскихъ супруговъ.

Измѣна женъ въ особенности строго преслѣдуется — въ иныхъ мѣстахъ такихъ женщинъ по словамъ одного туземца, «сильно бьютъ», въ другихъ дѣло устраивается вполнѣ корректно — обманутый мужъ возвращаетъ провинившуюся жену родителямъ, а тѣ отдаютъ обратно всѣ гонги, которые получили при заключеніи брака въ качествѣ выкупа за свою дочь. Эта мѣра заставляетъ женъ быть чрезвычайно осмотрительными—дѣло въ томъ, что если родители ея уже успѣли спустить свои гонги, и не въ состояніи уплатить стоимость приданаго, всѣ члены семьи жены дѣлаются рабами семьи мужа.

По разсказамъ туземцевъ въ Blakang tahn'ѣ мущина можетъ имѣть 2, даже 3 жены.

Привожу здѣсь для примѣра женскія и мужскія имена, которыя въ ходу у туземцевъ различныхъ мѣстностей Ару.

Женскія:

Lelêha, Hadiat, Muklei, Tánga, Bónsu, Sadía, Djélun, Kamirúkin, Nusári, Mánkai.

Мужскія:

Peleu, Baku, Sintai, Mudit'n, Fitei, Basu, Bindu, Netanika, Lafau.

Глава XX.

Отъѣздъ изъ Добо. Острова Тенимберъ. Заключеніе.

Обратную дорогу изъ Blakang tahna въ Wanumbai и дальше въ Добо я совершилъ въ лодкѣ[1]).

1) За доставку на парусной прау изъ Blakang Tahna въ Добо я заплатилъ 20 гульденовъ.

Путешествіе это благодаря попутному, свѣжему вѣтру мы сдѣлали всего въ двое сутокъ — правда мы шли день и ночь, останавливаясь только для обѣда.

Не буду останавливаться на этомъ переходѣ — онъ не далъ мнѣ ничего новаго — интересовавшія меня мѣста, а именно западную половину Ванумбайскаго пролива мы проходили ночью, и я не могъ составить себѣ понятіе объ характерѣ этой части Tahna besaar.

Я очень спѣшилъ — мнѣ было необходимо попасть въ Добо къ 1 октября.

Въ началѣ этого мѣсяца туда долженъ былъ зайти пароходъ Paketvaart'a — въ этомъ меня увѣряли и Baâdilla и Posthouder. Приведя въ извѣстность мои финансы я увидалъ, что мнѣ необходимо воспользоваться случаемъ покинуть Ару и возвращаться на Яву. До прибытія судна оставалось еще около трехъ, четырехъ дней — я употребилъ это время, чтобы упаковать разнообразнѣйшія коллекціи, собранныя во время пребыванія на Аруанскомъ архипелагѣ. За время моего странствованія по Коброру часть энтомологической коллекціи погибла — коробки оказались не достаточно плотными и муравьи уничтожили не мало хорошихъ насѣкомыхъ — Въ особенности пострадали Orthoptera и Hymenoptera, обладающія мягкими покровами. Часть энтомологическихъ коллекцій передъ окончательной упаковкой оказалось необходимымъ просушить на сильномъ солнцѣ.

Спиртовыя коллекціи и коллекціи птицъ также заняли не мало времени, пока не были приведены въ надлежащій видъ. Въ особенности много возни было за коллекціей оружія аруанцевъ — упаковать компактно цѣлые вороха саженныхъ стрѣлъ и огромныхъ луковъ представляло не легкую задачу.

Цѣлые дни улица передъ моимъ домомъ была завалена ящиками, корзинами, тюками разныхъ калибровъ — стучали молотки и топоры.

Цѣлые дни передъ дверьми толпилась компанія бугисовъ, узнавшихъ о моемъ отъѣздѣ.

Мой слуга, остававшійся сторожить домъ, разсказалъ мнѣ много интереснаго, хотя и далеко не новаго для меня. Поживя въ Добо, ничему не станешь удивляться. Оказывается, послѣ моего отъѣзда изъ Добо въ мѣстечкѣ началась просто анархія. Повальное воровство, грабежи, даже убійства, пожары не прекращались. Posthouder приходилъ въ отчаяніе и ожидалъ судна, чтобы сообщить въ Амбоину о происходившемъ съ просьбою о присылкѣ солдатъ.

Онъ опирался теперь лишь на партію рабочихъ Bâadill'ы — людей дисциплинированныхъ и мирныхъ. Бугисское населеніе въ компаніи съ салейерцами и бутонцами въ полномъ смыслѣ слова безчинствовали.

Въ первую же ночь по возвращеніи въ Добо меня разбудила толпа, съ шумомъ бѣжавшая мимо дверей моего дома. На улицѣ было совершенно свѣтло. Я выбѣжалъ. Оказывается была сдѣлана попытка сжечь домъ Posthouder'a. Два сосѣднихъ дома—склады товаровъ, пылали какъ факелы. Толпа бугисовъ расхватывала товары съ явною цѣлью въ суматохѣ поживиться. Но Posthouder былъ человѣкъ бывалый — черезъ двадцать минутъ оба дома были оцѣплены малайцами Baâdill'ы, вооруженными ружьями. Подъ угрозой стрѣльбы бугисы складывали вынесенныя вещи на освѣщенную пламенемъ площадку. Домъ Posthouder'a отстояли.

Это событіе положило начало новой эры въ жизни Добо. На слѣдующее утро по улицамъ мѣстечка ходилъ глашатай, ударявшій въ гонгъ и провозглашавшій, что Posthouder принимаетъ слѣдующія мѣры для водворенія порядка: «ежедневно въ семь часовъ вечера будетъ передъ домомъ Posthouder'a произведенъ выстрѣлъ. Каждый обитатель Добо, вышедшій на улицу послѣ выстрѣла безъ фонаря, будетъ арестованъ спеціальной, вновь учреждаемой стражей. Бросившійся бѣжать отъ стражи будетъ застрѣленъ».

Ради своей безопасности мнѣ пришлось ходить со своимъ фотографическимъ фонаремъ, имѣющимъ кромѣ краснаго, еще желтое стекло.

Пароходъ не приходилъ — наконецъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что благодаря бури онъ не могъ подойти къ Ваммеру и ушелъ отъ Ару къ Кэй. Мнѣ приходилось еще на мѣсяцъ остаться на Ару. Это время я рѣшилъ поработать на берегахъ Трангана—но моимъ надеждамъ не суждено было осуществиться.

Во вторую же ночь послѣ объявленія Добо «на военномъ положеніи» я проснулся отъ какого то шума въ домѣ. Лампа, всегда горѣвшая въ немъ ночью, оказалась потушенной. Наскоро выскочивъ въ заднюю комнату, выходившую къ морю, я натолкнулся на двухъ людей, моментально исчезнувшихъ подъ поломъ.

Я успѣлъ лишь дать по ихъ силуэтамъ два выстрѣла изъ револьвера.

Оказалось, грабители успѣли вытащить изъ комнаты самую важную часть моего имущества — ружье. Подъ домъ былъ сдѣланъ подкопъ въ видѣ огромной норы, черезъ которую грабители влѣзли въ домъ съ улицы. Очевидно, одинъ изъ нихъ, раненый моимъ выстрѣломъ, бросилъ схваченный имъ ящикъ съ парадизками. Я нашелъ его неподалеку отъ дома весь окровавленный.

Потеря ружья была для меня невознаградимой утратой. Событіе это меня ужасно удручало. Впрочемъ, я еще отдѣлался счастливо. Не могло быть сомнѣнія въ томъ, что, проснись я раньше, грабитель, схватившій ружье, не задумался бы разрядить его въ меня — въ лучшемъ случаѣ я могъ надѣяться на ударъ крисомъ.

Оставаться въ Добо сдѣлалось положительно неинтереснымъ и я рѣшилъ воспользоваться первымъ случаемъ уѣхать на Амбоину, или вообще куда нибудь въ мѣста культурныя, откуда было бы легко добраться до Явы и дальше до Сингапура, гдѣ я долженъ былъ сѣсть на одинъ изъ пароходовъ Добровольнаго Флота, направляющійся въ Одессу.

Скоро мнѣ представился случай покинуть Добо. Малайская шкуна шла на Банду съ грузомъ перламутровыхъ раковинъ и черепахи. Она должна была сдѣлать довольно длинное путешествіе — зайти на о-ва Тенимберъ за грузомъ цѣннаго дерева и оттуда на югозападный берегъ Новой Гвинеи за трепангами и парадизками. Я нѣсколько скептически смотрѣлъ на это небольшое суденышко, въ которомъ едва помѣстилась компанія въ 10 человѣкъ экипажа шкуны. Одинъ изъ капитановъ Баадиллы, осмотрѣвшій шкуну и хорошо знавшій ея владѣльца, островитянина Кэй, увѣрилъ меня, что это судно вполнѣ надежно, а на экипажъ можно положиться. Впрочемъ, мнѣ не оставалось другого выбора. Мы быстро столковались съ капитаномъ шкуны. За пятьдесятъ гульденовъ онъ соглашался взять меня пассажиромъ и доставить на Банду черезъ 3 недѣли. Все это время мнѣ обязаны были давать на обѣдъ рисъ и саго.

Я быстро собрался въ дорогу. Баадилла предложилъ мнѣ на время путешествія свой одноствольный дробовикъ. Я съ признательностью принялъ его болѣе чѣмъ любезное предложеніе.

9 октября утромъ наша шкуна отплыла изъ Добо и взяла курсъ на югозападъ. Экипажъ шкуны состоялъ изъ десяти человѣкъ малайцевъ. Большинство изъ нихъ были островитяне Кэй, затѣмъ гиссерцы и двое жителей филиппинскихъ острововъ — послѣдніе исполняли на промыслахъ роль водолазовъ. Мнѣ отвели на баркѣ сносное помѣщеніе въ трюмѣ подъ наглухо закрытой палубой, правда полутемное, но вполнѣ защищенное отъ дождя и солнца, снабженное достаточнымъ количествомъ циновокъ для постели.

Сверху барка была плотно наглухо забита досками, образующими родъ палубы, соединяющейся съ нижнимъ помѣщеніемъ люкомъ, который во время сильнаго волненія наглухо заколачивается крышкой.

Скоро я вполнѣ освоился съ судномъ. Это была небольшая сравнительно парусная барка, хорошо оснащенная и уже бывавшая въ разныхъ передѣлкахъ съ моремъ. На этомъ суденышкѣ «капитанъ» дѣлалъ неоднократно переходы отъ Суматры до береговъ Австраліи и былъ опытнымъ морякомъ.

Цѣлый день 10 октября насъ сильно трепало. Барка раскачивалась на всѣ стороны, по временамъ энергично поскрипывала, но это ничуть не вліяло на настроеніе духа экипажа. Всѣ были на своихъ мѣстахъ, всѣ были без-

печно настроены, веселы и мало обращали вниманія на свѣжую погоду. Шкуна неслась буквально стрѣлой, вздымая впереди себя цѣлый столбъ воды и пѣны.

Капитанъ много разсказывалъ мнѣ о Тенимберѣ и о его населеніи.

По его разсказамъ Тенимберъ населенъ варварскими племенами, отличающимися свирѣпостью, коварствомъ и необыкновенною назойливостью. Со всѣмъ тѣмъ это народъ чрезвычайно воинственный, смѣлый. Между отдѣльными племенами кипятъ постоянныя войны. Острова покрыты лѣсами. Нѣкоторые изъ нихъ очень гористы и въ большинствѣ случаевъ до сихъ поръ были недоступны для европейцевъ. На одномъ изъ острововъ, Ларатѣ, живетъ представитель голландской администраціи Posthouder, малаецъ по происхожденію, которому частенько приходится переживать чисто осадное положеніе живя среди населенія, готоваго ежеминутно напасть врасплохъ. Я вспомнилъ къ случаю разсказъ Erntsen'a, бывшаго до назначенія Ару Posthouder'омъ въ Larat'ѣ. На него было произведено нападеніе и онъ только случайно спасся, потерявъ все имущество. Теперь Larat нѣсколько разъ въ годъ посѣщается судами Paketvaart'a, но до сихъ поръ жители даже этой деревни остаются столь дикими, что не цѣнятъ денегъ и ведутъ исключительно мѣновую торговлю.

Рано утромъ 12-го октября мы уже были у зап. береговъ о. Ямздена. Барка стала въ природной бухтѣ почти у самаго берега. Передъ нами на склонѣ крутыхъ береговыхъ горъ, покрытыхъ богатѣйшею растительностью, лежала небольшая деревушка. Мы съѣхали на берегъ на челнокѣ и тотчасъ же были окружены большою толпою туземцевъ.

Это очень оригинальный народъ. По цвѣту кожи они скорѣе напоминаютъ малайцевъ, чѣмъ папуасовъ и аруанцевъ. Большинство тенимберцевъ хорошаго роста, съ коричневаго цвѣта кожей, очень красивые, прямо съ интеллигентными лицами. Меня поразилъ цвѣтъ волосъ у мущинъ. Мущины почти всѣ безъ исключенія носятъ превосходные волнистые волосы, возвышающіеся копнами на головѣ. Цвѣтъ волосъ свѣтло русый съ красивой золотистостью. Мнѣ объяснили, что тенимберцы очень занимаются своею наружностью и, чтобы нравиться прекрасному полу, принимаютъ спеціальныя мѣры для превращенія своихъ, обычно темныхъ волосъ въ золотистые. Для этого практикуется слѣдующій пріемъ. Волосы вымазываются мокрой золой, полученной отъ сгоранія копры (скорлупы кокосоваго орѣха). Туземецъ съ густо вымазанной въ золѣ головой ходитъ на яркомъ солнцѣ мѣсяцами, нѣсколько разъ соскабливая старую золу, превращающуюся въ твердую кору, и намазывая волосы новой. Въ результатѣ волосы принимаютъ прекрасный золотистый цвѣтъ. Нѣсколько изъ окружавшихъ насъ молодыхъ туземцевъ были вымазаны этою золою и я могъ про-

слѣдить всѣ фазы цвѣта волосъ отъ темныхъ—у мальчиковъ до желтыхъ—у взрослыхъ.

Вообще, кокетство, повидимому, въ крови у тенимберцевъ. Они ужасно ухаживаютъ за своею наружностью. Молодые туземцы ежеминутно расчесываютъ свои волнистые волосы особыми большими, деревянными, высокими гребнями. Эти гребни, сдѣланные изъ куска бамбука и иногда украшенные перламутромъ, втыкаются въ голову и носятся въ видѣ украшенія съ одной стороны и для поддержанія прически съ другой.

На ногахъ и рукахъ надѣто невѣроятное количество серебряныхъ и костяныхъ колецъ — число ихъ доходитъ до 30 — 40 на каждой рукѣ и ногѣ. У нѣкоторыхъ мущинъ ноги увѣшаны браслетами отъ ступни до колѣна.

Въ ушахъ висятъ огромныя серьги, настолько тяжелыя, что растягиваютъ ухо до уровня подбородка. Ни мущины, ни женщины не носятъ никакой одежды, кромѣ узкаго пояса вокругъ бедеръ. Но и въ выборѣ ткани для этого примитивнаго одѣянія мущины очень разборчивы и слѣдуютъ установившейся модѣ. Мой капитанъ былъ въ отчаяніи — въ качествѣ денежной единицы онъ привезъ съ собою запасъ бумажныхъ платковъ и что же? лишь половину изъ нихъ принимали — остальной товаръ оказался «не моднымъ» и на него не обращали ни малѣйшаго вниманія. «Зачѣмъ здѣсь синія полоски»... говорили всѣ въ одинъ голосъ въ отвѣтъ на предложеніе принять въ уплату бѣлый платокъ съ узенькими полосками по краямъ.

Съ большимъ восторгомъ толпа встрѣтила ящикъ съ райскими птицами.

Мѣстные щеголи на перерывъ старались пріобрѣсти себѣ красивые султаны, не скупясь. Счастливые обладатели этимъ украшеніемъ тутъ же придѣлывали перья себѣ къ волосамъ.

Меня очень поразило это противорѣчіе — съ одной стороны крайнее варварство и дикость нравовъ, доходящая до свирѣпости и съ другой — щегольство и болѣзненная франтоватость. Вотъ уже поистинѣ оказывается что можно быть чуть не людоѣдомъ и «думать о красѣ ногтей».

Тенимберцы большіе любители оружія. Вооруженіе ихъ носитъ тотъ же характеръ, щеголеватости который бросается въ глаза въ костюмѣ и во всѣмъ остальномъ.

Туземцы Тенимбера вооружены огромными луками (очень похожими на тѣ саженные луки, которые я уже описывалъ у туземцевъ Ару) и копьями. Копья бросаются въ глаза своимъ изяществомъ и хорошей работой. Ихъ длинныя древки, сдѣланныя изъ цѣннаго дерева, прекрасно отполированы. Большіе металлическіе наконечники ярко вычищены и блестятъ; они содержатся въ превосходномъ видѣ, нигдѣ ни слѣда ржавчины, металлъ обильно смазанъ масломъ.

У двухъ, трехъ человѣкъ я видѣлъ ружья — огромныя неуклюжія кремневки — мушкеты XVII столѣтія, съ марками французскихъ мастеровъ. Ружья содержатся въ паразительномъ порядкѣ — видно сразу, что тенимберцы большіе цѣнители оружія.

Да, впрочемъ, это и понятно — вся жизнь туземца сплошная война. Не дальше какъ за нѣсколько часовъ до нашего прибытія въ селеніе, туда возвратилась прямо съ поля сраженія толпа туземцевъ Здѣсь въ полномъ разгарѣ были непріязненныя дѣйствія съ сосѣднимъ селеніемъ.

Все населеніе нашей деревни было очень возбуждено — сосѣдями изъ засады было убито трое мальчиковъ, въ свою очередь также изъ засады стрѣлявшихъ изъ луковъ въ толпу непріятелей.

На слѣдующій день трупы должны были быть погребенными. Мнѣ разсказали, что трупы кладутъ въ выдолбленные стволы деревьевъ, обертываютъ древесными волокнами и листьями и выставляютъ въ лѣсу или около берега моря. Одинъ изъ туземцевъ водилъ меня осматривать эти подобія кладбищъ. Они произвели на меня еще худшее впечатлѣніе, чѣмъ въ Blakang tahn'ѣ на о-вахъ Ару. Полусгнившіе трупы издавали ужасное зловоніе — нѣкоторые гробы упали на землю, и свиньи хозяйничали около, пожирая ихъ содержимое. Нѣсколько череповъ валялось на прибрежныхъ камняхъ и меня очень соблазняла перспектива овладѣть ими для Антропологическаго Музея, но я отложилъ выполненіе своего намѣренія до послѣдней минуты пребыванія на островѣ, а потомъ ночью уже не рискнулъ пойти далеко отъ шкуны.

Пока я бродилъ по селенію, на шкуну возили огромныя связки кусковъ дерева — это было т. наз. «kaju kuning», желтое дерево, изъ котораго на Явѣ добывается желтая краска, идущая для на окраски тканей. Растеніе это ростетъ на Тенимберѣ въ большомъ количествѣ въ видѣ приземистыхъ корявыхъ деревьевъ — его рубятъ на куски, очищаютъ отъ коры, и въ такомъ видѣ «kaju kuning» нагружается на суда.

Кромѣ «kaju kuning» наша шкуна нагрузилась большимъ количествомъ чернаго дерева, очень распространеннаго на этихъ островахъ. За весь этотъ грузъ нашъ капитанъ расплачивался бакалейными товарами, разложенными на прибрежномъ пескѣ. На баркѣ были приняты всѣ мѣры предосторожности—несмотря на видимое радушіе туземцевъ опытный капитанъ не довѣрялъ имъ и былъ готовъ ко всякимъ случайностямъ. Мнѣ онъ совѣтовалъ не отходить далеко отъ селенія, даже вооруженному.

Я бродилъ между домовъ, построенныхъ, какъ и всюду, на сваяхъ, любовался красивыми перспективами окрестныхъ горъ, сверху до низу покрытыхъ лѣсами, изъ глубинъ которыхъ доносились характерные крики попугаевъ и какаду. На берегу моря было мало интереснаго — отъѣхать же

подальше отъ берега было невозможно — было вѣтрено и по водѣ ходила сильная зыбь.

Вечеромъ, почти ночью этого же дня мы отплыли отъ берега и стали лавировать между многочисленными островами, лежащими вдоль береговой полосы о. Ямздены. Рано утромъ на слѣдующій день проснувшись я увидѣлъ, что мы уже были въ открытомъ морѣ и попутнымъ вѣтромъ шли на всѣхъ парусахъ на востокъ, направляясь къ таинственнымъ берегамъ Новой Гвинеи...

Заключеніе.

На этомъ я заканчиваю свои очерки путешествія на Малайскій Архипелагъ.

Дальнѣйшее путешествіе на западный берегъ Новой Гвинеи и двухнедѣльное тамъ пребываніе, вѣроятно, послужатъ темой для особой статьи.

Замѣчу здѣсь, что условія работы на Новой Гвинеѣ, именно на ея голландскомъ побережьѣ, столь неблагопріятны, что научныя изслѣдованія оказались тамъ невозможными. Это страна для авантюръ, но отнюдь не для спокойныхъ занятій мирнаго натуралиста.

Разумѣется, хорошо обставленная экспедиція, съумѣетъ безъ труда создать себѣ эти благопріятныя условія, но одинъ человѣкъ, заброшенный въ эту дикую, негостепріимную страну, временами чувствуетъ себя здѣсь невыносимо плохо.

Заканчивая свои очерки, я еще разъ прошу читателя смотрѣть на нихъ только какъ на желаніе помочь своимъ совѣтомъ тѣмъ натуралистамъ, которые соберутся ѣхать въ эти обѣтованныя страны.

Недавно я былъ несказанно обрадованъ, узнавъ, что первые два выпуска этой статьи уже оказали пользу работавшимъ послѣднее время въ Инсулиндѣ (на Суматрѣ и Явѣ) тремъ натуралистамъ — П. П. Иванову, бар. Э. Э. Брюггену и О. К. Іону.

Научный матеріалъ, собранный за эту поѣздку, отчасти уже обработанъ и результаты опубликованы въ различныхъ русскихъ и иностранныхъ изданіяхъ[1]). Большая же часть матеріала еще обрабатывается мною.

---

1) 1. C. Dawydoff. Les resultats du voyage scientifique au Java et les autres îles de l'Archipel Malais. Sur les organes excréteurs et la phagocytose éliminatrice chez le Thelyphonus de Java. Bulletin de l'Académie Imp. des Sciences de St. Pétersbourg 1903. T. XVIII. № 5.

Часть матеріала роздана спеціалистамъ для обработки.

Собранныя коллекціи отчасти отданы въ Зоологическій Музей Академіи Наукъ, отчасти распредѣлены между музеями и кабинетами Университетовъ и другихъ Высшихъ Учебныхъ Заведеній. Часть коллекцій остается у меня.

Въ заключеніе приношу еще разъ свою благодарность Академіи Наукъ и В. В. Заленскому за оказанную возможность поработать въ тропикахъ.

Отъ всей души благодарю я также Комитетъ Добровольнаго Флота и въ частности М. Ю. Погенполя за то содѣйствіе, которое они мнѣ оказали въ этой поѣздкѣ и благодаря которому могли осуществиться и нѣкоторыя другія экскурсіи.

2. C. Dawydoff. Hydroctena salenskii. Etude anatomique sur un Coelentéré pélagique. Mém. Acad. Imp. Sciences. T. XIX. Sér. VIII. 1905.

3. C. Dawydoff. Note sur un Coelenteré pélagique provenant des Moluques. Zool. Anzeiger Bd. XXVII. 1904.

4. К. Н. Давыдовъ. Къ морфологіи архіаннелидъ. Біологическія наблюденія надъ эпитокной формой Polygordius. Изв. Имп. Акад. Наукъ. Т. XXI.

5. C. Dawydoff. Die phagocytären Organe der Insecten und deren morphologische Bedeutung. Biologisch. Centralblatt. Bd. XXIV. 1904. (Тоже по русски, въ Трудахъ И. СПБ. Общества Естествоиспытателей).

6. C. Dawydoff. L'appareil phagocytaire d'un Locustide de Java (Cleandrus graniger Serv.) Zoologish. Anzeiger Bd. XXVII. 1904.

7. C. Dawydoff. Note sur les organes phagocytaires des quelques Gryllons tropicales Zoologisch. Anzeiger. Bd. XXVII. 1904.

8. C. Dawydoff. Sur la question du mésoderme chez les Coelenterés. Zoologisch. Anzeiger Bd. XXXI. 1907.

9. C. Dawydoff. Sur la morphologie des formations cardiopéricardiques des Enteropneustes. Zool. Anz. Bd. XXXI. 1907.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Февраль 1908 года. Непремѣнный секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Stanford University Libraries
3 6105 002 285 281

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004

GAYLORD